

Давыдова Инесса

Серия «Без суда и следствия»

Часть вторая

Застывший шедевр

Пролог

12 июня 2012г.

Эстония, г.Тарту

Не часто ему выпадала возможность побывать на исторической родине. В сущности, кроме того, что он родился в Эстонии и прожил в городе Тарту первые восемь лет, о своем прошлом он ничего не знал. Человек, спасший его из пятилетнего заточения, обладал скудной информацией. Вместе они пытались по крупицам разузнать о его семье, но каждый раз натыкались на непреодолимую стену, словно кто-то хотел, чтобы он так и остался недочеловеком. О таких Гомер говорил: «Без рода, без племени, вне закона, без очага». Поэтому логичен был вопрос: а мог ли он бывать здесь раньше? В той другой жизни, где наверняка у него были родители, а возможно даже братья и сестры.

Таких людей как он в Америке называют Vigilante, что в переводе означает человек, пытающийся без суда и следствия совершить правосудие. На дело, которому он собирался посвятить всю свою жизнь, его вдохновил американский фильм «Ночной мститель». Он был не в восторге от сценария – уж он-то смог бы раскрыть идеологию судьи-карателя с точностью фармацевта, – но идея отмщения намертво засела у него в голове. После обретения свободы он с упоением читал о суде Линча и восхищался решительностью и фанатизмом, с которым он был предан своему делу, отсюда и появился его псевдоним – Линчеватель. Под этим именем его знали все мировые СМИ. Свое настоящее имя он вспоминал изредка, с большой неохотой и душевной болью. Эта боль нескончаема, невыносима и притуплялась только в моменты слежки и погони. Именно поэтому он не может остановиться – внутри еще слишком много боли.

Он взглянул на часы. Через десять минут в университетском актовом зале должна начаться лекция, ради которой он пролетел полторы тысячи километров. Быстрым широким шагом он пересек площадь, поднялся по каменным ступеням и преодолел просторный вестибюль. В глаза бросилась вереница цветных фотопортретов лучших преподавателей университета, а в особенности одно лицо. Линчеватель мог поклясться, что видел его раньше, только не помнил где и когда. Выдающийся волевой подбородок, прямой немного зауженный к низу нос, синие,

словно бескрайнее море глаза. Подойдя ближе, он прочитал подпись «Ёхан Тонц», ниже дата рождения и смерти. Из глубин памяти, словно разряд молнии внезапно всплыл размытый образ мужчины в синем пуловере, он улыбался и протягивал руку. Шокирующее видение на минуту выбило из рабочего настроения. Годами он безуспешно пытался вспомнить хоть что-нибудь из детства, но, увы... Иногда, правда, в сновидениях он видел мать, ее образ спасал и утешал в самые трудные моменты испытаний, выпавших на его долю. Но годы не щадили его память, с годами воспоминания скудели, сейчас ему уже трудно было представить ее лицо, лишь общие ощущения нежности, теплоты и бесконечной доброты. С большим трудом ему удалось отогнать отрывистые воспоминания, он сделал несколько фотографий на мобильный телефон и поспешил дальше по коридору.

Еще один портрет был выставлен на мольберте перед актовым залом. Бельгийский профессор истории и психологии Герберт Маттис смотрел на него с рекламного плаката, словно голливудская кинозвезда: белоснежная улыбка, чуть припыленные сединой виски, прямой нос, ямочка на подбородке и выразительные карие глаза. Он будто ухмылялся и бросал ему вызов. «Тридцатый номер» появился на его горизонте совсем недавно. Не прошло и месяца, а Линчеватель уже успел познакомиться с его второй, тщательно скрываемой от окружения натурой – жестокой, беспощадной, злобной. Свое истинное лицо профессор не рискнул бы показать ни красавице жене, ни двум сыновьям-подросткам, а вот хрупкие миловидные блондинки с голубыми глазами частенько достаивались чести. Правда, после этого они бесследно исчезали. Последней жертвой профессора стала восемнадцатилетняя студентка Массачусетского университета. На второй день после лекции профессора, когда сам он уже летел над океаном, волонтеры расклеивали ее портрет с красноречивым вопросом «Вы меня видели?». Если бы не Линчеватель, тело бедняжки так бы и не нашли.

В колонном зале студенты с шумом заполняли свободные места. Белый рояль был накрыт зеленым сукном, на котором на время лекции разместились: проектор, коробка со слайдами и музыкальный центр. Свет начал гаснуть, в актовом зале воцарилась тишина. Кто-то из студентов закрыл входную дверь. Через минуту из динамиков, расставленных по всему залу, зазвучал женский глубокий, словно из самого недр земли голос. Из проектора вырвался пучок

света, на стене замелькали слова песни, переведенные на разные языки. Линчеватель сразу узнал голос американской певицы по ее расслаблено-ленивой манере исполнения – Билли Холидей.

Южные деревья принесли неизвестные плоды,
Кровь на листве и кровь на корнях,
Черное тело раскачивается на южном ветру
Неизвестный фрукт повешен на тополе.
Чудесный южный пейзаж.

Выпученные глаза и изуродованный рот
Аромат магнолий, сладкий и свежий
Потом внезапный запах горящей плоти.
Этот фрукт для вороньих клювов,
Для дождя, чтобы поливать, для ветра, что бы иссушать,
Для солнца чтобы разлагать, для деревьев, что бы выжать его до капли.
Это странный и жестокий урожай.

– Песню «Странные плоды» в 1999 году журнал «Тайм» назвал «Песней столетия». Она была написана евреем-коммунистом, исполнялась негритянкой-наркоманкой, а слушала ее вся Америка... – разлетелся по актовому залу бархатистый баритон, – Америка слушала... рыдала... и еще тридцать лет продолжала вешать без суда и следствия.

Внезапно в центре зала, словно призрак возник темный мужской силуэт. Профессор Маттис. Его руки были спрятаны в карманах брюк. Он плавно раскачивался с пятки на носок и обратно.

– Эту песню я называю «Гимном самосуда», процветавшего в Америке весь девятнадцатый и первую половину двадцатого века. За это время в США линчевали свыше трех с половиной тысяч негров и тысячу триста белых преступников. Но не думаю, что среди них все были таковыми.

Послышался чей-то настойчивый кашель и одна из студенток гнусавым голосом провешала:

– Это некорректное выражение, профессор, нужно говорить афроамериканцы.

Профессор сделал вид, что не расслышал и продолжил лекцию.

– Виновного обычно били толпой, затем вешали, реже сжигали, фотографировались на фоне трупов, а потом рассылали в виде почтовых открыток. Вот такая своеобразная демократия.

На экране замелькали фотографии, на каждой из них примерно одинаковый сюжет: в фокусе повешенный или сожженный, а вокруг него разгоряченная, а порой и жизнерадостная толпа. В зале стояла такая тишина, что Линчевателю было слышно прерывистое и сиплое дыхание профессора.

– Вы видите одну из таких открыток, на ней казнь Лайге Дэниелса. Представьте, что такую открытку с наилучшими пожеланиями вам прислал кузен на Рождество.

По залу нарастающей волной пронеслись язвительные комментарии и отрывистые возмущенные реплики.

– Да, вы правы. Мы в современной Европе, но подобное варварство у нас тоже случалось, хотя редко, эпизоды можно пересчитать по пальцам, – рука профессора выскользнула из кармана брюк и взметнулась в сторону пучка света, в котором уже мелькнула следующая фотография. – Это Техас. 1920 год. В этом штате, как и во многих других, линчевание процветало. На этой открытке некий Джо написал своей матери: «Это барбекю, которое у нас было вчера ночью. Я слева у столба с крестом. Твой сын Джо». Его мать, наверное, им гордилась, хотя не помнила, как он выглядит, – профессор хохотнул. – А иначе, зачем он указал свое место на снимке?

В зале слышались короткие смешки.

Перед глазами Линчевателя навязчиво мелькал портрет преподавателя университета с голубыми глазами. Он еще раз взглянул на фото в мобильном телефоне и погрузился в детские обрывочные воспоминания. Этот человек ему явно знаком, он не испытывал к нему неприязнь, но и радость от созерцания голубоглазого лица тоже не посещала. Кто же он? Как был с ним связан? Он отправил фото своему помощнику и попросил прислать о преподавателе как можно больше информации.

«Тридцатый номер» прошел совсем близко, оставив после себя шлейф из смеси запахов: туалетная вода «Hugo Boss», аэрозоль для обуви «Salamander», кондиционер для белья и земляничный спрей для полости рта.

«Профессор в полной боевой готовности, – подумал Линчеватель, – похоже, у кого-то сегодня свидание. Пришло время для действий».

Мрачная маска, намертво приклеенная на лицо Линчевателя, на мгновение дрогнула, а мысль, которая его посетила, заставила от удовольствия прикрыть глаза. Как же это одновременно символично и прозаично: профессор, читающий лекцию о самосуде, будет убит без суда и следствия. Ирония жизни, которая лишь подтверждает его верно выбранный путь.

Когда вернувшаяся в конференц-зал тишина позволила профессору продолжить лекцию на экране появилась новая фотография.

– А это Флорида. 1935 год. Курортный городок. Как видите, при линчевании присутствуют малолетние дети, – профессор усмехнулся и развел руки в стороны, – практически семейное мероприятие.

Смена слайдов и профессор продолжил:

– Эта фотография облетела весь мир. Штат Индиана. 1930 год. Толпа из двух тысяч человек отбила у полиции двух обвиняемых в убийстве и изнасиловании негров... ах простите, афроамериканцев, – внес поправку едким тоном профессор и посмотрел в сторону сделавшей ему замечание студентки. – Там на дереве висят только что повешенные Томас Шипп и Абрам Смит – странные плоды, о которых нам только что пела Холлидей, – а вокруг них, так называемые добропорядочные представители гражданского общества. Они фотографируются, улыбаются, а один из них с безумным взглядом показывает пальцем на повешенных, мол, взгляните туда, мы только что совершили демократический акт: наказали убийц, я был тому свидетелем.

Профессор еще долго комментировал снимки, которые могли посоревноваться между собой в жестокости и бессердечии. Линчеватель на экран не смотрел, он знал каждую из показанных фотографий наизусть и мог еще подробнее профессора рассказать о любом из этих случаев. Да, Маттис был прав, не каждый из казненных был виновен, бывали и промахи, но очень редко. С ним, правда, такого еще не случалось. Установление факта убийства являлось

обязательным атрибутом его миссии. Линчевателю необходимо заглянуть в глаза безумию и бесконечному злу, прежде чем вынести свой приговор. Вот как сегодня. Профессор, по-видимому, уже наметил очередную жертву и Линчеватель ей помочь не сможет. В конце концов, она все равно бы умерла, а так ее смерть станет доказательством деяний хладнокровного, хитрого и расчетливого убийцы.

Щелкнул выключатель, многоуровневые люстры из латуни осветили актовый зал пятью десятком лампочек. У белого рояля, как после гениально исполненного музыкального произведения, стоял профессор Маттис. Его лицо расплылось в самодовольной улыбке, а голова то и дело склонялась в еле заметном кивке, принимая восторженные отклики и щедрые аплодисменты студентов. Хрупкая голубоглазая блондинка отключила проектор из розетки и собрала показанные на лекции слайды в металлическую коробку.

На следующий день, покидая Эстонию, Линчеватель увез с собой ту самую коробку в качестве сувенира. Содержимое коробки пополнилось CD-диском, на крышке которого красным маркером был выведен порядковый номер – «30».

18 июня 2012г.

г.Рязань, художественная галерея

В светлой полупустой пропитанной запахом лимона и масляными красками комнате каждый звук, словно гром, отражался от голых стен раскатистым эхом. В этом сакральном для галереи месте витал дух драматизма, эвальвации¹ и ораторских битв, которым позавидовал бы сам Перикл – отец афинской демократии. В будние дни в кабинете эксперта вершились судьбы не только новичков, но даже опытных мастеров живописи.

По обе стороны от рабочего стола вдоль стен выстроились две вереницы картин в разнообразных багетах. Среди них позолоченные классические рамы, логично дополняющие полотна российских художников придерживающихся академических приемов в живописи и лаконичные рамки, обрамляющие работы абстракционистов. Каким-то из них посчастливится, их клеймят высоким

¹ Эвальвация (лат.) – Оценка. Определение цены, стоимости.

понятием «произведение искусства», другим же уготована менее завидная судьба – покоиться в загашнике галереи до очередной тематической выставки.

У окна стоял большой мольберт, на который только что молодой художник, одетый как панк-рокер с обесцвеченной копной торчащих волос поставил свой очередной «шедевр». Он отошел на несколько шагов назад, освобождая подход к картине и, заламывая руки от волнения, с надеждой в голосе спросил:

– Что скажите на этот раз? – голова художника склонилась на бок, пальцы нервно затеребили серебряное кольцо в ухе.

Один критический взгляд и дежурная улыбка эксперта сползла с лица, глаза заметно потускнели. Обычно плохие новости он подавал не спеша, аргументируя и стараясь не задеть и без того обостренные чувства художников, но этот приходил уже в четвертый раз и следующей встречи эксперт бы уже не выдержал. Поэтому, несмотря на свой мягкий характер, принял героическое решение.

– У меня мало времени, поэтому скажу сразу: это плохо.

В подведенных черным карандашом глазах художника блеснул злобный огонек.

– Но я все сделал, как вы просили... – попытался возразить он эксперту.

– Я ничего у вас не просил, – грубо прервал его эксперт и пожелтевшими от лимонных корок пальцами снял очки с переносицы, – я советовал, но, похоже, мои советы вам только вредят, поэтому больше не утруждайте себя визитом.

От нахлынувших эмоций руки художника затряслись, глаза увлажнились, его взгляд беспорядочно блуждал от стены к стене.

– Но... я так старался... хотел, чтобы вам понравилось... чтобы меня выставили в галерее с другими современниками, – лицо художника стало как кадмий пурпурный, которым он нарисовал предыдущую картину.

– Пока я жив... этому не бывать, – эксперт вернулся к столу и с глубоким вздохом опустил в кресло, – у меня создается такое впечатление, что с каждой картиной вы все дальше и дальше от своей цели.

– Но почему?! – в отчаянии почти прокричал художник.

– В прошлый раз был переизбыток красного, сейчас черного.

– Но это ночь, – возразил художник.

– Вижу нарушение перспективы и неуравновешенную композицию.

Почему на переднем плане мельтешат мелкие предметы, а на заднем крупные?

– Это мир-перевертыш... абстракция... я так задумал...

Неприятный разговор выбивал эксперта из колеи, впереди ответственная встреча, а ему приходится тратить время на упрямого паренька, возомнившего, что он гений.

– Я понимаю концепцию, но мазки мастихином по холсту, это еще не живопись. У кого-то есть талант, у вас его нет. И не старайтесь меня переубедить. Дело даже не в вашем возрасте или отсутствии опыта, простите меня за откровенность, но кто-то вам должен это сказать: вы бездарны.

Эксперт поразился внезапной белизне лица горе-художника, которая резко контрастировала с черной одеждой из грубой кожи. Он взглянул на часы и недовольно скривился. Затем сгреб ребром ладони со стола лимонные корки в мусорное ведро и отряхнул руки.

Художник еле держался на ногах. Поток злобы обжигал легкие. Обида и отчаяние кромсали оставшуюся надежду в клочья.

«Зачем рисовать, если картины никто не увидит? Зачем тогда жить, если не рисовать? – думал он, задыхаясь.

Перед глазами все поплыло, не чувствуя ног, он качнулся вперед, затем назад и рухнул как подкошенный.

Когда он очнулся, то увидел перед собой испуганное лицо эксперта.

– Уф, как вы меня напугали, голубчик. Как вы себя чувствуете?

Молодой человек осторожно поднялся и увидел свою картину на полу. Перевернутый мольберт лежал рядом, видимо, когда он падал задел мольберт ногой. Он поднял картину и понял, что она безнадежно утрачена – сломанный подрамник проткнул ее в двух местах. Резкая боль пронзила позвоночник. Голова все еще кружилась, но переполнявшая его злоба твердила только об одном. В кармане джинс лежал мастихин. Почему бы ему им не воспользоваться? Мысленно он представил, как одним точным движением наносит смертельный удар по горлу своего обидчика. Больше он никому не позволит над собой

глумиться. Его рука потянулась к карману, но в тот момент, когда он уже схватился за деревянную рукоятку, в коридоре послышались торопливые шаги.

– Я в порядке, – выдавил он из себя, словно желчь.

– Похоже, вы не впервые падаете в обморок... – предположил эксперт с растерянным видом.

Художник прижал поврежденную картину к груди, вышел из кабинета и с обреченным видом медленно поплелся к лестнице. Его шаги звонким эхом разрывали тишину в коридоре. Навстречу бежала перепуганная брюнетка среднего возраста, на вытянутой руке покоился пузырек с нашатырем. При виде молодого художника она начала заикаться:

– А... к-к-как... вы...

– Я в порядке, – на автомате повторил художник и еще крепче прижал израненную картину к груди.

19 июня 2012 г.

г.Москва, ул.Большая Пироговская

Летние солнечные лучи проникали в комнату через распахнутое окно и игриво искрились в хрустале. На фоне белоснежной кружевной скатерти посуда с экзотическими птицами и витиеватой флорой из костяного фарфора – особый сервис для особых гостей – казалась зелеными островками посреди молочного озера. Из чашек струился насыщенный аромат байхового черного чая сдобренного чабрецом и наполнял небольшую светлую гостиную. На протяжении нескольких неловких минут, Полина Сергеевна пыталась заполнить своими рассказами пустоту, но напряжение, словно скоростной поезд нарастало, а зловещая мимика гостя приводила в ужас. Встречалась она с ним не впервые, но так и не привыкла к его невралгии. Каждый раз, смотря в его искаженное очередной гримасой лицо, ей казалось, что она говорит не с человеком, а со сломанным биороботом, у которого сбилась программа, из-за чего он не может понять, когда ему нужно сопереживать и удивляться, а когда злиться.

– Попробуйте клубничное варенье, – любезно предложила гостю Полина Сергеевна и, дождавшись кивка, протянула фарфоровую розетку, – мой личный

рецепт, в нашей семье переходит из поколения в поколение. Сколько пыталась научить Русю готовить, все бестолку, а вот Ася прекрасная кулинарка.

Не сводя глаз с ее старческих рук, покрытых темными пятнами, гость попробовал варенье. Через стекла его очков в черной оправе хозяйка дома подметила, как веером прорезались морщинки вокруг глаз. Губы дрогнули в улыбке, но лишь на мгновенье, словно он боялся, что кто-то увидит эту чуждую ему эмоцию и случиться что-то непоправимое.

– Очень вкусно, – искренне восхитился гость.

– Я, наверное, утомила вас своей болтовней. По телефону вы сказали, что хотите поговорить о чем-то важном.

Еле заметный кивок, гость поправил квадратные очки на переносице, и тяжело вздохнув, встал из-за стола. Затем смерил комнату неуверенными шагами, все в его облике кричало о сомнениях и нервозности. Она тут же пожалела о своей настойчивости, наверное, это было бестактно, нужно было дождаться, пока он сам заговорит.

– А почему вы ее называете Руся? – вдруг спросил он, поправляя шелковый шарф на шее, который мастерски скрывал уродливый шрам.

С лица Полины Сергеевны сошла вежливая улыбка, она опустила голову и тихо произнесла:

– Ох, это давнишняя и очень трагическая история.

– Расскажите? – казалось, его впервые что-то заинтересовало.

Когда гость вернулся за стол, хозяйка дома пересела в кресло с чашкой в руках и, попивая чай, начала свой печальный рассказ:

– Каждый год на лето мы отвозили Киру к бабушке в Карелию – хвойный воздух, рыбалка, грибы, прогулки в лесу шли ей на пользу – но в тот год, свекровь ухаживала за сестрой после операции и мы отправили дочь в Ялту в пионерский лагерь сразу на два потока. Ей тогда было восемь. А сами поехали в Ессентуки, уже тогда у мужа начались проблемы со здоровьем. Кире, конечно, ничего не сказали, не хотели волновать. К концу второго потока, когда мы уже собирались за ней ехать, нам позвонили и сказали, что дочь попала в больницу с нервным срывом, – хозяйка квартиры хмыкнула и подняла глаза на гостя. – Представляете восьмилетнего ребенка с нервным срывом?

– Да, к сожалению... – сухим, словно треск ветки голосом ответил гость и опустил подбородок так низко, что на нем образовались две тонкие складки.

– Ах, я забыла про вашу специализацию, – сконфузилась она, – такие случаи ваша практика... а для нас это был нонсенс, мы были просто выбиты из колеи. Пока мы с мужем добрались до Ялты, от догадок чуть с ума не сошли. Дочь была в ужасном состоянии, пугалась малейшего звука, постоянно плакала и в каждом прохожем видела монстра. Там мы узнали, что мальчик, с которым она подружилась, а говорили, что они были не разлей вода, внезапно исчез, а саму Киру нашли без сознания с процарапанным до крови боком, будто ее волокли по земле. Мальчика долго искали, но так и не нашли. Кажется, его звали Сашей... или Мишей... я точно не помню. Эта тема очень болезненна для Киры. Это он называл ее сначала Кирусей, а потом сократил на Русю. После того случая, она еще долго всем представлялась этим именем, словно таким образом хранила память о нем. Мне кажется, это была первая и очень сильная детская любовь. Жаль, что все так трагически закончилось.

– Да... жаль...

Все это время Полине Сергеевне казалось, что сослуживец дочери не слушает, а рассматривает книги на полках, но заданный им вопрос убедил ее в обратном.

– Вы видели родителей пропавшего мальчика?

– Нет... поговаривали, что должен был прилететь отец, но он так и не появился. Позже в больницу к дочери приезжали мать и старший брат-студент. Они тоже искали ответы, но беседа с Кирой им не помогла.

Из груди Полины Сергеевны вырвался тяжелый вздох. Ее визави не сводил с нее пристального взгляда.

– Но на этом, к сожалению, история не закончилась...

– Вот как? – он снял очки и стал протирать линзы салфеткой.

– На следующий год Кира упросила нас снова отправить ее в тот же лагерь, а прибыв туда, дочь начала вести собственное расследование. Маленькая девочка устраивала допросы всем, кто мог быть свидетелем похищения ее друга. Несколько раз сбегала из лагеря и часами дежурила то в милиции, то на автобусной остановке. Нас корректно попросили ее забрать и показать

специалисту. Психолог посчитал ее одержимой. Мы спросили Киру, зачем она это делает, на что она ответила, что ее друга без нее никогда не найдут. Мы не знаем, почему она так сказала. Ведь она ничего не помнила о произошедшем. Врачи, наблюдавшие ее в Москве, сказали, что она заблокировала болезненные воспоминания, что это своего рода защитная реакция.

Бирк закивал, соглашаясь с выводами врачей.

– Она так и не вспомнила. Если честно, я этому даже рада... но... после этого дочь помешалась на криминалистике.

– Выходит случай из детства помог ей выбрать профессию, – весело подметил гость.

– Скорее всего... – с задумчивым видом согласилась Полина Сергеевна, затем взглянула на доктора Бирка и обеспокоено добавила: – Мы снова отвлеклись от цели вашего визита.

– Да-да, – быстро отозвался доктор и снова вскочил на ноги, словно не мог изложить причину сидя, – я хотел с вами обсудить один щекотливый вопрос, думаю, только вы сможете мне помочь.

– Хорошо, я вся во внимании.

Бирк отмерил шагами гостиную, затем остановился у стола и уставился на хозяйку квартиры.

– Дело, конечно же, касается Киры... Министерство в скором времени отправит на обучение в Европу одного следователя из отдела профайлинга и полковник Лимонов обратился ко мне с просьбой выбрать из команды человека более достойного. Вот почему мне пришлось всю прошедшую неделю изучать личные дела сотрудников. Так вот, я хотел спросить, как вы отнесетесь к тому, если я выберу вашу дочь? Вы готовы, с учетом вашего состояния здоровья обойтись без нее два месяца?

Бирк намекал на рак яичника, который недавно диагностировали Полине Сергеевне. На лице женщины отразилась гамма чувств. С минуту она смотрела на стену, завешанную семейными фотографиями, ее глаза немного увлажнились.

– Плохая из меня советчица... – призналась она гостю, – с одной стороны мне хочется, чтобы моя дочь была счастлива, а такое возможно, если она

реализует себя в работе... такой уж у нее характер. С другой стороны, я как мать, желаю ей простого женского счастья.

Доктор Бирк отвел взгляд, чтобы женщина не заметила, как называет это полковник Лимонов – его друг и начальник отдела профайлинга – метаморфозы на лице. Бойкое воображение мигом нарисовало измученную Киру на кухне рядом с плитой, помешивающей борщ в здоровенной кастрюле, к ее ноге прильнул годовалый малыш и орет без остановки, требуя любви и внимания, которое Кира от усталости и раздражения дать никак не может. Она протягивает к нему руки и молит о помощи.

– Если честно, доктор Бирк...

– Называйте меня Расмус, – быстро поправил ее гость, мысленно смахивая внезапно возникшее видение.

– Расмус... признаюсь вам честно, отношения между нами не такие теплые, как бы мне того хотелось. Моя дочь не приезжает ко мне в гости, не звонит по телефону, чтобы узнать как мои дела. Все новости из ее жизни я получаю от Аси. Кира всегда предпочитала общество отца, а когда он умер, замкнулась в себе. Это просто чудо, что после предательства мужа, которое, к слову сказать, высушило дочь изнутри, она подпустила к себе Асю и племянников, – женщина сделала глоток уже остывшего чая и поставила чашку на стол. – Если вы выберете ее кандидатуру, она вас никогда не подведет. Я знаю, какое место в ее жизни занимает работа – это главное... по крайней мере, на данном этапе.

– А что вы скажете о ее бывшем муже?

– Романи?

– Да... они поддерживают отношения? С его стороны проблем не будет?

– Нет-нет... они больше года не общались, а месяц назад развелись.

– Правда? – в глазах Бирка блеснул огонек. – Этого нет в ее деле.

– Видимо, Руся еще не забрала из Загса свидетельство о расторжении брака, – Полина Сергеевна кинула на Бирка встревоженный взгляд. – Это так на нее похоже... тянет до последнего...

Женщина поджала губы и впилила взгляд на семейную фотографию, Бирк никак не мог понять: мать сожалеет о разводе дочери или ей претит мысль о карьерном продвижении, которое еще дальше отбросит ее дитя от создания новой

семьи. Для отвода глаз, он задал еще несколько вопросов. Затем сослался на занятость и, взяв с Полины Сергеевны обещание держать их разговор в тайне, покинул квартиру.

У подъезда его ожидал «БМВ» седьмой серии, доктор сел на заднее сиденье, сделал несколько глотков «Перье» и скомандовал водителю:

– Домой!

Это был сбор информации, завуалированный под рабочий визит, в связи с исчезновением младшего брата Расмуса, свидетельницей которого много лет назад стала Кира Митяева. Новая сотрудница отдела профайлинга в данный момент временно проживала в гостевом домике доктора Бирка после полученной травмы во время расследования убийств четырех семей – первого дела недавно созданной группы профайлеров.

Обращаясь к своему помощнику, двадцатилетнему брюнету с восточно-азиатской внешностью, доктор спросил:

– Все слышал?

– Да, – тут же отозвался тот, вынимая наушник из уха, – мне кажется, мать что-то скрывает. Киру в Москву привезли только к учебному году в сентябре, а это значит, что в ялтинской больнице она пролежала почти полтора месяца. За это время они должны были узнать гораздо больше, чем она говорит. Я сопоставил с показаниями очевидцев, Митяевых допрашивали не один раз, но в деле нет ни одного протокола. Здесь что-то не так.

– Этому может быть простое объяснение.

– Какое?

Бирк не ответил, его взгляд был прикован к мелькающей за окном хорошо знакомой больнице имени Сеченова, где много лет назад он в качестве ординатора-хирурга проходил стажировку. На данный момент его беспокоил не пропавший протокол допроса, а то, что его отчим, отец Михкеля не приехал в пионерский лагерь. Это было, по меньшей мере, странно и наводило Расмуса на мысль о том, что отчим знал о похищении гораздо больше, чем говорил следователям. Скорее всего, он не поехал в Крым потому что знал, что там не найдет сына, а значит, точно знал где тот был на самом деле.

– Похоже, вы уверены в ее невинности, иначе не разработали бы целый план по сближению, – заметил Сото и взглянул на босса в зеркало бокового вида.

Бирк снова не снизошел до ответа.

– Ее мать подметила, что Кира считает, без ее помощи Михкеля не найдут.

Доктор поджал губы.

– Она собрала вещи утром, сказала, что не хочет злоупотреблять вашим гостеприимством.

На этот раз Бирк недовольно пробурчал:

– Она не должна уехать... придумай что-нибудь. Да... и пусть она сменит машину... не могу смотреть на античный экспонат в своем гараже.

Помощник скривился в ухмылке, вспоминая старенький «Фольксваген» майора Митяевой, похожий на проржавевшую консервную банку.

Глава первая

Сон разума рождает чудовищ.

Франсиско Гойя

30 июня 2012г.

г.Рязань, художественный музей

В субботнее солнечное утро вереница полицейских автомобилей с включенными проблесковыми маячками выстроилась перед желтым двухэтажным зданием художественного музея. За огороженной лентой, красноречиво говорящей о месте преступления начали собираться городские зеваки. Коренастый мужчина невысокого роста лет пятидесяти в форме полковника полиции с парадного крыльца наблюдал, как перед зданием остановилось частное такси. На заднем сиденье мелькнул знакомый женский силуэт. Покрутив кончик усов, полковник с раздражением откашлялся и нахмурил брови. Как по команде двое молодых следователей оторвались от протоколов со свидетельскими показаниями и проследили за взглядом шефа.

Из такси выбралась миловидная женщина спортивного телосложения и, еле заметно прихрамывая на левую ногу, двинулась в сторону коллег. На ходу она

спрятала кошелек в сумку, прихватила длинные каштановые волосы заколкой на затылке и растянулась в виноватой улыбке.

– Митяева! – накинулся на нее полковник. – Ты уже не на больничном! Почему опаздываешь?

– Я попала в аварию, – извинительным тоном произнесла Кира и густо покраснела, – моя машина всмятку.

– С тобой-то все в порядке? – вскочил на ноги Громов.

– Почему нам не позвонила? Мы бы помогли, – поинтересовался его напарник Токарев.

– Ага! Сама опоздала и коллег бы подтянула. Ничего лучше не придумал? – с раздражением выпалил полковник, глядя на подчиненного. Затем перевел взгляд на Митяеву и спросил: – Где Бирк?! Я думал вы вместе приедете?

– Он в Абхазии, исследует какую-то пещеру, – поведала Кира, заранее предполагая реакцию босса.

– Где?! Какая Абхазия?! У нас тут серийник объявился, – взревел с негодованием полковник.

– Так позвоните ему, он с радостью примчится назад, – усмехнулась Митяева, – ваш дружок уже месяц изнывает без работы. Интересно, что с ним будет, если на земле разом исчезнут все маньяки?

– Ладно, с Расмусом я сам разберусь, а ты иди с Близнецами, они покажут, что тут да как.

Громова и Токарева в следственном управлении давно прозвали Близнецами, но кроме роста напарники внешнего сходства не имели. Громов – блондин крепкого телосложения с трапециевидным лицом. Сын генерала, разведен, общителен, любимчик женщин, который в свободное время не прочь погонять с друзьями в хоккей. Его друг Токарев, напротив, жилистый брюнет с остроскулым лицом и волевым подбородком, был человеком замкнутым, немногословным, частенько выезжал в заповедники на рыбалку, где мог провести в полном одиночестве ночь под звездным небом, а под утро вернуться на работу помятым и нечесаным.

Полковник вынул из кармана форменных брюк мобильный телефон и отошел в сторону.

– Пойдем, – Громов кивком показал на дверь, – покажем, над чем придется корпеть в ближайшие дни.

Пробираясь сквозь толпу полицейских Кира подумала, как бы смешно выглядело их совместное появление с Бирком. С недавних пор оба хромали на левую ногу. Правда ее нога, после неудачного падения со второго этажа, быстро заживала, а вот нога Бирка будет еще долго его беспокоить, особенно учитывая тот факт, что боль носила психосоматический характер. Пять лет назад, расследуя смерть жены полковника Лимонова, он схватился с маньяком, от рук которого его спас меткий выстрел друга. В память об этой встрече остался уродливый шрам на шее и раздробленное колено. Бирк перенес не одну операцию. Теперь физически колено было в норме, но стоило ему понервничать, как хромота мгновенно давала о себе знать.

Расчищая коллеге путь, Близнецы шли впереди, словно два тарана. У входа в зал европейского искусства стояла коротко стриженная невысокая блондинка плотного телосложения с заплаканными глазами. Ее взгляд был направлен в центр зала, где столпились следователи и эксперты из столичной криминалистической лаборатории. Многих Кира знала лично, поэтому встречаясь с ними взглядом, приветственно кивала и сдержанно улыбалась.

– Вы директор музея? – спросил подоспевший Лимонов у женщины, что поинтересовалась у его подчиненных, когда закончатся следственно-оперативные мероприятия.

– Да, – блондинка средней комплекции протянула руку и представилась: – Мария Анатольевна Шубина.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, мы можем пройти к вам в кабинет?

Жестом директор музея показала в сторону коридора и, развернувшись на каблуках, с озабоченным видом вышла из зала. Полковник последовал за ней.

Близнецы расступились, Кира увидела место преступления. В центре зала на паркетном полу в форме круга была натянута черная глянцевая пленка, вокруг которой каймой шириной в полметра возвышалась насыпь из песка. Ни трупа, ни пятен крови. Осматривая зал, Кира никак не могла понять, что тут произошло.

– Тело уже увезли, так что всю картину можно увидеть только на фотках, – Громов протянул свой мобильник и показал несколько кадров. – Позже эксперт из лаборатории вышлет свои снимки в хорошем разрешении.

Кира издала приглушенный свист, выхватила из рук коллеги телефон и увеличила первый снимок. На боку перед пленкой лежало мужское тело с согнутыми коленями. На нем была одежда, похожая на средневековый наряд: светлая рубашка с рукавами-фонариками, еле прикрывающими заостренные локти, жилет с цветочным узором и кюлоты². Одно колено было оголено, на другом виднелся зеленый гольф. Очень необычно смотрелись светло русые волосы, тщательно уложенные на прямой пробор и закрученные на концах.

– Убийцу спугнули, – пояснил Громов, – он явно тут не закончил...

Митяева подняла глаза на коллегу и тот продолжил:

– Охранник делал утренний обход, видимо убийца, слышав его шаги, вышел через вторую дверь в следующий зал, бесшумно пересек его и подкрался сзади. Вырубил охранника электрошокером и скрылся.

– Где сейчас охранник? – поинтересовалась Кира.

– Его увезли местные.

– Что говорят работники музея?

– Все это, – Громов показал в центр зала, словно никак не мог подобрать слово, обозначившее в совокупности набор улики, – убийца принес с собой.

– Жертву опознали? – спросила Кира.

– Нет, – покачал головой Громов. – Но он точно не сотрудник музея.

Кира присела на корточки и стала рассматривать как эксперт, облаченный в белый комбинезон и маску, раскладывала в ряд содержимое черного пакета. На полу уже лежали литровая пластиковая бутылка воды, пустой мешок из-под песка, остаток пищевой черной пленки, свернутой в рулон и моток рыбацкой лески. Эксперт выудила последний предмет – бобину скотча и встряхнула пакет. На расстеленную пленку высыпались мелкие песчинки.

– Мы просеяли весь песок и нашли вот это... – Громов показал на предмет помеченный номером десять.

² Кюлоты (фр. *culotte*) — короткие, застегивающиеся под коленом штаны, которые носили только аристократы. Вошли в моду во Франции в XVI в. и, видоизменяясь, дожили до XIX в.

Посмотрев на улику, Кира подняла на коллегу удивленные глаза.

– Ракушка?

– Да. Морская ракушка.

Несколько секунд Кира рассматривала завораживающий спиральный завиток.

– Что это за музей? – Кира оглядела висевшие на стенах полотна.

– Художественный – картины, скульптуры, посуда. Это зал европейского искусства, – включился в разговор Токарев. – В соседнем выставлены русские художники.

– Ясно, что *мне* делать? – Кира поочередно оглядела коллег.

– Пока вникай... показания снимают местные. Мы тут как наблюдатели и консультанты. Подождем распоряжений Лимона.

С минуту Кира смотрела, как эксперты снимают отпечатки пальцев с пленки, затем в памяти всплыл разговор с полковником.

– Лимон же сказал, что у нас серийник.

– Иван нашел похожий случай во Владимире, там не все тело, а только голова. Подкинули на передвижную выставку неделю назад.

– Выставка картин? – уточнила Кира.

– Ага, – буркнул Токарев и сплел руки на груди.

– Да, похоже, шеф прав и у нас завелся серийник. Самозванец, – Кира показала на ближайшую картину, – который мнит себя художником. Считает, что его работа достойна этого музея.

– Но ведь это не картина, больше на скульптуру похоже, – возразил Токарев, – а они выставлены в других залах.

– Хм... значит, тут ему было по какой-то причине комфортнее... – сделала вывод Кира.

Громов предложил подождать шефа на улице. Все вместе они вышли из здания и увидели, как к музею подъехали два полицейских автомобиля – рязанский убойный приступил к следственным мероприятиям.

– Так кто в тебя въехал? – спросил Громов, закуривая сигарету.

– Лох какой-то, – со злостью буркнула Кира, – решил резко перестроиться для разворота в левый ряд, без поворотника. А я гнала под сто двадцать... спешила

к вам... ударила по тормозам, пропахала своим стареньким «Фольксвагеном» пятиметровую дорожку на асфальте. Сзади от меня тоже такой подставы не ожидали... короче всмятку с двух сторон...

– Понятно, – Громов почесал затылок, – как теперь без тачки будешь?

– Не знаю... я, если честно еще от аварии не отошла, – призналась Кира.

– Езжай домой, мы тебя прикроем, – внезапно предложил Токарев.

Кира хотела ответить, но в этот момент в дверях появился полковник и сотрудники отдела поспешили к шефу.

– Вадим, – обратился он к Громову на ходу, – останься здесь, добудь копии протоколов опросов свидетелей, если информации будет недостаточно, поспрашивай сам. Удели особое внимание охраннику, что-то он темнит...

– Мне тоже так показалось, – вставил Токарев.

– С местными проблем не будет? – уточнил Громов у шефа.

– Нет, я говорил с начальником убойного, они готовы сотрудничать, даже рады нашему присутствию, ни чета нашим, – повернувшись к Токареву, полковник продолжил: – Саня, езжай во Владимир, посмотри на ту голову, что подкинули на выставку неделю назад. Нам нужны общие знаменатели, чтобы забрать дела.

Лимонов открыл дверь «Мерседеса» и сел за руль. Кира держалась подальше, в надежде, что в отсутствии Бирка сегодня шеф не будет нагружать ее заданием, и она сможет заняться оформлением справок для получения автокредита. Но полковник видимо заранее распределил поручения и продолжил отдавать приказы:

– Митяева, – Лимонов дождался, когда Кира приблизится к машине, – сгоняй в морг, внимательно исследуй костюм жертвы. Может, заметишь, что-то женским глазом. Нужно понять, зачем убийце весь этот маскарад, – когда она деловому отчеканила: «Слушаюсь», он смягчился, показал на переднее пассажирское сиденье и добавил: – Садись, подброшу тебя, раз ты теперь безлошадная.

Автомобиль полковника медленно вырулил со стоянки рязанского музея и свернул на улицу Свободы. Положив сумку на колени, Кира пристегнула ремень безопасности и вопросительно взглянула на шефа. Лимонов нахмурил брови и буркнул:

– Что?

– Начинайте свой допрос без преамбул, вы же меня не просто так в морг повезли, – улыбаясь, ответила Кира.

Полковник усмехнулся, и язвительно произнес:

– Ишь ты, изучила меня вдоль и поперек, – затем вздохнул и подметил: – Словечек нахваталась... без чего ты там говоришь?

– Преамбул, – хохотнула Кира.

– Что у вас там с Бирком? – гневно выпалил тут же полковник, охлаждая игривое настроение сотрудницы. – Как я понял, ты все еще живешь у него.

– Да, он ловко выдумывает новые причины, чтоб меня не отпускать, – с лица Киры медленно сползла улыбка. – То обучение ему так проще проводить, мол, в любой момент можно посетить гостевой домик и преподать очередной шедевральный тезис. То в открытую просит оказать ему услугу.

– Это вроде той, что ты его новая пассия для прессы? – спросил полковник, намекая на сделку между Бирком и Кирой, которую по ее мнению они заключили на обоюдовыгодных условиях.

– Скука, – отрывисто произнесла Кира, хотя это было далеко не так, – перед отъездом попросил пожить до его возвращения из Абхазии. Потом наверняка будет что-то еще.

– Я знаю Бирка шесть лет, – полковник притормозил перед поворотом и крутанул руль вправо, – скажу без обиняков это не типичное для него поведение. Меня это настораживает. Не пойму что на него так повлияло: дело Стачука или знакомство с тобой?

– Не знаю, – задумчиво ответила Кира и отвела взгляд, она и сама чувствовала, что за опекой Бирка что-то крылось, но что... пока не разобралась.

Полковник скривился в ухмылке. «Мерседес» затормозил перед светофором. Чувствуя, что начальник чего-то недоговаривает, Кира спросила:

– Ну же, задавайте свой главный вопрос.

Зажегся зеленый свет, поток машин пришел в движение. Лимонов тяжело вздохнул и выпалил:

– Интерпол прислал запрос по делу Стачука.

Лимонов говорил о первом громком деле их недавно созданного отдела. Когда преступник с помощью Бирка был пойман на территории Эстонии и переправлен в Москву, его экстрадицию тут же запросила Франция, обвиняя Стачука в ранее совершенных преступлениях.

– Какой еще запрос? – удивилась Кира. – Он разве не во французской тюрьме сидит?

– По их данным его изувеченный труп выловили месяц назад вблизи острова Бора-Бора.

Кира присвистнула и округлила глаза от удивления.

– Значит, Бирк был прав: они его выпустили. Черт!

– Похоже на то... – злобно буркнул Лимонов.

– Бирк всегда прав, – не то от злости, не то от восхищения произнесла майор.

Челюсть полковника заходила ходуном из чего Кира сделала вывод, что это еще не все новости.

– Так в чем главный вопрос?

Полковник затормозил перед моргом, выключил двигатель и повернулся вполоборота к сотруднице. Смерил ее оценивающим взглядом, словно пытался понять, можно ли ей довериться в щекотливом вопросе и сказал:

– Интерпол установил, что Бирк навещал Притулу в его парижском особняке сразу после экстрадиции Стачука, а тот, как ты помнишь, был пасынком Притулы. Так вот, Интерпол отрабатывает причастность Расмуса к смерти Стачука. Нас просят установить передвижения Бирка с момента экстрадиции Стачука до его смерти. А главный вопрос таков: сколько дней отсутствовал Бирк?

Напрягая память, Кира пыталась вспомнить события тех дней.

– Недели три его точно не было.

Полковник поджал губы и тяжело вздохнул. Кира поняла, насколько тяжело ему дается этот разговор.

– Ладно, держи рот на замке. Бирк не должен знать о запросе Интерпола.

Кира с готовностью кивнула и потянулась к двери.

– И вот еще что... – остановил ее полковник, – не торопись покидать усадьбу Бирка, возможно, нам на руку, что ты до сих пор там.

– Что от меня нужно?

– Я уверен, что сам Бирк на убийство пойдет только в том случае, если его жизни будет угрожать смертельная опасность. Но как говорится за худой головой и ногам не покой. Ты знаешь его странности, а вдруг сорвался? Ведь Стачука он сам взял, для него это было делом чести, а правосудие так и не свершилось. Так что ничего нельзя исключать.

– Что конкретно от меня нужно?

– Узнай, где он был те три недели, но аккуратно, без шума, если что этого разговора у нас не было. Поняла?

Митяева вышла из машины. От мысли, что она, возможно, живет под одной крышей с убийцей, у нее пересохло во рту. Если близкий друг начинает сомневаться в Расмусе Бирке то, что делать ей?

С потрясенным видом Кира двинулась в сторону безликого серого бетонного здания с табличкой на фасаде «Бюро судебно-медицинской экспертизы», за спиной послышался звук отъезжающей машины полковника.

В памяти всплыл приезд Бирка после трехнедельного отсутствия. Он был напряжен и чего-то сильно опасался. С его приездом охраны прибавилось вдвое, меняли машины и телефоны, словно ему постоянно приходилось уходить от слежки. От ее вопросов Бирк отшучивался, но через пару недель все вернулось в прежнее русло. Тогда Кира подумала, что Бирк устранил проблему, из-за которой ему приходилось жить как на иголках, а выходит, дело было в Стачуке и его влиятельном отчине.

В тускло освещенном мрачном холле морга, пропитанном запахом хлорки, Киру встретил санитар с сильно вытянутым прыщавым лицом. Майор предъявила удостоверение и объяснила цель визита. Он открыл ближайшую дверь и крикнул: «Тут из полиции». Ответом была тишина, но по уверенному виду санитара, Кира поняла, что призыв был услышан и в ближайшее время к ней кто-нибудь выйдет.

А пока она мерила холл шагами и рассматривала рекламные буклеты на информационной стойке. Видеть модели гробов и венков, а тем более читать об услугах похоронных агентств было неприятно, по коже пробежал холодок. Кире сразу вспомнились похороны отца.

В коридоре послышались тяжелые шаги, Кира подняла голову и встретилась взглядом с угрюмой женщиной, необъятного размера. После короткой беседы майора сопроводили в прозекторскую, где эхом разносился металлический лязг инструментов и с надрывом кряхтел кондиционер. Через тонкую футболку, то ли от ужаса, который всегда навевало на нее это учреждение, то ли от морозной прохлады, ее спину обожгла ледяная дрожь. Сунув Кире в руку маску и медицинский халат, женщина-глыба прокричала в пустоту комнаты о том, кто пришел и по какому вопросу, кивком показала на узкую дверь в подсобку и решительно зашагала по коридору проч.

От лежащего на носилках под простыней тела, судя по очертаниям женщины, шел устойчивый запах гнили. Кира зажала нос платком пропитанным настойкой гвоздики, который всегда держала наготове в герметичном пакете в сумке.

– Проходите, – послышался писклявый голос, а затем из-за двери показался невысокий худощавый мужчина, закутанный в халат и маску.

Окинув прозекторскую цепким взглядом, Кира порадовалась, что не успела сегодня позавтракать. На столе лежало готовое к вскрытию только что вымытое тело мужчины, покрытое трупными пятнами. Лысый череп, серое лицо, впалые щеки даже отдаленно не напоминали труп из музея. Но, тем не менее, по словам патологоанатома, это был он.

– К вскрытию я еще не приступил, поэтому причину смерти пока сказать не могу, но при первом осмотре мною установлено, что лицо и открытые участки тела жертвы были покрыты толстым слоем грима, – показав на ногти, он добавил: – Ему посмертно сделали маникюр. Тело покрыто каким-то составом типа пластификатора или клея, я пошлю образцы кожи в лабораторию для химического анализа.

– А это что? – спросила Кира, показывая на металлический лоток, в котором были сложены валики розоватого оттенка.

– За щеками жертвы обнаружены ватные тампоны.

Вопросительный взгляд майора заставил патологоанатома выдвинуть свою версию:

– Видимо, для того чтобы щеки казались округлее, я так думаю.

Кира сделала запись в блокнот «грим, клей, маникюр, ватные тампоны», и подумала: «Зачем убийце понадобилось производить такие сложные манипуляции с телом жертвы? Что он этим хотел сказать?».

Вещи, снятые с трупа, аккуратно упаковали в целлофановый пакет. Натягивая перчатки с ненавистным запахом латекса, из которых вырвалось облачко талька, Кира скривилась в брезгливой гримасе и осмотрела пакет. В памяти всплыло убийство, которое ей пришлось расследовать в качестве следователя-новичка. На убитой женщине тоже был театральный костюм, но в тот раз это было вполне объяснимо – жертва была актрисой. Сейчас же совершенно другая ситуация. Жертву переодели, загримировали, словно натурщика, который должен был позировать художнику. Вот только натурщику не повезло, на месте художника оказался убийца.

На самом верху лежал парик с кудряшками на концах длинных русых прядей. Следом Кира обнаружила один зеленый гольф из мягкой трикотажной ткани. Судя по зацепкам и потертости на пятке, он был не новым. Кюлоты из велюра были разорваны сзади по шву. С первого взгляда было ясно, что они на два размера меньше жертвы. Видимо, убийца специально их разрезал, стараясь втиснуть в них безжизненное тело. Рубашка с воротом-жабо была из золотистой ткани, которая переливалась и искрилась под ярким освещением прожекторской. Вспоминая фото, которое ей показывал Громов, она сделала вывод, что рубашку на тело надели задом наперед, так как на жертве в музее был впереди простой полукруглый вырез. Что это значило? Убийца спешил или намеренно спрятал жабо на спине?

Самым дорогим предметом одежды оказался парчовый жилет с цветочным рисунком. По бокам Кира разглядела небрежные ручные стежки, из чего сделала вывод, что жилет в отличие от штанов ушивали. Она тщательно ощупала каждую вещь и обнаружила зашиту в подкладке жилета плотную ткань. Надрезав

скальпелем несколько стежков, она увидела квадратную бирку «Прокат костюмов “Розовая пантера”».

Закончив осмотр, Кира сфотографировала все вещи с разных ракурсов, уделив особое внимание бирке с логотипом, повернулась к патологоанатому и спросила:

– Вы можете мне назвать хоть примерное время смерти?

– Примерное могу, – рука, облаченная в перчатку, потянулась к записям, которые он делал, пока осматривал тело, – два-три дня. Точно скажу после вскрытия.

– Какое у вас первое впечатление? – Кира знала, что задает глупый вопрос, эксперты не любят раскидываться неподтвержденными данными, тем более перед полицией, но попытка не пытка. – Может вам что-то еще показалось необычным?

Карие глаза, единственная часть тела не скрытая маской, блеснули и прищурились.

– Тело сильно истощено, – показывая на локтевые сгибы, где виднелись множественные следы от уколов, патологоанатом продолжил, – скорее всего, он был наркоманом со стажем. Ждите моего отчета. Меня уже предупредили, что это приоритетное дело.

В Москву Кира вернулась ближе к полуночи. Ехать в офис уже не было смысла, хотя в сознании промелькнула мысль, что Лимонов в это время все еще сидит в своем кабинете. Единственное что он перевез в новый офис из следственного управления, где отдел просуществовал не больше месяца, был металлический контейнер с картотекой нераскрытых дел, которые в своем большинстве были серийными. Каждый вечер, когда сотрудники отдела покидали свои рабочие места, он с горечью открывал очередную папку и освежал в памяти детали наугад выбранного им нераскрытого дела. В офисе он обычно задерживался не один, племянник его покойной жены Иван, которого он назначил старшим аналитиком и практически изолировал от оперативной работы, тоже коротал вечера перед служебным компьютером, создавая по приказу полковника общую базу нераскрытых преступлений. Главная задача Ивана состояла в

ежедневной свертке созданной им базы со сводкой новых преступлений с единственной целью: вовремя отследить «серийника».

Всю дорогу Кира размышляла об утреннем разговоре с шефом о Бирке. Каким образом она могла восстановить хронологию передвижения Расмуса? Учитывая, что он мог вылететь на частном самолете, принадлежащем кому-нибудь из его богатеньких друзей, это было практически невыполнимым поручением. Распечатка звонков тоже ничего не даст. Она сама видела груды телефонов в его кабинете, он мог взять с собой в Европу любой из них. А зачастую он вообще не пользовался мобильной связью. Отследить телефон Сото еще сложнее, компьютерный гений, несомненно, позаботился, чтобы стереть все следы. Расспросить охранников, сопровождающих доктора в поездке, она тоже не могла, это сразу бы стало известно Бирку. Отслеживать их телефоны не было смысла, еще в первую неделю пребывания во владениях доктора, она поняла, что охрана во время дежурства не носит с собой телефоны, только рации. Это было нерушимое правило Бирка, он считал, что мобильный телефон мог в любую минуту отвлечь специалиста при исполнении. Подъезжая к дому на такси, Кира так и не смогла придумать, с какой стороны подступиться к неожиданному и неприятному заданию шефа.

Прежде чем уйти в свое пристанище – гостевой домик, укутанный со всех сторон соснами – Кира решила заскочить на кухню, которая располагалась на первом этаже главного дома. В пустынном холле было тихо. В дни, когда Бирк отсутствовал, охрана в дом не заходила, а обслуживающий персонал резко сокращался в количестве. Она прошла на кухню, включила электрочайник и открыла холодильник. Соорудив себе бутерброд из вареного мяса, кудрявого листа салата и куска помидора, она заварила себе чай и ушла в любимую оранжерею.

Кира погрузилась в просторное кресло из ротанга, окруженное с двух сторон раскидистыми пальмами, вытянула ноги и с облегчением выдохнула. Закончился первый рабочий день. Она невольно погладила место недавнего перелома и подумала, что уже пора приступить к регулярным тренировкам. Покончив с бутербродом, Кира принялась за чай.

С портрета над камином на нее смотрели пронзающие глаза Бирка. Художник, написавший картину, изобразил слишком длинную тень и, по словам Расмуса, тем самым ухватил саму суть его натуры. Что это значило, она так и не поняла, но каждый раз приходя в оранжерею, вспоминала эту фразу.

В холле зажглась хрустальная люстра и осветила черно-белую плитку. Послышались легкие шаги. Кира замерла в ожидании. Она никогда так поздно, да еще и в одиночестве не сидела в оранжерее. Через стеклянную дверь она увидела мелькнувший женский силуэт. Это была Нина, в чьи обязанности входило озеленение дома и прилегающего к нему участка.

– Я так и знала что это ты, – Нина вошла в оранжерею и приветственно улыбнулась. – Слышала, что ворота открывались, но не слышала тарахтящего звука твоего драндулета. Ребята сказали, что ты приехала на такси.

– Нет больше моей машинки.

С тяжелым вздохом Кира поведала об аварии. Когда закончились сочувственные возгласы, и тема была исчерпана, Кира, чтобы поддержать разговор спросила:

– Ты работаешь только на Бирка? Или у тебя есть еще клиенты?

Нина прошла вдоль вереницы экзотических растений, придирчиво осмотрела листья и только потом села рядом в кресло.

– Клиент у меня один – Расмус, но работаю я не только в этом доме, еще в квартире и в офисе.

В этот момент Кира как раз сделала глоток чая и, услышав слова Нины, чуть не приснула горячую жидкость на пол.

– У Расмуса есть офис?

– Да, но он там редко появляется.

– Я думала, он работает в домашнем кабинете. И давно ты там работаешь?

– Год, – ответила Нина и вытянула ноги, – до меня там работала девушка, которую убили... ужас... какой зверь на такое способен? Расмус тогда все мне объяснил, про риск и про нестабильную психику пациентов... но я все равно согласилась... Надо отдать ему должное, он все же подстраховался и выделил мне машину с охранником. Теперь я туда только в сопровождении езжу.

– Стой, что это за офис такой?

– Центр анонимной психологической помощи «Новая жизнь».

Удивлению Киры не было предела, казалось после тесного общения с Бирком, подробного рассказа коллег и статей в интернете, она знала о докторе все, но нет, периодически выплывают наружу все новые и новые факты, которые заставляют задуматься, а можно ли о Бирке кому-то знать абсолютно все. Ведь даже Сото, его близкий помощник, следующий за ним повсюду как тень, не знает о нем то, что знает Кира.

– Чем они там занимаются?

– Оказывают бесплатные консультации.

– Много там человек работают?

– Четыре врача, не считая Расмуса.

– Кто к ним приходит за помощью?

– В основном подростки из неблагополучных семей, но иногда приходят такие типы, что от страха мороз по коже. Помню одного, он раза три приходил к Расмусу, потом пропал. Внешность все время менял – бейсболки, очки и даже парики. Страшный тип... на маньяка похож... я даже Расмусу на него указала, а тот отшутился, сказал, что после его консультаций он никому не причинит зла. Мол, встанет на путь истинный. Но я сомневаюсь... такой не встанет...

Кира смотрела на Нину выпученными от удивления глазами. Ну Бирк и хитрец! Расставил сети со всех сторон. Ему мало вылавливать маньяков после совершения преступлений, открыв клинику психологической помощи, он еще ухитряется их отслеживать в зачаточном состоянии.

– С психами надо быть настороже, – предостерегла новую подругу Кира. – А что у него за квартира? Такой же сумасбродный дизайн как в доме?

Нина усмехнулась.

– Это квартира его матери. Там все чинно и солидно. Паркет, мрамор, везде хрусталь. Жаль, что она там недолго прожила.

Кира вспомнила статью в журнале, которую читала, когда только познакомилась с Бирком. На фотографиях, где он сидел в обнимку с бывшей невестой, была классическая обстановка. Теперь понятно где были сделаны снимки.

– А где сейчас живет его мать?

– Она умерла, – с грустью ответила Нина, – я ее не застала. Расмус иногда приезжает в квартиру, но не часто. Запирается в ее комнате и подолгу сидит.

– Трудно себе представить, что Расмус чей-то сын или родственник, – не сдержалась от откровенного признания Кира.

Именно это признание подтолкнуло Нину задать личный вопрос. Она кинула опасливый взгляд в сторону холла.

– Я все хотела тебя спросить, да неудобно как-то, – замялась Нина, в глазах блеснул лукавый огонек. – У тебя с ним все серьезно?

Кира пожалала плечами, как бы говоря, что еще не определилась. Как же ей хотелось сказать, что она никогда в жизни не связала бы себя с такой мрачной и таинственной личностью, но между ней и Расмусом был договор, который она ни за что бы не нарушила.

– Просто вы не спите вместе, ты в гостевом домике, он у себя в спальне. Как-то это странно.

– У странного человека странные отношения и привычки, – шутливо резюмировала Кира. – У нас все в норме.

– Ты его не боишься?

В глазах Нины промелькнула настороженность, Кира подумала, что девушка что-то не договаривает.

– Уж больно он... как правильно выразится... нервный...

– Короче ненормальный, ты хотела сказать? – создавая иллюзию спокойствия, усмехнулась Кира.

Нина напротив не улыбалась. Ее красноречивый взгляд предупреждал об опасности. Сегодня был день странных предостережений, будто вся вселенная сговорилась, чтобы вырвать ее из обволакивающего мира Бирка.

– Не переживай, со мной все будет в порядке, – успокоила ее майор и улыбаясь добавила: – У меня есть пистолет.

Через несколько минут они распрощались, Кира вышла из главного дома и не спеша побрела к гостевому домику, наслаждаясь теплой летней ночью. На ходу она обдумывала слова Нины. Конечно, внешне Бирк выглядел законченным психопатом, о нем можно было с легкостью подумать, что он эгоистичный нарцисс, манипулятор, одержимый преследованием серийных убийц. Но

интуитивно она чувствовала, что где-то там глубоко внутри кроется одинокий, побитый жизнью и преданный близкими людьми человек, который все еще не потерял надежду в собственное счастье. Когда они вдвоем сидели в тишине, ей казалось, что она физически чувствует его боль... его трагедию. У него была какая-то тайна, возможно, даже не одна.

Засыпая, она увидела сон. Бирк предстал перед ней в виде зебры, поочередно открываясь как с хорошей, так и с плохой стороны. Зебра имела необычный окрас – один бок белый, а другой черный. Кира слышала цокот ее копыт по дощатому полу. Она стояла перед кроватью и смотрела на нее неморгающим взглядом. Короткая торчащая «ежиком» черная грива покрывала ее массивную голову. Уши нервно подрагивали, улавливая каждый шорох. Этот представитель семейства лошадиных давно отбилея от сородичей и странствует в одиночку. Он одичал, потерял свою природу. Даже хищники обходят его стороной.

2 июля 2012г.

г.Москва, отдел профайлинга

В конференц-зал Кира вошла за минуту до начала совещания. Полковник демонстративно посмотрел на часы, но решил отложить замечание о повторном опоздании до беседы тет-а-тет. Он опустилсЯ в свое кресло во главе стола и обвел всех присутствующих вопросительным взглядом.

– Кто начнет? Вадим?

Не вставая, Громов открыл блокнот, прочистил горло и озвучил новости:

– Установили личность жертвы: Петр Довлатов, тридцать восемь лет. Исчез из хосписа три дня назад. Рак четвертой степени, неоперабельный. Сам он уже не мог передвигаться. По мнению врачей, жить ему оставалось не больше месяца. В последний раз медсестра заходила к нему в палату в пять часов утра, он просил увеличить дозу обезболивающего. В восемь утра, когда она зашла проверить больного, его уже не было. Ни записки, ни одежды. Позвонили родственникам, те сказали, что давно с ним не общались и даже не знали, что он умирал.

– Вот те на! – воскликнул Токарев. – Родственнички!

Громов бросил на напарника упреждающий взгляд и пояснил:

– Я бы их особо не винил, учитывая его прошлое, – жестом Вадим попросил Ивана вывести информацию на большой экран.

Когда на экране появилась фотография и список правонарушений Довлатова, всем стала понятна реакция родственников. На фото лицо жертвы было так перекошено, что казалось, это восковая маска из фильма ужасов потекла от нагревания. Безумный взгляд ввалившихся глаз, кожа в язвах и гнойниках. С экрана на следователей смотрел наркоман со стажем.

– Подсел на герыч сразу после армии. Две ходки по три и пять лет за кражу со взломом, последняя с отягчающим, избил охранника. В зоне понятное дело не кололся, но как только выходил, сразу брался за старое. Родственники думали, что он на третью ходку пошел.

– А что там с охранником музея? – Лимонов сложил руки в замок.

– Беседовал лично, так как местных он развел на раз-два. Говорил, что выпил баночку пива, уснул, проснулся под утро и пошел на обход.

Догадавшись к чему клонит напарник, Токарев усмехнулся.

– Лямур?

– Так точно, – кивнул Громов, – ночью наш Ромео был не один. Зазнобу тоже допросил. Про пиво он, конечно, не соврал, но там не одна банка была. После секса оба вырубались, а когда проснулись, то увидели на мониторе странное действо: мужик тащит мешок с песком и рассыпает в центре зала. Она схватила вещички и будь здоров, а герой-любовник пошел выяснять, что за несанкционированная инсталляция в зале европейского искусства.

Токарев оценил шутку напарника и приглушенно хихикнул.

– Он лицо убийцы видел? – с нетерпением спросил полковник.

– Нет, – покачал головой Вадим, – утверждает, что тот сзади к нему подкрался. Я ему верю. Охранник парень крепкий, бывший десантник, в рукопашную его не каждый профи одолеет, а судя по приметам, убийца хилого телосложения, хотя и высок ростом. Вырубил охранника и сразу деру дал. Охранник только успел разглядеть у него на груди цифровой фотоаппарат.

– То есть убийца хотел заснять, так сказать, на долгую память свой шедевр,
– резюмировал полковник.

– Видимо, – согласился Громов. – Видеонаблюдения в хосписе нет, поэтому восстановить по записям хронологию передвижений невозможно. Но я сегодня хочу проехать туда и поспрашивать персонал и больных.

– Хорошо. А у тебя что, Саня? – обратился Лимонов к Токареву.

– У меня все глухо, – нерадостным голосом начал Токарев, – саму голову уже захоронили вместе с телом.

Александр раздал коллегам фотографии и продолжил:

– Посетители выставки обнаружили вибрирующую коробку, из осторожности открывать не стали, позвали охранника. Тот приоткрыл, а оттуда змеи полезли!

Кира взяла фотографию и от удивления округлила глаза. К бритой женской голове с широко открытым ртом вместо волос были прикреплены живые змеи.

– Фу! Какая мерзость! – воскликнул Свиридов.

– Медуза Горгона, – произнесла Кира, откидываясь на спинку стула.

Полковник хмыкнул и потер подбородок.

– Голова пропала в похоронном бюро прямо перед церемонией прощания с родственниками, – продолжил доклад Токарев, – открыли гроб, а там «всадница без головы».

Лимонов нахмурился, кустистые брови почти прикрывали зрачки. Такое сравнение ему не понравилось и он недовольно буркнул:

– Дальше.

– Умершую звали Антонина Власюк. 1976 года рождения. Работала в женской тюрьме. Умерла на работе от сердечного приступа. Но не думаю, что причина смерти та, что написана в отчете патологоанатома. Когда я позвонил в морг, там все занервничали.

– Когда ее похоронили? – уточнил полковник.

– Тело захоронили неделю назад, голову – два дня назад. Я еще не выехал из Владимира, как в полицию позвонили родственники Власюк и заявили, что не допустят эксгумации.

– На кой черт нам ее эксгумация? – брови полковника взметнулись вверх.

Токарев пожал плечами.

– Так как факт убийства не установлен, в морге не стали проводить детальный осмотр, лишь отделили змей и отдали родственникам для захоронения.

– А есть фотографии с вскрытия Власюк? – спросил Громов у напарника.

Токарев отрицательно покачал головой.

– Говорю вам, с этим вскрытием и со смертью Власюк что-то не так.

– То есть голову могли отделить еще до вскрытия, а наш убийца ее просто выкрал? – предположила Кира.

Митяева внимательно разглядывала фотографию головы в коробке. Мучительная гримаса, застывшая на лице умершей ей что-то напоминала, только она никак не могла вспомнить что.

– Если так, то убийца знал, что голова отделена от тела и круг подозреваемых можно сократить, – глаза Киры блеснули, она прищурилась.

Токарев сделал несколько пометок и стал пролистывать блокнот с записями.

– Работники тюрьмы, морга и похоронного бюро, – развил тему Громов.

– Опроси всех, – приказал полковник Токареву, – выясни, кто занимался транспортировкой тела, кто имел к нему доступ и нам нужно знать, кто и как убил Власюк. Подключай владимирский убойный. Я позвоню начальству, согласую твой повторный приезд.

В конференц-зале на минуту воцарилась тишина. Полковник обвел всех пытливым взглядом и остановился на Кире.

– Митяева, докладывай.

Кира рассказала, что ей удалось узнать в морге, подробно описала состояние вещей что были на жертве в момент смерти, а в конце доклада показала фотографию бирки, которую нашла в жилете и заключила:

– Нужно проехать в «Розовую пантеру» и расспросить о парчовом жилете, может, удастся найти того, кто брал его напрокат.

Полковник взглянул на двоих новичков в отделе – Марусевича Андрея и Маркела Глушко. Обоих следственное управление выделило в отдел профайлинга временно, и вскоре полковнику предстояло на их счет принять решение.

– Этим займутся Марусевич и Глушко.

Кира недовольно поморщилась, она боялась, что новичков снова разобьют в пары с более опытными следователями, и кто-то из этой парочки будет ее новым напарником. Еще месяц назад по настоянию шефа она ознакомилась с их личными делами и поняла, что кроме Глеба Яковлева никто не сможет работать аналитиком. Поэтому и взяла его в напарники, но Глеб оставил ее одну на месте осмотра преступления, из-за чего Кира оказалась в смертельной опасности. Узнав об этом, Бирк набросился на него с кулаками в офисе при свидетелях. Глеб зафиксировал последствия этой стычки и хотел подать в суд, но в защиту легендарного профайлера вступился Лимонов и покровительствующий Бирку замминистра – дело замяли. Где сейчас Глеб работает Кира не знала, после того как ее выписали из больницы он окончательно пропал с ее горизонта.

Разгоряченный новостями полковник, вскочил с места и выпалил:

– Подведем итоги! – он повернулся к Кире и неожиданно для нее предложил: – Давай Митяева, куй железо пока горячо, обобщи все что имеем и делай выводы. Дальше обсудим.

Взгляды сотрудников остановились на единственной женщине в отделе, от чего она мгновенно густо покраснела. От волнения в горле пересохло. Мысленно она дала себе установку не распускаться и не ёрничать, но внешнее спокойствие давалось благодаря титаническому усилию.

– Убийца находится в начале своего пути, – робко начала она и услышала, как ехидно хмыкнул Громов. – Если предположить, что два установленных инцидента связаны с одним и тем же преступником, то *modus operandi*³ будет меняться с каждым случаем, потому что он молод и еще учится. Его действия не продуманы до мелочей, он видит только конечную цель – создание собственного шедевра и его увековечивание, а не шаги, которые нужно предпринять.

Свиридов вывел на обзорную доску шаблон таблицы профиля убийцы. Кира встала с кресла, взяла маркер и вписала в ячейку с возрастом цифры.

– Ему не больше двадцати пяти. Он еще только пробует себя на поприще искусства, но не зарабатывает им на жизнь. Возможно, его талант недооценили или он так считает. В нем кипят отчаяние, ненависть и злоба, он, во что бы то ни

³ *Modus operandi* (лат.) – образ действия. В криминологии служит одним из методов составления психологического профиля преступника и способствует в его идентификации и поимке.

стало, хочет заявить о себе, стать знаменитым. Мечтает о том, что его произведения будут стоять на одной ступени с признанными мэтрами, но в реальности его никто не воспринимает всерьез. Он слышит каждый день отказы и насмешки, но упрямо идет вперед. Агрессивен, но труслив, такой симбиоз сдерживает его от убийства. Представителей власти он боится, вот почему при виде охранника сбегает. Ведь применив электрошокер, он мог связать охранника и закончить начатое, но он бросает все на полпути и скрывается. Думаю, он даже не сделал той самой фотографии, ради которой задумал свой проект. Но такой расклад будет не всегда, по мере продвижения к своей цели он будет крепнуть и смелеть.

В процессе выдвижения своей гипотезы, Кира осмелела. От волнения не осталось и следа. В зале все замерли и внимательно слушали ее выводы. Периодически кто-то из коллег одобрительно кивал, давая понять, что пришел к такому же выводу, но были и моменты, когда все сотрудники не скрывали своего удивления. Полковник вышагивал по кабинету, заложив руки за спину. Во время доклада Митяевой, он смотрел не на нее, а изучал реакцию сотрудников.

– Первые два случая его кое-чему научили, – продолжила Кира. – Он начал с кражи головы. Я уверена, что он ее просто выкрал. Он ждал признания, даже проверял заголовки газет, но, увы, его действия вызвали только осуждение и недопонимание. Во втором случае он пытается сохранить труп, на коже появляется пластификатор, который, скорее всего, должен был сдержать разложение трупа на несколько часов.

– Зачем он гримирует жертву? – спросил полковник и вернулся в свое кресло.

– Он создает объемную, как сейчас принято говорить, 3D-картину. Сюжет он выбрал заранее и старается от него не отступать. Жертва тоже выбрана неслучайно. Отверженный художник знал точно, что жертва вот-вот умрет и, по его мнению, действовал во имя гуманных целей, – Кира повернулась к полковнику и спросила: – Отчет патологоанатома еще не пришел?

– Нет, – покачал головой Лимонов.

– Не зная причины смерти второй жертвы, могу только предположить, что он умер в дороге. Возможно, он хотел утихомирить своего натурщика, а вышло, что убил. Я бы назвала нашего убийцу Отверженным.

– Отверженным? – усмехнулся Токарев.

– Да... он изгой для общества. Он – Отверженный. Третий проект он продумает тщательно, не исключено что его он точно доведет до конца... учтет все ошибки предыдущих случаев.

– Думаешь, теперь он по-настоящему убьет? – спросил Свиридов.

– Да. Выбор жертвы тоже будет неслучаен. Мне кажется, его внимание приковано к людям из группы риска – наркоманам, проституткам. Они не смогли построить свою жизнь как полноценные члены общества, ничего не создали, ни к чему не стремились, а он дает им вторую жизнь, дает искупление.

– Власюк не была ни наркоманкой, ни проституткой, – жестким тоном парировал Токарев.

– Она работала надзирательницей в тюрьме, согласитесь, не каждый пойдет на подобную работу. Думаю, если мы соберем о ней данные, то в итоге причислим к группе риска.

– Возможно, – буркнул полковник, сверля взглядом Токарева, – продолжай Митяева, мы все во внимании.

– Поэтому я прихожу к выводу, что Отверженный пытается дать своим натурщикам вторую жизнь через свою картину. Возможно, что убивая следующую жертву, он так и будет говорить: «Я даю тебе вторую жизнь, я увековечу твой образ».

– Рядом с трупом лежала морская раковина, – напомнил Громов.

– Да, я помню... как говорит Бирк, это сигнатура – визитная карточка убийцы. Он будет оставлять ее на каждом месте преступления.

– Но рядом с головой со змеями не было никакой ракушки, – возразил Токарев, уже более спокойным тоном.

– Была. Просто на нее никто не обратил внимания. Но он не только оставляет, он еще и уносит. Мне кажется, что во втором случае это личная вещь охранника. Отверженный забрал ее, чтобы потом неоднократно переживать в памяти «схватку», в которой как убийца думает, он одержал победу. Эта вещь

будет его подбадривать и вдохновлять, – Кира повернулась к Громову, – нужно спросить охранника рязанского музея, что он в тот день потерял.

– Брелок, – тут же ответил Громов, поднимая глаза от блокнота, – с раскладным ножом и штопором.

Впервые за время работы в отделе Кире не понравился взгляд коллеги. В них блеснул недобрый огонек, Громову претило ее красноречие, это подметил и полковник.

– Значит, мне нужно выяснить, что он унес с передвижной выставки, – задумчиво произнес Токарев.

– То, что он забрал, будет всегда при нем, как и брелок охранника. Он повесит его на самое видное место, а то и на собственные ключи и будет гордиться своим трофеем.

Когда Кира закончила, полковник забарабанил пальцами по столу и задумчиво произнес:

– Значит, это непризнанный молодой художник. Где нам его искать?

Кира развела руками.

– Не все сразу Андрон Маркович, мы только начали.

– Хорошо! Это уже что-то! – с довольным видом произнес полковник и хлопнул по коленям. – Есть, кому что добавить?

Все переглянулись и покачали головами.

– Вадим, езжай в хоспис, поспрашивай, что там да как. Саня, ты дуй в тюрьму, где работала Власюк. Узнай, при каких обстоятельствах она умерла. Разущи ее подружек, с кем она там общалась. В этом деле истина откроется только терпеливому и осторожному. Видать в тюрьме ее смерть прикрыли как несчастный случай и все там шито-крыто, а тут мы со своим самоваром, – полковник взглянул на новичков, – а вы, аты-баты шли солдаты, отправляйтесь в «Розовую пантеру», узнайте все про тот жилет.

Все повскакивали с мест и в считанные секунды разошлись.

– Ваня, мне нужна вся информация по жертвам, где родились, где учились, где влюбились... ищи связь. Нужны общие знаменатели.

– Хорошо, – Свиридов тоже покинул конференц-зал и, прихватив из кухни кружку дымящегося кофе, ушел в свой кабинет.

Кира оторопело смотрела на происходящее. Отсутствие поручения не сулило ей ничего хорошего. Полковник тяжело вздохнул, степенно встал с кресла и пошел к двери.

– Иди за мной, – буркнул он на ходу.

Расположившись в удобном кресле в кабинете полковника, Кира приготовилась к очередной нотации. Сегодня она опять опоздала, но на это были уважительные причины. Полковник устроился в своем рабочем кресле, взял ручку «Паркер» – подарок Бирка к открытию офиса – и начал монотонно постукивать ею о стол.

– Когда начнешь вовремя на работу приходить? – как бы, между прочим, спросил полковник, не сводя взгляда с ручки.

– Вчера я узнала от работницы Бирка, что он время от времени оказывает бесплатные психологические консультации в анонимном благотворительном центре «Новая жизнь». Утром поехала в их офис.

– И? – с нетерпением спросил полковник, он знал, что у Бирка множество благотворительных проектов, но не знал какие конкретно.

– Мне удалось добраться до списка регистрации, не спрашивайте как.

– Даже не думал, – пробубнил Лимонов.

– В период, который вас интересует, он дважды встречался с пациентом с псевдонимом «Радуга».

– В какие числа?

– Десятого и двадцать второго мая.

Полковник отыскал последнюю запись в блокноте и сказал:

– Двадцать второго Стачук пропал из отеля.

– Значит, Бирк никак не мог быть тем убийцей. В это время он был в Москве.

– Да, но теперь следователь из Интерпола считает, что он мог нанять киллера.

– Ну, в таком случае вместе с Бирком прицепом можно сразу обвинить всю нашу группу. У каждого из нас был такой же мотив. Пусть прибавят в список

коллег Колокольцевой, которую пытал и убил Стачук, у тех тоже зубы скрипели, когда пришла новость об экстрадиции, – Кира задумалась. – Тут что-то не то. Кто инициировал расследование?

Полковник резко вскинул голову и она поняла, что именно здесь кроется разгадка нападок на Бирка.

– Вы знаете кто, – догадалась майор.

Еле заметный кивок, Лимонов разомкнул сухие бесцветные губы и выпалил:

– Яковлев!

– Что? – от удивления Кира вскочила с места.

– Руководит следственной группой Васильев, мой давнишний знакомый. А на мысль о причастности Бирка к смерти Стачука навел его Яковлев, он уже месяц работает в Интерполе. Васильев им доволен, считает, что я потерял ценного сотрудника.

– Глеб далеко пойдет, – еле слышно подметила Кира не без доли сарказма и опустилась в кресло. – Зачем Бирку алиби, если появилась версия найма киллера?

– Думал, что помогу Расмусу, но... придется сказать ему...

– Так что мне делать? Собирать информацию или нет?

– Не надо. Я поторопился, подключая тебя. Расмус вернется и сам все уладит.

Полковник махнул рукой, красноречиво давая понять, что тема закрыта, но Кира не успокаивалась.

– Вчера вы подозревали его в убийстве, а сегодня снова защищаете, – подметила она, не отрывая цепкого взгляда от лица шефа.

Лимонов заерзал, подобные выпады в его сторону он не прощал, но винить кроме самого себя было некого, он сам открылся подчиненной и теперь не отмахнется одним заверением, что все уладится без нее.

– Поначалу я вспылил, – признался полковник, – все выглядело так логично, но потом...

– Что? – подбодрила его Кира.

– Оглянись вокруг, что ты видишь? – спросил Лимонов и подошел к стеклянной перегородке.

– Офис, – коротко ответила Кира.

– Помещение, оборудование, компьютерные программы – все это Расмус Бирк. Он годами лелеял идею открытия отдела бихевиоризма в России. Не думаю, что он пойдет на такой риск как убийство Стачука. Тем более учитывая тот факт, какое это было громкое дело.

Кира обвела взглядом офис и подумала, что полковник прав, Бирк рисковать не будет.

– Пусть Расмус сам все уладит, – повторил полковник и снова сел в рабочее кресло.

Кивнув, Кира вопросительно взглянула на шефа, как бы спрашивая, может ли она идти.

– Звонил вчера Расмусу, – многозначительно произнес Лимонов, – вернее Сото, сам он ни по одному телефону недоступен. Расмус сейчас в пещере, но как только экспедиция поднимется наверх, Сото передаст ему, что мы взяли новое дело.

– А мы взяли это дело? – удивилась Кира. – Я думала, мы просто консультируем Рязань.

– Пока не взяли, но к тому времени, когда Бирк появится в Москве, думаю что возьмем. С твоими выводами я полностью согласен: отверженный художник убьет снова, а это будет третий случай и попадет в нашу юрисдикцию. Ты вообще меня сегодня приятно удивила Митяева.

Кира смутилась, понимая, что услышать такое от полковника дорогого стоит.

– Не думал, что ты так преуспеешь в учебе. На больничном ты зря время не теряла. Расмус тоже молодец и как всегда оказался прав.

Кира подняла глаза на полковника и он пояснил:

– Из всех сотрудников именно тебя он выбрал в ученики, а потом рекомендовал на курсы повышения квалификации в школу ФБР в Будапеште. Занятия начинаются через две недели. Надеюсь, к этому времени мы поймем Отверженного.

У Киры от волнения запершило в горле, даже в самых смелых мечтаниях об успешной карьере, она не могла представить, что сможет попасть на курсы ФБР. Дрожащей рукой она потянулась к бутылке с водой, которую принесла с собой и сделала два громких глотка.

– На твое направление осталось поставить две подписи: мою и замминистра. Это официальное собеседование. Если ты убедишь меня, что достойна, то к трем часам поедем в министерство и вопрос будет решен.

Потеряв дар речи, Кира не сводила глаз с полковника. Она не могла ни моргать, ни дышать. Казалось, прошла вечность, прежде чем она смогла заговорить:

– Я... не знаю даже что сказать... это так неожиданно...

– Не стесняйся, – жестко произнес Лимонов, от мысли о предстоящих сражениях лицо заострилось. – Ты должна знать, что меня ждет, когда ты дашь согласие. Я, конечно, тебя поддержу, но при этом сильно рискую. Против тебя ополчатся коллеги, в первую очередь Громов. Он претендовал на это место. Огорчится и его папаша. Даже Бирк не обладает такими полномочиями. Ты должна в министерстве сказать то, что позволит понять логику Бирка при выборе твоей кандидатуры, особенно учитывая слухи о вашем романе. Так ты готова?

Киру изнутри сотрясала дрожь, но внешне она ничем не выдала своих эмоций. Если она не закончит обучение, а такое нередко бывало с предыдущими кандидатами, в ее случае этого не забудут. Не потому что она женщина, а потому что она протеже Бирка. Она разлепила пересохшие губы и произнесла:

– Я вас не подведу, Андрон Маркович...

– Этого мало! – крикнул полковник и стукнул кулаком по столу. – Мало! Аргументируй! Покажи в чем твоя особенность.

– Не могу себя нахваливать, – резко парировала майор.

– И не надо! Похвалю я в своей рекомендации. Скажи, почему ты хочешь работать в отделе профайлинга и поехать на курсы. Тебя будут рассматривать под микроскопом, будет учитываться все: развод, диагноз матери, травму в последнем деле и даже то, что ты живешь у Бирка. Вдобавок Вадим на каждом углу разглагольствует о твоём желании уйти из отдела, мол, своими глазами видел заявление о переводе.

Аргументы в пользу своей кандидатуры Кира сначала высказывала робко, глядя в пол и ерзая на стуле, но по ходу монолога осмелела, а в памяти всплывали все новые факты. Она рассказала, что еще в детстве составляла на друзей и знакомых психологические портреты. Подмечала то, что было от других скрыто. Легко могла разобраться врет ли человек или говорит правду. Что иногда даже провоцировала людей на поступки, только лишь для того, чтобы подтвердить тот или иной вывод. Затем поведала полковнику, что давно уже изучает методы ФБР и они сильно отличаются от метода Бирка. Они более системные и упорядоченные, но в то же время шаблонные, а извращенное сознание маньяка никогда в шаблон не вписывается. Поэтому ей хотелось бы пройти курсы, чтобы разобраться, что из американской системы можно будет применить в их отделе, а что сразу отмести.

Разговор с шефом продлился без малого час. Когда она вспотевшая и утомленная вышла из кабинета начальника, сил хватило только добраться до кулера. Она залпом выпила два стакана холодной воды и оглядела безлюдный, словно пустыня офис. Через стеклянную перегородку она заметила, что Свиридов машет ей рукой и поспешила к столу коллеги.

– Пришел отчет патологоанатома, – сообщил новость Иван, когда Кира вошла в кабинет, – я сохранил его в базе.

Расположившись за рабочим столом, Кира открыла базу данных и отыскала папку с новым делом, которому Свиридов присвоил кодовое имя «Художник». Нашла отчет патологоанатома, присланный рязанскими коллегами и два раза щелкнула по нему мышью. В новом окне открылся отчет о вскрытии Петра Довлатова. Майор внимательно прочитала отчет и сделала несколько заметок в блокнот. В графе «Причина смерти» было указано: «Неоднократное воздействие электрошокера в область груди привело к остановке сердца». В графе «Дата смерти» – «28.06.2012г». Выходит, что жертва после похищения еще сутки была жива. Это подтверждало ее догадки. Окрыленная собственной правотой, она с довольным видом потерла руки и хотела выпить кофе, как услышала за спиной жесткий голос полковника.

– Митяева! Нам пора в министерство.

Глава вторая

2 июля 2012г.

г.Рязань, хоспис

Громов припарковал «Мицубиси Аутлендер» перед невзрачным двухэтажным кирпичным зданием и выключил двигатель. От Свято-Иоанно-Богословского мужского монастыря хоспис отделял высокий белокаменный забор. День выдался солнечный, температурный датчик на приборной панели показывал двадцать четыре градуса. Выйдя из охлажденной кондиционером машины, Вадим вдохнул прогретый летним солнцем воздух и размял затекшие мышцы.

Внимание следователя привлекло окно второго этажа, через которое за ним наблюдала молодая девушка. Ее миловидное лицо не выражало никаких эмоций. Вадим подметил белокурые волосы, стянутые цветастым платком и темную блузку, на фоне которой девушка казалась болезненно бледной.

«Такая молодая, а уже пациентка хосписа», – с сочувствием подумал он.

Он отлепил от силиконового коврика-держателя телефон и сунул его в карман джинсов. Включил сигнализацию, стремительно поднялся по ступеням на крыльцо и бросил быстрый взгляд на табличку рядом с входной дверью «Отделение паллиативной медицинской помощи».

Открыв дверь, Вадим ощутил стойкий запах медикаментов, больничной еды и от нахлынувших болезненных воспоминаний поморщился. У него был незабываемый опыт в посещении подобных заведений – три года назад от рака умерла его мать. Пока он стоял перед стойкой регистрации перед глазами мелькало истощенное и измученное болезнью ее лицо.

В вестибюль вышла старшая медсестра и пригласила его пройти в ординаторскую. Пока они шли по коридору мимо вереницы больничных палат, больные и медицинский персонал с осторожностью поглядывали на следователя. По их лицам он понял, что о его визите не знала лишь кошка, которая вальяжно расхаживала по отделению.

– Проходите, – пригласила медсестра с деланной улыбкой, открывая дверь ординаторской.

В заставленной письменными столами комнате у окна стоял мужчина в медицинском халате и говорил по телефону. Заметив Вадима, он жестом пригласил его сесть на потертый офисный стул, а сам продолжил разговор. Судя по коротким сухим ответам, он говорил с родственником умирающего больного.

Громов вынул из кармана брюк блокнот и освежил в памяти перечень вопросов, которые накидал еще в офисе во время совещания.

Закончив разговор, врач-паллиатолог поздоровался и сказал:

– Извините, у меня мало времени, так что сразу хватайте быка за рога.

Следователь понял, что врач не собирается садиться и тоже поднялся.

– Для начала ответьте на два вопроса: кто навещал Довлатова в хосписе с первого дня поступления, и удалось ли вам найти свидетелей его похищения? – деловито начал Громов. – Когда мы говорили по телефону, вы обещали, что поручите кому-нибудь опрос больных. Так же мне нужно осмотреть палату, в которой лежал Довлатов, и поговорить с персоналом, который в тот день дежурил.

– По поводу посещений я дам распоряжение, вам выдадут информацию, сам я не вникаю в такие вопросы. Лично я никого у его койки не видел. На второй вопрос...

Разговор прервал скрип двери, в ординаторскую заглянула одна из медсестер, которую Громов видел в коридоре.

– У Ковалева резко упало давление, нижнее: сорок.

– Реакция на новые препараты? – быстро отозвался врач.

– Еще не успели дать.

Девушка скрылась в коридоре, врач ни слова не говоря, тут же выскочил следом. Громов решил не дожидаться в ординаторской и последовал за ними.

– Где палата Довлатова?

– Там уже лежит другой больной, – бросил через плечо доктор и заскочил за медсестрой в палату.

Громов притулился к стене и стал наблюдать за хорошо знакомыми действиями персонала. Мимо него величественно прошагала та самая девушка, что наблюдала за ним из окна второго этажа. В руках она несла упаковку томатного сока и скрученное в валик шерстяное одеяло. Ее большие голубые

глаза были наполнены слезами. Громов проводил ее взглядом до лестницы и снова повернулся к врачу. Тот уже сделал осмотр и скорректировал назначения. Увидев все еще стоящего рядом следователя, он выглянул в коридор, позвал старшую медсестру, и когда она подошла, сказал:

– Катя, проводи следователя к Наталье, а потом ответь на его вопросы.

Женщина кивнула и повела Громова назад в вестибюль.

В приемной выяснилось, что Довлатова никто не навещал и не звонил. Тот же, напротив, звонил из хосписа много раз, так как своего мобильного телефона у него было, но итог этих разговоров всегда был один: он со злостью бросал трубку. За что ему персонал неоднократно делал замечания. В конце беседы регистратор поведала, что характер у Довлатова был задиристый и вспыльчивый. Он часто грубил персоналу, а однажды, не получив во время дозу обезболивающего, швырнул в медсестру ботинком.

Следователь поблагодарил за информацию и присоединился к старшей медсестре, которая с недовольным видом все это время ожидала его в коридоре.

– Я бы хотел осмотреть палату, в которой лежал Довлатов, – Громов потер травмированное на последней тренировке плечо.

На секунду она закатила глаза, давая понять, как ее нервирует его присутствие, затем качнула головой в сторону лестницы и первой пошла вперед.

– Как я понял, это *вас* руководство просило провести опрос больных на предмет свидетелей похищения? – спросил он медсестру, чеканившую шаг словно солдат.

Она обернулась вполоборота и закивала.

– Что удалось узнать? – с нетерпением в голосе спросил Вадим.

– Никто ничего не видел, – она развела руками, как бы извиняясь, и добавила: – Вы, наверное, это часто слышите.

Громов оставил ее догадку без комментария. Выезжая из Москвы, он предполагал, что обычный опрос свидетелей в таком учреждении невозможен, большая часть пациентов находится под воздействием обезболивающих препаратов, от которых ослабевают сознание и искажается восприятие реальности, вследствие чего они не могут быть надежными свидетелями.

Поднявшись на второй этаж, они зашли в первую же дверь и оказались в палате, рассчитанной на две койки. У окна стояла та самая блондинка в платке, которую он заметил, как только приехал. Он проследил за ее взглядом и понял, что она смотрит на церковные купола. На койках лежали двое мужчин, один из них примерно шестидесяти лет был накрыт тем самым одеялом, которое только что принесла девушка. Больного бил озноб, на лбу выступила испарина. Его худощавое лицо имело серо-зеленый оттенок. Второй, пациент спал, отвернувшись к стене.

– Как видите это обычная палата, – вполголоса сказала медсестра, стараясь не разбудить спящего больного.

Громов осмотрелся. На окне решетка, через широкий дверной проем с легкостью проедет каталка. Рядом с палатой пост медсестры.

– А кто дежурил в тот день?

– Валентина.

– Могу я с ней поговорить?

– Она на больничном.

– Дадите ее адрес?

Медсестра кивком показала в сторону коридора.

За все время пребывания следователя в палате, девушка в платке так и не повернулась, стояла словно монумент, плотно сомкнув губы, и не отводила взгляда от монастырских куполов.

– А лифт у вас есть? – спросил следователь, выходя из палаты.

– Лифт есть, но он включается очень громко и перебудил бы всех больных, так что можно сказать с полной уверенностью, что им не пользовались.

Заполучив номер телефона медсестры, дежурившей в ночь похищения Довлатова, Громов позвонил и в нетерпении переминался с ноги на ногу. Шли гудки, но трубку она не взяла. Тогда он спустился в регистратуру и попросил ее домашний телефон. Опять потерпел неудачу и вернулся в отделение. Следующий час он опрашивал персонал и больных, которые еще самостоятельно передвигались по коридору и, не добившись от них новой информации, решил вернуться в Москву. Нутром он чувал, что все с кем он беседовал знали гораздо больше, чем говорили, но ощущения в протокол не впишешь.

Разочарованный и пропахший специфическим запахом он вышел на крыльцо, вдохнул свежий воздух и обнаружил, что рядом с его машиной стоит та самая блондинка со стеклянным взглядом.

– Вам здесь правду никто не скажет, – быстро произнесла она и двинулась вдоль дороги.

Девушка сняла платок и встряхнула головой. Пряди густых длинных волос рассыпались по спине. Она обернулась и убедилась, что он смотрит ей вслед.

– А вы? – спросил Громов, наблюдая за ее странным поведением.

– Не здесь... – отозвалась она и скрылась за поворотом.

Громов сел в машину и завел двигатель. Когда он повернул за угол здания, девушка стояла у обочины. Он остановил машину и открыл перед ней дверь.

– Как вас зовут?

– Никак... – ответила, как отрезала блондинка, садясь в машину, – мой дядя умирает в этом хосписе, я не хочу, чтобы он пострадал от моего длинного языка. Езжайте на заправку, я сойду перед трассой.

Громов нажал на педаль газа. Машина медленно покатила, держась ближе к обочине.

– Вам никто правду не скажет потому, что в хосписе принято ограждать больных от всех проблем извне. Им и так остались считанные дни, многие не доживут и до следующей недели, лишние переживания им не нужны.

Девушка перевела дыхание, с опаской оглянулась, осмотрела дорогу. Затем ее взгляд скользнул по окнам хосписа. Убедившись, что их никто не видит, она снова повернулась к следователю.

– За день до исчезновения Петра я видела, как в хоспис приходил странный парень. Вел он себя ужасно, врвался в палаты к больным, забирал еду, оскорблял всех, кто пытался его вразумить. Медперсонал был на совещании, поэтому его не сразу выставили.

– Ты лицо его запомнила? – с надеждой в голосе спросил Вадим.

– Нет. Он прятал лицо под бейсболкой. Синяя такая... на ней была вышита надпись, что-то... – ее лоб прорезали тонкие морщины, – не помню короче...

– Во что бы одет?

– В черные узкие джинсы и разноцветную футболку.

– Телосложение?

– Худой... даже слишком... высокий...

– Что он говорил?

– Кричал, что все цепляются за никчемную жизнь, что они ничего для бога не значат, что они жуки навозные. Было жутко... Это я позвала санитаров, его сразу прогнали. Думала, он снова заявится, зачем-то же он туда приперся, сами понимаете, нормальный человек это место будет стороной обходить, но нет, больше я его не видела.

Громов почувствовал, что она что-то недоговаривает.

– Что еще? – спросил он и припарковался рядом с автозаправкой.

– Больной с первого этажа сказал, что видел, как он выскочил из первой палаты весь в слезах. Сначала рыдал сидя на полу, его начало штормить. Вырвало на линолеум... а потом наглотался каких-то таблеток и его понесло. Мы думали он нарик, таких тут много крутится в надежде пожить.

Следователь прожег незнакомку пронизательным взглядом.

– Ладно, вылезай, я поеду обратно, – Вадим хотел открыть пассажирскую дверь, но девушка запротестовала.

– Вы что?! Вам нельзя возвращаться, тогда они точно узнают, что это я вам рассказала.

– Слушай, я тут с тобой в шпионские игры играть не буду, я веду расследование убийства, так что ты мне под руку не лезь, – грозным тоном выпалил Громов.

– Дайте мне слово, что не вернетесь, и я вам все расскажу, а что не знаю, так узнаю позже, – взмолилась девушка.

– Как тебя зовут? – снова спросил Громов.

– Вика, – еле слышно произнесла она и опустила голову.

– Так вот, Вика, говори, что знаешь или я вернусь, и весь этот хоспис на ноги поставлю, – грозно произнес Вадим и жестом показал в сторону кирпичного здания.

Оставалось загадкой, зачем она с ним сама заговорила. Могла бы промолчать, раз так переживала за родственника. Но нет, она настойчиво привлекала к себе внимание следователя с первых минут его появления.

– Первая палата – мужская, туда попадают больные, которых только перевели из больниц. Это своего рода приемный покой. Там лежат несколько дней, а потом их переводят в другие палаты. Так вот, в первой палате в тот день лежали двое: старичок, который умер на следующий день и Артур, которого потом перевели на место Довлатова в палату к моему дяде.

Громов мысленно пытался вспомнить парня, который спал лицом к стене. Обесцвеченные на концах пряди волос, клетчатая рубашка, трикотажные черные спортивные бриджи, в ухе прокол от серьги.

– После исчезновения соседа, дядя сказал, что у него пропала куртка и пакет с фруктами. Я подумала, что это мог взять тот самый парень. Он ведь воровал еду у больных.

– В ночь, когда пропал Довлатов, ты была в палате?

Она покачала головой.

– Нет, я пришла к обеду.

– Твой дядя что-нибудь видел?

– Его боли сильно мучили, не спал несколько дней, поэтому еще с вечера ему дали большую дозу снотворного, он проспал всю ночь. Ничего не слышал.

У Громова промелькнула мысль, что без внедрения своего человека в хоспис до сути происходящего не докопаться. Он сунул визитку Виктории, попросил глаз не спускать с нового пациента и докладывать обо всех посетителях.

– Попытайся его разговорить, но не усердствуй. Если он причастен к похищению Довлатова, то насторожится и замкнется. Будь осторожна. Поняла?

Девушка кивнула, распахнула пассажирскую дверь и пулей выскочила из машины. Нахмурившись, Громов смотрел, как она вышла на трассу и пошла к остановке. Он так и понял ее мотивации. Подобное поведение не складывалось в общую картину и это дико раздражало.

г.Тула, центральный парк

Паренек плотного телосложения, запыхавшись после пробежки, опустился на скамейку у пруда и с облегченным стоном вытянул ноги. Летний ветерок приятно обдувал лицо и теребил мокрые от пота волосы. Обтерев лицо подолом

майки необъятного размера, он пытался восстановить сбившееся дыхание. Сердце, словно птица, запертая в клетке, готово было вырваться из груди. Сегодня он с трудом выполнил половину намеченной нагрузки. За последние недели он стремительно набирал килограммы, ни диета, ни чудо-чай для похудения, который купила ему мать, не помогали. Он снял кроссовки, помассировал отяжелевшие ноги и огляделся по сторонам. Тусклый рассеянный свет фонарей еле освещал тротуар и береговую линию пруда. Вдоль берега плыла пара белоснежных лебедей, рождая в сознании определенные ассоциации. В памяти мелькнул образ девушки, с которой он месяц назад расстался, но телефонный звонок не дал ему погрузиться в мучительные воспоминания. На дисплее он прочитал «дом» и ответил:

– Мама я еще не закончил, осталось полкруга.

– Не слышу, чтобы ты бежал, – усомнилась мать.

– Я устал, присел на лавочку, – с раздражением возразил парень.

– Хорошо-хорошо, я просто хотела удостовериться, что с тобой все в порядке. Я приготовила ужин.

– Мама, ну какой ужин?! Я худею, – взмолился он.

– Это легкий салатик: зелень, помидоры и огурцы, от него не поправишься.

Ешь хоть целый таз, – звонкий смех матери заставил его улыбнуться.

– Только лук не добавляй! Скоро буду, мам.

– Я без тебя не сажусь за стол. Так что не расслаживайся там на скамейке.

Завтра мне рано вставать.

Он спрятал телефон в карман спортивных брюк и тяжело вздохнул.

Со стороны дороги послышался приглушенный стук и чье-то чертыханье. Паренек оглянулся и увидел молодого мужчину с костылями, который пытался поднять с асфальта упавшие книги. Одна нога была в гипсе. Он поднимал книги, а другие тут же падали. Недолго думая, бегун втиснул распухшие ноги в кроссовки и побежал навстречу незнакомцу.

– Давайте я помогу, – услужливо предложил он и начал поднимать книгу за книгой.

– Спасибо, – сдержано поблагодарил незнакомец и, опираясь на костыль, проковылял к синему фургону.

Бегуну ничего не оставалось, как последовать за ним. Незнакомец открыл нараспашку двери.

– Если вам не сложно положите книги ближе к сиденью.

Бегун запрыгнул в фургон. Складывая книги стопкой, он невольно принюхался к устойчивому запаху химикатов и брезгливо сморщил нос.

– Как же вы поедите на машине, если у вас нога в гипсе?

Ответа он не услышал. Разряд электрошокера встряхнул все тело, от чего оно словно мячик подпрыгнуло в воздухе и распласталось в фургоне поверх книг. Один кроссовок спал с ноги и отлетел на обочину. Отбросив костыль, мужчина проворно запрыгнул в фургон и захлопнул двери. Тщательно обыскал карманы доверчивой жертвы и изъял мобильный телефон, ключи от квартиры и упаковку жвачки. С большим трудом он перевернул обездвиженное грузное тело на спину, аккуратно разрезал портняжными ножницами промокшую от пота футболку и осмотрел лицо и плечи.

– Хм... Так-сяк... не идеально, но приемлемо, – произнес, потирая взмокшие от перевозбуждения ладони похититель, и перелез на водительское сиденье.

Сняв накладной гипс с ноги, он небрежно закинул его в салон и завел мотор. Фургон вырулил на дорогу и перестроился в крайний левый ряд. Одну руку водитель держал на руле, второй разобрал телефон жертвы и извлек сим-карту. Больше она здоровяку не пригодится. Сим-карта упала на проезжую часть под колеса ехавшей следом машины.

Хотя в министерских кабинетах было прохладно, Кира спустилась в колонный вестибюль взмокшая с пунцово красным лицом. Тесты, опросы и бег из кабинета в кабинет вымотали ее до предела. Чиновники, особо не церемонясь, несколько часов штудировали детали ее биографии и профессиональные навыки, словно рассматривали бациллу под микроскопом. Такому прессингу она не подвергалась даже когда ее зачислили в новый отдел профайлинга. Жесткий отбор можно было объяснить тем, что утвержденная кандидатура должна была представлять в международной группе Россию. Это была ответственная и самая

важная часть ее карьеры. После курса повышения квалификации в ФБР Кира могла бы рассчитывать на повышение в звании и продвижении по службе.

Выходя на улицу, она с облегчением выдохнула, открыла сумочку и нашла ключи от арендованной машины. Знакомая фигура мелькнула на стоянке, Кира замерла, не веря своим глазам.

– Глеб? Это ты?

Из темноты на свет фонарей вышел брюнет среднего роста – ее бывший напарник – и деловитой походкой двинулся ей навстречу. На лице растянулась довольная улыбка.

– Вот это сюрприз! – воскликнул он. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Да уж, сюрприз. Что ты тут делаешь?

Он подошел так близко, что Кире пришлось сделать шаг назад. Его карие глаза жадно ощупывали ее фигуру.

– Меня перебросили в новую группу, был здесь по делам, – уклончиво ответил Глеб и с нежностью добавил: – Привет.

– Привет. Можешь не шифроваться, я знаю, что ты работаешь в Интерполе.

Ее осведомленность он истолковал превратно.

– О, следишь за моей карьерой? Приятно, не скрою.

Такая реакция Киру не удивила, бывший напарник с первых дней не скрывал своего интереса и, несомненно, ждал от нее ответной реакции. Разубеждать бывшего коллегу она не стала, хотела использовать их внезапную встречу. Возможно, ей удастся его разговорить и выведать какие улики есть у Интерпола на Бирка.

Он посмотрел на часы и спросил:

– Я планировал поужинать. Не хочешь ко мне присоединиться?

– С удовольствием, – улыбнулась она, – за весь день у меня во рту не было ни крошки.

Они перешли по подземному переходу на другую сторону дороги и расположились в ближайшем кафе. Просторное светлое помещение, отделанное деревянными рейками и зеленой керамической плиткой, было наполовину заполнено посетителями. Бывшие коллеги сели за самый удаленный столик и сделали заказ.

Глеб облокотился на стол и почти прильнул к ее лицу.

– Ты не представляешь как я рад нашей встрече. После перевода звонил тебе на мобилу, но ты была недоступна. Думал, что ты куда-то уехала, а вчера мне сказали, что ты снова выходишь на работу в отдел профайлинга.

– Я поменяла номер мобильного, так как бывший доставал звонками.

– О! Неприятно, наверное, такое навязчивое внимание?

Кира не стала вдаваться в подробности и объяснять истинную причину конфликта с бывшим мужем, а это были банально деньги, вернее, низкая цена за совместно приобретенную квартиру, которую он планировал в кратчайшие сроки продать. Он не скрывал, что спешит с переездом, поэтому Кира предложила ему оформить на нее доверенность, по которой обязалась продать ее сама и перевести на банковский счет половину вырученных денег. Роман согласился. На этом вопрос был исчерпан.

– На мой взгляд, дважды в реку не войдешь. Тем более... после измены.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, но внутри Киры все напряглось. Про ее развод знали единицы, а причину не знал никто. Тогда как, черт возьми, этот проныра узнал такую подробность из ее личной жизни?

– Поэтому и развелась, – ответила Кира и попыталась улыбнуться.

– Этот шаг я одобряю, – быстро отозвался Глеб и тут же помрачнел, – а вот связь с психом решительно не понимаю. Пожалуйста, скажи, что это просто сплетни.

Кира поняла, что он говорит о Расмусе и усмехнулась. Сказать правду она не могла, но и без ответа оставить вопрос было невежливо.

– Не могу ни опровергнуть, ни подтвердить информацию, – с улыбкой ответила она заученную фразу, – но честно говоря, надеялась избежать этой темы.

– А не выйдет... – сухо отозвался он и, заметив официантку, замолчал.

Когда принесли заказанные блюда, Кира вытерла салфеткой столовые приборы и ч жадностью набросилась на еду.

– Ого, про крошку во рту ты не шутила! – засмеялся Глеб.

Майор жестом дала понять, что предпочитает сначала поесть, а потом продолжить разговор. Глеб словно ждал подобной ситуации и тут же ею

воспользовался. Пока Кира поглощала греческий салат и бефстроганов с жареным картофелем, он пошел в атаку.

– Я не поверил, что ты до сих пор живешь у этого психопата, но потом в газетах стали появляться ваши снимки... ты и Бирк... – он тяжело вздохнул, лицо исказилось в мучительной гримасе, – как серпом по... ну ты понимаешь...

Она замотала головой, давая понять, что не понимает.

– Бирк – ходячая катастрофа. Он как магнит притягивает к себе маньяков и всякий сброд. По его вине погибло куча народу. На закон ему наплевать, он действует напролом, идет к цели любыми путями, – со страстью произнес Яковлев, тыча пальцем в плечо Киры, словно она и есть Бирк. – Ох, с каким удовольствием я надел бы на него наручники!

Наконец он заметил перед собой тарелку, от которой исходил аромат свиной отбивной с розмарином. На минуту за столом наступила тишина, Кира судорожно выбирала подходящую тактику.

– А его окружение? Этот его помощничек... – Глеб отправил очередную порцию мяса в рот и тщательно проживал. – Ты знаешь, что его родоки были найдены мертвыми, а он единственный свидетель происшествия? На руках и пижаме были обнаружены брызги артериальной крови обоих родителей. Психологи долго не могли вынести свой вердикт, а когда японская полиция все же захотела изъять мальчика у родственников, чтобы определить его в учреждение для особо опасных детей, тот таинственным образом исчез.

– Ты про Сото? – уточнила Кира и отодвинула от себя пустые тарелки.

– Да не так его зовут. Я пробил его отпечатки по базе – Акира Ито – единственный наследник табачной империи Ито.

– Откуда у тебя его отпечатки? – Кира не скрывала своего удивления.

– Снял их с бутылки воды, которую тот выбросил в офисе.

– Находчиво, – усмехнулась майор, подмечая в очередной раз приткость бывшего напарника.

– В отличие от тебя я не околдован шармом Бирка, а вижу его гнилую душонку насквозь.

Кира тяжело вздохнула и сложила руки домиком.

– Глеб, ты как заблудший клещ вцепился в старую раненую собаку и сосешь отравленную горьким опытом кровь. На кой черт тебе сдался Бирк? – она усмехнулась. – Преступников что ли не хватает? Я могу подкинуть тебе с десяток. Какие у вас против него улики?

Яковлев отвел взгляд.

– Дай угадаю, никаких. Иначе бы вы уже следовали за ним по пятам как гончие.

Бывший напарник покончил с отбивной и откинулся на спинку стула. Его взгляд стал жестким и недоверчивым.

– Ты, конечно, делай, что задумал, мне до лампочки. Просто жалко твое потраченное время. Кто Бирк на самом деле меня совершенно не волнует, главное он ловит маньяков и делает это лучше всех. То, что у него проблемы с психикой ни для кого не секрет, даже там об этом знают, – Кира показала на здание министерства. – Пойдешь против Бирка набьешь шишек и братец тебе на этот раз не поможет. Лучше займись реальными делами. Очищай страну от скверны.

Официантка принесла чай и десерт. Несколько минут за столом стояла напряженная тишина. Глеб ехидно улыбался и не сводил взгляда с бывшей напарницы, пока та доедала ягодный мусс.

– Время покажет Митяева... время покажет... – философски изрек он.

– А по поводу сплетен мне даже как-то обидно стало. Ладно другие, но ты ведь был моим напарником, я тебе подробно и внятно растолковала свое к нему отношение.

– А на следующий день осталась у него ночевать, – с издевкой произнес Глеб и прожег ее колючим взглядом.

– Ммм... из чего ты сразу сделал вывод, что у нас роман? – усмехнулась Кира и жестом попросила официантку принести счет. – Не фантазируй... спустись с небес на землю. Даже если он будет последним мужчиной на земле...

Официантка приблизилась к столику и положила счет перед Глебом, тот поблагодарил и протянул ей кредитную карту. Когда она удалилась, Яковлев поднял на бывшую коллегу глаза и выпалил:

– Если так, то присоединяйся к нашей группе... стань информатором. Это тебе зачтется. Мой шеф весомый человек, ни то, что Лимон... В отделе профайлинга ты точно карьеру не сделаешь.

Кира выпрямилась как натянутая струна. Догадка прожгла сознание: их встреча не случайна. Яковлев знал, где ее искать, а раз так, то в министерстве у него был свой осведомитель и она сегодня с ним встречалась. А значит он в курсе, что она проходит собеседование на стажировку в ФБР.

– Кира, я кидаю тебе спасательный круг. Не хочу, чтобы ты пострадала. Ты этого не заслуживаешь.

В голове майора проносились десятки версий происходящего, но из всех она выделила лишь одну и на ней сконцентрировала внимание: Интерпол ищет среди сотрудников отдела профайлинга стукача, который бы снабжал их надежной информацией о Бирке. Кира – идеальная кандидатура. Если откажется она, Интерпол продолжит свои попытки с другими членами команды, а вдруг кто-то будет более сговорчивый, чем она и пойдет на контакт? Например, Громов. Ведь именно Бирк встал между ним и курсами ФБР.

– Если я соглашусь, что я должна буду делать?

– Не знаю. Я просто предложил. Решать будет мой шеф.

Майор потеряла подбородок, делая вид, что раздумывает. Когда пауза стала неприличной, она подняла глаза и сказала:

– Я скоро уезжаю на стажировку, как приеду дам ответ.

Он усмехнулся, всем своим видом давая понять, что осведомлен больше чем она.

– Ты никуда не поедешь – утвержден Громов. Завтра утром тебе дадут отказ. Но ты можешь еще все исправить, – он придвинул к ней свою визитку и нежно погладил ее тонкие длинные пальцы, – если позвонишь до десяти часов утра, я смогу тебе помочь.

После этих слов он чмокнул ее в щеку, попрощался и с довольным видом вышел из кафе. Кира посмотрела ему вслед и почувствовала себя как на раскаленной сковородке.

«Утвержден Громов? Но шеф был уверен, что поеду я. Неужели вмешался папаша Вадима?», – подумала она, глядя, как Глеб спускается в подземный переход.

За окном, словно клонированные копии мелькали типовые пятиэтажки – серое бетонное наследие советского времени. Сквозь приоткрытое окно на Токарева накатывал шум встречных машин. Рингтон «стрельба» на мобильном телефоне отвлек следователя от унылой урбанистики.

– Токарев, – отозвался он, не отрываясь от нумерации домов.

– Похоже, я вылетел, – с досадой констатировал напарник.

– Не может быть!

– Говорю тебе, Санек! Помимо заявленных вопросов на меня вылили кучу дерьма! Черт! Обидно! Батя говорит, кто-то явно сыграл на опережение: дополнительные тесты, беседа то ли с психом то ли с психологом, которому самому пора обратиться к коллеге за консультацией. Дали какие-то карточки со схемами мест преступлений, нужно было по уликам дать оценку произошедшего. Мне кажется, я прокололся на тесте на реакцию.

– А Кира?

– Не знаю. Мне сказали, что она уже покинула здание, хотя они с Лимоном приехали позже. Видать результат еще хуже.

– Жаль, что из наших никто не поедет на стажировку, – искренне посетовал Токарев.

– Блин, я так настроился. Обидно. Накатить бы сейчас. Ты где?

– Во Владимире. Подъезжаю к похоронному бюро.

– Чего так поздно-то?

– Бальзамировали очередного покойника. Пришлось ждать. Отсиживался в убойном.

– На хрена тебе похоронка?

– Птичка из морга напела, что директор бюро делал снимки на мобильный телефон.

– Хм... птичка?

– Точно так. Симпатичная такая... лет двадцати...

– А что патологоанатом говорит?

– Мариновал меня два часа в коридоре, типа был на вскрытии, потом сказал, что не помнит никакой Власюк. Пошел поднимать документы, полчаса натужно вчитывался в свои записульки. В итоге спросил: «А что вас конкретно интересует?». Таращился на меня как на носителя вируса Эболы. Мычал, скучал и кочевряжился. Короче, порожняк...

– Ты в Москву сегодня вернешься?

– Пока не знаю, все зависит от того, что я на снимках увижу.

– Ладно, Саня, звони, если чего всплывет, – голос у Громова был невеселый, – я поеду тогда в офис, работой отвлекусь.

– Эй! Не кисни! Не взяли, значит, тебе туда не надо, – попытался успокоить напарника Токарев, заметил нужный номер дома и включил поворотник.

– Да иди ты со своей буддийской фигней! – огрызнулся Громов и разъединил связь.

Токарев усмехнулся, ему как никому другому было хорошо известно, что напарник не умел проигрывать.

Он припарковал машину перед зажатым между двумя пятиэтажками одноэтажным бетонным зданием с вывеской «Похоронное бюро «Вечность», вышел из машины и включил сигнализацию. В фойе его встретил невысокий брюнет в синем костюме лет сорока пяти с окладистой бородкой.

– Вы следователь Токарев? – спросил он мягким баритоном и протянул руку. – Роберт Ляхтер.

Александр поздоровался и отметил цепкую хватку собеседника. Они зашли в маленький кабинет, заставленный мебелью. Директор показал гостю на офисное кресло с низкой спинкой и разместился рядом.

– Извините, что вам пришлось ждать...

– Ничего, я понимаю: смерть всегда вне очереди.

Ляхтер с интересом взглянул на следователя и ухмыльнулся.

– Вы совершенно правы. Эта старушка приходит без приглашения и всегда не вовремя. Так по какому поводу? По телефону вы отказались объяснить...

– Хоть вы и пытались выведать, – съязвил Токарев. – Собственно, я по поводу Антонины Власюк.

При упоминании имени Ляхтер напрягся и прочистил горло.

– А что с ней не так? – директор насупился и сложил руки на груди. – Насколько я понял, голову захоронили вместе с телом.

– Нам стало известно, что смерть Власюк произошла не по естественным причинам, как было указано в заключении патологоанатома.

– Хм, тогда вам нужно вызвать этого патологоанатома на допрос и спросить, а я-то тут при чем? – парировал Ляхтер и закусил нижнюю губу.

– Разве вы не должны сообщать о подозрительных смертях? Особенно если они отличаются от официального заключения.

– Моя контора готовит тело к погребению... я не судебный патологоанатом. Если в морге сочли ее смерть от естественных причин, кто я такой чтобы сомневаться?

– К вам поступает тело с отрубленной головой, а вы талдычите про погребение? – следователь склонил голову набок. – Кончайте, не вынуждайте меня цитировать вам уголовный кодекс. Либо вы мне все рассказываете и мы дальше решаем, что с этим делать, либо... – Токарев вынул из кармана пиджака наручники, – вам придется проехать со мной, – следователь демонстративно положил наручники себе на колени, давая понять, что только подробные правдивые показания отделяет Ляхтера от ареста.

– Никуда я с вами не поеду, – директор надменно вздернул подбородок. – Для допроса нужны основания, а в деле Власюк все чисто как в операционной... и вы это прекрасно знаете. Несчастные случаи на предприятиях хоть и редки, но все же бывают. А по поводу ареста... тут вы, конечно, сильно перегнули... нет у вас ни ордера, ни полномочий.

На лице Ляхтера расплзлась довольная ухмылка, от чего следователь ошетинился и брякнул наручниками.

– Но надо признать, что нервы вы мне можете сильно попортить, например, еще одним внезапным визитом в рабочее время, а это неминуемо отразится на бизнесе.

Токарев изогнул бровь и развел руками.

– Правильно мыслите, вот только куда это вас выведет?

– Вы здесь потому, что дочь моего друга, которую я, к слову сказать, сам пристроил в морг на практику, сказала вам про фотографии. Ох, как знал, что это мне еще аукнется. Хорошо, я расскажу вам, как дело было. Но... – Ляхтер понизил голос. – Сугубо конфиденциально.

– Я вас внимательно слушаю... – Токарев убрал наручники в карман пиджака.

– Недавно в женскую тюрьму был назначен новый начальник – родственник губернатора. Он только вступил в новую должность и еще не успел освоиться, а тут такое... вообще попросили меня недвусмысленно... прикрыть, так сказать, это дело. Заверили, что был несчастный случай. Следственные органы подтвердили, а родственники торопили с погребением. Что оставалось делать?

– Ничего себе несчастный случай! – воскликнул следователь. – Это как надо извратиться, чтобы тебе башку нечаянно снесло?

– Поверьте и такое бывает. За двадцать лет в этой профессии, на что только не посмотрелся. Многосерийный ужастик можно снять.

– Значит, вы для страховки сделали фотографии, – напомнил следователь.

– Да, я сделал фотографии.

– Покажете?

– Мне бы не хотелось проблем... – замялся директор и покосился на телефон, который сжимал в руке.

– Раз вы такой грамотный, то наверняка читали статью двести девяносто четыре «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования». Если не читали, то настоятельно советую, – Токарев в такт словам постукивал указательным пальцем по деревянной столешнице стола. – А в ней сказано, что вмешательство в какой бы то ни было форме в расследование, наказывается лишением свободы на срок до двух лет. Все еще думаете, что у меня нет оснований для вашего ареста? Или надеетесь, что следователи прикрывшие дело Власюк вас вытащат? Вот только повезу я вас для дачи показаний в Москву в отдел по поимке особо опасных, потому как дело Власюк рассматривается нами как первая жертва серийного убийцы.

Побледневший Ляхтер тяжело вздохнул и дрожащей рукой протянул телефон Токареву. Следователь пролистал снимки и съежился от увиденного. На фотографиях был запечатлен расчлененный женский труп.

– Да, труп был расчленен, – с виноватой ужимкой ответил директор.

– А это что? Тату? – Токарев показал на снимок, на котором было отчетливо видно плечо жертвы с изображением сердца, пронзенного стрелой, ниже еле виднелась надпись «Анфиса».

Ляхтер кивнул.

– Мне сказали, что она была лесбиянкой.

Токарев переслал фотографии Свиридову и вернул телефон. В памяти всплыл психологический портрет жертвы, который сформулировала на совещании Кира. Власюк она отнесла к группе риска и оказалась права.

– А теперь давайте все подробно, кто и когда к вам обратился? Кто привез тело? Рассказывайте все что помните. Для следствия важна любая мелочь...

Через полчаса Токарев вышел из здания и сел в арендованную машину. Набрал телефон офиса и услышал голос Ивана:

– Отдел профайлинга. Свиридов.

– Ваня, ты получил от меня фотографии?

– Да, чей это был телефон?

– Директора похоронного бюро... это фотографии расчлененного трупа Власюк. Приобщи к делу и покажи полковнику. Слушай, мне нужна помощь.

– Все что смогу, – быстро отозвался Иван.

– Найди мне Анфису в «ИК-1», это тюрьма в которой работала Власюк. Думаю, она должна быть среди заключенных.

– Хорошо, – в трубке послышался быстрый стук клавиш.

Зажав телефон между щекой и плечом, Токарев завел машину и выехал на пустынную в этот час улицу.

– В списках две Анфисы.

– Высылай, что найдешь на мобильный.

Через минуту просигналила поступившая смс. На светофоре зажегся красный свет, Токарев затормозил и начал изучать данные на двух заключенных. Одна из них была замужем и имела ребенка, ее он отмел без раздумий, вторая не

замужем, отсидела два года за кражу десяти коробок сливочного масла и вышла месяц назад по УДО. Для допроса свидетельницы было уже поздно, поэтому Токарев решил узнать адрес ближайшей приличной гостиницы у местных коллег и переночевать во Владимире.

Красный сигнал светофора моргнул и передал эстафету желтому. Токарев выжал сцепление, поставил ногу на педаль газа. В этот момент его машину с двух сторон блокировали два черных внедорожника. Хлесткий приглушенный удар и пассажирское окно рассыпалось на мелкие фрагменты. На переднее сиденье упал металлический цилиндр зеленого цвета. За несколько секунд салон машины заполнился белым густым дымом. Токарев попытался прикрыть лицо пиджаком, но безуспешно. Дым разъедал глаза и блокировал дыхание.

– В следующий раз получишь пулю в лобешник! – забасил незнакомый голос. – Свали из города так же быстро как нарисовался!

Шины внедорожников завизжали, поднимая облако пыли, джипы сорвались с места и быстро проскочили перекресток. Токарев с покрасневшим лицом вывалился из салона автомобиля на асфальт и как умирающая рыба на берегу хватал ртом воздух.

– Черт! Это что еще за инфузория... едрена туфелька!

Когда дым рассеялся, он увидел надпись на цилиндре «Шашка дымовая «Заслон». С минуту он таранился на знакомый предмет, затем потянулся к телефону и нажал клавишу быстрого набора номера. Шефу его доклад не понравится.

Майор неторопливо шла к министерской стоянке, где припарковала арендованную машину. Еще час назад она вздохнула с облегчением от осознания того, что все испытания позади: она прошла тесты, как ей показалось на отлично, и вопрос о ее стажировке должен был быть решенным. А теперь новое испытание и она не знает, как к нему подступиться. Информатором она не станет, такой вариант ею даже не рассматривался, но и оставлять все как есть нельзя. Нужно было предупредить шефа, и сделать это как можно скорее.

Кира села в машину, вырулила со стоянки, влилась в поток машин и включила любимую радиостанцию. Из динамика полилась релаксирующая мелодия. На время пребывания в министерстве она отключала мобильный телефон, и теперь, когда связь после многочасового собеседования была восстановлена, пришло сразу несколько сообщений. Кира решила их просмотреть и потянулась к сумке. Батарея мобильного была уже почти разряжена, хотя Кира заряжала ее, перед тем как выехать из офиса. Она подключила телефон к зарядному устройству и хотела воткнуть в держатель, но из динамика магнитолы послышались треск и шипение. Кира насторожилась и поводила телефоном перед магнитолой еще раз. Шипение повторилось. Она округлила глаза от удивления и подумала:

«Радиопомехи. Батарея быстро разрядилась. Корпус горячий. В мой телефон вставили жучок. Когда? Где? Кто?».

В папке «Входящие» она увидела три непрочитанных сообщения. Первое было от Аси, сестра просила отвезти племянников к матери на выходные. Кира сразу поняла, что это очередная попытка матери наладить контакт. Ася и сама могла отвезти детей, но просила ее, значит, мать хочет что-то с ней обсудить. Второе сообщение было от одного из новичков, Марусевич сообщал, что им не удалось ничего найти в «Розовой пантере» и просил перезвонить. Кира взглянула на часы и решила, что для звонка уже поздно. Третье сообщение было от Ольги, бывшей коллеги с которой она проработала больше пяти лет. Ольга написала, что в отдел приходил инспектор-кадровик из министерства и расспрашивал о ее работе. Что ответили другие коллеги, она не знала, но сама Ольга расхваливала подругу и теперь в шуточной форме просила за это проставиться.

Кира вставила «Айфон» в держатель, прикрепленный к приборной доске. Из-за треска радио пришлось выключить. Она начала рассуждать о том, что ей делать дальше. Без звонка поехать к шефу домой? Майор уже хотела свернуть на Тверскую, по которой можно было доехать до квартиры полковника кратчайшим путем, когда заметила сзади черный джип без номеров с затонированными стеклами. Похожая машина выезжала за ней со стоянки министерства. Недолго думая, Кира припарковалась у ближайшего продуктового магазина, оставила телефон в машине и двинулась по направлению к центральному входу, щедро

подсвеченному огромной вывеской. Джип медленно проехал мимо и скрылся за ближайшим поворотом. Кира с облегчением вздохнула, ее подозрительность уже граничила с паранойей и, несомненно, это было влиянием Бирка.

Сработал датчик движения и перед Кирой распахнулись стеклянные двери. В супермаркете было прохладно, из встроенных в подвесной потолок динамиков играла инструментальная музыка. Между длинными рядами с продуктами лениво брели редкие покупатели. Кира не стала брать тележку, решила прильнуть к витрине с косметикой и на всякий случай удостовериться, нет ли за ней слежки. Несколько минут ничего не происходило, она медленно двигалась вдоль витрины, делая вид, что разглядывает этикетки на выставленных в ряд гелях, шампунях и пен для ванн. В тот момент, когда она уже хотела покинуть супермаркет, ее внимание привлекло движение в обзорном круглом зеркале. В соседнем ряду вдоль витрины двигался мужчина, одетый во все черное. Он тоже был без тележки и украдкой поглядывал в зеркало.

Киру мгновенно прошиб пот. Она не ошиблась – за ней следили. Схватив со стеллажа ближайший бутыл с гелем для душа, она подошла к кассе и протянула банковскую карту. Пока кассир пробивала чек, Кира незаметно осмотрела торговый зал. Преследователь был один, но второй наверняка ждал в машине. В голове мгновенно возник план: нужно вернуться в коттедж Бирка и воспользоваться его охраной.

Глаза еще слезились от дыма, в горле першило и немного кружилась голова. Токарев сидел на переднем пассажирском сиденье полицейской машины и подписывал протокол. На водительском сиденье развалился немногословный майор Мельников, которого больше интересовали не показания столичного следователя, а время его отъезда из города. Ставя подпись под протоколом, Токарев понимал, что инцидент на перекрестке никто расследовать не будет. Коллеги знали организатора запугивания московского следователя – Токарев это понял, как только увидел реакцию майора на описание автомобилей. Мельников, явно кем-то проинструктированный, намекнул, что за делом Власюк стоят люди, имеющие в городе власть. Они, мол, не дадут столичному следователю

развернуть деятельность, а сделают все, чтобы по-быстрому сплавить его из города.

Выслушав коллегу, Токарев сказал, что к трудностям давно привык, в столице и не такое выдерживал давление. Мельников смерил его пронзительным взглядом, а потом с минуту набивал кому-то сообщение.

– Будь другом, подкинь меня по этому адресу, – попросил Токарев майора и показал скомканный и чудом выживший в происшествии листок с адресом подружки Власюк.

– Мое начальство позвонило вашему, мне приказано доставить вас на вокзал. За руль вам нельзя, – не глядя на листок, отрезал Мельников. – За служебную тачку не переживайте, я сам все со страховщиками улажу.

– Выходит, греби ушами в камыши? – Александр пригладил торчащие ежиком волосы и усмехнулся.

Просиявший в ответ Мельников спрятал протокол в барсетку.

– Выходит так.

Токарев бросил прощальный взгляд на истерзанную следами покрышек обочину и пристегнул ремень безопасности. Лимонов в последнем разговоре дал понять, чтобы он действовал по обстановке и не перегибал с инициативой. Из чего Александр сделал вывод, что беседа шефа с владимирским коллегой была жесткой. При таком раскладе рассчитывать на дальнейшую помощь в расследовании было бессмысленно.

Через полчаса полицейская машина с включенными проблесковыми маячками доставила его до площади перед железнодорожным вокзалом.

– Провез с ветерком в целости и сохранности, – Мельников расплылся в ухмылке, оголяя зубы заядлого курильщика.

Токарев пожал ему руку и попрощался, а выходя из машины, заметил, что коллега не собирается уезжать. Уже в здании вокзала внушительная фигура майора замаячила за спиной столичного следователя.

– Ты что со мной до вагона пойдешь?

– Ага, – с довольной ухмылкой подтвердил Мельников, – начальство сказало посадить в поезд и убедиться, что уехал.

– А ты всегда делаешь, как начальство велит? – съехидничал Токарев.

– За начальством как за каменной стеной, – в голосе Мельникова слышались почти раболепные нотки.

«Мышь дистанционная», – мысленно ругнулся Токарев, поскреб в задумчивости подбородок, но спорить не стал.

Следователь видел, что майор настроен решительно: напряжен, челюсть ходуном ходит, взгляд с хитрецей, словно знает все уловки, на которые способен коллега. Александр испытывать судьбу не стал, хотя руки чесались, а в голове плясали чертики от возникающих шальных идей. Он покорно вошел в вагон, повесил куртку на спинку кресла и разместился у окна.

Мельников дождался, пока состав поезда скроется из виду и только тогда медленно побрел к машине.

Поезд, набирая ход, выехал за черту города. Токарев подошел к схеме маршрута и отметил, что Лакинск, в котором проживала подруга Власюк, был по пути следования. План созрел в считанные секунды. Он сойдет в Лакинске и, несмотря на позднее время, найдет и допросит Анфису. Но когда он дождался нужной станции, его ждало разочарование: состав немного сбавил ход, но не собирался останавливаться.

– Ах ты, конь педальный! – взревел он и дернул стоп-кран.

Когда поезд с металлическим визгом и скрежетом остановился в километре от станции, он спрыгнул с подножки и рысцей пробежал через железнодорожные пути. Выскочил на улицу Вокзальную, а оттуда поспешил на трассу «М-7».

Поймав такси, он поехал по адресу свидетельницы. Анфиса жила в четырех-квартирном двухэтажном деревянном бараке. Часы показывали полночь, ломиться с ходу в квартиру в такое позднее время было рискованно. Токарев представил, как ему придется через дверь кричать на весь подъезд: «Откройте, я из полиции, у меня есть к вам вопросы!», поморщился и решил осмотреться.

Судя по нумерации, квартира Анфисы располагалась на первом этаже. В кухне горел свет. Он залез на скамейку у подъезда и заглянул в окно. За кухонным столом спиной к нему в ночной сорочке сидела молодая женщина. Не отрываясь от телевизора, она разорвала пачку чипсов. Недолго думая он вскочил на цокольный выступ, осторожно постучал в окно и приставил к стеклу

удостоверение. Женщина обернулась и в недоумении уставилась на незваного гостя.

Жестом следователь показал, чтобы она открыла ему дверь, спрыгнул с выступа и вошел в подъезд. Запах разлитого пива и мочи сразу ударил в нос. Тусклая лампочка еле освещала площадку на втором этаже. Дверь приоткрылась. На Токарева смотрело все еще испуганное женское худощавое лицо.

– Анфиса?

– Вы кто? – испугано спросила она.

– Меня зовут Александр Токарев, я следователь из Москвы. Извините за поздний визит, мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Из Москвы? Какие вопросы?

– Я расследую смерть Антонины Власюк.

Услышав имя, Анфиса решительно раскрыла дверь и впустила следователя в квартиру.

– В Москве расследуют смерть Тоси?

Токарев кивнул.

– Проходите на кухню, – рассеяно произнесла женщина и запахнула на груди цветастый платок.

Оказавшись на кухне, он хорошенько разглядел свидетельницу. Почти с него ростом, узкие плечи, плоская грудь, непослушные волосы до плеч свисали скомканными прядями. Посиневшие от страха губы сомкнулись в одну сплошную линию. Она сильно морщила лоб и выкатывала глаза, словно рыба-телескоп.

– Чаю будете?

– Да, если не трудно.

Токарев подметил, как сильно трясутся у нее руки. Когда она поставила чайник на плиту и села за стол, он спросил:

– Вы не были на похоронах Антонины?

Она помотала головой.

– Почему? Вы ведь были с ней *близки*?

Токарев постарался произнести это как можно мягче, чтобы не настраивать против себя свидетельницу.

– Ее родственники меня на дух не переносили...

Она заметила собственное отражение в окне и замерла, словно видела себя впервые.

– Давно вы стали с ней... – Токарев запнулся, подбирая нужное слово, – *подругами?*

Анфиса встрепенулась и грубо его поправила:

– Да уж говорите как есть... привыкшие... чего уж там...

– Так давно?

– Мы познакомились за год до зоны.

Чайник вскипел, Анфиса бросила по чайному пакетiku в две большие кружки и залила кипятком. На столе появилась сахарница и две чайные ложки. Пока она суетилась, Токарев обвел взглядом комнатку. Ремонт не делался уже лет десять, но кухня была чистой, видно, что хозяйка простыми и незамысловатыми приемами пыталась придать ей уюта.

Анфиса сделала пару маленьких глотков обжигающего напитка, обвила пальцы вокруг чашки и немного расслабилась. После этого беседа потекла тихим извилистым ручейком. Токарев умел расположить к себе женщин, поэтому на это задание Лимонов послал именно его. От Анфисы следователь узнал, что отец Власюк с самого начала принял их связь в штыки. Анфиса работала на молокозаводе, тот подкупил охрану и на нее состряпали дело о краже. Но пару это не разлучило. Антонина наперекор отцу навещала свою подругу в тюрьме. Тогда он попытался добраться до Анфисы в тюрьме. Поэтому Власюк устроилась надзирательницей, чтобы за ней приглядывать. Прежнее начальство шло им навстречу и в дежурства Антонины им удавалось побыть наедине. Анфиса догадывалась, что за это ее подруге приходилось на многое закрывать глаза. Подробности она не знала, но слышала от других зэчек, что в тюрьму проносили наркотики.

– Почему Москва расследует дело Тоси? – спросила она, в очередной раз, выкатывая глаза.

Токарев поведал историю с коробкой, которую подкинули на выставку. Анфиса побледнела, прикрыла рот рукой и зажмурила глаза.

– Какой ужас! Я слышала об этом, но не знала, что это была голова Тоси.

– Анфиса, мне нужна ваша помощь. Кто может знать, как погибла Антонина? На зоне были люди заинтересованные в ее смерти? – спросил Токарев, пока свидетельница окончательно не расклеилась.

– Не знаю...

– Подумайте, не спешите, – его тон стал мягче.

– Я только знаю, что после моего досрочного освобождения Тося хотела уволиться, но с этим были какие-то проблемы.

– Почему?

– Не знаю, она была очень подавлена, я умоляла ее со мной поделиться, но она сказала, что сама разберется. Уж такая она была... жутко не любила плакаться. Это я вечно висела на ее плече...

Закрыв лицо руками, Анфиса разразилась неистовым плачем. Ее плечи сотрясались в конвульсиях. Периодически она раскатиисто всхлипывала, а затем из груди вырывался новый мучительный стон. Не в силах на это смотреть Токарев сочувственно похлопал ее по плечу и бросил на стол визитку.

– Крепитесь. Если что-нибудь вспомните, позвоните. Нам любая информация пригодится.

В три часа ночи массивные ворота коттеджа в Нахабино распахнулись, на слабоосвещенную улицу вынырнул белый «Форд» с надписью на боку «Прокат автомобилей». Охранник с рацией в руке вышел на дорогу и осмотрелся. Вокруг не было ни души. Как только он скрылся за воротами черный джип, не включая фар, вынырнул из укрытия и бесшумно выехал на дорогу. На Волоколамском шоссе он в считанные секунды нагнал арендованный автомобиль Киры и пристроился сзади. Через десять минут ворота коттеджа снова распахнулись, на дорогу выехал черный «БМВ» и, проехав через Павловскую Слободу, повернул на Новорижское шоссе.

– Можешь сесть, дорога чистая, хвоста нет, – водитель посмотрел в зеркало заднего вида.

Кира приподнялась и огляделась, ни спереди, ни сзади машин не было. Она надела бейсболку и скрыла лицо под козырьком.

– Бочонок, когда встанешь под мостом моргни фарами два раза, – обратилась она к водителю.

Через несколько минут они добрались до места встречи. «БМВ» встал под эстакадой, где скрылся от дорожных камер видеонаблюдения. Впереди стояла «Ауди» полковника и водитель моргнул два раза фарами. После ответного сигнала Кира быстро перебралась в соседний автомобиль и поздоровалась.

– Митяева! Что за игры в резидента? – набросился на нее Лимонов.

Кира сняла бейсболку и так взглянула на шефа, что тот тут же умолк.

– У нас проблема, – начала она.

Разговор продлился не больше получаса, за это время полковник выкурил три сигареты и выпил бутылку безалкогольного пива. Пока Кира излагала ему свои мысли, он мерно постукивал пальцами по коленке и смотрел куда-то поверх ее лица. К концу разговора гнев сменился на милость, Кира почувствовала, что Лимонов отнесся к новостям с особым вниманием, хотя его на редкость спокойная и вдумчивая реакция ее насторожила.

– Значит, говоришь, Громова утвердили...

– Да, Андрон Маркович, все наши с вами старания насмарку.

– Не мои, Митяева, твои старания, – поправил ее полковник и, подметив ее решительный вид, спросил: – Что предлагаешь?

– Мне нужно принять предложение Интерпола. По их вопросам и заданиям мы сможем понять, в каком направлении движется расследование, а, значит, сможем манипулировать информацией.

– Не думаешь же ты, что я буду намеренно запутывать следствие, – фыркнул Лимонов.

– Я этого и не предлагала, – возразила Кира, – нужно лишь убедиться есть ли реальные улики против Бирка, если да, то мы отойдем в сторону, если нет, то встанем на его защиту.

– Ты не знаешь Васильева, он умен, расчетлив и твою задумку за версту учует, – категорично парировал полковник, – играть с ним в кошки-мышки очень опасно.

– Мое дело доложить и предложить, а ваше принять окончательное решение, – философски заключила Кира и надела бейсболку, давая понять, что дальнейшие прения бессмысленны.

– Ишь ты, шустрая какая. Вот откуда ты на мою голову свалилась? – проворчал Лимонов и погрозил Кире пальцем. – Не бойся дверей, а бойся щелей. Подцепит тебя Васильев на мелочи, что тогда?

– Чем я рискую? Максимум на что они смогут повлиять это на мое продвижение по службе. Зато есть шанс прикрыть Бирка, а он десятерых стоит.

На минуту в машине воцарилась тишина. Полковник закурил четвертую сигарету и выпустил дым из носа. Его взгляд беспорядочно блуждал по окружающему их скудному ландшафту. Кира поняла, что шеф принимает решение и молча ждала.

– Ладно, Митяева, – он взглянул на часы. – Встретимся в восемь утра на служебной стоянке.

Создавалось такое впечатление, что прежде чем дать свое окончательное согласие полковник хотел с кем-то посоветоваться. Кира кивнула и вышла из машины. Свою миссию она выполнила. Дальше все зависело от шефа.

Вокруг стояла абсолютная тишина, будто подтверждая торжественность и необратимость момента. Сейчас он ощущал себя настоящим творцом – только от него зависит дальнейший исход событий. В горле застрял комок, ему трудно дышать. Ладони увлажнились. От усталости дрожали ноги, а по вискам стекали капли пота. Он почувствовал прилив гордости. Внизу живота разлилось тепло, плоть восстала, он поправил ширинку и поймал себя на мысли, что неплохо бы утолить свое желание, глядя в стеклянные глаза. Уж больно они его возбуждали.

Придирчивый взгляд прикован к экспозиции. Последний штрих и можно фотографировать. Он вытряхнул червей из пакета на блюдо с фруктами. Беспозвоночные тут же расплозились во все стороны, будто дезориентированная толпа после землетрясения. Возникла безумная идея оросить спермой наливное красное яблоко, но потом он передумал. Нельзя раньше времени оставлять ДНК.

Взглянув сначала на прототип, а затем на итог своей работы, он одновременно испытал облегчение и удовлетворение. На этот раз все получилось! Рука потянулась к фотоаппарату. Щелчок... еще щелчок. Нужно запечатлеть свою работу со всех сторон. Он взобрался на соседнюю кушетку и сделал несколько снимков сверху. Ох! Какой же это драйв!

Когда инструменты и обрывки материалов были собраны, он закрыл спортивную сумку и повернулся к экспозиции.

«Шедеврально! Бесподобно! Брависсимо!», – хватил он себя не без удовольствия.

Возбуждение нарастало. Терпеть уже не было сил. Он потянулся к бегунку на молнии ширинки, но в этот момент послышался то ли шорох, то ли крадущиеся шаги. Он вздрогнул, протащил за собой по паркету сумку и спрятался за раскрытой дверью. Сердце колотилось как бешенное. Его затошнило. Несколько минут он прислушивался и восстанавливал дыхание.

«Показалось? Возможно...», – подумал он.

Простояв еще пару минут, он осторожно вышел из укрытия и бесшумно двинулся к выходу. В памяти яркими картинками замелькали сцены «жесточайшей схватки» с охранником. Хоть на этот раз он пришел во всеоружии, но от того что не пришлось применять силу он испытал невероятное облегчение. Рука ощупала трофеи, висевшие на поясе. К брелку охранника добавился мужской перстень с черным турмалином.

По лицу расплзлась блаженная улыбка. Уф! На этот раз пронесло! Сегодня ему сопутствовала удача. Наверняка ему помогал сам бог Бахус, ведь он вдохновитель, а, значит, покровитель всех творцов.

Идя к фургону, он думал о том, что задуманная миссия теперь уже не кажется чем-то мифическим. Сейчас она физически ощутима и возбуждает до такого состояния, которого он ранее никогда не испытывал. Эрекция была и в прошлый раз, но не такая сильная. Законченный шедевр будоражил его воображение и пробуждал поток фантазий. Но было в этом что-то еще... ощущение собственной значимости?

В назначенное время такси затормозило перед серым одноэтажным бетонным зданием. Кира расплатилась и вышла из желтого седана. На стоянке она заметила автомобиль шефа и пошла в его сторону. Лимонов сидел за рулем и нервно барабанил пальцами по торпеде. Когда Кира села в машину он сдержанно поздоровался и спросил:

– Не передумала?

Она покачала головой.

– Если ты согласишься стать информатором, то должна понимать, что это может затянуться надолго, возможно на год.

– На год? – Кира в недоумении взглянула на шефа и, поджав губу, отвернулась.

Жить несколько месяцев в напряжении, бояться, что любое твое необдуманное слово может привести к провалу в работе отдела, нелегко. При всем при этом нужно будет еще раскрывать текущие дела.

– Ты спрашивала, что они могут тебе сделать? – полковник дождался, когда Кира к нему повернулась и продолжил: – Они могут распустить слух, что ты была стукачем. При этом скромно промолчат, что ты помогла взять Бирка. Если наш отдел накроется, то ты уже не сможешь найти работу, никто не захочет иметь дело с бывшим информатором. Так что тебе есть, что терять, Митяева.

Глядя шефу в глаза, Кира отчеканила на одном дыхании:

– Андрон Маркович, не я так кто-то другой. Они все равно не оставят попыток. Им нужны глаза и уши в нашем отделе. Через нас им проще подобраться к Бирку. Решать не мне, а вам. Я свое слово уже сказала.

– То есть ты готова? – уточнил Лимонов.

– Да!

– Хорошо, – полковник поскреб подбородок, – звони Яковлеву.

Кира вынула из сумки визитку и набрала номер мобильного телефона бывшего напарника. Когда в трубке послышался его бодрый голос, она на одном дыхании выпалила:

– Я согласна, – и, не дожидаясь его ответа, отбила звонок.

Они вышли из машины и направились к центральному входу. Спина полковника выпрямлялась по мере приближения к офису. Открывая входную

металлическую дверь, шеф кинул на нее довольный взгляд, и на душе Киры потеплело, по крайней мере, она будет в этом аду не одна.

На удивление Киры в коридоре уже горел свет, а из конференц-зала доносились мужские оживленные голоса. Она выглянула из-за спины шефа и застыла в изумлении. Через стеклянную перегородку на нее смотрели Громов, Свиридов, а так же Бирк, Сото, Яковлев, заместитель министра и три министерских чиновника, которые накануне проводили с ней тестирование.

«Что здесь происходит? Почему Бирк и Яковлев стоят рядом, они же ненавидят друг друга?», – Кира не скрывала своего недоумения.

Полковник распахнул дверь, и буквально втолкнув майора внутрь, улыбнулся и сказал:

– Ух, давно я так не веселился.

Кира боялась даже здороваться, словно ей сейчас должны зачитать смертный приговор. Осматривая поочередно лица коллег, она пыталась угадать причину раннего собрания, но их лица больше походили на статуи, высеченные из камня. Бирк что-то обсуждал с Сото вполголоса, не обращая на нее никакого внимания. Первым не выдержал Свиридов, подскочил к Кире, приобнял и одобрительно похлопал по спине, тем самым еще больше внося сумятицы.

Заместитель министра – коренастый брюнет лет сорока пяти тучного телосложения – несмотря на свою комплекцию, обладал быстрой реакцией, двигался легко и подобно Юлию Цезарю справлялся сразу с несколькими делами. Вот и сейчас он одной рукой подписывал приказ, в другой держал кружку с дымящимся ароматным кофе и, зажав между щекой и плечом трубку телефона, давал указания своему секретарю. Жестом он дал понять, что освободится через минуту.

Кира была представлена Васенкову на благотворительном приеме, который был организован в доме Бирка. Сейчас она не сомневалась, уже тогда доктор знал, что будет лоббировать именно ее и заранее готовил почву.

Лимонов повернулся к Кире и пожал плечами, как бы извиняясь за задержку. Она уже собиралась отвезти его в сторону и спросить, что здесь происходит, как Васенков громогласно произнес:

– Прошу всех садиться! – когда все, кроме Киры, которой не хватило кресла, расположились вокруг стола, заместитель министра продолжил: – Как вам известно, двум следователям из отдела профайлинга было предложено пройти тестирование для стажировки в ФБР. Только что тестирование закончилось, и я рад вам сообщить, что министерство утвердило кандидатуру Митяевой Киры Владимировны.

Одобрительные возгласы и короткие поздравления оглушили Киру. Из всего, что сказал Васенков, ее сознание зацепилось за слова «только что».

– Поздравляю вас! – чиновник пожал руку майора, и тут же на его лице отразилась дежурная улыбка. – Надеюсь, вы нас не подведете!

Вспышка фотоаппарата ослепила ей глаза. Кто-то сунул в ее руку бокал шампанского. Она механически сделала пару глотков и ощутила щекотание в носу. Все происходило, словно во сне и только слова Громова внесли ясность в происходящее.

– Поздравляю, – он похлопал ее по плечу, – я реально за тебя рад. Ты молодец, поразила меня на собрании, а тут еще это... Поднять такую бучу за одну ночь... я горжусь тобой. Мы все не спали, следили за твоими действиями из офиса. Ты точно дирижер заставила всех играть как по нотам. Я видел глаза Бирка, он сам фанател. Мне сказали, если ты не пройдешь, то в Будапешт поедет сотрудник из другого отдела, а мне, как ты понимаешь, этого очень не хотелось. Так что я реально рад за тебя.

К ним присоединился Токарев. Он пожал ей руку и сказал:

– А мне понравилось, как ты реагировала на слежку. Вычислила машину за три минуты. Все взвесила и поехала в коттедж.

– Вообще-то я заметила их еще на стоянке. Машина без номеров... затемненные окна... я вас умоляю... это классика, – на автомате пыталась поддержать разговор Кира.

На самом деле она не чувствовала ног, ей казалось, что сейчас она вспорхнет словно птица и полетит к облакам. Значит, все это время ее просто тестировали. Даже разговор с Лимоном под эстакадой записывался. Она судорожно пыталась вспомнить, что она делала и говорила, но сознание впервые подвело, оно, словно отключилось и устроило забастовку. Брови взметнулись

вверх, глаза на выкате, Кира не сводила пристального взгляда с Бирка, который все еще вел себя как человек не знающий кто она такая. От обиды у нее на глаза навернулись слезы. Сото что-то шепнул ему на ухо. Наконец-то он повернулся, их глаза встретились. Сильно выступающий подбородок взметнулся вверх, на лице доктора она прочла удовлетворение – так учителя гордятся своими учениками.

На ее плечо легла чья-то рука, теплая, нежная. Она медленно повернула голову. Яковлев.

– Ты точно со мной рядом? Это не сон? – попыталась отшутиться она.

Он улыбнулся и сжал ее плечо.

– Точно.

– Значит, ты не работаешь в Интерполе?

– Работаю.

Он все еще улыбался.

– Я в конец запуталась, – призналась она и прижала ладони к пылающим щекам.

– Лимон попросил меня посодействовать в твоей проверке. Нужно было разыграть такую историю, в которую ты бы поверила. Я согласился. Как я мог отказать? – Он нежно сжал ее локоть. – Проводишь меня?

Майор кивнула и с растерянным видом поплелась за ним. Опомнилась уже у шоссе рядом с его красной спортивной машиной. Глеб сидел за рулем и жестом показывал на пассажирское сиденье.

– Садись, поговорим.

Что-то в его облике подсказало ей, что одними разговорами он не ограничится. Она обернулась, бросила тревожный взгляд на офис и отказалась.

– Мне нужно возвращаться.

– Да ладно тебе, Кира, садись, – умоляюще произнес он.

Глеб кивком пригласил сесть в машину. На этот раз Кира бы согласилась, но в этот момент из здания вышел Бирк. Он разговаривал с кем-то по телефону. Бывшие напарники сразу поняли, что появление доктора было неслучайным.

– Я позвоню, – Глеб показал на свой телефон, – у меня есть твой новый номер. Зв тобой должок, – Кира нахмурилась и он пояснил: – Гонки. Ты обещала прийти за меня поболеть.

Она улыбнулась и услышала запись своего голоса: «Я согласна. Я согласна. Я согласна».

Покрасневшая от недвусмысленного намека она снова обернулась, но Бирк в этот момент уже входил в здание.

– Буду слушать на ночь глядя, и фантазировать – напоследок сказал бывший напарник, снова и снова прокручивая запись на повторе.

Для себя он уже решил, что не оставит попыток сблизиться с Кирой. Даже если она его в итоге отошьет, он из принципа потрепит нервы своему врагу. В конференц-зале он частенько поглядывал на реакцию Бирка, который держался высокомерно и отстраненно от всех, даже от чиновников. Если до этого дня он сомневался кто «крышует» зазнайку-доктора, то приезд замминистра расставил все точки над «і». Бирк проговорил с ним в кабинете Лимонова не меньше полчаса, и по реакции Васенкова было понятно, что они закадычные друзья.

Двери закрылись. Мотор взревел, «Мустанг» виртуозно заехал на стоянку, сделал круг почета и вылетел на шоссе, напоследок издав тепловозный сигнал. Кира послала ему смс с одним словом «выпендрейщик», получила в ответ смайлик и вернулась в офис.

Мужские возбужденные голоса гудели словно улей. Утреннее шампанское обострило ночное ожидание. Все в подробностях обсуждали происходящее. Из разговоров стало понятно, что инициатором дополнительного теста был сам Бирк. Майора это несколько не удивило. А кому еще могла принадлежать такая безумная идея?

Кира встала в дверях конференц-зала и наблюдала за коллегами. Своим внезапным появлением она привлекла внимание чиновников, ее позвали, а отказываться было верхом неприличия.

– Еще раз здрасти, – сконфужено произнесла она, подходя к группе мужчин.

– К вечеру вашу речь разберут на цитаты, – пошутил один из чиновников и одарил ее восторженным взглядом. – Мое любимое: «Очищай страну от скверны».

Чиновник расхохотался, оголяя десна и мелкие желтые зубки, похожие на зерна кукурузы. Затем склонил голову, будто здороваается со знатной дамой и повторил со страстью:

– Очищай страну от скверны.

Его коллеги захихикали, один даже поаплодировал и крикнул: «Браво!». Киру все это вводило в ступор. Ей вдруг захотелось спрятаться на необитаемом острове, где ее никто не видит и не слышит. Фразу, которая так понравилась коллегам, она обронила в разговоре с Глебом в кафе, а это означало, что их разговор тоже записывался. В этом же разговоре Кира дала бывшему напарнику понять, что между ней и наставником нет личных отношений. Не повлияет ли это на их договоренности с Бирком? Может из-за этого он держится от нее особняком?

Празднование прервал полковник, с хмурым видом он вышел из своего кабинета, заглянул в конференц-зал и крикнул:

– Отдел профайлинга на выезд! На этот раз Тула.

Бирк схватил трость и, сильно прихрамывая, направился к выходу. За ним словно тень семенил его преданный помощник.

Глава третья

3 июля 2012 г.

г.Тула, художественный музей.

Тула встретила порывистым ветром и проливным дождем. Пока Кира, прикрыв голову сумкой, бежала от машины полковника до здания художественного музея промокла до нитки. Бирк уже был внутри. Облаченный в белый комбинезон и опираясь на трость, он прохаживался перед полицейской оградительной лентой. За время общения с доктором Кира начала понемногу разбираться в языке его телодвижений и подметила, что доктор хромал, когда сильно нервничал. Оценив обстановку, Кира поняла из-за чего: до приезда полковника его не пропускали на место преступления.

Майор повернулась в сторону скопления людей в униформе. Работа экспертов и местной полиции была в самом разгаре. Как и в первом случае, послание, которое оставил им убийца, размещалось в центре зала. На кушетке

перед низким столиком, уставленным разными яствами полулежал белотелый юноша лет двадцати плотного телосложения. Его округлое лицо было увенчано венком из виноградных листьев. Кира посвятила фонариком в глазницы и по отражению поняла, что они стеклянные. В левой ладони жертвы был зажат черный траурный бант. Правая ладонь лежала перед бокалом красного вина, как бы приглашая посетителя музея попробовать бодрящий напиток. Тело было оголенным до пояса, гениталии прикрыты простыней. Кира не сомневалась, что это была очередная работа «Отверженного».

В зал вошел полковник, с ходу оценил обстановку и попросил всех отойти в сторону, чтобы дать место для работы его консультанта. Приказ не всем пришелся по душе, некоторые эксперты, не скрывая недовольства, громко возмутились. Полковник нахмурился, сверкнул гневным взглядом, и ворчание тут же сошло на нет. Это было третье убийство, связанное с выставочной деятельностью произведений искусств и Лимонов еще в офисе получил подтверждение от Васенкова, что дело официально передают отделу профайлинга.

Толпа расступилась, как Красное море перед Моисеем. Бирк вздохнул с облегчением, включил диктофон и начал поспешно, будто его в любой момент могут прервать, надиктовывать свои наблюдения.

– Сегодня третье июля 2012 года. Я стою в одном из выставочных залов художественного музея города Тулы, в центре которого неизвестный выстроил собственную инсталляцию. Передо мной мертвый юноша в образе древнегреческого бога Бахуса полулежит на кушетке, облокотившись на правую руку. Перед ним стол, на котором лежат фрукты, по ним ползают насекомые, – он нагнулся над фарфоровой тарелкой и несколько раз отрывисто втянул носом. – Фрукты свежие, не успели прогнить, а значит, убийца принес черви с собой. Это часть его замысла. В одной руке юноша держит бокал из прозрачного стекла наполовину заполненный красной жидкостью. На столе стоит стеклянная ваза, в которой такая же красная жидкость, – Бирк склонился над бокалом, принялся и констатировал: – Кагор.

Он снова отошел от стола и медленно двинулся вокруг мрачной экспозиции. Его цепкий взгляд перескакивал с предмета на предмет, а на лице тут

же отражались эмоции. Все происходило быстро, поэтому мимика доктора менялась как декорации в ускоренном воспроизведении фильма. Когда он обошел экспозицию и встал сзади жертвы, лицо перекопилось в мучительной гримасе, скулы заходили ходуном, глаза сузились и горели гневом.

Кира сразу подметила чуждые ему эмоции. Обычно реакция была противоположной, Бирк начинал скалиться и даже напевал. Так что же сейчас заставило его реагировать на убийство как обычного человека?

Дрожащей рукой доктор включил диктофон и продолжил:

– Тыльная сторона похожа на обнаженную конструкцию. Это театр с изнанки – мастерская художника. Она не для посторонних глаз. Здесь становится понятно, как та или иная часть тела находится в определенном положении.

Услышав его слова, Кира двинулась вдоль стены, чтобы увидеть то, что описывал Бирк. Она ожидала, что Лимонов начнет на нее фыркать, но полковник замер, ожидая дальнейших комментариев Бирка, и не обращал на нее внимания. Встав рядом с доктором, Кира увидела то, что подвергло бы любого в ужас. Если с лицевой стороны убийца хоть как-то пытался придать своему «шедевр» эстетический вид, то сзади это походило на экспонат анатомического музея.

– Убийца сделал вдоль позвоночника разрез и изъясил мышцы. Ребра и позвоночник обнажены. Тело зафиксировал широкой доской, прибил ее к третьему шейному позвонку и кушетке. Руку с бокалом удерживает подпорка из костыля, который в свою очередь на крестовине привинчен к полу, – Бирк присел на корточки и поправил очки на переносице. – Правый локоть согнут и приклеен к телу. Придавая руке эту позу, убийца вывихнул плечевую кость из суставной сумки, чтобы плечо сильно выступало вперед.

Опираясь на трость, Бирк поднялся, обошел кушетку и склонился у левого плеча жертвы.

– На лице юноши толстый слой грима, на щеках кругами нанесены румяна. Брови сбиты и заново очерчены дугой черным карандашом. Глазные яблоки удалены, вместо них вставлены стеклянные глаза. Веки намеренно чем-то уплотнены, скорее всего, ему нужен был особый взгляд. Убийца придал этому большое значение. На обритуго голову неаккуратно приклеен парик из черных волнистых волос, видны подтеки клея. Убийца торопился или сильно нервничал,

от чего у него тряслись руки. Боялся, что и на этот раз ему не дадут закончить. На голове венок из пластиковых виноградных листьев разных цветов. Левое плечо юноши и кушетка накрыты старой застиранной простыней. На столе скатерть из такой же простыни.

Сделав еще круг, доктор встал перед экспозицией, кинул красноречивый взгляд на полковника и приступил к тому, чего все от него в нетерпении ждали: выводам. Его голос стал жестче и громче, словно все последующие слова он говорил не для себя, а для присутствующих в зале.

– Учитывая предыдущие случаи, могу с уверенностью сказать, что убийца пытается воссоздать сюжеты картин знаменитого итальянского художника эпохи Возрождения Микеланджело Меризи да Караваджо.

На этаже воцарилась такая тишина, что Кире был слышен скрип трости Бирка, на которую он периодически опирался.

– Первый случай произошел в городе Владимир, там убийца показал сюжет картины под названием «Медуза» – отрубленная голова чудовища с женским лицом и змеями вместо волос. По преданию ее взгляд обращал человека в камень. Во второй раз в Рязани убийца попытался воссоздать сюжет картины «Нарцисс». Легенда гласит, что юноша был необычайно красив, но холоден и горд. Во время охоты он испытал жажду, наклонился над озером, где увидел свое отражение. Пораженный собственной красотой, он влюбился в отражение, не смог с ним расстаться и умер от голода и страданий. Некоторые источники утверждали, что перед смертью он бросился в свое отражение и утонул, этим объясняли отсутствие тела. На месте его гибели вырос цветок, который называли в честь юноши – Нарцисс.

Бирк снял очки, вынул платок из кармана комбинезона и вытер пот со лба. Воспользовавшись паузой, Громов и Токарев подошли ближе и встали позади полковника.

– В Рязани убийце помешали, сюжет он не закончил, – продолжил Бирк и надел очки. – Это его дестабилизировало, теперь ему себя трудно контролировать, поэтому третий случай самый жестокий. «Вакх» – единственная картина Караваджо, хранившаяся в запасниках музея Уффици до 1917 года. В ней художник снова обращается к древнегреческой мифологии. Вакх, Бахус, Дионис –

все это имена бога виноделия, вдохновения и религиозного экстаза. С ним прочно связано такое понятие как вакханалия – разгульные дикие сборища, которые сопровождались обильным употреблением вина. Нередко завершались убийствами и насилием.

Сото подошел к Кире и протянул айпад, на котором была открыта страница с картинами великого художника. Озвученные доктором полотна в точности совпадали с местами преступлений. Кира изучила картины Караваджо и передала айпад полковнику. Тот недовольно хмыкнул, с минуту разглядывал изображения, покручивая кончики усов, и с брезгливой гримасой сунул планшет Близнецам.

– Убийца преклоняется перед мастером или считает Караваджо своим учителем? – спросил полковник Бирка.

– Нет, не думаю. Тут что-то другое.

Не сводя взгляда с чаши с вином, Бирк покрутил тростью и сощурился.

– Он не воссоздает сюжет доподлинно. Применяет подручный дешевый материал, не придавая значения текстуре и свету. Из всех деталей он повторил лишь взгляд, вино, плечо и черви на фруктах. Он не восторгается этими произведениями, а лишь подчеркивает бренность бытия. Тыльная сторона экспозиции красноречивее всего говорит о смысле его послания: «Караваджо показал вам ложь, а я покажу вам обнаженную правду». Историки утверждают, что даже при написании религиозных сюжетов, Караваджо использовал натурщиков из простого сословия, а зачастую своих собутыльников и проституток из ближайшей таверны. Однажды разразился громкий скандал, когда прихожане узнали на картине в церкви в матери Христа лицо местной проститутки. Именно это и обличает убийца. Он будет использовать только профильных персонажей, если перед нами бог виноделия, то этот юноша будет иметь к алкоголю непосредственное отношение.

Нога невыносимо ныла. Бирк присел на кушетку, стоящую у стены, положил ладони на серебристый набалдашник трости и продолжил:

– Я вижу небрежность, а это неуважение к мастеру. Он берет сюжет Караваджо, но вносит свой собственный смысл. Ему важно воссоздать сюжет не качеством, а количеством. Такое впечатление, что он больше тратит сил на выбор жертвы, чем на создание сцены. Он игнорирует приемы Караваджо, а значит не

учиться у него. Убийца не творческой профессии, но может оказаться самоучкой, который возомнил себя художником или скульптором. Он определенно не имеет художественного образования.

– Убийца снова ставит свою подпись, – Кира показала на ракушку, лежащую среди фруктов.

Бирк кивнул и хотел что-то сказать, но полковник его опередил:

– Где нам искать Отверженного?

– Отверженного? – переспросил Бирк, на лице отразилось удивление.

– Так его назвала Митяева, – пояснил полковник.

Доктор так сильно сжал набалдашник трости, что побелели костяшки пальцев.

– Отличная характеристика, – сказал он, глядя на Киру, затем перевел взгляд на полковника и резко выпалил: – Ты его не найдешь, Андрон.

– Как это?! – невольно подскочил Лимонов.

– Он гастролер. Переезжает с места на место. Постоянной работы нет. Думаю, у него есть дом на колесах. Как только установишь имя жертвы и место похищения, ищи на дорожных камерах наблюдения фургоны. Это единственная ниточка, которую я тебе могу сейчас дать.

– Ну, хоть что-то, – проворчал полковник.

– Еще я сказала, что он новичок и каждое преступление будет отличаться от предыдущего, – вставила Кира, ей хотелось зацепить доктора, чтобы тот продолжил рассказ об убийце, но со стороны показалось, что она кичиться.

– Ага, и что убьет он из группы риска, – назидательно напомнил Токарев, – а Расмус говорит, что группа риска тут ни при чем.

Подбородок Бирка вздернулся вверх.

– Я только приехал, еще не просмотрел отчеты экспертов... но обязательно изучу все материалы, перед тем как составить профиль, – он положил трость на кушетку и начал быстро стягивать с себя комбинезон. – Здесь я закончил.

Полковник еле подавил ехидную ухмылку, похоже, что ученица начала наступать на пятки учителю. Его это не могло не радовать.

Бирк подошел к Сото и что-то шепнул на ухо, тот прекратил съемку места преступления и поспешил к выходу. Провожая его пытливым взглядом, Кира

поняла, что Бирк что-то задумал, а еще она была уверена в том, что доктор как всегда сказал гораздо меньше, чем знал.

«Говорит, что не успел изучить материалы. Так я и поверила! Как только он вошел в офис, Сото дал ему допуск ко всей нашей системе и уже через полчаса пылливый мозг Бирка сложил общую картину», – подумала Кира, провожая Расмуса недоверчивым взглядом.

Кушетка, на которой только что сидел доктор, была в точности такой же, как на экспозиции убийцы, из чего Кира сделала вывод: Отверженный был знаком с интерьером зала, а значит, бывал здесь, возможно, совсем недавно, ведь он был уверен, что кушетки никуда не делись. Она поделилась со своими мыслями с шефом, и тот дал задание Громову изъять все записи с камер наблюдения, а так же опросить сотрудников музея.

Лимонов и Митяева шли к машине и на ходу обсуждали быстроизменяющийся почерк убийцы. После увиденного на месте преступления, ни у кого не было сомнений, что Отверженный только входил во вкус и вскоре им придется стоять уже перед четвертым трупом.

Вдруг полковник замер и стал наблюдать за Сото.

– Что это он делает? – спросил он майора.

Сото бродил в толпе зевак, которая выстроилась перед зданием.

– Ведет скрытую съемку, – догадалась Кира, – Бирк послал его. Значит, он думает, что убийца может быть среди зевак.

– Черт! – воскликнул полковник. – Как я сам не догадался! – он гневно зыркнул на майора и, пригрозив ей пальцем, добавил: – Из-за тебя! Всю ночь мне тархтели во все уши!

Лимонов позвонил Токареву и дал распоряжение проверить периметр, незаметно сфотографировать всех, кто стоит за лентой ограждения, взять показания и контактные данные.

– Если кто-то вызовет подозрения сразу за шиворот и на допрос. Лучше переусердствовать, чем знать, что он тут был, а мы шары катали, – резюмировал шеф и повернулся к Митяевой.

– Этого Бирк и боялся.

– Чего? – недовольно воззрился на нее полковник, его раздражали едкие комментарии сотрудницы.

– Благодаря своей внешности, Сото это делает незаметно, а наши спугнут убийцу. У них на лицах написано, что они следаки.

Из здания музея вышел Токарев, закурил и медленно пошел вдоль недавно оштукатуренной фронтальной стены. Одновременно несколько мужчин отделились от толпы и разошлись в разные стороны. Митяева хмыкнула, давая понять, что произошло именно то, о чем она говорила. Лимонов метнул на майора гневный взгляд и двинулся к машине. Кира поспешила за ним.

– Вам не показалось, что Бирк чего-то недоговаривает? В прошлый раз он был таким красноречивым... а сегодня еле концы связал, – сказала Кира, садясь в машину шефа.

– Нет, не показалось! – огрызнулся полковник. – Что-то я не припомню, чтобы кто-то из бойких на язык узнал сюжеты картин Караваджо.

– Про Медузу я сразу сказала. И как бы мы связали Нарцисса с первым случаем, если Отверженный не закончил? Про Караваджо не догадалась, это да, признаю. С искусством я на «вы».

Лимонов немного смягчился и завел мотор.

– Расмус, как и я, всю ночь не спал, – буркнул полковник, пристегнул ремень безопасности и ехидно добавил: – Все смотрел, как его протеже последний тест проходит.

Кира кинула на шефа обиженный взгляд.

– Кстати, о тесте! Вы бы хоть глазом мне подмигнули, чтобы я поняла, а то кинули меня львам на растерзание...

– Я не мог, – сказал, как отрезал Лимонов, – все телефоны, даже домашний были на прослушке. В офисе и в машине установили несколько камер.

– Ого! – Кира округлила глаза. – Такие тесты все проходят?

– Нет, только вы с Громовым.

– А почему мы? – Кира вопросительно уставилась на шефа.

– Расмус настоял; по итогам собеседования Громов набрал больше баллов, отвечал слишком быстро, будто знал все ответы наизусть. У нас возникли

подозрения, что Громову кто-то слил вопросы, тогда и пришла идея о дополнительном задании.

Кира присвистнула и отвернулась к окну. Трудно было представить, что генерал Громов будет сидеть, сложа руки, когда решается судьба его сына. Безусловно, Вадиму помогали.

– Громова вели от министерства до офиса, и когда он заезжал в ресторан на ужин. Слежку он не заметил, а сам тест провалил с треском.

– А какой у него был тест?

– Тебе знать не положено, – рывкнул полковник и вцепился в руль.

– Бирк доволен результатами моего теста?

– Вполне, – коротко ответил Лимонов, бросил на майора настороженный взгляд и усмехнулся. – Тебе нужно его или мое одобрение?

– Обоих, – дипломатично ответила Митяева.

Дождь прекратился, полковник отключил стеклоочистители. Они выехали на трассу М-2 и влились в плотный транспортный поток. Андрон Маркович закурил и приоткрыл окно, в щель тонкой серой струйкой потянулся дым.

Кира смотрела на мелькающие за окном деревья с сочно-зеленой кроной и думала о предстоящих выходных. О чем мать хочет с ней поговорить? Она медленно восстанавливалась после химиотерапии. Узнав о диагнозе матери, Кира старалась быть терпимей и перестала избегать неприятных разговоров. Какими бы ни были наставления матери, они могли стать последними.

Лимонов прикурил вторую сигарету и спросил:

– Как у тебя с Расмусом? Не похоже, что вы друзья... а ведь ты живешь в его доме...

Кира сжала челюсть и заскрежетала зубами. Вопрос был болезненным. Никаких препятствий в общении она Бирку не чинила, тот сам, то отдалялся, то внезапно теплел и закидывал ее приглашениями. Иногда ей казалось, что он ею увлечен, но как только Кира приходила к такому выводу, Бирк либо пропадал на длительный период, либо холодел к ней, как антарктический лед.

– От ваших отношений многое зависит, – продолжил полковник, – я не хочу, чтобы ты с ним слишком сближалась, боже спаси от него твою душу. Мне

нужно, чтобы вы дополняли друг друга в расследовании. Что упустил он, заметила бы ты.

– Он тоже этого хочет, – как можно спокойнее ответила Кира.

– Но не только этого, – глаза полковника хитро прищурились, – сегодня, пока все тебя поздравляли со стажировкой, он попросил у меня официального разрешения на сеансы психоанализа.

– Со мной? – в глазах Киры промелькнул страх.

– Да, – полковник заметил ее замешательство, – не пойму, зачем ему это.

– Хочет влезть в мою голову, а я сопротивляюсь.

– Это часть обучения?

– Не думаю...

– Тогда зачем ему это надо? – раздраженно повторил полковник.

Кира пожала плечами.

– Я дал согласие.

Она бросила на шефа вопросительный взгляд, но тот вцепился в руль и больше эту тему не поднимал.

«Зачем Бирку проводить со мной сеансы психоанализа?», – Кира не смогла себе ответить на этот вопрос.

Недомолвки, намеки, загадки, игры в кошки-мышки – все это навязчиво преследовало с момента ее назначения связным между консультантом и отделом. Киру не покидало ощущение, что она находится на сцене театра, а над ней нависает гигантская фигура кукловода – Бирка. Он дергает за ниточки, вызывая в ней определенные чувства. Направляет ее по только ему известному маршруту и наблюдает, как она справляется с отведенной ролью.

В памяти навязчиво мелькали гримасы доктора. Она вспомнила клинику, насыщенный график и собственное заключение, которое она сделала во время разговора с Ниной: «Ему мало вылавливать маньяков после совершения преступлений, открыв клинику психологической помощи, он еще ухитрится их отслеживать в зачаточном состоянии». Догадка пробила ее мозг как молния. Так вот в чем дело! Несколько секунд она раздумывала озвучивать шефу свои мысли или нет, но, в конце концов, решилась.

– Бирк – манипулятор и нарцисс. Уверенна, что сейчас он бежит, спотыкается в клинику, чтобы найти записи с сеансами.

– Какими еще сеансами? – полковник кинул на нее вопросительный взгляд.

– Краткость Бирка объясняется очень просто: он знает убийцу, он был его пациентом.

– Опять ты двадцать пять! Повторенье мать ученье. Вы с Яковлевым как стайка попугаев талдычите одно и то же. Тот все грезит теориями заговоров и ты туда же.

– Не хотите – не верьте, мое дело предупредить.

– Тебя послушать так Бирк лично знаком со всеми маньяками в России и за ее пределами. Если б знал, то сказал! Для этого мы и пользуемся его услугами.

– Скажет... но только тогда, когда проверит. Вы видели, как он нервничал? В первом деле он стоял в подвале перед детскими телами как монумент, а сегодня, увидев оголенные ребра, гримасничал несколько минут. Я наблюдала за ним. Он злился! Нет... что-то тут не то... он думает, что знает убийцу. А мұка, отразившаяся на его лице – это реакция на то, что он мог эти убийства предотвратить.

– Фантазии Фарятева⁴, – буркнул полковник.

Кира подумала, что он имеет в виду кого-то из коллег по убойному отделу и оставила его реплику без комментариев. Минуту Лимонов размышлял, пальцы нервно отбивали ритм по кожаному рулю, затем он многозначительно произнес:

– Официально Митяева ты только что попросила у меня выходной до конца дня. Так что в свободное от работы время, ты можешь заниматься чем угодно. Я довезу тебя до клиники, а там ты сама по себе.

Кира поняла его намек: полковник давал зеленый свет в слезке за доктором, а значит, ей удалось посеять в нем зерно сомнения.

г. Москва

⁴ Фантазии Фарятева – художественный двухсерийный телефильм, снятый на киностудии «Ленфильм» в 1979 году по мотивам пьесы Аллы Соколовой. Главный герой – Андрей Миронов – утверждал, что страдающие люди являются потомками пришельцев из другого мира и мучительно ищут способ вернуться назад.

Центр психологической помощи «Новая жизнь»

Просторный вестибюль клиники анонимной психологической помощи явно нуждался в ремонте. Штукатурка на стенах отвалилась кусками, словно от автоматной очереди, оголяя старинную кирпичную кладку. Из оконных щелей сквозил ветер и как паруса поднимал тюлевые занавески, единственное, что было чистым в слабоосвещенном мрачном помещении. Ступая по обшарпанному линолеуму, Кира безуспешно пыталась рассмотреть ожидавших своей очереди пациентов. Девушка за стойкой регистрации, обшитой голубым пластиком, подняла глаза и окинула незнакомку пытливым оценивающим взглядом.

– Могу я вам чем-то помочь? – натянутым, как струна голосом спросила она, зажимая между ухом и плечом трубку стационарного радиотелефона.

В прошлый визит Киры в клинику за стойкой рецепции сидел сговорчивый и услужливый паренек. Кире хватило одного взгляда, чтобы понять: эта любезничать не будет.

– Мне нужен доктор Бирк, – требовательно произнесла майор и показала свое удостоверение.

– К сожалению он сегодня не принимает, – быстро и надменно отчеканила регистратор и гордо вздернула подбородок, словно ей доставляло удовольствие чинить препятствие в расследовании представителю правоохранительных органов.

– Меня примет, – парировала ей Кира с нажимом, – и не утруждайте себя враньем, я знаю, что он здесь, его машина стоит перед подъездом.

Девушка на секунду замешкалась, одарила Киру недовольным взглядом, но все же набрала внутренний номер. В трубке послышался монотонный гудок. После шестого гудка, она подняла на требовательную гостью большие голубые глаза и сказала:

– Его нет в кабинете.

– Не беспокойтесь, я найду его сама, – ответила майор, набрала номер мобильного телефона доктора и двинулась по узкому коридору.

– Вам туда нельзя! – девушка вскочила как ужаленная.

Ожидавшие в вестибюле посетители с любопытством наблюдали за сценой. Кира шла по коридору и слушала гудки в трубке.

– Вернитесь немедленно, вам туда нельзя, – настойчиво повторила регистратор, но по ее реакции майор поняла, что девушка, скорее всего, не оставит свой пост.

Ускорив шаг, Кира дошла до конца коридора и услышала знакомый рингтон. Звук доносился из ближайшего кабинета, на котором висела табличка «Архив». Она повернула дверную ручку и шагнула в заставленную стеллажами комнату. Бирк восседал в кресле у окна, в правой руке он теребил набалдашник трости и смотрел на дисплей телефона, решая ответить ли ему на звонок или нет. Сото сидел за единственным столом и перебирал потрепанные временем папки. Увидев майора, оба ничуть не удивились.

– *E cantu dignoscitur avis*⁵, – манерно выдал Бирк и крутанул трость, – а вас легко узнать по характерным шагам: пружинистые, стремительные, размеренные.

– Мы снова на «вы», а меня даже не предупредили... – съехидничала Кира, и с горечью подметила, что после долгого отсутствия Бирк словно забывает сложившиеся отношения и начинает с чистого листа.

– Чем обязаны? – резким тоном осведомился Сото.

– Ну-ну, Сото, не нужно грубить, – поспешно осек его Бирк и перевел взгляд на Киру. – Знаю, что у вас есть вопросы, а может быть и возражения по поводу методов моей работы. Уверяю вас, я действовал так, как диктовала сложившаяся обстановка. Можете злиться сколько угодно, наверное, вам это трудно понять, но я действовал в ваших же интересах...

До Киры дошло, что он говорит о последнем тесте.

– Я не злюсь на вас, я приехала помочь, – Кира показала на стопку карт пациентов, – здесь работы до утра.

– А чем мы, по-вашему, здесь заняты? – ехидно уточнил Сото.

– Поиском убийцы, – спокойно ответила Кира, не отводя взгляда от непроницаемого лица Бирка, – вы ведь только лишь взглянули на послание в музей и поняли, чьих это рук дело.

Бирк насторожился и прищурился.

– Кто вам это сказал?

⁵ *E cantu dignoscitur avis* (лат.) - Птица узнается по пению.

– Ваше лицо, – Кира села на стул рядом с Сото.

Помощник взглянул на босса поверх очков, доктор еле заметно кивнул. Перед Кирой тут же оказалась внушительная стопка папок разной толщины.

– Кого конкретно мы ищем?

– Сказали «а», говорите и «б», – взгляд Бирка прожег Киру, словно разряд электрошокера.

– Думаю, что вы с ним виделись в последний раз очень давно, вероятнее всего тогда он был еще подростком, значит, нужно искать истории болезни начала двухтысячных, – Кира уловила заинтригованный взгляд доктора. – Он из неполной семьи, возможно, воспитывался деспотичным отцом или матерью. Трус, поэтому его страхи непременно обсуждались в беседах с психиатром.

– Не дурно, – отозвался доктор и отвернулся к окну.

Но Бирк не был бы Бирком, если последнее слово остается не за ним.

– Вот вам вопрос на засыпку, майор Митяева: почему при такой небрежности с жертвой и местом преступления, убийца не оставил свою ДНК?

Доктор надел наушники и нажал на клавишу айфона, давая понять, что сиюминутного ответа не ждет. Кира задумалась, а действительно, почему? Если человек аккуратен, то аккуратен во всем, а тут такая избирательность. Ошибки не было, Бирк прав, в предыдущих двух случаях эксперты не нашли посторонней ДНК.

Судя по доносившимся из наушников звукам, Бирк слушал оперную арию, это всегда помогало ему сосредоточиться, из чего Кира сделала вывод, что своим появлением она прервала мыслительный процесс, вызвав гнев и раздражение доктора.

Сото робко придвинул пластиковую папку и откинул титульную страницу. Кира узнала шаблон профайла и округлила глаза.

– Он уже составил профайл? – просила она вполголоса.

Сото кивнул.

С нескрываемым нетерпением она буквально вцепилась в папку и начала вникать в записи Бирка. Больше всего ее сейчас волновало, совпадут ли их выводы.

Профайл на Отверженного	
Пол	Мужской
Возраст	20-25 лет
Раса	Славянин
Внешность	Рост 175 см. Худощавый. Со слабо развитой мускулатурой. Дефекты на коже: угри, сыпь или жировики. Густые короткие волосы. Пирсинг на лице или на теле.
Особенности личности	Неустойчивый психопат. Смешанный психотип: лабил и сензитив. Эгоист. Жизнь подчинена внешним влияниям. Легко внушаем. Попадает под влияние доминирующих личностей. Невыдержан. Недисциплинирован. Вступает в преступные группировки, но не может справиться ни с одним заданием; не добившись авторитета, уходит сам или его выгоняют. Труслив. Не терпит критику. Легковозбудимый. Может выместить свою обиду на слабых людях и животных. Любит поговорить по душам, но только если разговор будет о нем. Равнодушен к окружающим. Недоволен своей внешностью, но не пытается ее улучшить.
Modus operandi	Окончательно не сформирован. По мере становления будет импровизировать, нагнать и осложнить себе задачу. Его жертвы можно разделить на две группы. Первая группа для экспозиции – тщательно подготовленные похищения с помощью электрошокера. Убийство происходит незадолго до выставления тела в музее. Были попытки сохранить тело, но впоследствии он от этого отказался, слишком много хлопот, а он нетерпелив. Вторая группа для выживания в быту. Нападает на слабых и социально незащищенных людей: пенсионеров, бомжей, инвалидов, больных. Напасть может из-за голода или нехватки денег.
Семейное положение	Рано потерял отца и мать. Долгое время находился под навязчивой женской опекой, скорее всего родственниц. Из-за чего негативизирует женщин.
Служебное положение	Постоянной работы нет. Рутину не для него. Скорее сворует деньги у работодателя, чем заработает.
Сексуальные предпочтения	Гомосексуалист, но сексуальные связи редки. Во время наивысшего наслаждения предпочитает не секс с партнером, а мастурбацию. Тщательно скрывает свои наклонности даже от тех, с кем общается постоянно.
Привычки	Может заговорить с любым, кто будет слушать, показывает при этом придуманную личность, излишне драматизируя свое детство. Делает фото своих «живых скульптур» и подолгу их разглядывает. На место преступления возвращаться не будет из-за трусости, хотя желание велико. Но не

	исключено, что в момент обнаружения жертвы будет в зримой доступности. Для него важно, чтобы его «живую скульптуру» обнаружили как можно быстрее и в том виде как он ее задумал.
Одержимость	Копирует сюжет картин Караваджо.
Поведение в быту	Ведет праздный образ жизни. Тратит больше, чем зарабатывает. Нетерпелив, раздражителен. Нелюдим, но если найдет «родственную душу» становится навязчивым и требовательным. Живет в фургоне или в заброшенном здании.
Связь с жертвой	Жертвы не случайны, он их знает, но не обязательно лично. Сталкивается в быту. Связывает с определенным персонажем по внешнему сходству и встраивает в сюжет экспозиции.
Последующие шаги	Чем чаще убийца будет убивать ради своей миссии, тем реже ради выживания. Не исключено, что бытовые убийства совсем прекратятся. Объединить преступления двух групп трудно, другой почерк и локация. Сфера комфорта: города, в которых он выставляет свои экспозиции. Сфера обитания: рядом с местами бытовых убийств. В музеях бывал неоднократно, знает режим работы, скорее всего, заводил с работниками музея разговор о «своей трагедии».

Прочитав профайл, Кира невольно бросила восторженный взгляд на Бирка. Ну как ему удастся проникнуть так глубоко в воспаленный мозг убийцы? Доктор упомянул в профайле бытовые убийства, и Кира подумала, что это неплохая зацепка. Но как, черт возьми, он до этого додумался?

Рука Расмуса невольно подрагивала в такт музыке, тяжеловесный подбородок лег на грудь. Глаза все еще были закрыты.

– Уже скоро, – туманно произнес Сото.

Кира вопросительно посмотрела на помощника доктора.

– Он слушает арию «Nessum dorma», в исполнении Пласидо Доминго, а значит, близок к разгадке.

– Разгадке чего?

Сото немного помедлил, размышляя над тем, можно ли раскрывать ей всю информацию, но в итоге все же сказал:

– Десять лет назад к Расмусу привели мальчика одержимого идеей, что он реинкарнация Караваджо. После тестирования он передал мальчика другому врачу; по его мнению, маленький пациент не был способен на жестокость...

– Но он все же убил, – встала Кира.

– Да, но Расмус говорит, а я ему верю, что не мог ошибиться, теперь это не дает ему покоя.

Предположения Киры оказались верными: Бирк лишь взглянул на место преступления и понял с кем имеет дело. Профессиональная ошибка не дает ему покоя. Будь он внимательнее в первую встречу с пациентом, этих бы преступлений не было.

Громов решил пока не уезжать из Тулы, а проехать по месту жительства Поликарпова Евгения – последней жертвы Отверженного. Ему хотелось поговорить с близкими родственниками до опознания, пока горе и чувство потери не оттеснили память о предшествующих похищению событиях. Громов сверил номер дома с адресом в навигаторе и вышел из машины. Перед ним был семнадцатизэтажный двух-подъездный дом, построенный по индивидуальному проекту. Следователь подошел к домофону и хотел уже нажать кнопку нужной квартиры, как дверь распахнулась и из подъезда вышла молодая женщина с ребенком. Он воспользовался моментом и прошмыгнул внутрь. Две минуты спустя он стоял на пороге трехкомнатной квартиры, а через распахнутую дверь на него смотрела испуганная женщина лет пятидесяти плотного телосложения в синем юбочном костюме – мать Поликарпова.

– Лидия Петровна?

На ее лице отразилась досада, словно она ожидала увидеть кого-то другого.

– Я думала это... такой же звонок... два коротких один длинный... – в ее глазах заблестели слезы.

Сердце Вадима сжалось.

– Вы по поводу розыска Женечки?

Громов не ответил, лишь тяжело вздохнул и с сочувствием посмотрел на женщину. О гибели сына ей сообщили еще час назад, но она отказывалась верить, что он лежит в морге – распространенная реакция. Боль потери настолько сильна, что родственники погибших до последнего сомневаются и живут надеждой, что это не их член семьи лежит на столе в прозекторской накрытый простыней.

– Прошу вас, проходите, – произнесла она с холодной вежливостью и, отойдя в сторону, пропустила его в квартиру.

Следователь подметил, как сильно трясутся ее руки. Она нервно поправляла то ворот шелковой блузки, то жемчужное ожерелье. Вадим прошел в гостиную и огляделся. Дорогая мебель, художественный паркет, на окнах многослойные массивные шторы. В квартире было шумно, несколько человек одновременно говорили по мобильным телефонам, видимо, родственники. Непрошеного гостя одарили хмурыми изучающими взглядами.

– Полиция... – пронесся злобный шепоток.

– Заявился! Где ты был, когда нужна была помощь?! – накинулась на него, сидевшая на диване пожилая женщина.

– Ни один из ваших не пошевелился... – подхватила ее настрой полная блондинка в коричневом платье, слезы застилали ей глаза, – а могли бы спасти... а вы... даже заявление не приняли...

В такой обстановке говорить со свидетелем невозможно и Громов повернулся к хозяйке квартиры.

– Могу я осмотреть его комнату? – вполголоса спросил он.

Она проводила его в конец коридора и указала на дверь, на которой висела табличка с молнией наперерез «Не входить! Зона высокого умственного напряжения». Громов зашел в комнату, нащупал выключатель и включил свет. Лидия Петровна последовала за ним.

В комнате преобладали синий и оранжевый цвета. У противоположной стены стояла просторная кровать, над ней подвесной потолок со встроенными светильниками, от которых отражался свет в виде звезд. На дверцах шкафа для одежды фотообои с изображением парусной регаты. Вся боковая стена завешана книжными полками с огромным количеством книг. В углу рабочий стол с кожаным креслом. На столе ноутбук, канцелярские принадлежности и нераспечатанная пачка писчей бумаги. На полу рядом с кроватью следователь заметил гитару и раскрытый блокнот, в котором от руки размашистым почерком набросано четверостишие.

– Когда вы в последний раз видели сына?

– Я уже говорила вашим коллегам, – натянуто произнесла она, но все же покорно повторила: – Вчера я пришла с работы, сын стоял в дверях и надевал кроссовки, собирался на пробежку. Он не очень жалуется спорт, но в последнее время быстро набирал вес. Я повела его на осмотр к врачу, все показатели были в норме. Врач посоветовал ему не налегать на фастфуд и бегать.

– Он что-нибудь говорил перед уходом?

Она покачала головой.

– Нет. Чмокнул в щеку и побежал к лифту. На ходу разминался... Не понимаю, куда он мог деться. Я звонила ему на мобильный раз сто, звонила... в больницы, в полицию. Он никогда раньше не пропадал...

Заметив на стене фотографию жертвы в обнимку с рыжеволосой девушкой, Громов спросил:

– Кто это?

– Его девушка... бывшая... они расстались... вернее, она его бросила.

– Он, наверное, переживал, – Громов показал на гитару и стихотворение.

– Не то слово. Не спал ночами, снова начал курить, а ведь я с таким трудом отучила его от этой дурной привычки. На протяжении месяца он пытался с ней помириться, но она быстро его забыла и сказала, что уже встречается с другим, – Лидия Петровна всхлипнула, резко обернулась и прожгла следователя пытливым взглядом. – Вы думаете, она в этом замешана?

Громов отпрянул. Он поразился, как быстро она навесила на хрупкую девушку ярлык сообщницы, а то и убийцы.

– Пока я ничего не думаю, я осматриваюсь. Скажите, он ничего необычного не замечал в последние дни? На работе? Соседи? На пробежке?

Она закачала головой, словно больная Паркинсоном. Начала после его вопроса и уже не могла остановиться, до нее медленно стал доходить факт того что ее сын мертв. Какая-то часть ее все еще отказывалась в это верить, но проблески реальности уже прорезали сознание. Губы посинели, в глазах стоял ужас. Она схватила джинсовую куртку сына со спинки стула, вдохнула его запах и будто сошла с ума.

– Женечка! Сынок! – закричала она изо всех сил. – Кровиночка моя!

Упав на кровать, она изо всех сил прижимала куртку к груди и не переставала кричать. В комнату вбежали родственники и постарались ее успокоить. Кто-то принес воды и пытался ее напоить, но Лидия Петровна не смогла удержать стакан в руках и разбрызгала воду на покрывало.

Громов незаметно покинул комнату, вышел на балкон и вдохнул свежего воздуха. Грудь теснило от боли. Посещать родственников жертв ненавистная для него часть работы, вот у его напарника с этим проблем никогда не было.

Через минуту на балкон вышел паренек лет двадцати, протянул руку и представился:

– Юра – друг Джона... – затем поправился, – Женьки.

Громов смерил его оценивающим взглядом, парню явно было что сказать.

– Я вот что подумал... Женька бегал вон по той дорожке, – паренек рукой указал в сторону парка, где все еще велись следственно-розыскные мероприятия, – утром полиция нашла на обочине его кроссовок. Значит, его похитили на том месте.

– И? – с нетерпением спросил Громов, бросив взгляд на тенистую аллею.

– Вчера вон в той квартире, – паренек показал на этаж выше, – справляли день рождения. Многие снимали на мобилу. Мне они не дадут запись... типа я для них мелюзга и не авторитет. А вот если *вы* пойдете...

Громов похлопал парня по плечу и сказал:

– Мне жаль твоего друга, прими мои соболезнования.

Когда он покидал квартиру, один из родственников звонил в «Скорую помощь», Лидию Петровну все еще не удавалось привезти в чувства. Громов сжал кулаки и бросил прощальный взгляд в сторону комнаты, откуда речитативом слышались причитания. Желваки заходили ходуном, в памяти всплыло лицо погибшего паренька.

Поднявшись на этаж выше, Громов позвонил в квартиру, на которую указал свидетель. Никто не открывал, и он повторно нажал на звонок. В коридоре слышались шаркающие шаги и мужской сиплый кашель. Дверь приоткрылась, следователь увидел мужчину лет сорока с помятым от сна лицом.

– Чего надо? – грубо пробасил он.

Следователя обдало перегаром. Он предъявил удостоверение и спросил:

- Это у вас вчера была вечеринка?
- Ну? – с вызовом бросил ему верзила.
- Позвольте войти, – не дожидаясь ответа, Громов налег на дверь и ввалился в темный коридор.

В тесном архиве тишину прерывали шелест бумаг и приглушенные звуки арии из наушников Бирка. Кира и Сото продолжали перебирать папки с историями болезней пациентов. Доктор все еще сидел в кресле, откуда ему открывался вид на ярко освещенное шоссе. Он наблюдал за редкими прохожими и быстро мелькающими автомобилями. Глаза периодически закрывались, пальцы в такт музыке отбивали темп. Голос знаменитого тенора уносил его в события десятилетней давности, когда на пороге его кабинета ранним утром появился испуганный мальчик хилого телосложения в сопровождении трех тетушек одетых в траур, словно сицилийские вдовы. Женщины, в отличие от мальчика, вызвали в нем профессиональный интерес, и он побеседовал с каждой из них. Конечно, акцент он делал на ребенке, на его отношениях с родственниками и сверстниками, но длинные обстоятельные ответы не прерывал, а охотно поощрял. Три сестры говорили обо всем, кроме одного – их личной жизни. Не просто отмахивались, а игнорировали вопросы, словно он их не задавал. Расмус трижды заходил с разных сторон, но как только разговор касался темы замужества или просто отношений с противоположным полом, женщины замолкали и делали вид, что разглядывают предметы в кабинете и ничего интересней в своей жизни не делали.

Семейство пробыло в клинике полдня, а Расмус так и не узнал, что за тайна скрывается за семью печатями трех сестер. Теперь, когда он увидел последствия своей халатности, этот вопрос снова всплыл в памяти и зудел, как назойливый комар. Если бы он отмахнулся от приема в связи со своей занятостью или думал в тот момент о другом деле, то было бы понятно, из-за чего теперь возникли проблемы. Но Бирк уделил «сицилийскому семейству» полдня и слушал их с предельным вниманием – не каждый день перед ним предстает родственная группа, претендующая на групповой психоз. Маленький пациент успешно прошел

все тесты. На вопросы Бирка отвечал быстро и ясно излагал свои мысли. Ничего из сказанного не говорило об агрессии в ребенке. Так что же он упустил?

Кира открыла следующую карту пациента и погрузилась в мир очередного психопатического расстройства. Судя по реплике Сото, Бирк брал самые сложные случаи. В большинстве, это были маленькие пациенты из неблагополучных семей, где дети были предоставлены самим себе с раннего возраста, из-за чего часто становились легкими мишенями насильников и наркоманов. Но попадались пациенты из приличных семей, где агрессия ребенка была необъяснимой и наблюдалась с раннего детства. Такую историю болезни сейчас просматривала Кира. Одного мимолетного взгляда хватило, чтобы понять, что это девочка, а значит, папку можно было сразу закрыть, но Кира не справилась с любопытством и погрузилась в неразборчивые записи Бирка. С фотографии на нее смотрели улыбающиеся глаза семилетней девочки с белокурыми вьющимися волосами – ангел на ретро открытке. Майор внимательно читала строчку за строчкой. За сухими отрывистыми записями она живо представила масштаб трагедии, разыгравшейся в семье инженера и банковского юриста.

Девочку звали Кристина – имя, конечно, было выдуманным для соблюдения анонимности. За год до встречи с доктором Кристина задушила подушкой своего новорожденного братика. Официальной причиной смерти была механическая асфиксия, на старшего ребенка никто не подумал, посчитали смерть случайной. Родители пребывали в неведении, пока год спустя девочка в порыве гнева не выпалила ужасное признание. В момент, когда ей отказали в элементарной, по ее словам, прихоти – купить коллекционную куклу – она пригрозила сделать то же с мамой и папой, что сделала с братиком. Бирк спросил ребенка, почему она это сделала, Кристина спокойно ответила, что после рождения братика ей стали меньше уделять внимания и больше отказывать в просьбах. Братик постоянно плакал, мама не высыпалась, поэтому не могла ни почитать ей на ночь сказку, ни поиграть с ней в куклы. Бирк поставил диагноз: психопатия.

Кира невольно прикрыла рот рукой, она даже представить себе не могла, что чувствовала мать этой девочки. Из беседы доктора с супружеской парой было понятно, что родители винили себя и находились в сильном смятении, не знали,

что им делать дальше. Они боялись заводить еще одного ребенка и понимали, что Кристину нельзя оставлять без постоянной опеки.

– Если будешь читать истории болезней, мы просидим здесь еще год, – ворчливо подметил Сото.

– Это невыносимо, – Кира посмотрела на две стопки потрепанных временем папок, у Сото было в три раза больше просмотренных историй, – не понимаю, как ты можешь абстрагироваться и просто искать.

– За годы работы на Расмуса я научился блокироваться, – Сото заглянул в папку, которую она просматривала, – о, тебе попалась история Кристины? Нда, тяжелый случай.

– Интересно, какой она выросла?

– Она вышла замуж за американца, жила в Оклахоме, – изрек Бирк, вставая с кресла и разминая затекшие ноги. – Родила подряд троих детей. Муж умер от несчастного случая на работе. Когда не осталось сбережений, она застрелила детей из дробовика.

– Что? Застрелила своих детей? – майор еще раз взглянула на улыбающееся лицо девочки.

– Полиции она сказала, что поступила с ними как мать гуманно, иначе бы дети умерли от голодной смерти. Теперь сидит в тюрьме. Усердно пишет прошения о помиловании, не понимая, за что ее посадили. В прошлом году написала мне целую петицию с просьбой в содействии ее освобождения, мотивируя тем, что я единственный психиатр, который знает ее «невинный» характер с детства. Тот факт, что ее привели ко мне после убийства собственного брата, она опустила.

– Какой ужас, – пробормотала Кира, закрыла и отодвинула от себя папку с такой опаской, будто в ней содержался вирус, который мог передаваться по воздуху.

– Нашел! – воскликнул Сото.

Бирк в два шага оказался рядом и уже всматривался в фотографию испуганного худенького мальчика.

– Это он, – подтвердил доктор.

Пока Бирк вникал в собственные заметки, Сото отсортировал папки и убрал их в металлические ящики. Затем качнул Кире головой в сторону коридора, давая понять, что доктора сейчас лучше оставить одного.

В полумраке коридора Кира увидела, что в приемной остался единственный посетитель. Сото вошел в соседний кабинет, который оказался таким же тесным как архив, это была кладовая, в дальнем углу которой находились импровизированная кухня и обеденный стол с тремя стульями. Маневрируя между бутылками с питьевой водой, Кира добралась до конца комнаты и опустилась на ближайший стул.

– Я бы предложил кофе, но лучше не советую, – брезгливо произнес Сото и проворно забрался на деревянный комод.

Кира сразу поняла, что это его излюбленное место.

– Попью воды, – она налила воду в пластиковый стаканчик из кулера.

Пальцы Сото с бешеной скоростью нажимали на клавиши телефона. Своей отстраненностью он давал понять, что не намерен заводить с ней разговор. Кира медленно, глоток за глотком, отпивала прохладную воду и прислушивалась к шагам в коридоре. Когда стаканчик опустел, она швырнула его в мусорное ведро и спросила:

– Как ты познакомился с Бирком?

Сото метнул на нее поверх очков недобрый взгляд и продолжил набивать текст сообщения. В отражении стекол его очков мелькали японские иероглифы. Кира решила немного его раскачать и как можно дружелюбнее произнесла:

– Ну же, Сото... расскажи, не будь букой.

– Ваша ничтожная попытка завязать разговор обречена на провал, – сухо отчеканил помощник доктора и поправил очки в ярко синей оправе.

Кира на секунду опешила, потом усмехнулась. Внутренний голос подсказывал ей оставить парнишку в покое, но вопреки своим ощущениям она продолжила:

– Как знаешь... я просто хотела узнать тебя поближе, раз уж нам предстоит вместе работать.

– Я работаю только на Расмуса, вернее помогаю ему.

Кира тут же зацепилась за его слова.

– Значит, ты не на зарплате? Ты просто ему помогаешь... Хочешь стать психологом?

– Холодно, – процедил сквозь зубы Сото и с вызовом уставился на майора, пальцы замерли в ожидании.

Цепкий взгляд Киры скользил по его оранжевым зауженным джинсам с низкой посадкой, приталенному модному пиджаку и оранжевым шнуркам на кроссовках.

– Хорошо... если мимо... тогда так... – Киру прожгла догадка, – у тебя с ним тоже сделка.

Она сказала это спокойно и твердо, не сводя взгляда с юноши. Странный тандем бросился в глаза еще в первую встречу, и с тех пор ее не покидала мысль, что японец не просто так кружит вокруг Бирка. Она вспомнила рассказ Глеба о трагической гибели родителей Сото, и что он был единственным свидетелем. Бирк бы учуял убийцу за версту, поэтому Кира сделала вывод, что Сото был невиновен. А раз так, то логично предположить причину, по которой парень не отходит от Бирка: он искал убийцу родителей.

Услышав догадку Киры, губы Сото дрогнули, но он все еще хранил молчание, поэтому майор решила развить тему:

– Говоришь по-русски без акцента, значит в России давно, скорее всего, с детства. Компьютерный гений, но это не твое призвание, так что ставлю на то, что этой профессией ты занялся вынужденно, из-за какого-то трагического события в жизни. Сирота, без друзей и родных, один... совсем один, не помню, чтобы ты с кем-то общался или поддерживал нормальные отношения. Ты даже с сотрудниками Расмуса по-человечески поговорить не можешь. Родителей ты потерял давно, еще в детстве, вот тогда-то в твою жизнь и вошел Бирк.

В коридоре слышались шаги. Сото метнул мимолетный взгляд на дверь и тут же перевел его обратно на майора. Желваки заходили ходуном, выдавая раздражение. Напряжение нарастало.

– Думаю, тебя с Бирком объединяет трагическое событие. Что-то страшное, что невозможно забыть. Этот ужас преследует тебя по ночам, не дает двигаться дальше, – Кира заметила на лацкане пиджака значок с флагом Японии.
– Ты скучаешь по дому, по тем местам что запомнил, но ничего изменить не

можешь. Ты застрял... ищешь справедливости, но ее нет. Не в твоём случае. Если учесть специализацию Бирка, то вывод напрашивается сам собой: твоих родителей убил маньяк. Ты учишься у Бирка, чтобы поймать убийцу, а взамен работаешь на него...

Дверь резко распахнулась, в комнату заглянул Расмус. В руке он сжимал папку с профайлом и историю болезни пациента, из чего Кира сделала вывод, что доктор не нашел в своих записях зацепки и решил уделить документам пристальное внимание в своём кабинете.

– Вот вы где! Едем домой, здесь я закончил.

Сото прожег Киру надменным взглядом, спрыгнул с комода, направился к двери и с ехидцей подметил:

– Как жаль, Расмус, что я не снял на видео разыгравшуюся здесь монодраму. Митяева решила поиграть в профайлера. Выдала то, что сказал ей обо мне бывший напарник за свои умозаключения, да еще с такой патетикой...

– *A communi observantia non est recedendum*⁶, – отмахнулся от него Бирк.

– Кстати, она думает, что я ищу убийцу своих родителей, поэтому вынужден терпеть ваш вздорный характер и взамен на обучение заниматься нелюбимым делом. Если ее не остановить новоиспеченный профайлер начнет читать лекции об основных инструментах психоанализа. Боюсь предположить, к чьим трудам она может еще примазаться.

– Если дело дойдет до лекций, я вмешаюсь, – усмехнулся Бирк, и то ли ободряя, то ли успокаивая, похлопал помощника по плечу.

Но Сото не умолкал.

– Роберт Ресслер? Томас Мюллер? Он хоть и был учеником Ресслера, но прославился на всю Европу. Каков ваш прогноз? Предлагаю сделать ставки.

Бирк хмыкнул, ответил что-то вполголоса, от чего Сото разразился заносчивым смехом. Через распахнутую дверь майор наблюдала, как две разноростные фигуры прошли через вестибюль, и вышли на улицу. От мысли, что Сото слушал все переговоры в день ее тестирования, Кира густо покраснела. Вместо того чтобы наладить отношения с помощником доктора, она вызвала насмешку и испытала от этого стыд, горечь и досаду. Первым желанием было

⁶ *A communi observantia non est recedendum* (лат.)— Нельзя пренебрегать тем, что принято всеми.

уехать к сестре и остаться у нее на ночь, но Бирк прислал смс: «Поторопитесь» и Кира, поджав от обиды губы, покинула клинику.

По пути от клиники до коттеджа в машине никто не проронил ни слова. Бирк нацепил наушники и откинул голову на подголовник, он явно что-то обдумывал и хотел отгородиться от окружающих. Слушая очередную арию, он изредка открывал глаза, взгляд пространно блуждал по мелькающему за окном ландшафту. Сото неотрывно играл в игру на айпаде, а Кира, чтобы отвлечься от фиаско размышляла о профиле убийцы и пыталась предугадать его дальнейшие действия. В какой музей он нанесет свой следующий визит? Какую картину Караваджо попытается воссоздать и почему именно ее?

Массивные ворота со скрипом разъехали в стороны. «БМВ» миновал первый пост, похожий на КПП воинской части и остановился перед главным входом. Когда помощник доктора пулей выскочил из машины и поспешно скрылся за парадной дверью коттеджа, Кира пожелала доктору спокойной ночи и не спеша направилась к гостевому домику. Настроение после стычки с Сото было подавленным, спать не хотелось, и она решила, что просмотрит все известные картины Караваджо, чтобы попытаться уловить особенности его живописи.

– По бокалу вина перед сном? – непринужденным тоном спросил ее Бирк.

Кира знала, что доктор быстро хмелел, поэтому пил только в редких случаях, а значит, им предстоял серьезный разговор, для которого ему потребуется допинг. Конечно, она связала это приглашение со своей жалкой попыткой вывести Сото на разговор. Наверняка Бирк после очередного постулата в психологии вскользь даст совет не переступать черту профессиональных отношений с его помощником и объяснит ранимость и озлобленность Сото детской травмой.

– Валяйте, вбивайте последний гвоздь в крышку гроба, – пробурчала Кира и покорно пошла за Бирком.

Доктор сделал вид, что не расслышал ее слова.

– Выпьем в кабинете, – предложил он, с трудом преодолевая ступеньку за ступенькой.

Кивком он здоровался с обслуживающим персоналом. Кира посмотрела на трость и подумала:

«Почему Расмус нервничает? Не похоже, что из-за моего разговора с Сото».

Кабинет располагался в другом крыле здания в личных апартаментах Бирка внешне напоминающие бункер. «Рабочее» крыло, как называл его сам доктор, отделяла от основной части дома дверь похожая на банковское хранилище, перед которой круглосуточно дежурил охранник. Кире давно хотелось отпустить едкую шуточку на эту тему, но сегодня у доктора был такой вдумчивый вид, что она решила обойтись без колкостей.

Магнитный ключ и набранный пароль разблокировали дверь, Бирк щелкнул выключателем, кабинет залило холодным белым светом. Открыв дверцу письменного стола, он вынул тоненькую пластиковую папку и протянул майору. В папке оказались копии документов, датированные 1988 годом. Кира сразу поняла, о чем сейчас пойдет речь и огляделась в поисках выпивки. Теперь допинг понадобился ей.

– Где тут у тебя бар? – спросила она и почувствовала, как нервная дрожь пробежала по позвоночнику.

Бирк указал на зеркальный комод.

– Мне тоже можешь налить.

– Вино или виски?

– Что и себе...

Расмус со стоном опустился в кресло и вытянул разболевшуюся ногу на пуфик. Трость с набалдашником в виде черепа легла вдоль ноги. Кира вернулась к нему с двумя бокалами белого вина.

– Ты, наверное, решила, что я забыл о нашей договоренности, но как видишь, это не так, – Бирк дрожащей рукой взял протянутый ею бокал. – Всяк двадцатилетней давности будет нелегко раскрыть, но мы постараемся.

Кира просматривала документы, а Бирк комментировал то, что считал важным. Он плохо скрывал волнение, было очевидно, что это дело его зацепило. Последним документом в папке были ее собственные показания. С трепетным

волнением Кира перевернула первую страницу протокола допроса и погрузилась в чтение.

– Ты проходила по этому делу ключевым свидетелем, поэтому я постарался уделить твоим показаниям максимум внимания. У меня сложилось стойкое ощущение, что ты сказала следователям не все.

– Я плохо помню события тех дней, – пространно ответила Кира, дочитывая показания. – Помню все в деталях до похищения Миши, но потом словно провал.

– Защитная реакция. Мозг блокировал часть самых болезненных воспоминаний.

– Врач, который осматривал меня в Москве, тоже так сказал, – Кира взглянула на Расмуса и спросила: – Что предлагаешь?

– Гипноз, – коротко ответил Бирк и мелкими глотками осушил бокал вина. – Но для начала просто расскажи что помнишь. Мне нужно понять, в каком направлении двигаться.

Кира кивнула и, сделав большой глоток вина, погрузилась в прошлое. Обрывочные воспоминания не передавали полной картины, но могли дать старт началу расследования. Сердце затрепетало, словно у маленького воробушка. Неужели Бирку удастся докопаться до участи постигшей ее друга? За это она была бы ему несказанно благодарна.

Его цепкий взгляд подметил ее угловатые резкие движения, дрожания губ и испарину на лбу. Это был не просто стресс, пережитый в детстве. По всем внешним признакам майор страдала от ПТСР⁷, только в ее случае полностью отсутствовали психопатологические репереживания⁸, либо она их тщательно скрывала, что он и попытается сегодня выяснить.

– Не могу сказать, что я была несчастна, – она прочистила горло, – родилась и выросла в гармоничной семье, где все друг друга уважали, заботились и ценили личное пространство. Но когда я встретила в лагере Мишу, то осознала,

⁷ ПТСР - Посттравматическое стрессовое расстройство - тяжёлое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, как, например, участие в военных действиях, тяжёлая физическая травма, сексуальное насилие, либо угроза смерти.

⁸ Психопатологические репереживания – психологическое явление, при котором у человека возникают внезапные, обычно сильные, повторные переживания прошлого опыта или его элементов.

что только тогда начала жить по-настоящему... в полную силу, словно мое ощущение себя самой разделилось на «до» и «после» знакомства с ним. Это как чувствовать безграничную свободу и быть ответственным за свои поступки. Стать по-настоящему взрослым, как бы по духу, а не по возрасту.

Доктор подметил, что майор рассказывала о друге несвойственным ей тихим и вкрадчивым голосом. Говорила с теплотой, глаза при этом блестели, будто она боролась с подступающими слезами. Но когда она продолжила, голос оставался твердым и он понял, что таким преобразованием она выделяла его значимость в ее жизни.

– Имя Михкель сверстникам было трудно запомнить, поэтому мы называли его Мишей. Он не возражал. Его внешность была совсем непривлекательной: толстые стекла на очках, низкий рост, сутулая спина, поэтому среди девчонок он не пользовался популярностью. Ко всему прочему он постоянно умничал, что раздражало всех, даже вожатых.

Майор размяла пальцы рук и покрутила кольцо, подаренное сестрой на тридцатилетие. Бирк поставил пустой бокал на паркет и сложил руки домиком. Его пристальный взгляд улавливал, а мозг на автомате анализировал каждое изменение ее интонации и мимики.

– Казалось, не было ничего, что он не знал. Кроссворд любой сложности, алгебра, квантовая механика, электрохимия, атомная физика, психология – его знаниям не было предела. Гений в коротеньких синеньких штанишках и голубой пилотке. Все его уважали и хотели дружить, а он общался только со мной. Не знаю, почему я удостоилась такой чести, но была польщена.

– Что ты знаешь о его семье?

Кира откинула голову назад и прикрыла глаза. С минуту она молчала, затем посмотрела на Расмуса, будто только сейчас расслышала его вопрос и сделала очередной глоток вина.

– Родители развелись. Старший брат уехал с матерью в другой город, он был от другого отца. Братья не были близки из-за большой разницы в возрасте, Миша его почти не вспоминал. А вот мать... – из груди Киры вырвался тяжелый вздох, – по матери он безумно скучал. На его столике стояла ее фотография,

правда там она была еще совсем юной школьницей. Не знаю, почему он выбрал именно этот снимок.

– А что он рассказывал о своем отце?

– Ничего конкретного... он не любил о нем говорить. Я помню только, что он был каким-то ученым, но не помню в какой области. По обрывкам фраз я поняла, что инициатором развода была мать. Как только я начинала рассказывать о своих родителях, Миша нервничал. Было видно, что он невольно сравнивал отношения в семьях и это его огорчало. С отцом у него были сложные отношения. Трудно было понять, любят они друг друга или нет. Но он его ждал... часто сбегал из отряда на автобусную остановку и всматривался в лица выходящих из транспорта пассажиров. Об отце он почти не говорил. Охотнее рассказывал об их домработнице. Кажется, ее звали Эльза или Ильза или Илза... точно не помню.

Бирк сделал запись в блокноте и поднял на нее глаза. Кира отставила бокал с вином, ей не хватало воздуха. Она расстегнула верхнюю пуговицу на блузке и поднялась с кресла. Заложив руки за спину, она медленно расхаживала по кабинету и пристально разглядывая предметы на стеллажах. Постепенно страх и волнение отступили, одобрителный и заинтригованный взгляд Бирка действовал на нее как таблетка успокоительного.

– Ты беседовала с его матерью и братом?

После обнаружения фотографий брата и Киры, Бирк детально вспомнил их единственную встречу, но ему хотелось знать, что из тех событий помнила она.

– Это нельзя было назвать беседой, скорее, они выразили моим родителям сочувствие, что трагическое событие с Мишей негативно отразилось на моей психике и сразу ушли. Я даже не помню, как они выглядели и во что были одеты. Старший брат Миши поддерживал мать под руку. Она постоянно плакала. Помню, что они быстро уехали, даже не остались ночевать в Ялте.

Кира не знала, что Расмус отправил к отчиму в Тарту только мать, сам же остался в Крыму и вел свое расследование, пока на связь с родителями не вышли похитители.

– Как звали старшего брата? – Бирк напрягся, если эта информация лежала в ее сознании на поверхности, то она с легкостью соединит все концы и вспомнит его. Это было нежелательно и, несомненно, накалило бы атмосферу.

Видно было, как майор изо всех сил пыталась вспомнить, но, увы...

– Не помню... – помотала она головой и чуть не разрыдалась.

Выдохнув с облегчением, Бирк сочувственно похлопал майора по плечу и спросил:

– Как часто Михкель сидел один на остановке?

– Почти каждый день. Исключения составляли дни, когда наш отряд уходил в поход или репетировал перед концертом, который должен был состояться в конце потока. Он наизусть знал расписание и приходил на остановку за десять минут до прибытия рейсового автобуса.

– Он замечал что-то странное пока сидел на остановке? Может к нему кто-то проявлял интерес или он стал свидетелем какого-то необычного события?

Кира задумалась, затем покачала головой.

– Ничего такого не припомню...

– Он не рассказывал о людях, которые сидели с ним на остановке? Может кто-то попадался ему чаще остальных?

Кира резко обернулась, между бровями залегла глубокая складка, она вспомнила то, чему сама ранее не придавала значения.

– Была одна женщина... все считали ее сумасшедшей... – Кира вернулась в кресло и закинула ногу на ногу, – она тоже часто сидела на остановке с куклой в руке. Кто-то из вожатых рассказал нам, что она в пожаре потеряла дочь и от горя сошла с ума.

Бирк поддался корпусом вперед, глаза неестественно заблестели.

– Опиши ее внешность!

– Среднего роста, черные взъерошенные волосы, правую сторону лица ближе к уху, – Кира провела указательным пальцем по щеке, – покрывал уродливый шрам от ожога.

– Так... так... – подбодрил ее Бирк, – что еще?

– На ней было чудаковатое платье, по фасону похожее на детское, но большого размера. У тряпчатой куклы вместо глаз и носа пришиты пуговицы. Она была, как из прошлого... говорила странно... архаизмами, – Кира нахмурилась, пытаясь вспомнить детали разговора. – «Горница запалилась», «загодя дивилась», «челядь я» – так она всем представлялась. Миша сказал, что

она до пожара работала прачкой. С акцентом говорила, русский язык был явно ей неродной. Внешне она была больше похожа на еврейку или на молдаванку.

Бирк резко вскочил с кресла, от чего Кира вздрогнула и устремила на него вопросительный взгляд. Он вынул из выдвижного ящика стола ксерокопии документов.

– Это одна из версий, которую я отрабатываю, – с этими словами он протянул ей фотографию женщины лет тридцати.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Кира ее узнала. Руки задрожали, она подняла на него глаза и сдавленным голосом произнесла:

– Это точно она. На фото нет шрама и волосы короткие, но ее пронзающие как иголки глаза я никогда не забуду.

– Самый распространенный трюк преступников – заикнуть свидетелей на запоминающихся деталях, которые в реальности ничего не значат: парик, платье, кукла и шрам.

– Кто она? – Кира отдала ему фотографию.

Позабыв о боли в ноге, Бирк начал мерить шагами кабинет.

– В то время в Крыму орудовала преступная парочка: муж и жена. Они крали все, что можно было продать, живой товар был не исключением. Их взяли с поличным через пять лет после исчезновения Михкеля, – Бирк потряс фотографией, – ее звали Анна Макаренко, урожденная Авереску, по происхождению румынка. При задержании она отбивалась как тигрица, пыталась вырваться, в нее стреляли и, не приходя в сознание, она скончалась в больнице. Муж на допросах молчал, а после ареста повесился в камере.

– Все концы в воду, – обреченно резюмировала майор.

– Не совсем так...

Кира подняла на него глаза.

– Теперь мы точно знаем, кто похитил Михкеля и для чего: для последующей продажи или выкупа. Покопаемся в их окружении. Возможно, после стольких лет люди будут разговорчивее.

Бирк озвучил сегодня то, что сам знал с первых дней своего частного расследования. Он даже выяснил, где держали брата первые десять дней, но потом след терялся. Один из бывших подельников четы Макаренко утверждал,

что супруги отдали Михкеля заказчику и уехали в Румынию. Другой намекал, что «живой товар» был подпорчен, обмен сорвался и брата задушили. Эту информацию Расмус проверял особенно тщательно, но выяснилось, что это был не Михкель.

– Похищение и выкуп были моей основной версией. Адрес матери и брата я не знала, но взяла у директора лагеря контактные данные отца и написала. В письме я спросила его без экивоков, выходили ли с ним на связь похитители и требовали ли выкуп. Но он мне не ответил, – призналась с горечью Кира. – Следующее письмо вернулось с пометкой «адресат по данному адресу не проживает».

Услышав ее слова, Бирк опешил. С каждым днем она открывалась ему с неожиданной стороны. Сколько же лет она вела собственное расследование? Наверняка больше, чем думает ее мать. Собственно, она его и не прекращала.

– Что сказали родственники Михкеля? Ты нашел их? – лицо Киры покраснелось, дыхание участилось.

– Кира, все близкие Михкеля умерли. Мне жаль.

– И брат? – с явным недоверием спросила она.

Бирк кивнул.

– Автомобильная катастрофа.

– Боже... как же так... Мне нечем дышать, – Кира схватилась за горло и огляделась по сторонам в поисках источника свежего воздуха, но, увы, кабинет Бирка был без окон.

– Следуй за мной, – опираясь на трость, Расмус двинулся к дальней стене.

– Что у тебя, Ваня? – поинтересовался полковник, заходя в оперативную комнату.

– Я обработал видео, которое прислал Громов, – Иван показал на монитор и полковник прильнул к экрану.

Запись была сделана на балконе многоэтажного дома. На ней молодая женщина с бокалом красного вина в руке говорила тост имениннику. Свиридов показал на задний план.

– Смотрите, это Поликарпов сидит на скамейке, растирает ноги.

Жеманьясь и отвлекаясь на гостя, который ее снимал, девушка произнесла тост, затем начала переговариваться с кем-то из гостей, камера сменила ракурс и на следующих кадрах мелькали лица, сидящие за праздничным столом. Затем тот, кто снимал видео, снова повернулся к девушке.

– Вот! – показал Свиридов на задний план. – Видите? От этого места отъезжает темный фургон, а у обочины белое пятно, это кроссовок Поликарпова, который нашли утром.

– Звони Громову, пусть проедет по окрестности и посмотрит, где есть камеры, возможно, нам удастся раздобыть его номерной знак.

Полковник выпрямился и засунул руки в карманы брюк. Настроение немного приободрилось.

– Что слышно от Токарева?

– Он все еще в службе исполнения наказаний. Говорит, что они слышаны про нарушения в ИК-1, поэтому и сменили руководство.

– Видимо, дело не в руководстве, раз темные делишки продолжаются.

– Сото сказал, что дело Власюк нас только отвлекает, – напомнил Иван, – нужно бросить все силы на Поликарпова.

– Ну... Сото пока не следователь и даже не консультант.

– Да, но он озвучивает мысли Бирка, а тот еще никогда не ошибался.

– Ищите фургон. По Поликарпову это пока единственная стоящая зацепка, – недовольно буркнул Лимонов и двинулся в свой кабинет.

Бирк нащупал скрытый рычаг за консолью, в следующий миг часть стены с висящей на ней картиной, отъехала в сторону, оголяя узкую винтовую лестницу. Кира, давно привыкшая к тайникам в этом мрачном и таинственном доме, ничуть не удивилась. Лестница вела на крышу, покрытую специальным фрикционным металлическим покрытием, которая использовалась иногда как вертолетная площадка. Кира это поняла, увидев разметку и желтый кружок, в центре которого была нанесена гигантских размеров буква «Н». Крыша по периметру была опоясана парпетным ограждением. Майор подошла к самому краю, с этой точки

открывался прекрасный вид на парк и маленькое озеро. За три месяца пребывания в особняке Бирка Кира ни разу не видела, чтобы кто-то поднимался на крышу «рабочего» крыла.

Расмус расстегнул пуговицы на жилете и прежде чем выйти из тени пытливо осмотрелся по сторонам. Теплый летний ветерок приятно обдувал лицо и волосы. Шаги на крыше привлекли внимание охраны, трое из них, задрав головы, с рацией в руках уже расхаживали вдоль дома, и пристально вглядывались в силуэты.

– Как здесь здорово! – с восторгом произнесла Кира, втягивая ночной живительный воздух, пропитанный хвоей. – Ты часто сюда поднимаешься?

– Нет, только в случае крайней необходимости, – признался Бирк и махнул охраннику рукой, после чего внизу снова воцарилась тишина.

Ее взгляд блуждал по ярко освещенным окнам соседнего коттеджа, где, судя по громкой музыке и обилию гостей, проходила вечеринка. Группа девушек курила на балконе и что-то шумно обсуждала, периодически разрывая тишину взрывом хохота.

Бирк подошел к Кире так близко, что она вопросительно подняла брови. Вместо ответа он кивком показал на пьяную компанию, майор поняла, что ей снова придется играть свою роль и не стала отстраняться. Его взгляд скользнул по соседскому балкону, на который вышел брнет лет сорока в белом костюме. Минута ушла на расточение комплиментов дамам, затем он посмотрел на крышу соседнего дома и увидел прильнувшую друг к другу парочку.

– Расмус! – крикнул он и помахал рукой. – Давай к нам... и прихвати свою подружку!

Бирк обнял Киру за плечи и крикнул в ответ:

– Не могу! У меня еще деловая встреча!

– Ну как знаешь, старик! Если передумаешь, мы гуляем до утра!

Бирк красноречиво махнул рукой, давая понять, что не заинтересован и обратился к Кире:

– Если ты подышала нам лучше вернуться в кабинет. Здесь мы как на ладони.

– У меня вопрос, – пользуясь близостью, Кира обвила руки вокруг его шеи и притянула к себе. – Ты убил Стачука?

Судя по реакции, смерть Стачука для Бирка была не новостью. На лице отразилась мучительная гримаса, но он все же справился с собой и не оттолкнул ее от себя.

– Нет, я не причастен к его смерти, хотя не буду скрывать, испытал большое облегчение от мысли, что это существо больше никому не навредит. Я знаю, что тот, кто его заказал, сам уже мертв. Так что дело действительно закрыто...

– Притула... – прошептала Кира.

– «Где я наследил, там и уберу», вот что он мне сказал при встрече.

Расмус не сводил с нее пристального взгляда, он понимал ход ее мыслей, тем не менее, брошенное обвинение точным ударом ранило в самое сердце. Кира тоже внимательно следила за его мимикой и пришла к выводу, что Бирк не врет. Она почувствовала, как все внутри освобождается от напряжения и с шумом выдохнула. Вспомнив свой сон о зебре, она предположила, что сегодня день белой стороны, но доктор тут же, впрочем, как и всегда, опровергнул ее выводы.

– Ты меня еще плохо знаешь, поэтому на первый раз я прощу тебя за такой унижающий мое достоинство вопрос, но больше никогда не смей меня так оскорблять, – хлестко отчеканил он каждое слово.

Будто услышав команду «смирно», майор выпрямилась, руки в одно мгновение вытянулись вдоль тела, подбородок взлетел вверх. Она смотрела на своего визави и не знала, как реагировать на слова, которые разрядили воздух будто пощечина. Только что, благодаря ему, она без толики страха нырнула в болезненные детские воспоминания, от чего почувствовала облегчение и благодарность, а теперь его гневные глаза словно лазер режут по живому и никуда от них не деться. Во рту мгновенно пересохло. Кира признала, что Бирк при желании может любого довести до нервного срыва и никакая профессиональная подготовка подопытного кролика ему не мешает.

– Раз уж у нас зашел разговор по душам, напомню, что ты уже нарушила одно условие договора...

Кира склонила голову на бок.

– ...в разговоре с Яковлевым ты сказала... как ты сказала? Сейчас вспомню дословно, – лицо Бирка исказилось в злобной гримасе. – Даже если он будет последним мужчиной на земле...

– Я... хотела расположить его, внести ясность, – неуклюже попыталась оправдаться Кира, – думала, у него есть о тебе информация...

– Договор, Кира, – строгим тоном произнес Бирк, – придерживайся договора. Я знаю, ты еще не привыкла, но от этого зависит моя безопасность. Ты не должна пренебрегать ею.

Кира хотела спросить, как, черт возьми, ее слова могли повлиять на его безопасность, но Бирк увел разговор в другую сторону.

– Нам нужно обговорить штрафные санкции, ты нарушила договор. Деньги или услуга? Выбор за тобой.

– Какого черта! Что ты несешь? – грубо выпалила ему в лицо Митяева.

Щелчок в рации вынудил Бирка отвести от нее взгляд. Он нажал на кнопку приема и процедил сквозь зубы:

– Я же сказал, что занят.

Треск и снова щелчок, послышался голос Сото:

– У ворот ваш сосед, он пьян. Охрана пыталась его выставить, но он устроил спектакль: кричит, что все люди дерьмо, что он никому не нужен. Сел на асфальт и сидит напротив ворот. Просит срочной встречи. Он видел вас на крыше и знает, что вы еще не спите.

Как по команде Расмус и Кира повернулись и посмотрели на балкон, на котором недавно появлялся сосед, но там уже никого не было. Музыка стихла, гости перешли в гостиную.

– Понял, проводите его в оранжерею, – ответил Бирк и решительно зашагал к лестнице.

– Он же только что был трезв, – Кира последовала за ним.

Бирк оставил ее реплику без внимания, было видно, что он сильно напряжен, его явно не радовал приход соседа.

– Так деньги или услуга? – бросил на ходу доктор.

Кира не понимала, в каком размере он может ей предъявить штраф и прошипела ему в спину:

– Услуга.

– Так я и думал...

В его тоне Кира различила нотки разочарования, но стиснув челюсть, из последних сил подавила в себе прилив гнева.

Перед тем как уйти с крыши, Бирк резко обернулся, привлек Киру к себе и страстно поцеловал. Зрителей не было, поэтому разыгрывать из себя влюбленную парочку было не перед кем. Как только их губы разомкнулись, она наотмашь отвесила ему звонкую пощечину и попятилась назад, не сомневаясь, что Бирк не оставит ее поступок без внимания. Тело напряглось, кулаки сжались, против хватки Бирка у нее не было шансов, но она не сдастся без боя. Вопреки ее ожиданиям, он улыбнулся и сказал:

– Спасибо! То, что нужно! Предстоит беседа, в которой мне потребуется максимальная концентрация, а ты своими бредовыми вопросами выбила меня из рабочего настроения.

Повесив трость на руку и насвистывая мелодию, которая недавно доносилась из соседнего дома, доктор спустился по лестнице. Кира же была совершенно сбита с толку. Ей потребовалось не меньше минуты, что бы прийти в себя. Спустившись вслед за ним в кабинет, она услышала шум воды. Через приоткрытую дверь было видно, как Бирк в ванной ополаскивал лицо. Он вышел из крохотной комнатки собранный, без намека на раздражение. Кира поймала себя на мысли, что только что стала свидетельницей того, как доктор примеряет на себя очередную маску. Эта предназначалась для соседа.

– Сегодня мы продвинулись в деле о пропаже Михкеля, так что день прожит не зря, – резюмировал Бирк и магнитным ключом открыл перед ней дверь.

Кире не хотелось с ним говорить, она проскользнула в коридор и поспешила к лестнице, но как только она выскочила в коридор, охранник преградил ей путь. Она повернулась и в недоумении взглянула на Бирка.

– Ты куда-то спешишь?

– Да! – выпалила она ему в лицо и ткнула указательным пальцем в грудь, от чего Бирк натянуто улыбнулся, и Кира почувствовала, что он еле сдерживает смех. – Хочу где-нибудь укрыться от твоего эго!

– Не получится.

– Это еще почему? – в ее глазах плескалась ярость.

– Услуга. Ты забыла? Меня пригласили на вечеринку закрытого клуба, – он подошел ближе, наклонился к ее лицу и, понизив на октаву голос, добавил: – С дамой. Твой наряд еще утром доставили в гостевой дом. Сорока минут на сборы хватит?

Если бы не охрана, она вонзила бы в его лицо свои отточенные ногти и с огромным удовольствием оставила кровавый след, еще долго напоминающий ему о том, какую боль и унижение он доставляет ей своими выходками.

– Ты все еще можешь выбрать деньги, – сухо и надменно произнес Бирк.

– Я не меняю своих решений, – гневно выпалила Кира и поспешила к лестнице.

Натянув на голову бейсболку, а поверх нее капюшон спортивной куртки, худощавый парень вышел из фургона, припаркованного у обочины, и двинулся по освещенному тротуару. Когда он подошел к двухэтажному дому, из темноты вынырнула внушительная фигура телохранителя. Он протянул жетон и сказал:

– Я к Тамиле.

Верзила провел ночного гостя по тротуарной дорожке к дому, сделал знак подождать в небольшом холле, а сам скрылся за занавеской из зеленого бархата, отделяющей холл от приемной. Паренек томился в ожидании, разглядывал атрибуты преуспевающего мага – многочисленные благодарственные грамоты и дипломы буквально усеивали все стены.

В коридоре послышались шаги, из-за занавески вынырнул телохранитель и жестом пригласил его в приемную. Это оказалась небольшая темная комната, где в центре стоял стол, за которым величественно восседала женщина в черной чалме.

– Проходите, присаживайтесь, меня зовут Тамила, – любезно предложила она. – Вы у меня впервые?

Он буркнул что-то невнятное и с подозрением оглядел обстановку.

Ее взгляд буквально пронизывал клиента с головы до ног, пытаясь оценить финансовые возможности, но внешний вид ночного клиента кричал скорее о бедственном положении. Промелькнула мысль, а сможет ли он заплатить за сеанс. На ее лице натянута дежурная улыбка, словно маска, но глаза не улыбаются. Напряжение начинает расти с момента, когда клиент усаживается напротив и отворачивает козырек бейсболки на затылок. Лицо незнакомое. Чувство смертельной опасности заставляет ее нажать на скрытую кнопку в столе – так она оповещает охранника об опасности и просит держаться поближе к приемной.

Через несколько секунд его каменное лицо мелькнуло в проеме, после чего она с облегчением вздохнула.

– Какая у вас проблема? – разлепила она губы, густо накрашенные темно-вишневой помадой.

– У меня много проблем.

Его мрачный неприятный голос заставил ее содрогнуться. Гадалка почувствовала, что от ночного посетителя веяло смертью, она буквально ходила за ним попятам.

– Начните с самой главной, – предложила она.

С минуту он изучал ее лицо, теперь она уже плохо скрывала свое волнение.

– Вы мне скажите, вы же гадалка, – выпалил он грубо.

– Хорошо... – ее и без того нерешительный голос дрогнул.

На столе появились карты. Тонкими пальцами, усеянными перстнями, она перетасовала несколько раз колоду и попросила его накрыть карты левой рукой.

– А правую поверните ладонью вверх.

Он нехотя повиновался.

Мягкий свет абажура освещал центр стола. Прохладная рука гадалки обхватила его запястье, подведенные черным карандашом глаза, непрерывно изучали ладонь. Сдвинув брови к переносице, она всматривалась в замысловатое переплетение линий.

«Ей богу, что там можно увидеть? Сейчас начнет сочинять...», – подумал он и ухмыльнулся.

– Я могу говорить все или только то, что вас не ранит?

– Говорите все, – в горле мгновенно пересохло.

– Прервите меня, если с вас будет достаточно...

Он хмыкнул и кивнул. Пока она собиралась с мыслями, клиент пытливым взглядом осматривал комнату. Больше всего его интересовало, что скрывалось за этой густой темнотой. Но как только она заговорила, его внимание быстро переключилось на гадалку.

– Если бы роды проходили естественным путем, вы должны были стать старшим братом, но вмешательство извне этому воспрепятствовало. Первым из матери извлекли вашего брата, именно эта ошибка изменила его и вашу судьбу.

Тело посетителя мгновенно напряглось, по спине пробежал мороз.

– Сдвиньте колоду на себя.

Его узловатые пальцы сдвинули половину колоды.

Гадалка сняла сверху три карты и перевернула. Ее взгляд перескакивал от карт Таро к его руке, словно она что-то уточняла в невидимом для человеческого глаза потоке информации.

– Вы должны были что-то унаследовать. Это может быть бизнес или деньги.

– Дом, – поправил он Тамилу и тут же себя одернул. Зачем он ей помогает?

– Но ваша мать попала под какое-то психологическое воздействие и все потеряла. Я вижу, что у нее забрали свободу, она не смогла принимать решения, и вы попали к... – она подняла на него глаза, в которых читался ужас и снова углубилась в «чтение» по руке, – людям, которые служат злу. Они и в вас посеяли зло. Я вижу какие-то бумаги... с помощью этих бумаг вы получили свободу, но до конца так и не избавились от их влияния. Вы сопротивлялись, сбегали, но вас всегда находили и возвращали. С каждым побегом вам было все сложнее. Когда вы достигли двадцати одного года, смерть пришла к вам на выручку и освободила от пут.

Одна нога начала нервно подергиваться под столом, он сверлил ее назойливым взглядом.

«Откуда она это узнала? Как, черт возьми, можно узнать такое по руке или картам?».

– Да, проблем у вас много, но я вижу корень проблем, – продолжила она уже более спокойным тоном, казалось, она во всем разобралась и сама испытала

от этого облегчение. – Над вами летают три неупокоенные души – это черные души. Они вас мучают, не дают забыть о прошлом, тащат за собой в бездну.

– Вы можете их отправить в ад? – внезапно подал голос клиент.

Она подняла на него тяжелые, словно свинцом налитые глаза и кивнула.

– Сейчас?

– Нет. Возвращайтесь в полнолуние.

Он хотел встать, но тут началось то, чего он боялся больше всего. Картинка перед глазами расплылась. Гадалка предстала перед ним в ином образе. Чалма на ее голове преобразилась в белый цвет. Теперь на ней было белое платье похожее на удлиненную сорочку, через плечо накинут дорожный плащ. Картинка предстала сначала в ярких красках, затем начала медленно тускнеть, пока совсем не исчезла.

Он смотрел на нее так, будто за ее спиной стоял сам сатана.

– С вами все в порядке? – насторожившись, уточнила Тамила.

– Да... – машинально произнес он и тут же поправился: – Нет... не все...

– Может вам дать воды?

– Нет, – он поднялся со стула, – вода мне не поможет.

Рука нырнула в карман за деньгами, но тут гадалка выпалила со страстью то, что шокировало его и взбудоражило.

– Большинство людей боятся смерти, но в вашем случае она – единственная подруга. Только она вас никогда не подводит.

– Вы не представляете, насколько близки к истине...

Рассчитавшись за сеанс, клиент вышел из приемной и в сопровождении телохранителя проследовал к фургону. Он сел за руль и взглянул в зеркало заднего вида. Слова гадалки вновь и вновь эхом отзывались в голове. Он никак не мог принять решение и, в конечном счете, запаниковал. Что же делать? Он шел к Тамиле с одной целью: избавиться от своих демонов. Но демоны снова взяли вверх. Они будто смеялись над ним и показывали неограниченную власть. Все его потуги изменить ситуацию для них очередная забава. Хочет он или нет, ему придется кинуть им очередную кость. Только так они оставят его в покое, только так он сможет прожить еще несколько часов в тишине.

Стук в дверь заставил Киру вздрогнуть. Она сидела на кровати перед зеркалом, облаченная в элегантное коричневое платье с медным отливом, которое словно вторая кожа плотно облегало ее стройную фигуру.

– Доктор Бирк ждет вас у машины, – извиняющимся тоном произнес охранник и бесшумно прикрыл дверь.

Гнев и раздражение отступили, как только Кира вернулась в гостевой домик в привычную атмосферу. К вечернему наряду, который, видимо, еще накануне выбрал Расмус, была прикована записка. В ней он сообщал, что открытие клуба не праздное времяпрепровождение, а решение щепетильной проблемы и очередной урок перед скорым отъездом на стажировку.

Кира поднялась с кровати и придирчиво осмотрела свое отражение в зеркале. Несомненно, что такое платье должно было отвлечь взгляды от Бирка и привлечь к его спутнице: вырез полностью оголял ее спину и заканчивался на поясничном изгибе. Золотистый клатч от «Роже Вивье» и серьги в виде золотых ажурных листьев дополнили вечерний наряд.

Кира вышла из гостевого домика и направилась к припаркованному перед главным входом «БМВ». Перелом все еще давал о себе знать. Старательно вышагивая на непривычно высоких каблуках, Кира опасалась, что долго не выдержит такой нагрузки.

Бирк стоял перед машиной и что-то оживленно обсуждал с соседом, который никак не хотел его отпускать. Он расточал ему комплименты и восторгался острым и пронизательным умом доктора. Кире он сразу не понравился, но Бирк тщательно изображал из себя друга, поэтому она вежливо поздоровалась и как можно естественнее улыбнулась. Внимание соседа переключилось на Киру, теперь комплементы полетели в ее сторону.

Придирчивый взгляд Бирка ощупал ее с ног до головы. Он протянул ей руку и, извинившись перед соседом, помог Кире забраться в машину. Как только они выехали за ворота, Сото, который все это время сидел на переднем сиденье и слышал каждое слово, сказал:

– Я пробил информацию о нем, что-то не так...

– Не сейчас, – резко прервал его Бирк.

Сото извинился и прилип к айпаду.

– Хорошо выглядишь, – все еще напряженным голосом сказал Бирк Кире, – вот только прическу нужно сменить.

Кира состроила ему гримасу, прильнула к окну и подумала, может ли Бирк быть чем-то доволен в принципе или его мозг на автомате ревностно выискивает недочеты?

Телефон доктора залился птичьей трелью, он взглянул на определившийся номер и нажал на клавишу соединения. С минуту он слушал звонившего и в конце разговора сказал:

– Хорошо. Сото все сделает.

Закончив разговор, он дотронулся до плеча помощника, Сото сел вполоборота.

– Ивану нужна твоя помощь.

Кира поняла, что звонил полковник. Сото кивнул и протянул айпад с наушниками.

– Послушайте. Только что пришло на служебную почту в фонд «Новая жизнь» с пометкой «Для доктора Бирка».

Бирк надел наушники, Сото запустил аудиозапись. С первых секунд записи Бирк напрягся, рука сжала трость. Запись длилась не больше трех минут и все это время его глаза бегали как у нистагматика⁹.

– Тебе тоже нужно это услышать, – Бирк протянул Кире наушник и включил запись повторно.

На записи бархатный уже немолодой мужской голос, похожий на профессионального диктора, величаво и покровительственно начал свой длинный монолог.

«Приветствую вас доктор Бирк. Если бы вы знали, как я был счастлив увидеть вас на моем скромном празднике. Однажды наши пути уже пересекались. Я привлек ваше внимание – это честь для меня. Представляю, что вы сейчас чувствуете: мозг лихорадочно ищет зацепки в моих словах, голосе и даже в интонации. Но, увы, я вас разочарую, он ничего там не найдет, потому что я не

⁹ Нистагм – болезнь, при которой происходят произвольные колебательные движения глаз высокой частоты.

существую в обычном понимании. Я имею мужское тело, которое мучает меня на протяжении многих лет, но я не человек. Моим глазам присущ блеск и влажность, они видят, но видят гораздо больше, чем обычное человеческое существо».

Брови Киры от удивления взметнулись вверх. Что убийца хотел этим сказать?

«...Но не будем отвлекаться от сути... Вы подумали, что я воссоздаю шедевры великого художника, что я одержим Караваджо, но это не так. Я и есть Караваджо! Я его реинкарнация! Когда все будет закончено вы, несомненно, найдете этому множественные подтверждения. Как понять когда все закончится? О! Буду к вам снисходителен доктор Бирк, хотя вы и гениальны, но боюсь на этот раз, вам не удастся это прилюдно доказать, поэтому даю вам подсказку: когда вы увидите картину «Давид с головой Голиафа», знайте – это конец моей миссии. Закройте дело и идите спокойно спать. Ха-ха, это шутка, я знаю, что со сном у вас проблемы...».

– Откуда он это знает?

– Об этом знает половина Москвы, – небрежно отмахнулся Бирк.

«...Я не ведаю, кто мой создатель, но знаю, что он создал и его, – продолжил свое повествование незнакомец. – Я слышу голос Караваджо внутри себя еще с детства, нет-нет, это не галлюцинация, я знаю, что вы именно так подумали. Голос рассказывает мне о своем прошлом, как он стал одержимым грехом и отвергал святость, потому, что ее нет в человеческом мире. Даже те, кто был так обласкан библией, тоже были грешниками. Многие из них даже убивали... Ха-ха... Так чем я хуже? Мой создатель поставил передо мной нескромную задачу: подарить плоти вечность. Ведомый им, я искал способы продления жизни для мертвого тела, конечно, мне далеко до мастера Гюнтера фон Хагенса, но ведь и задачи перед нами стоят разные. Я воссоздаю говорящие картины Караваджо, а он выставляет напоказ человеческое тело для познания анатомии. Хотя иногда заигрывается до дешевой театральщины...».

Бирк нажал на паузу и пояснил:

– Гюнтер фон Хагенс – немецкий анатом, создатель «Body Worlds» – выставки человеческих тел. Изобрел технику пластинации¹⁰, за что его прозвали «Доктор смерть».

– Я слышала о нем, – коротко ответила Кира, давая доктору понять, что его реплика была лишней.

В памяти сразу промелькнула хвалебная статья в газете, на двух страницах журналист описывал пользу таких выставок, где каждый может ознакомиться со строением человеческого тела. После прочтения Кира подметила, что статья была, скорее всего, заказная, автор не удосужился упомянуть о том, что некоторым телам, по замыслу «Доктора смерть» были приданы неуместные для широкой публике позы.

Бирк снова запустил запись.

– Я создаю застывший шедевр. Я смотрю на свои полотна и вижу Вечность. Я наслаждаюсь не процессом отбора жертв и не самим убийством, а минутой, что следует после создания полотна. Уставший и обессиленный я стою перед картиной, и она со мной говорит. А вот о чем она мне говорит, вы узнаете в следующий раз. Надеюсь, к тому времени вы сможете хоть немного понять меня и приблизиться к последнему шагу, а он будет очень эффектным. До скорой встречи, доктор Бирк.

Когда запись закончилась, Бирк отдал айпад Сото и повернулся к Кире вполоборота.

– Ну, что скажешь?

– Он вежлив, я бы даже сказала, хорошо образован...

– Не согласен, – резко парировал Бирк, – он много читал, это очевидно, но образования там нет.

– В своем послании он очень часто использует местоимение «я».

– Психопаты сконцентрированы только на себе и своих потребностях.

– Как он узнал, что ты подключился к делу? Наблюдал из толпы, пока мы осматривали место преступления?

– Наблюдал не сам убийца, а тот, кто прислал эту запись. Пока не понятно как он связан с убийствами и связан ли вообще.

¹⁰ Пластинация – метод в анатомии, созданный для сохранения внешнего вида тела или органов.

– Их что двое?

– Нет. Убийца один. Теперь нужно выяснить, кто послал мне запись, и с какой целью он морочит мне голову. Он явно знает про убийства больше чем мы, знает, почему они происходят... он привлек мое внимание. Почему? – челюсть Бирка ходила ходуном. – Он хочет, чтобы убийца довел свою миссию до конца. До последнего полотна.

– Тогда зачем послал эту запись?

– Удваивает ставки, делает игру более рискованной и захватывающей. Время для него решающий фактор.

– Но ты в профиле указал, что он трус. Зачем ему дразнить тебя?

– Я профилировал убийцу, а не его вдохновителя... – пространно ответил Бирк. – Он сказал, что наши пути пересекались, если я выясню где и при каких обстоятельствах, то смогу подобраться к нему еще до того как будет объявлена охота на следующую жертву.

– Мы! – выпалила Кира со злостью.

– Что? – не понял ее Бирк.

– Мы подберемся к нему, а не ты лично, – пояснила Кира.

– Ну да... мы, – отстраненно произнес Бирк, судя по реакции, его не интересовали такие тонкости.

Быстрые шаги заставили полковника поднять голову. К его кабинету почти бежал Свиридов, вид у него был такой взволнованный, что Лимонов сразу понял: пришли хорошие новости.

– Андрон Маркович! – воскликнул Иван, открывая дверь кабинета. – Нам прислали видеозапись инцидента в тульском музее, которую сделали за месяц до происшествия.

Он подошел к рабочему столу полковника и придвинул к себе компьютерную клавиатуру, длинные пальцы проворно застучали по клавишам. На экране появилась запись того самого зала, в котором нашли Довлатова. На записи молодой человек в бейсболке сидел на кушетке напротив картины. Спина прямая, поза кажется слишком напряженной. В углу зала стоит работница музея,

она на посетителя почти не смотрит. Ведет себя вполне естественно, будто его присутствие ее не тревожит.

– Запись сократили, на самом деле он так просидел около часа.

Затем работница музея смотрит на часы и выходит из зала. Мужчина в бейсболке тут же «оживает». Движения слаженные, продуманные. Он скидывает куртку, поднимает футболку, вокруг туловища обмотано что-то похожее на ткань.

– Это холст. Он свернул его в несколько слоев, – пояснил Свиридов.

Развернув холст, посетитель подошел вплотную к картине и пропал из вида камеры.

– Вот что он сделал, – следователь поставил на паузу запись и вывел на экран фотографию, на которой поверх золотой рамы была приклеена скотчем картина-абстракция с черным фоном, – затем он возвращается на место, – Иван снова запустил запись.

Мужчина в бейсболке отходит на три метра от картины и делает несколько фотографий.

– Чудик какой-то, – буркнул полковник.

– Тульские следователи допросили смотрительницу музея, она сказала, что этот парень за последний месяц приходил в музей трижды. Просто сидел, рассматривал картины часами, потом уходил. Вел себя тихо, с сотрудниками музея был вежлив, иногда делал зарисовки, но прятал, когда кто-то из работников пытался их разглядеть. Приходил всегда днем, а к обеду всегда исчезал. Как только работники музея поняли, что мы его подозреваем, начали вспоминать то, на что раньше внимания не обращали.

Полковник нахмурился.

– Этот парень, – продолжил Иван, показывая на экран, – несколько раз беседовал с куратором музея Поликарповым Арсением Игнатьевичем, в прошлом скульптором по профессии, сейчас пенсионером. Год назад он устроился куратором в музей.

У полковника от удивления брови поползли вверх.

– Однофамилец или родственник?

– Как выяснилось дедушка нашей последней жертвы Поликарпова Евгения.

– Вот и связь! – выпалил Лимонов и, заложив руки за спину, зашагал взад-вперед по кабинету.

– А самое главное: Арсений Игнатьевич, по словам родственников, уехал к другу во Владимир – первое место преступления. Но когда пропал внук, с ним попытались связаться и не смогли дозвониться. После того как нашли Евгения, его мать – дочь Арсения Игнатьевича, забила тревогу, дозвонилась в квартиру друга отца, но тот сказал, что Арсений так до него и не доехал. Позвонил с дороги и сказал, что плохо себя почувствовал и вернулся обратно. Друг предложил помощь, но тот отказался, сославшись на то, что позвонит дочери и та все организует. Тульские коллеги обзвонили все больницы и поликлиники, Поликарпов в больницы не обращался.

– Так что ж получается? Его похитили? Это наша следующая жертва?

– Может жертва, может, и нет... черт его знает, – почесал затылок Иван.

– У Караваджо есть картины, в сюжете которых могут использоваться старики?

Свиридов ввел в поисковике запрос и начал просматривать страницу за страницей.

– «Жертвоприношение Исаака» – один старик, «Призвание апостола Матфея» – три старика, «Распятие Святого Петра»... да их тут множество. И мы не знаем, будет ли это одиночный портрет или групповой.

– Значит, вполне может быть жертвой.

– Я просмотрел профайл на Отверженного, сопоставил с тем, что Бирк говорил в тульском музее про картины Караваджо. Возраст, телосложение, пристрастие к живописи и скульптуре. Думаю, парень с черной картиной и есть наш убийца.

Полковник рванул в конференц-зал, Свиридов поспешил за ним. На одной из стен висела карта Москвы и смежных с ней областей.

– Пройдемся по его маршруту, – предложил Лимонов. – Значит, он приезжает во Владимир. Каким-то образом узнает про убийство Власюк и крадет ее голову, на следующий день он выставляет ее на передвижной выставке. Затем едет в Рязань... – Иван пометил два города красными маркерами, – ...похищает Довлатова, местного жителя, держит двое суток, выставляет в музее. Дальше

Тула. Такая же схема только временной промежуток сокращается. Похищает Поликарпова в десять вечера, а убивает уже к полуночи и тут же выставляет в музей. Что мы из этого можем извлечь?

– То, что время, которое он проводит с жертвой, сокращается. Будто это для него не главное. И то, что выставляет всегда местных жителей.

– Я согласен с Бирком, не похоже, что он их хватает случайно. Он знает, где и кого искать, а значит, едет в новый город уже с намеченной жертвой и сюжетом, для которого он ее подыскивал, – полковник повернулся к Свиридову. – Он заранее готовит костюм и декорации. Черт! Уже где-то сейчас он похищает новую жертву, а мы ни сном, ни духом!

Полковник стукнул по столу и ругнулся.

– Звони Близнецам, скажи, чтобы сосредоточились на поиске куратора, – Иван кивнул и потянулся к мобильному телефону. – А ты продолжай искать фургон. Подключи Рязань и Тулу.

Когда машина подъехала к белоснежному зданию с пурпурной вывеской «Загородный клуб “Элегия”», Кира взглянула на часы Бирка, стрелки «Омеги» показывали полночь, и подумала: «Странное время выбрали для вечеринки загородного клуба». Задняя пассажирская дверь распахнулась и к ней потянулась мускулистая загорелая рука в белой перчатке. Кира подала руку и вышла из машины. Перед ней предстал улыбающийся молодой мужчина в черных брюках, белой рубашке и бабочке.

– Добро пожаловать! – любезно произнес он с загадочным видом. Жестом он показал на лестницу, устланную красной ковровой дорожкой.

Опираясь на трость, Бирк обошел машину и подставил ей свою руку.

– Вход только для пар, но Сото будет с нами на связи, – Бирк протянул ей наушник телесного цвета.

«Что же это за клуб?», – подумала Кира и в очередной раз упрекнула себя за халатность. Она так была увлечена вечерним нарядом и прической, что даже не удосужилась уточнить, куда конкретно они едут.

Хромота Бирка стала настолько явной, что ему тяжело было подниматься по лестнице. В итоге уже непонятно, кто на кого опирается. Догадка Киры подтвердилась, дело не в ее обучении, Бирк наметил повернуть здесь какое-то дельце и сильно нервничал по этому поводу.

– Кира соберись, – жестко произнес он, – от тебя сегодня многое зависит. Не подведи меня.

– Что от меня требуется?

На последней ступеньке он остановился и притянул ее к себе, Кира поняла, что это не показной приступ нежности, ему нужна передышка.

– Здесь соберутся люди, которых не так-то просто обмануть, – поспешно зашептал он ей на ухо, делая вид, что целует ее в шею.

От его прерывистого дыхания Киру обдало жаром.

– Придется сильно постараться, чтобы наша легенда выглядела правдивой. Я выполняю свою часть сделки, теперь тебе нужно доказать, что ты в силе выполнить свою.

Блеск в глазах и испарина над губой говорили о его перенапряжении. Кире захотелось его успокоить, и она закивала.

– Хорошо, – рука потянулась в задний карман брюк, он выудил платок и отрывистыми движениями протер лицо.

Она подхватила его волнение, огляделась и с шумом сглотнула. Резная в позолоченном обрамлении дверь не сулила ничего хорошего.

– По ходу я буду тебя инструктировать, не отвечай открыто. В каждом углу натканы камеры, у них есть лип-ридеры – специалисты, которые читают по губам.

– Куда мы приехали, Расмус? – со страхом спросила она. – Что это за клуб?

Бирк злобно сверкнул глазами и непонимающе на нее уставился.

– Ты не прочитала брошюру? – он громко стукнул тростью о мраморную ступень.

На секунду она прикрыла глаза. Брошюра лежала на дне коробки, в которой были туфли, Кира решила, что это реклама бутика и бросила ее в мусорную корзину.

«О боже! Что я наделала?», – майор покраснела.

– Я... не читала ее... выглядела как реклама...

– Что?! – в бешенстве взревел Бирк. – Господи, Кира, я же специально положил ее в коробку!

Она еще никогда не видела его таким злым. Казалось, еще мгновение и он придушит ее собственными руками.

Парадная дверь распахнулась, им навстречу выпорхнула длинноногая блондинка лет тридцати с приклеенной намертво улыбкой. Она была в черных чулках и боди из тонкой кожи с откровенным вырезом до пупка, из которого словно вызов всему мужскому населению едва не вываливалась наружу силиконовая грудь. Голову украшала диадема усыпанная бриллиантами, которые игриво искрились в ярком свете софитов. Двигалась она как кошка, плавно качая бедрами.

Своим эффектным появлением хозяйка заведения спасла положение. Увидев ее, Кира сразу поняла, что это за клуб расположился за дверью и невольно отпрянула.

– Я разберусь с тобой позже, – сквозь зубы процедил Бирк, повернулся к блондинке, лицо растянулось в обворожительной улыбке. – Катрин!

– Добро пожаловать! – слащаво ответила женщина, затем кинула оценивающий взгляд на спутницу доктора и одобряюще воскликнула: – Надеюсь, вашей подруге у нас понравится!

– Я тоже на это надеюсь, но на этот раз step-by-step.

Бирк вложил в свой ответ скрытый намек, поняв его с полуслова, Катрин с пониманием кивнула. Похоже, эти двое были *очень* хорошо знакомы. Бирк повел Киру в просторный холл, где их встретил официант с огромным подносом, на котором одиноко стояли два бокала с шипучим напитком.

Из шумной гостиной доносились возбужденные женские и мужские голоса.

– Готова? – сухо спросил Расмус, он все еще злился.

– Ты же знаешь, что нет.

Жадными глотками он осушил бокал, прильнул к ней и вдохнул аромат ее волос.

– Держись рядом, никому и ничему не удивляйся, будь готова к любым сюрпризам. Я не был уверен, что ты согласишься, но ты сама виновата, выхода нет.

– Да что там, Расмус? – повторила она свой вопрос уже настойчивее, ноги подкашивались от волнения.

Вместо ответа он дал официанту знак и тот распахнул дверь. На Киру обрушился шквал громких голосов, блеск пестрых откровенных нарядов и стойкой вязкой смеси парфюма и алкоголя. Им пришлось буквально протискиваться сквозь шумную разгоряченную толпу. Вожделенно-похотливые взгляды подвыпивших мужчин, не стесняясь, ощупывали стройную фигуру Киры. От чего она вся запылала и покраснелась. Бирк, видя ее реакцию, с силой сжал руку майора и тащил за собой, словно ослика на привязи. Мимолетный взгляд Киры выхватывал из толпы знакомые по телеэкрану лица спортсменов, актеров, политиков и чиновников. Общество было разношерстным, пока Кира не понимала, что привело сюда всех этих разных людей.

– В этом зале просто тусовка. Скопище селебрити. Рабы экрана и социальных сетей, – Бирк прижал Киру к колонне и схватил с подноса бокал шампанского. – Некоторые пришли помелькать, чтобы не забыли, некоторые любят поглазеть, как развлекаются более успешные и знаменитые. Уже завтра они будут делать то же самое потому, что не в состоянии придумать что-то свое.

Пока Бирк выдавал характеристики проходящих мимо персон, Кира поймала себя на мысли, что он отлично осведомлен об их пристрастиях в интимной жизни, видимо, не раз бывал в подобных заведениях, где наблюдал за их повадками и партнерами.

Поначалу все выглядело вполне традиционно: гости отплясывали на танцполе, опустошали бокалы с шампанским быстрее, чем официанты успевали разливать, толкались вокруг фуршетных столов и галдели, стараясь перекричать музыку. Но вот в центр зала на помост вышла хозяйка заведения и громко поприветствовала членов клуба. Коротко она изложила ночную развлекательную программу. Ее речь изобиловала терминами и аббревиатурой, поэтому из всего сказанного Кира поняла, что первым будет показ нижнего белья знаменитого

итальянского кутюрье. Майор с облегчением вздохнула, вроде все не так плохо, как обрисовывал Бирк.

Под эротическую музыку на подиуме стали появляться девушки модельной внешности и тут Кира напряглась – модели демонстрировали откровенные наряды секс-рабынь. В руках девушек мелькали атрибуты для садомазохистского секса. В толпе послышались одобрителные выкрики. С каждым выходом наряды становились все откровеннее, а местами даже пугающими. Кира уже не смотрела на подиум, а в недоумении разглядывала толпу.

«Так вот что их всех объединяет!», – наконец-то догадалась она.

Бирк сжал ее руку и прошептал на ухо:

– Не разглядывай гостей так откровенно.

Чтобы не нервировать его, Кира извинилась и пошла к фуршетным столам, которые были отделены от основного зала колоннадой. Расмус чертыхнулся и, сильно прихрамывая, последовал за ней. Майор потянулась к канапе с черной икрой, но доктор резко одернул ее руку и пояснил:

– В прошлый раз они подмешали в еду афродизиак. Ничего не ешь. Пей только то, что разливают из бутылок. Мы здесь ненадолго,ждемся моего информатора, быстро сделаем дело и уедем.

От обиды Кира закусила губу, она не сомневалась, что информатор женщина. Бирк обхватил ее за талию и подвел к дивану.

– Если ты колеблешься, мы еще можем уйти.

– Зачем мы здесь? – резко спросила она.

– Нам нужно выследить одного человека...

– Кого конкретно?

Заметив на себе любопытные взгляды гостей, Бирк убрал прядь волос с ее лица, его горячие губы нежно заскользили по тонкой шее. Кира замерла и невольно прикрыла глаза. От выпитого шампанского и его близости забурлила кровь, дыхание участилось.

– Мне нужно получить компромат на одного чиновника. Скажем так, он тормозит... – он слегка прикусил ее подбородок, – мой проект. Сегодня он будет

здесь, по крайней мере, я на это надеюсь. Мы должны подобраться к нему и снять видео.

Вспомнив о камерах, Кира прошептала ему на ухо:

– А почему ты не можешь попросить запись у Катрин?

– В помещении, куда спустится наша цель нет камер. Мобильные телефоны запрещены и нас обыщут, прежде чем мы туда попадем.

– Тогда как ты сделаешь видео?

– В левую серьгу вставлена микрокамера. Ты должна будешь подойти к нему очень близко.

Кира сжалась, страх навалился с новой силой. Бирк это почувствовал и с горечью произнес:

– Сразу видно, что ты никогда не работала под прикрытием. Уверенна, что справишься? Я не могу рисковать.

Кира не знала, что ответить, конечно, она сомневалась. Это не допрос свидетеля, не погоня за подозреваемым. Тут дело посерьезнее. Она и так сильно рискует, оказавшись здесь с Бирком, а тут еще чиновник и запрет на съемку. А что будет, если ее поймают?

Весь облик Киры источал неуверенность. Бирк мгновенно принял решение и потянул ее к выходу.

– Понятно... мы уходим.

Кира почувствовала, что подвела его.

– Подожди, хорошо... я попробую.

– Мне не нужно чтобы ты пробовала, – гневно прошипел Расмус, – мне нужно, чтобы ты это сделала.

– Хорошо! – выпалила она ему в лицо. – Я сделаю, но в следующий раз не посылай брошюру, а скажи мне лично, глядя в глаза.

Лицо Расмуса перекошилось в чудовищной гримасе. Сейчас он был похож на маньяка, который был в шаге от расправы над своей жертвой.

– Ах, вот где наши голубки! – воскликнула хозяйка клуба, выныривая из-за колоннады. – Не помешала?

Бирк опустился на диван, расстегнул пуговицу на пиджаке и вальяжно откинулся на мягкие подушки. Жестом он дал понять, чтобы Кира села рядом и

она подчинилась. Зачесав назад пятерней надоедливую челку, он окатил свою спутницу уничтожающим взглядом и повернулся к Катрин. В считанные секунды он натянул на себя новую маску и теперь источал похоть и возбуждение. От такого быстрого преобразования Кире стало не по себе.

«Не дай бог стать его врагом», – подумала она и нервно сглотнула.

– Катрин, разве ты можешь помешать? – игриво произнес он и изобразил на лице заинтригованную улыбку.

– Похоже, у вас вышли разногласия? Могу ли я чем-то помочь? – ее взгляд остановился на подруге Расмуса, она буквально пожирала ее карими глазами, от чего Кира поежилась и невольно прильнула к Бирку.

– Расмус вводит меня в курс дела... довольно неожиданно, но интригуяюще, – пролепетала она нежным голоском и постаралась изобразить из себя преданную и желающую во всем угодить своему мужчине.

– Вам понравится, я не сомневаюсь. От нас не уходят неудовлетворенными, – она поддалась корпусом вперед, глаза ее сверкнули, Киру обдал сладковатый аромат ее духов и запах алкоголя, – все говорят только одно: я хочу еще. Пойдемте, шоу начинается...

Тамила лежала на кровати и смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами. Черные как смоль волосы распластались по подушке. Ее руки и ноги были затянуты пластиковыми стяжками, рот заклеен скотчем. Только что он рассказал о своем замысле и наслаждался ее реакцией.

– Как видишь, в сюжете должны быть двое, так что я предоставлю тебе почетное право выбрать себе партнера.

Ресницы часто заморгали, глаза начали закатываться вверх и он понял, что она сейчас потеряет сознание.

– Эй! – две звонкие пощечины привели ее в чувство. – Не отключайся! Впереди самое интересное.

Женщина очнулась, из глаз струйкой скатились слезы, она тихо заскулила.

– Итак, кто тебе дорог? Кого ты хочешь взять с собой?

Она замычала, слов было не разобрать.

– Заткнись! Вопрос был риторическим! Ты понимаешь, что это такое? Риторическим!

Она закивала.

– Я сам должен его найти! Это игра! Подсказка где-то здесь. Я слышу его голос. Караваджо у меня в голове, – ночной гость постучал по макушке, – он ведет меня.

Гадалка прикрыла глаза и обреченно застонала. Он начал изучать содержимое ящиков комода и тумбочек. В карман куртки отправились некоторые вещи: фонарик, снотворное, ручка с золотым пером, блокнот с ее монограммой и градусник. Ночной гость осмотрел книжные полки, фотографии на них и остановился у рабочего стола. Женщина внезапно затихла, тем самым подсказывая ему правильное направление. Он усмехнулся, плюхнулся в кресло и заглянул в ящики стола.

– Вот это урожай! Ты что не слышала о банках? – он потряс пачками пятитысячных купюр. – Не хотела открывать счет, так могла бы забронировать ячейку. Живешь как в средневековье. Вернее жила... считай ты уже...

Ему на глаза попала папка с документами, и он прервался на полуслове. Изучив содержимое папки, он не поверил своим глазам.

– Да что б тебя... как он узнал? – вырвалось из уст незнакомца.

Женщина не видела, что он рассматривает, но догадалась, какой именно документ изучает ее мучитель. Она начала извиваться на кровати как змея и верещать. Отрывистые выкрики были похожи на «нет».

– Да... – он постучал себя по голове, – Караваджо, я знал, что ты гений!

С минуту он ухмылялся, потирая от восторга руки. Затем метнул на жертву изучающий взгляд, от чего она снова затихла, будто ожидала услышать свой смертный приговор.

– А сейчас мы с тобой прокатимся. Не бойся, я дам тебе время с ним попрощаться. Я ведь не тиран, понимаю твои чувства. Можно сказать, что я самый подходящий человек для понимания твоей ситуации.

С этого момента ночной гость заговорил от двух разных лиц, будто в комнате вместе с ним незримо присутствовал напарник.

– Молодая глупая девушка... *идиотка, которой нужны были в аренду мозги...* случайно забеременела, ей никто не говорил о методах контрацепции... *да дура она, не умела читать, везде про это написано.* Ты, видимо, пыталась от него избавиться. *Лучше бы ты его из себя ножом вырезала... ему было бы не так больно, как сейчас...* бедняжка, ты ведь не знала, что он такой родится, думала, все обойдется... *урод, урод, ты родила урода... зачем ему жизнь?*

На женщину это произвело ужасающее впечатление, но ее реакцию он истолковал по-своему.

– Ты тоже его видишь? Надо же! Значит ты не шарлатанка!

С минуту он изучал ее лицо.

– Зачем ты мучаешь его? Надо было отравить и дело с концом. Хорошо, что есть я и Караваджо... Мы вознесем его на небеса.

Он подошел к женщине и с силой сорвал скотч со рта, она взвыла от боли и тут же запричитала:

– Умоляю вас, не трогайте сына. Он ни в чем не виноват. Пощадите, умоляю. Делайте со мной что хотите, только сына не трогайте.

– Адрес, говори адрес клиники, – угрожающе произнес он и погрозил ей пальцем. – Если ты сейчас не скажешь, я все равно узнаю и буду убивать его долго, долго... очень долго... А так я тебе обещаю, что он умрет быстро и вознесется на небеса как ангел. *Подумай, дура, кто о нем позаботится, если ты сегодня сдохнешь? А? Забирай своего уродца с собой. Руби все концы, мамаша!*

Дефиле закончилось, гости перебрались в колонный зал, где разместились перед полукруглой сценой. Толпа пребывала в предвкушении, то и дело, поглядывая в сторону кулисы. Свободных мест не оказалось, от чего Бирк и Кира испытали облегчение. Катрин усадила их в мягкие кресла в конце зала и удалилась. По мнению Киры, места им достались удачные, сцену было практически не видно, и она могла спокойно наблюдать за зрителями. Краем глаза Бирк следил за входом, ожидая с минуты на минуту прибытие чиновника. Мимо сновали официанты, Расмус подхватил очередной бокал шампанского и осушил его залпом. Женщины с порозовевшими от выпивки и вожделения лицами,

излишне громко смеялись и вели себя распушено. Возбуждение витало в воздухе, атмосфера сгустилась, казалось, одна искра и все внешние преграды будут снесены бурным страстным потоком.

Занавес медленно пополз вверх. Свет немного приглушили, лучи софитов прорезали центр сцены и осветили привязанную к мельничному колесу девушку. Ее глаза были завязаны черной шелковой лентой. Кире была видна только ее голова. На сцену вышел полуобнаженный мужчина атлетического телосложения с хлыстом в руке. Он грозно помахал им перед восторженными лицами гостей и нанес несколько ударов по дощатому полу. Раздались одобрительные возгласы, несколько дам от нетерпения повскакивали с мест. Через минуту послышался хлесткий звук удара. Девушка вскрикнула, от чего Бирк вздрогнул и напрягся всем телом, ему, как и Кире, происходящее не доставляло удовольствия. От этой мысли ей стало немного легче, но все же долго выдержать шоу она не смогла и попросилась в дамскую комнату. Расмус кивком дал согласие и предостерег:

– Туалеты здесь общие. Будь осторожна, если кто-нибудь будет слишком навязчив, просто скажи «не заинтересована».

Через минуту, забыв про больную ногу, она уже почти бежала по коридору. Вентиляция в клубе работала на полную мощность, но грудь так сдавливало, что Кире казалось, она вот-вот упадет в обморок от духоты и нехватки кислорода. В туалете царил полумрак, из динамиков лилась знаменитая песня Биркин и Гинсбурга. Девушка в длинном красном платье с затуманенным взглядом втягивала перед зеркалом дорожку кокаина. Ее подруга выходила из кабинки с молодым человеком и красноречиво поправляла платье. Стараясь не обращать ни на кого внимания, Кира бросилась к раковине и ополоснула лицо холодной водой. Ей немного полегчало. Отдышавшись, она прошла к одной из кабинок и заперла за собой дверь. Села на крышку унитаза и от беспомощности тихо заплакала. Она и сама не понимала, что ее так вывело из равновесия. Вспомнив разговор о друге детства и поцелуй на крыше, она пришла к выводу, что Бирк намеренно выстроил вечер в таком порядке. Сначала он выбил у нее почву из-под ног, заставив вспомнить самый болезненный эпизод в ее жизни, а потом привез сюда и потребовал помощи в сомнительном деле, которое могло стоить ей карьеры.

Когда она успокоилась и перестала всхлипывать, кто-то тихо постучал. Кира подумала, что это одна из девушек и спросила:

– Что нужно?

– Кира, открой, – злобно прошипел хорошо знакомый мужской голос.

Вскочив на ноги, она поправила платье, распахнула дверь и уставилась на бывшего напарника. Он прошмыгнул в кабинку, запер дверь на щеколду. Затем вынул рацию из внутреннего кармана пиджака, выключил ее и поставил на консоль. Взгляд Глеба помрачнел, Кира нервно сглотнула и попятилась назад.

– Ты что тут делаешь? – оторопело зашептала она.

– Следим кое за кем, а ты как тут оказалась?

– За кем вы охотитесь?

– Ты знаешь, что я не могу сказать, – он схватил Киру за плечи и пригвоздил к стене, – похоже, ты любишь, когда с тобой обращаются грубо.

– Да что на тебя нашло? – она оттолкнула его от себя.

– На кой хрен ты притадилась с Бирком в порно-клуб? – грозно выпалил Глеб. – Ты в своем уме? Ты и теперь будешь отрицать, что вы любовники?

Он в сердцах ударил по стенке кабинки.

– Тише, – глаза Киры горели гневом, – только тебя тут не хватало. Мы здесь не из праздного любопытства.

– Ты хоть знаешь кто он на самом деле? Его документы сплошная фикция. До восемнадцати лет Расмуса Бирка вообще не существовало.

– Прекрати, Глеб, уверена, что всему есть объяснение. Не хочу в это влезать, меня это не касается.

– Касается, еще как касается. Ты живешь в его доме, ты едешь на его машине, ты ешь его хлеб, спишь в его постели. Ты должна знать, кто он!

Кира обхватила себя за плечи и съежилась, на глаза накатили слезы. Ее реакция быстро отрезвила коллегу, и наружу мгновенно вырвался романтик, мечтающий с первого дня знакомства признаться в своих чувствах.

– Кира, не мучай меня. Ты жонглируешь моим сердцем, как... – он запнулся, не найдя подходящего слова.

Но майор уже взяла себя в руки и подавила рвущиеся наружу эмоции.

– Глеб, сейчас же покинь кабинку.

– Не гони меня, уйду, когда все скажу!

– Кира! – услышала она голос Расмуса в ларингофоне. – Ты в порядке?

– Я уже иду, – отозвалась она.

Яковлев тут же смекнул, что на ней микрофон, в глазах одновременно промелькнули страх и недоумение. Теперь он понял, что Кира не лгала, она тоже здесь на задании, а значит, его признание могли слышать и другие члены команды Лимонова.

Кровь прилила к лицу, он чертыхнулся, схватил рацию и выскочил из кабинки. Кира с облегчением выдохнула и вышла следом. В туалете уже никого не было. Перед выходом она помыла руки и ополоснула еще раз лицо, промокнула одноразовым полотенцем. С минуту она смотрела на свое отражение в зеркале и размышляла о словах Глеба. Его настойчивость одновременно импонировала и раздражала. С одной стороны они больше не в одном подразделении и могут поддаться романтическому порыву, с другой – из-за контракта с доктором майор не могла себя связывать серьезными отношениями.

Когда она успокоилась и собиралась выйти в коридор под дверь просунули записку. Несколько секунд Кира стояла как вкопанная, соображая, что ей делать. Все это заведение пропахло дурманом, ее тошнило, хотя она выпила всего два бокала шампанского. Подняв листок, она развернула его и прочитала:

«Не хотите глотнуть свежего воздуха? С террасы открывается прекрасный вид».

Без подписи. Почерк явно женский. Кира подумала, что Катрин хочет поговорить с ней наедине. Это было довольно опасно, но если она откажется, то вызовет этим еще большее недоверие и тогда их миссия под угрозой.

– Расмус, – тихо позвала она.

– Да, – тут же отозвался доктор.

– Меня приглашают на террасу. Где это?

– Кто?

– Не знаю. Сунули записку, почерк женский, с сильным наклоном вправо, буквы узкие, вытянутые. Бумага плотная, как на открытках.

– Выходи из туалета, я проведу тебя. Будь осторожна.

Она выглянула в коридор, мимо в обнимку проходила парочка. Кира сразу узнала девушку, что покидая кабинку, одергивала платье. Теперь ее сопровождал уже другой кавалер – высокий блондин лет тридцати. Лицо его показалось знакомым, но Кира была так напряжена и сконцентрирована на предстоящей встрече, что никак не могла вспомнить, где она его видела. Они замедлили шаг, пропуская ее вперед, при этом их лица застыли с загадочными томными улыбками. Кира чувствовала их пристальные взгляды и невольно передернула плечами.

– Дойдешь до зала, где проходило дефиле и свернешь направо, пройдешь через галерею и увидишь открытую террасу с белыми балясинами, – послышался напряженный голос Бирка, – если это проделки Катрин, скажи что ты пока в поиске и не знаешь, что конкретно тебя заводит. Она наверняка уже знает о тебе всю подноготную, так что ничего не сочиняй. Но, честно говоря, это на нее совсем не похоже, – Бирк хмыкнул, – с другой стороны, ты явно ей приглянулась.

Митяева почувствовала нежное прикосновение к спине и резко обернулась, девушка смотрела на нее затуманенным взглядом. Блондин бесцеремонно привлек Киру к себе и потянулся к ее губам.

– Не заинтересована, – резко отстранилась Кира, развернулась на каблучках и решительно зашагала прочь.

Полковник Лимонов пересек коридор и вошел в оперативную комнату. Свиридов на секунду бросил вопросительный взгляд на шефа и снова погрузился в работу.

– Ваня! Пошли домой. Утро вечера мудренее.

Следователь потер покрасневшие глаза.

– Только что пришла информация из Рязани, похоже, там тоже никто не спит. За месяц до убийства Довлатова пропал оценщик художественной галереи. У нас есть показания его жены, завтра опросят всех его коллег.

– Что жена говорит? – устало произнес полковник и опустил на офисный стул. – Только кратко...

Свиридов открыл протокол и начал читать.

– Здесь сказано, что пропавшего звали Арнольд Львович Ландо. 1955 года рождения, коренной петербуржец, пять лет назад вступил во второй брак и перебрался в Рязань. Ландо пропал по дороге с работы домой. Последней его видела жена, которая работала с ним в галерее. Как обычно он зашел за ней в шесть часов вечера, но она сказала, что задержится на часок, тогда он сказал, что сходит пока в магазин, купит что-нибудь праздничное, у них была годовщина знакомства и удалился. Когда она пришла домой, то обнаружила, что его нет, мобильный телефон был вне зоны действия сети. Жена дождалась полуночи и подняла тревогу. Начала обзванивать больницы, полицию и морги.

– Пусть завтра ее навестит убийный. Разузнают, не было ли у него конфликтов. Может кто-то сильно рассердился из-за того, что за его мазню дали мало денег, может он был замешан в каком-нибудь криминале... короче пусть землю роют... – полковник смачно зевнул, – мы на верном пути. Этот Ландо жертва не случайная. Слишком много совпадений: музеи, картины, Рязань.

– Жену уже опросили, когда она заявила о пропаже, ничего такого не было.

– Тогда пусть убийный покажет ей фото черной картины из музея и того чудика.

– Хорошо, – Свиридов сделал пометку в блокноте и решил, что именно с этого начнет свой следующий рабочий день. – Это уже вторая пропавшая жертва пожилого возраста.

– Ты кого тут пожилым назвал? – возмутился полковник, ему было столько же, сколько пропавшей жертве.

– Извините, – устало улыбнулся Свиридов.

Полковник поднялся и из последних сил скомандовал:

– Домой! Это приказ!

Свиридов выключил компьютер и последовал за шефом.

В галерее было прохладно, Кира поежилась и пожалела, что шаль оставила в машине. Двери на балкон были открыты настежь. Белоснежные занавески колыхались на ветру. Сначала Кира обратила внимание на звездное небо и яркий лунный диск, а уже потом разглядела сидящую в кресле истощавшую, будто

больную булимией высокую женщину. На ней было длинное скроенное по силуэту белое платье. Лицо скрывала вуаль.

– Спасибо, что пришли, – заговорила она бархатистым голосом, – возможно, это единственный способ поговорить с вами без вмешательства Расмуса.

Теперь Кира разглядела ее сморщенную кожу на руках и ногах. Сколько же ей лет?

– Кто вы? Что вам нужно? – излишне громко спросила майор, все еще возбужденная после встречи с Глебом.

– Не кипятитесь деточка, эмоции в нашем деле плохой помощник, – спокойно осадил ее пожилая дама, выдыхая тонкой струйкой сигаретный дым, – у меня много ролей, сегодня, например, я ваша спасительница.

Кира немного смягчилась, голос незнакомки обладал магнетизмом, он успокаивал и расслаблял в считанные секунды. Ее сухонькая рука показала на соседнее кресло. Кира опустила и с облегчением вытянула ноги. Место перелома ныло, и она невольно его потеряла.

– Я смотрю, вы быстро оклемались, хромота почти незаметна, – подметила старуха. – Не рано ли вы вышли на работу?

– Все в порядке, врач сказал, что кость срослась. Мы с вами не в равном положении, вы знаете про меня все, я про вас ничего.

Собеседница хрипло захихикала и с сарказмом подметила:

– Если бы вы знали, как часто мне это говорят. Моя профессия – знать все обо всех, тем более о моих клиентах. Это мой хлеб.

– Я не ваш клиент, – уверенно ответила Кира.

– Это точно подмечено, – усмехнулась старуха, – а вот ваш спутник напротив, посещает мое заведение уже много лет.

Так вот это кто – истинная владелица заведения! Из-за преклонного возраста она не может появляться на публике и роль мадам выполняет Катрин. Кира почувствовала укол ревности и разочарования. У нее сложилось впечатление, что Бирк не любит женского общества, а, по словам старухи, которой врать совершенно незачем, он частый гость в этом заведении.

– Ах, я вас разочаровала, – она тяжело вздохнула, – видит бог, я не хотела. Да вы меня и не так поняли. Расмус необычный клиент. У него специфические требования, но я не могу об этом распространяться.

Кира поджала губы от обиды и тут же поймала себя на мысли, что в принципе ей должно быть на это наплевать. У нее с Бирком сделка, он находит друга ее детства живым или мертвым, а она играет роль его девушки для прессы. Все просто и понятно. Тогда почему она так расстроена?

– Сколько помню Расмуса, он всегда был в поиске женского идеала, но так и не смог его найти. Со временем от предательств и меркантильности женщин он очерствел, отгородился трехметровым забором и выбросил ключ от единственной маленькой двери к его сердцу. Представьте, как я была удивлена, когда он сказал, что готов рискнуть. Это после всего-то, что он пережил! Конечно, я стала задавать вопросы, ничего не поделаешь, я любопытна по природе.

– Не понимаю вас... – Кира не сводила пытливого взгляда с загадочной собеседницы.

– Я дам вам совет деточка, бесплатный, а такое бывает редко, – она затянулась и выпустила дым из носа. – Не скрою, он мне оказывал много услуг. Поэтому я и не хочу, чтобы вы разбили ему сердце.

Кире хотелось возразить, но она вспомнила наставления Бирка, как можно правдоподобнее сыграть свою роль, а ей хотелось, чтобы он довел свою миссию до конца.

– Расмус – человек сложный, замкнутый, но небезнадежный. Частенько он заключает с женщинами сделки, все просто, без изысков и мудростей, ты – мне, я – тебе. Потом внимательно приглядывается, проверяет, расставляет сети. Ему нравится эта игра, он готов в нее играть до конца жизни. Иногда сама игра становится для него важнее реальности. Большинство женщин сбегают, как только он начинает приоткрывать завесу, но вы..., – старуха буравила Киру маленькими колючими глазками, – вы совсем другое дело. Вас не испугать психозом или навязчивой идеей. А совет мой таков: играйте в его игру, выполняйте его условия, дождитесь, когда он заиграется, и берите быка за рога.

– Никакого быка за рога я брать не буду. Пусть все идет своим чередом, – твердо произнесла Кира. – Расмус не из тех, кого можно одурачить или

подталкивать к решению. Именно тогда, когда я думаю, что уже знаю его и могу предсказать дальнейший ход, он выкидывает такое, что просто диву даешься.

Голос Киры звучал искренне. Старуха оголила белоснежные зубы, видимо, это была улыбка.

– На самом деле его легко просчитать. Он знает, что от него ждут, и сделает все наоборот, – пепел с сигареты упал на ее белоснежное платье, она смачно выругалась и отряхнулась. Настроение ее резко переменилось, слова зазвучали с ноткой раздражения: – Я достала то, что он просил. Передайте ему, что это бесплатно, в знак нашей дружбы, но это последний раз. Дальше пусть сам, – старуха качнула головой в сторону галереи.

Тишину разрывали быстрые шаги по мраморному полу.

– Кира! Где ты? Все в порядке? – послышался взволнованный голос в ларингофоне. – Я иду по галерее. Ты еще на террасе?

Кира обернулась, старухи уже не было. Ни удаляющихся шагов, ни белого силуэта. На кресле, в котором только что она сидела, лежал круглый жетон с китайским иероглифом. В пепельнице тлел только что затушенный ею окурок.

– Да, – отозвалась Кира, взяла флешку и вышла ему навстречу.

Бирк с бледным, как полотно лицом подлетел к ней и обнял за плечи.

– Кто это был? – озабочено спросил он.

– Думаю, это была твой информатор, – ответила Кира, протягивая жетон.

– К сожалению она больше не надежна. Я не могу полагаться на ее материал. Нам придется действовать самим. Только что наша цель спустилась в подвал.

– А что в подвале?

Они преодолели просторный вестибюль и Бирк потянул ее к лифту.

– Здесь наверху цветочки, так сказать, любители поглазеть, а вот внизу ягодки, а порой и шипы. Ты готова?

– Нет, – откровенно призналась она.

– Ты знаешь, какая у нас работа, иногда многим приходится жертвовать, иногда играть ненавистные нам роли.

Не дав ей опомниться, Бирк втолкнул ее в лифт и нажал клавишу подвального этажа. Словно фокусник, он выудил черную маску из внутреннего

кармана, которая закрывала только верхнюю часть лица. Когда двери лифта распахнулись, Кира обратила внимание на пустые коридоры. На нижнем этаже была мертвая тишина. Он шел впереди, немного наклонив голову вправо, Кира поняла, что Сото постоянно его инструктирует. Наконец они подошли к последней двери, перед которой стоял охранник.

– Ваш жетон, – отчеканил громила.

Бирк вынул из кармана брюк жетон с китайским иероглифом и протянул охраннику. Через мгновение дверь перед ними распахнулась, и в коридор вырвались отчаянные крики. Кира сжалась, словно пружина и прильнула к руке Бирка.

Представшая перед ними картина поразила обоих. Комнату, обитую красными кожаными панелями, пронизывал запах тестостерона, алкоголя и злобы. К потолочным крюкам были подвешены три девушки, связанные веревками замысловатыми узлами. Вокруг них собралась толпа полураздетых мужчин, которые были больше похожи на животных, чем на людей, занимающее высокое положение в обществе. Секс был самым безобидным, что происходило в этой комнате. Девушек истязали различными предметами: зажимами, хлыстами, плетью – целый арсенал висел вдоль стен. Многие из предметов оставляли глубокие следы на коже. По ногам одной из девушек тонкими струйками стекала кровь. Даже Бирк, выдавший всякое, остолбенел на несколько секунд и цепким взглядом оценивал обстановку. Из-за шума их присутствие никто не заметил. Этим доктор сразу воспользовался, встал у нее за спиной, обнял за плечи и зашептал на ухо:

– Это шибари – японский вид бондажа. Из-за стадного инстинкта публика немного увлеклась.

Услышав слово «немного», Кира презрительно хмыкнула.

– Мне нужно показать его в исступлении, в страсти, чтобы у того кто будет смотреть запись не возникло сомнений, что он тут делал.

– Кто наша цель? – наблюдая за оргией, Кира еле сдерживала тошноту.

– Коротышка в белой рубашке.

Этого-то Кира и боялась. На маленьком тельце огромный живот. Его словно надули как шар. Среди всех мужчин, он отличался особой свирепостью и

злостью. Ему явно хотелось сделать побольше, крики девушек доставляли ему огромное удовольствие и распяляли желание.

Кира как парализованная стояла перед садистским игрищем, не понимая, что ей делать дальше.

– Посмотри на них... – брезгливо произнес Бирк. – Чистое зло, без всякой примеси. Каждый из них когда-нибудь убьет. Это просто разминка. Так они себя успокаивают на время. Скоро голод их одолеет, и они снова придут сюда, но когда-нибудь и этого станет мало.

Кира нервно сглотнула, дрожь конвульсиями пробежала по телу. От страха зуб на зуб не попадал. Она испытывала такой ужас, словно ей предстояло взойти на эшафот.

– Кто ты? – спросил Бирк, чувствуя ее сомнения.

Кира в недоумении подняла на него глаза.

– Жертва или охотник?

Бирк возвращался к истокам обучения. В одной из первых встреч он уже задавал ей этот вопрос и тогда Кира сильно на него разозлилась. Ведь Бирк не скрывал, что считал ее жертвой.

Кира разомкнула пересохшие губы и тихо ответила.

– Охотник.

– Если ты охотник, ты должна быть безжалостна, бесстрашна, сосредоточена на погоне, страх тебе не ведам. Так кто ты?

– Охотник, – более уверенно выдала Кира.

– Повтори! – Бирк схватил ее за плечи и встряхнул.

– Охотник! – почти прокричала она.

– Тогда иди и сделай то, что требуется.

Расправив плечи, майор сделала глубокий вдох и шагнула в центр комнаты. Ее сразу заметили, воцарилась тишина. С минуту ее пристально разглядывали, словно экспонат. Шаг за шагом мужчины приближались к ней все ближе и ближе, а когда ситуация накалилась, рядом, насвистывая и помахивая тростью в руке, возник Бирк. Он прошелся вокруг девушек, делая вид, что рассматривает последствия усиленной «работы», и ослабил в зверином рыке. Все внутри Киры сжалось, словно пружина, сейчас она желала о том, что не

обладает обратной эмоциональной реакцией, как ее наставник. Напряжение нарастало. Нужно было что-то предпринять, чтобы разрядить атмосферу.

– Мальчики, вы дадите девушке ощутить вкус власти и крови? – томно спросила она и игриво повела плечами.

Мужчины расступились, некоторые ухмылялись, некоторые пожирали ее взглядом, кто-то всунул в ее руку плетку со следами крови и майора чуть не вырвало. Что было потом, она помнила урывками. Комок тошноты преследовал ее до тех пор, пока они не покинули здание. Кира не чувствовала ног, побелевшее лицо, качающаяся походка, она была похожа на призрак. Пока они спускались по лестнице, Бирк поддерживал ее за локоть. Один взгляд и она поняла, что он сам еле держится на ногах.

Оказавшись в машине, где их уже ждал Сото, Кира покачала головой, словно не веря в то, что видела собственными глазами.

– Какая мерзость! Уроды! И эти люди управляют нашей страной! Да они все... все там... извращенцы!

– Заткнись! – грубо одернул ее Бирк.

Сото вжался в сиденье и отвернулся.

Раскрасневшаяся Кира с трудом сдерживала эмоции. Грудь вздымалась, дыхание было тяжелым и шумным, как у астматика. Когда они выехали на шоссе, она попросила остановить машину, выскочила на свежий воздух и тут же опорожнила желудок. Водитель вынес ей бумажное полотенце и бутылку ледяной воды. Несколько минут она сидела на обочине, пытаясь прийти в себя, а когда ей полегчало, осмотрела подол платья и поняла, что оно безнадежно испорчено. В следующий момент накопленные эмоции вырвались наружу, она рыдала так громко, что не слышала даже шума проезжающих машин.

Никто не вышел ее утешить, будто это было в порядке вещей. Она плакала, припав головой к багажнику «БМВ» и вспоминала искаженные от боли мучительной судорогой лица девушек. Поток транспорта обдавал волной раскаленного за день асфальта и запахом угарного газа. В таком положении она, к удивлению всех сидящих в машине, заснула. Сквозь сон она почувствовала, как крепкие мужские руки подхватили ее и положили на заднее сиденье. Рука Бирка прикрыла ее пледом, затем легла на ее спину и мирно постукивала в такт

классической музыки. Позже, когда машина мчалась по Волоколамскому шоссе, Кире снился сон, как пожилая женщина в белых кружевах, будто заезженная пластинка повторяла теперь уже сухим, как тростник голосом свой совет:

«Играйте в его игру, выполняйте его условия, дождитесь, когда он заиграется, и берите быка за рога».

Скрип двери заставил Киру открыть глаза и прислушаться. Полоска света на мгновение осветила изголовье кровати, затем дверь прикрыли, тихо щелкнул замок. Минуту ничего не происходило, она подумала, кто-то из охраны заглянул, чтобы убедиться, что с ней все в порядке – по возвращению из клуба она еле держалась на ногах – и снова закрыла глаза.

– Кира, ты спишь? – услышала она сквозь сон голос Бирка и вздрогнула.

Он включил подсветку в полу вдоль окон.

– Да, – она повернулась и увидела его в пижамных брюках с обнаженным торсом, – что ты тут делаешь?

Бирк впервые предстал перед ней без футболки. Жилистые мышцы обтягивали тело небольшим рельефом. Гибкий, подтянутый, местами худощав.

– Я пришел извиниться, – Расмус все еще стоял у двери в застывшей позе, чувствуя себя не в своей тарелке, казалось еще секунда и он выскочит из ее спальни как ошпаренный. – Мне не следовало тебя втягивать в свои дела. Это никак не связано с нашей договоренностью. Прости, не знаю, о чем я думал. Наверное, я по-мальчишески вскипел, услышав твой разговор с Яковлевым, и решил поквитаться. Это было глупо.

– Не поздноато для извинений? – сонным и разочарованным голосом спросила она.

– Я должен был извиниться.

За окном начинало светать, маленькая сосновая рощица, в центре которой стоял гостевой домик, постепенно наполнялась первым робким птичьим щебетом. Кира всмотрелась в его бледное лицо и подметила растерянность и нерешительность. Это никак не вязалось с характером Бирка и вызвало в ней любопытство.

– Что-то еще? – с нетерпением спросила она и прищурилась, глаза от недосыпа словно посыпали песком.

Он придвинул к кровати кресло, со вздохом в него опустился и вытянул все еще ноющую ногу.

– Кто заходил к тебе в кабинку, когда ты была в туалете?

Кира перевернулась на спину и не сводила с него взгляда. Он только что признался, что слышал разговор, а теперь спрашивает, кто заходил в кабинку.

– Постой, ты только что сказал, что вскипел из-за какого-то разговора. Ты о чем конкретно?

– «Даже если он самый последний мужчина на земле», – напомнил Бирк ее фразу, сказанную в кафе.

– Ах, вот ты о чем.

– Так кто заходил в кабинку? – настойчиво повторил он свой вопрос.

– Ты знаешь кто, не строй из себя идиота.

– В наушнике пару раз пробивался мужской голос, но в зале было шумно и я не понял кто это.

– Глеб, – Кира подложила согнутую руку под голову.

– Чего он хотел?

– Сама не поняла... – с нарочитым безразличием ответила она и зевнула.

– Интерпол интересуется мной, – на выдохе выпалил Бирк. – Думаю Стачук только предлог, они копают очень глубоко.

– Он сказал, что все твои документы липа.

– Хм... – Расмус не спешил опровергать обвинение.

– Так это правда...

Бирк был официальным консультантом многих силовых ведомств, поддельные документы просто не вязались с этим фактом. Сон как рукой сняло.

– И да, и нет. Список документов, находящихся в открытом доступе действительно подделка, тщательно проработанная легенда, но этим занимался не я.

– А кто?

– Скажем так, те, кому на Интерпол плевать с высокой колокольни.

– Тебе не обязательно мне все это говорить. Меня это не касается.

– Он прав... твой Яковлев... ты живешь в моем доме, тебя это касается.

Кира поняла, что он слышал весь их разговор, а значит, и признания Глеба в своих чувствах.

– Ты друг Лимона, для меня этого достаточно.

Бирк закинул ногу на ногу и стал интенсивно растирать больное колено.

Кира поняла, что он сильно нервничает.

– Он тебе нравится? – спросил он с ухмылкой.

– Лимон? – Кира задумалась.

– Яковлев!

– Да, он способный. Быстро сделает карьеру. Жаль, что у вас вышла размолвка, теперь мне придется работать с Живчиком или Челюстью, а они зеленые несмышлениши.

– Я не про работу спрашивал. Он тебе нравится как мужчина? Ведь он сегодня признался тебе в любви. Ты должна была что-то почувствовать.

– Он мне нравится, но встречаться я с ним не хочу. Я вообще ни с кем не хочу встречаться.

– Но ты ведь взрослая женщина... так нельзя... это против природы... я видел сегодня, как ты смотрела на пары. Ты тоскуешь, но не в поиске и это меня...

– Бирк запнулся, подыскивая подходящее слово, – настораживает. Ты красивая, умная, веселая, почему ты ни с кем не встречаешься?

Кира нахмурилась, такие разговоры ей не нравились в принципе, а в пять утра так и вовсе раздражали. Интуитивно она понимала, что визит Бирка не имеет отношения к теме разговора. Как, черт возьми, ей взять быка за рога, если она даже не может раскусить его игру?

– Расмус, зачем ты пришел?

– Извиниться...

– Извиниться ты мог утром за чашкой кофе. Да и за что извиняться? Я проштрафилась и сама выбрала услугу. Мы подписали договор, по которому мне запрещается иметь личные отношения. Теперь ты вваливаешься ко мне под утро и спрашиваешь, почему у меня нет личной жизни. Ты никогда не заходил ко мне в спальню, – Кира приподнялась на локтях. – Что-то произошло, от чего ты испытал страх и прибежал ко мне, словно маленький мальчик, ища защиты.

Глаза Бирка широко распахнулись, несколько секунд на лице отражались разные гримасы. Похоже, что слова Киры задели его за живое, но по какой-то причине не обидели. Он не признал что Кира права, но и отрицать не стал. Глядя на его растерянный вид, она смягчилась.

– Я хочу спать, а тебе нужно сейчас чье-то присутствие. Кому-то из нас придется пойти на компромисс. А так как это не часть нашей сделки, то видимо, это будешь ты.

Кира опустилась на подушку и похлопала по покрывалу рядом с собой. Она не сомневалась, что после этого Бирк вскочит на ноги и пулей вылетит из спальни, а ей удастся вздремнуть еще пару часов, ведь утром в офисе вся группа будет докладывать полковнику новости и ей нужно быть в рабочем состоянии.

Забыв про больную ногу, Бирк вскочил с кресла, но не покинул спальню, а лег на кровать с краю поверх покрывала. Кира еле сдержалась от едкого замечания.

– Что?

– Я... думала...

– А я как всегда сделал что-то неожиданное?

В его голосе не было сарказма, простая констатация факта, без вызова и посылы. Поэтому Кира оставила его вопрос без ответа и уставилась в потолок. Что он задумал? Расмус приподнял подушку и спиной уперся об изголовье кровати. Его взгляд был настороженным, словно он проник в штаб противника, где не мог еще хорошо ориентироваться. Кира даже предположила, что он так дает понять, что их отношения в ее руках. Мол, делай все, что сочтешь нужным. Все эти разговоры об отсутствии у нее личной жизни были только прелюдией. Слова старухи тоже проносились в голове как заклятье. Она сказала, что Бирк знает, что от него ждут, и делает все наоборот. Сейчас произошло в точности то, что предсказала информатор.

«Зачем старуха позвала меня на террасу? Оценить новую пассию Бирка?», – подумала Кира, когда из груди доктора вырвался мучительный стон.

Напряжение в комнате нарастало. Пауза уже становилась нестерпимой для обоих, тогда Кира повернулась на бок лицом к нему и закрыла глаза. Через минуту ее рука, словно разведчик, робко скользнула по шелковым брюкам и

обвила его талию. Тело Бирка тут же напряглось, будто это была не ее рука, а раскаленный прут. Она с горечью подумала, что в очередной раз ошиблась и рука начала сползать к его бедру, а затем и вовсе спряталась под одеялом.

– Почему ты убрала руку?

Кира открыла глаза и еле слышно ответила:

– Мне показалось, что тебе неприятно.

– Тебе показалось... – мягко произнес он.

Его рука забралась под одеяло, от чего у Киры мгновенно пересохло в горле, отыскала ее руку и вернула в прежнее положение. Его горячее тело все еще недовольно вибрировало под ее рукой, словно в Расмусе боролись два человека, один из которых точно не хотел быть в ее постели.

– Ты ставишь мне в вину, что у меня нет личной жизни, но сам ты тоже никого к себе не подпускаешь.

– Я – другое дело.

Его рука осторожно опустилась на ее голову, пальцы нежно перебирали пряди волос. Из груди Киры вырвался расслабляющий стон. Она прижалась к нему и закрыла глаза. Несколько минут в комнате стояла тишина. Бирк наблюдал, как из-за деревьев проблескивают первые лучи солнца и не знал, как заговорить с ней о том, почему на самом деле он столько сил и ресурсов отдает на поиски Михкеля. Нутром он понимал, что это самый подходящий момент, но в это утро решимость покинула его, и он так и не смог ей признаться.

– За день до твоего приезда я видела тебя во сне, – еле слышно произнесла Кира и сладко зевнула. – Ты предстал передо мной в виде зебры.

Бирк хмыкнул и снова стал растирать колено.

– Но не совсем обычной. Один бок у нее белый, другой черный.

– Вот как? И что же я делал в твоём сне?

– Ничего. Стоял перед моей кроватью и наблюдал. И вот что странно, после этого зебра мелькает передо мной и наяву, когда ты злишься, она поворачивается ко мне черной стороной.

– Когда она придет в следующий раз, передай ей, чтобы проваливала ко всем чертям. Нам и без нее проблем хватает.

С минуту оба молчали.

– На самом деле это твое подсознание говорит о том, что у меня две стороны: одна будет тебя радовать и наполнять, другая, истощать и раздражать.

– Да, я так и подумала... – еле слышно прошептала Кира и провалилась в сон.

Насладившись сполна своим шедевром, он вернулся к фургону и с минуту смотрел в одну точку. Руки тряслись, его тошнило, внутри зияла безграничная пустота и тишина. Голос молчал. Теперь он один. Несколько часов тишины. Наконец-то он сможет поспать. Нужно уезжать, пока его присутствие никто не заметил.

Он завел мотор, фургон плавно тронулся с места и неслышно покатился вниз по улице. Направляясь сюда, он подметил тихое местечко, где можно будет вздремнуть. Раньше он не ценил сон, относился к нему с присущей своему возрасту беспечностью, но с недавнего времени голос не давал ему спать, доставал ненасытный аппетит «подселенца», поэтому в редкие моменты спокойствия ему удавалось перевести дух. Сейчас гений, погруженный в летаргический сон, спит, но скоро снова проснется и потребует от своего раба и оболочки, в которой он вынужден прятаться, полного подчинения и активных действий. Он знает замысел Караваджо, знает конечную цель. Они пройдут этот путь вместе до конца, чего бы им это ни стоило.

Сегодня он испытал много нового. Во-первых, он впервые лишил жизни женщину, и было это иначе, чем с мужчинами. Он сторонился женщин, считал, что от них все беды. Природа наградила их возможностью рожать детей, но, к сожалению, это еще не гарант того, что все они могут стать хорошими матерями. Его мать была безвольным существом, которая от страха за свою жизнь, не задумываясь, отказалась от него. В отличие от Тамилы, которая боролась за жизнь сына до последнего вздоха, его собственная мать инстинкт материнства не ведала.

Во-вторых, никогда еще в своей жизни он не держал в руках столько денег и драгоценностей. Новое ощущение придавало ему уверенности и чувство защищенности. Теперь он богат, Тамила «снабдила» его деньгами на долгие годы, больше не надо будет побираться и воровать. Он заживет совсем другой жизнью и

сможет покинуть эти проклятые места. Осталось еще пару незавершенных дел и можно будет отчалить. Как же он устал от этой унылости, угрюмых заплывших лиц, среди которых ему приходилось выживать. Правда, это был его собственный выбор. Жизнь обычного человека ему не по вкусу. Нужно только утолить голод Караваджо и отправить его туда, откуда он пришел.

Он заметил движение слева. Из строительного вагончика вышел худощавый мужчина восточной внешности в спортивных штанах с голым торсом и закурил. Фургон проехал мимо него плавно и величаво, словно корабль. Их взгляды встретились. Резко очерченные скулы, треугольное лицо, острый нос – идеальное строение черепа для следующего персонажа. Очередное видение прорезало сознание, со стоном он нажал на педаль тормоза и остановил фургон. Похоже, что отдых все же придется отложить. Вынув из бардачка электрошокер, он опустил окно и прокричал:

– Эй, джигит! Где тут у вас можно бухло купить?

Работяга окинул его оценивающим взглядом.

– Иди там! – показал он рукой в сторону последнего вагончика.

– Там? – показал на другой вагончик водитель.

– Нэт! Там! – снова указал правильное направление рабочий.

– Эй, подойди ближе, что я не человек что ли? Где? Куда ты показываешь?

Через минуту в ночной тишине послышался вскрик, глухой звук падающего тела, затем хлопнула дверь фургона. Когда звуки стихли, в окно вагончика высунулась черноволосая голова и заспанный голос спросил:

– Orada kim var?¹¹

Вокруг не было ни души, только у обочины догорал тлеющий окурок.

Через распахнутые занавески солнечные лучи проникали в спальню, приятно щекотали и согревали лицо. Вокруг стояла непривычная тишина и это настораживало. Обычно с раннего утра на участке работали садовник и его помощник, гремели инвентарем, громко переговаривались. Бирк неоднократно

¹¹ Orada kim var? (турецкий) – Кто там?

делал им замечание, первое время те сдерживались, но потом забывались и снова поднимали шум.

Открыв глаза, Кира увидела перед собой спину Бирка и от неожиданности чуть не вскрикнула. Несколько уродливых продольных рубцов глубоко прорезали спину. Края были рванными, что говорило о том, что увечья нанесли предметом с зазубринами. Кира вспомнила о рассказе коллег, как Бирк поехал один проверять зацепку и угодил в лапы маньяка – убийцы жены полковника. Ей говорили, что несколько дней он подвергался изощренным пыткам, а когда Лимонову с группой захвата удалось ворваться в подвал, маньяк приставил к горлу Бирка нож и, смотря с вызовом на полковника, полосонул по горлу. С большой кровопотерей Расмуса доставили в больницу, никто, кроме полковника, не надеялся, что он выкарабкается, но после трехнедельной комы он все же пришел в себя и в этот момент все поняли – Бирк уже никогда не будет прежним.

Как можно тише, Кира поднялась с кровати и крадучись подошла к двери. Дверь скрипнула и Кира зажмурилась, ей не хотелось будить Расмуса. Она бросила на него встревоженный взгляд, но он спал словно младенец.

На диване в гостиной лежала его белая футболка, значит, он намеренно ее снял, когда заходил. Прохладный душ немного приободрил, но так и не прогнал остатки сна. Накинув халат, она покинула гостевой домик и, зевая, поплелась к основному дому. Только зайдя на кухню, она поняла, что утро действительно выдалось необычным. За кухонным столом сидели Нина и новый глава службы безопасности, с которым Кира еще не успела познакомиться. Острый цепкий взгляд и военная выправка сразу бросились ей в глаза.

После утреннего приветствия новоиспеченных подруг, он вскочил на ноги.

– Нас еще не представили друг другу, – деловито выпалил он и протянул руку, – Померанцев Олег Анатольевич, можно просто Олег.

– Кира, – из вежливости отозвалась майор, фамилию она не озвучила, будучи уверенной, что он еще накануне наизусть заучил ее личное дело.

– Кофе? – спросила Нина, с интересом изучая загадочный вид Киры. – Есть еще какао.

– Кофе... как всегда, черный без сахара.

Олег вынул из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон и протянул Кире.

– Вы выронили его вчера, когда шли от машины к гостевому домику.

При этих словах дружелюбное выражение лица Нины сменилось на каменное. Кира уставилась в недоумении на свой телефон, ее охватило неприятное ощущение. Она сунула его в карман халата, поблагодарила за кофе и хотела его выпить в оранжерее, но слова Олега заставили ее сесть на ближайший стул.

– Он вчера приезжал. Пьяный.

– Кто? – в недоумении спросила Кира.

Ее рука потянулась к телефону, по жесту охранника она поняла, что ответ находится именно там.

– Звонил вам, но так как вы не отвечали, попытался сигануть через забор. Мои люди его сразу схватили. Он кричал, отбивался, потом показал удостоверение и попросил позвать вас. Мы сказали, что вы уже спите. Он вырвался и побежал в дом. Ребята скрутили его и хотели вызвать наряд, но доктор Бирк приказал его провести к нему в кабинет.

Кира лихорадочно листала список неотвеченных звонков и сообщений. Нина дала ей знак, и они уединились в оранжерее. Как только дверь за Кирой закрылась, Нина с присущей ей страстью начала описывать события минувшей ночи.

– Твой коллега тут всех на уши поставил. Меня попросили позвать тебя, если ты не спишь, но ты спала, даже похрапывала.

– Зачем он приезжал?

– Он был в стельку... – Нина хохотнула, вспоминая пьяную болтовню ночного гостя, – орал как умалишенный.

– Что кричал?

– Что любит тебя, – выпалила Нина с искрящимися глазами, – что не может и дня без тебя прожить. Что готов все бросить и уехать куда угодно лишь бы ты была рядом.

Кира прижала руку к горлу и вытаращила глаза.

– О боже, – еле слышно пролепетала она, – я ничего не слышала. Где он?

– Уехал час назад. Утром его ребята отпаивали кофе с аспирином, потом вызвали такси. Они пару часов сидели в гараже, оттуда как понимаешь, хорошо видны окна твоей спальни, а занавески были открыты.

Нина намекала, что Глеб и охранники видели, как Бирк нырнул к ней под бочок. Теперь уже ей не отвертеться.

Кира начала читать сообщения, двух строк хватило, чтобы понять ночное настроение Глеба. Как только они выехали из клуба, Яковлев проследовал за их машиной и видел, как Киру отвели в гостевой домик. Он звонил, писал и, в конце концов, заявил, что перелезет через забор, если Кира не выйдет с ним поговорить. Последнее сообщение было извинительным и сухим. Видимо, писалось уже на трезвую голову.

Но не это поразило майора, а то, что она поняла причину, по которой Бирк прибежал среди ночи в ее спальню уже после разговора с Глебом. Хотел заявить на нее свои права? Или от мысли, что у нее начнется роман, так испугался, что не справился с эмоциями и решил форсировать события? Вот только неумело, почти по-детски...

Ее размышления прервал телефонный звонок. Это был Громов.

– Слушаю, – сухо ответила майор.

– Новое убийство, теперь в Твери, – коротко оповестил Вадим, не здороваясь, – полковник просит всех подъехать к императорскому путевому дворцу. Он сейчас на реставрации. Координаты скину в смс.

– Хорошо, выезжаю.

Кира хотела прервать соединение, но Вадим сказал:

– Подожди...

Послышался приглушенный голос Лимонова, судя по тону, настроение было хуже некуда.

– Андрон Маркович спрашивает, где Бирк? Он не отвечает на звонки.

Один единственный раз Бирк посетил ее спальню, и теперь об этом будет знать все управление.

– Еще спит, – пространно ответила Кира, – он тоже нужен?

– Да, – Вадим зажал трубку между ладонью и щекой, заговорил тихо: – Сюда приезжал Васильев из Интерпола, у них с Лимоном был разговор на повышенных тонах. Что за хрень творится, Кира?

– Темные тучи веют над нами, – поэтично ответила она и сунула телефон в карман халата.

Кофе она так и не допила, стремительно преодолела холл и на выходе столкнулась лицом к лицу с Бирком. Вид у него был обескураженный, взгляд тревожный. Он хотел схватить ее за плечи, но она ловко вывернулась и отступила на два шага.

– Почему меня не разбудила? – спросил он напряженным тоном, обводя цепким взглядом прислугу. – Уже позавтракала?

Вторая попытка увернуться не увенчалась успехом, стальной хваткой Бирк схватил Киру за предплечье и притянул к себе. Похоже, что он собирался не только перед прессой выставлять напоказ их якобы существующие отношения.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – резко выпалила Кира, пытаясь разомкнуть его железную хватку.

– Если хочешь устроить сцену, рабочее крыло самое подходящее место.

– Сцену? И не подумаю! – выпалила она. – Пусти! Не хочу даже разговаривать с тобой.

– Ты только что хотела со мной поговорить, – едко процедил Бирк, его лицо исказилось в зловещей гримасе, – будь последовательна.

– Я не хотела.

– Ты не умеешь врать.

– Я всего лишь спросила у тебя, хочешь ли ты мне рассказать, что за чертовщина творилась здесь сегодня ночью и почему я узнаю все последней?

Бирк тащил ее к лестнице, похоже, он не собирался ее отпускать, тогда Кира пустила в ход тяжелую артиллерию:

– У нас снова убийство! На этот раз Тверь!

– Где именно? – спросил Бирк и тут же отпустил ее руку.

– Путевой дворец. Тебя искал Лимон.

Глава четвертая

4 июля 2012г.

г.Тверь, Императорский путевой дворец

К полудню солнце палило нещадно, но так и не прогрело толстые стены находящегося на реконструкции императорского дворца. Просторный зал, в котором собрались все сотрудники отдела профайлинга был пропитан накопившимися за столетия запахами сырой штукатурки и сгнивших балок. Дворец, построенный когда-то для императрицы Екатерины II, сегодня выглядел ужасающе. Кругом валялись груды отбитой от стен штукатурки. Засоренные разрытые колодцы и канализационные сливы источали зловоние. С верхнего этажа доносился монотонный стук молотка.

– Несколько недель назад дворец закрыли на реставрацию, – пояснил коллегам Лимонов, – останавливать работы мы не можем, сошлись на том, что в этот зал сегодня рабочие не зайдут, но завтра утром они приступят к монтажу лесов.

В защитном комбинезоне, похожем на белый кокон, Бирк стоял перед местом преступления и разглядывал новое послание Отверженного. Пока он настраивался на работу, Сото подошел к полковнику и дал ему послушать монолог убийцы.

– Трупы обнаружили двое рабочих в восемь утра, – начал вводить Киру в курс дела Токарев, – собралось много народу, поэтому до приезда полиции начальник – дроволом¹² решил накрыть тела строительным брезентом.

Услышав его слова, Бирк презрительно фыркнул.

– Знаю, – понимая его реакцию, добавил Токарев, – они нам все тут подпортили, но тут уж ничего не поделаешь.

Кира на доктора не смотрела, стояла поодаль в ожидании, когда снимут брезент.

Как только машина отъехала от ворот коттеджа, Бирк хотел объясниться, но Кира выставила руку и сказала, что не хочет ничего обсуждать. Новое убийство отбросило их проблемные отношения на задворки ее разума. Сейчас она кляла себя за то, что приехала неподготовленной. Накануне, возвращаясь из клиники, она хотела просмотреть материалы дела и изучить картины Караваджо,

¹² Дроволом (нар.) – дурак.

но Бирк своими планами не дал ей этого сделать. Чем больше они сближались, тем негативнее это отражалось на работе. Бирк еще не знал, но пока «БМВ» мчалось к новому месту преступления, Кира решила снять квартиру и покинуть его гостевой домик. Ей необходимо вернуться в рабочее состояние. Как это скажется на их сделке, она пока не понимала, но в ближайшие дни планировала обдумать все как следует.

– Быстро же он работает, не дает нам опомниться, вчера Тула, сегодня Тверь, – подметил Громов.

– Думаешь, он заранее все спланировал: выбрал места, наметил жертвы, подготовил инвентарь? – спросила его Кира.

Громов пожал плечами и подошел ближе к Брику, который только что попросил помощника включить видеокамеру.

– Сегодня четвертое июля 2012 года, я стою в ремонтируемом императорском дворце, в котором ранее находилась художественная галерея. Высота помещения примерно шесть метров. Кругом мусор, грязь, пол усеян стеклянными осколками и отбитой со стен штукатуркой. Доски прогнили и частично демонтированы. Температура в помещении примерно восемнадцать градусов.

Бирк в ожидании повернулся к полковнику. Лимонов дал знак, следователи осторожно сняли брезент и аккуратно упаковали его для экспертов. Сото нажал на паузу, давая Бирку время для осмотра.

В центре зала на грубо сколоченном помосте в замысловатой позе были расположены два трупа: парня лет пятнадцати и женщины за сорок. Их лица были обращены друг к другу. Оба привязаны к стульям и сидели в ряд. Женщина плотного телосложения с округлым лицом держала в руках руку подростка, ее голова была замотана чем-то вроде платка, который плотно поддерживал челюсть. Рука мужчины в перчатке закреплена на поясе. Его голову венчала шляпа с пером. Черная массивная ткань прикрывала их нижнюю часть тела, словно все что следовало увидеть, было выше.

– «Гадалка», – прошептал Сото и протянул полковнику айпэд.

Полковник взглянул на экран и увидел картину Караваджо. Несколько раз он опускал и поднимал глаза, сравнивая недостающие детали, затем вернул айпэд, насупился и скрестил руки на груди.

– На этот раз убийца воспроизвел картину Караваджо «Гадалка», – деловито начал излагать Бирк. – Историки утверждают: художник хотел доказать, что сюжетами для картин можно вдохновляться и в реальной жизни, а не только глядя на мраморные статуи или работами предшествующих мастеров живописи. Тогда еще непризнанный мастер заявил, что натура – единственная наставница, в которой нуждается художник. В подтверждении своих слов Караваджо пригласил в мастерскую уличную гадалку и предложил ей показать, как она предсказывает судьбу. Две натуры помогли художнику достичь небывалого реализма и, безусловно, внесли свой вклад в прославлении мастера. Но... – Бирк обвел всех присутствующих пронизательным взглядом и, показывая пальцем на двух жертв, добавил: – Наш убийца делает наоборот. Он прославляет не себя, а своих натурщиков. Вопрос: почему?

Кира повернулась к полковнику, ее глаза красноречиво кричали «я же говорила!». Полковник вспомнил, как несколько дней назад, Митяева на совещании предположила, что Отверженный убивая своих жертв, произносит прощальные слова: «Я даю тебе вторую жизнь, я увековечу твой образ». Лимонов хмыкнул и задумчиво покрутил кончики усов. По его мнению, майор делала явные успехи.

Бирк не задержался на месте, а двинулся вокруг экспозиции. Больше всего его интересовала тыльная сторона, как он сам выразился «мастерская художника». Не сговариваясь, Кира и Громов двинулись вслед за ним.

Увидев тела сзади, глаза Киры широко распахнулись, челюсть отвисла. Она застыла в безмолвном крике, одного взгляда хватило, чтобы понять: Отверженный набирает силу, становится смелее.

Голос Бирка, словно находясь на отдалении, постепенно нарастал.

– Мышцы на спине полностью отсутствуют. Извлечены внутренние органы жертв и будто в мясной лавке выставлены на обозрение. Убийца подвесил их на проволоке за ребра.

Киру качнуло назад, голова закружилась. К горлу подступил комок. Вчерашний поход в клуб для ее желудка не прошел бесследно. Еще минуту и ее стошнит прямо на месте преступления. Зажав рот двумя руками, она выскочила из полуразрушенного зала.

Бирк даже не отвел глаз от жертв, а продолжал все тем же спокойным и выдержанным тоном.

– Убийца отзеркалил места расположений органов, язык он прикрепил в основании второго шейного позвонка. С него как бы начинается демонстрационный ряд. Из чего я делаю вывод, что убийца намекает на то, что жертва много болтала или сочиняла. Я вижу все органы кроме... – Бирк наклонился вперед и поправил очки, – сердца. Да, сердца нет.

Два шага в сторону и доктор принялся разглядывать труп мужчины. Тростью он поддел шляпу с пером и снял с головы жертвы. Громов быстро надел перчатки, снял шляпу с трости и положил на разложенный черный мешок для улик.

– У второй жертвы демонстрационный ряд начинается с оголенного черепа. Мозг отсутствует. Убийца как бы намекает на то, что у жертвы не хватало мозгов, можно предположить, что он страдал нарушением интеллекта или имел патологию головного мозга, что привело его к социальной дезадаптации¹³. Жертва при жизни, скорее всего, находилась в специализированном учреждении.

– В дурке что ль? – бесцеремонно уточнил Токарев.

Бирк одарил его испепеляющим взглядом и продолжил:

– У второй жертвы кроме мозга все органы на месте. Но... – Бирк снова поправил очки, словно хотел убедиться, что то, что видят его глаза не иллюзия, – я вижу посторонний предмет. Что-то мохнатое, то ли комок шерсти, то ли кусок шкуры какого-то животного. Оставим это для вскрытия...

Вдыхая воздух полной грудью, Кира пыталась подавить рвотные позывы. Она прислонилась к стене и прикрыла на минуту глаза. Никогда раньше она не участвовала в таком динамичном расследовании. Обычно после совершения преступления следователи проводят кропотливую работу по сбору информации

¹³ Социальная дезадаптация – это частичная или полная утрата человеком способности приспосабливаться к условиям социальной среды.

среди свидетелей, анализируют улики и *modus operandi*. В этом расследовании убийцей задан такой темп, что в сознании не успевают даже возникнуть идеи в каком направлении вести следствие, как приходится выезжать на осмотр нового места преступления. И это как-то не вязалось с профилем. Молодой только что вставший на кровавый путь убийца был так хорошо организован и деятелен, что возникал вопрос: недавно ли он начал убивать?

Повернувшись к полковнику, Бирк попросил осторожно снять черную ткань с нижней части тел жертв. Лимонов дал знак и двое оперативников из местного отделения осторожно подняли черное сукно.

– Япона мать! – воскликнул Токарев.

Кира, бледная и изнуренная как раз возвращалась назад, но увидев, что скрывается под черной тканью снова выбежала на улицу.

– Тела жертв одеты только до пояса. Без нижнего белья... Половые органы оголены. *Modus operandi* изменился не только с обратной стороны, – продолжил доктор, кинув на убегающую Киру настороженный взгляд. – Я вижу тщательно наложенные швы. Кетгут... да, это кетгут.¹⁴ Разрез сделан от горла, до лобка. Разрез неровный, хотя сделан острым предметом, возможно скальпелем. Он делал это впервые. Скорее всего, у него тряслись руки.

Из груди полковника вырвался мучительный стон. Бирк дал знак помощнику что закончил.

– Что скажешь? – спросил полковник, когда они вышли на улицу.

– А я мало сказал? – усмехнувшись, спросил Бирк и стал стягивать с себя маску и перчатки.

– Для меня ничего не сказал, – буркнул Лимонов.

Бирк дошел до машины, снял комбинезон и вытер руки влажной салфеткой. От нетерпения полковник раздраженно переминался с ноги на ногу.

– Наш убийца имеет какое-то отношение к судебной медицине, – начал Бирк, – он не медицинский работник, не студент-медик, а простой служащий, мальчик на побегушках. Через его руки проходят не истории болезни, а сами больные или мертвые тела. Все наши жертвы каким-то образом попадались ему

¹⁴ Кетгут (англ.) catgut – саморассасывающийся хирургический шовный материал, который изготавливают из очищенной соединительной ткани, полученной из кишечника крупного рогатого скота.

на глаза, возможно, в органах судебно-медицинской экспертизы. Это может быть лаборатория при больнице или морг. Он не просто знает их, он посвящен в их трагедию. Наблюдал за ними, говорил с родственниками.

– С чего ты так решил? – удивился Лимонов.

– Истинная причина смерти Власюк тщательно скрывалась, о том, что голова была отсечена от тела, знали только сотрудники морга и те, кто привез тело из тюрьмы, а потом и в похоронное бюро. Но во втором случае мы видели безуспешную попытку пластикации трупа. Сейчас кетгут и трепанация черепа. Он не просто играет в патологоанатома, а изображает гуру-скульптора. Говорю тебе Андрон, он работает в морге.

– Или в похоронном бюро... – добавил Лимонов.

Еле отдышавшись и пошатываясь, Кира брела к машине. Сото как всегда расположился на переднем сиденье и не отрывал глаз от айпада.

Кира огляделась по сторонам, «Мицубиси» Громова отсутствовал.

– А где Близнецы? – спросила она шефа.

– На задании, – грозно отозвался полковник и едко добавил: – В отличие от тебя! Что ты за моду взяла бегать полоскать асфальт? Тут и без тебя грязи по колено!

Бирк недовольно скривился и сел в машину. Он поймал себя на мысли, что съезживается от придирчивости друга, но не потому, что тот не прав, а потому, что он придирается именно к Кире. Подписывая с ней контракт, он побаивался, что с Митяевой возникнет такая же проблема как с его предыдущей пассией – рано или поздно она в него влюбится и попытается в реальности с ним сблизиться. Но на деле получается, что Кира со своими обязанностями справляется блестяще, а вот ему, похоже, придется себя постоянно одергивать и сдерживать. Бирку хотелось ее защитить, словно она была жертвой, на которую все постоянно покушаются.

Уехать с места преступления Кира планировала с шефом, но услышав его злобное бурчание, передумала. Уж лучше Бирк с его раздутым эго. К его недостаткам она уже начала постепенно привыкать. Полковник хотел дать ей задание, но Бирк его опередил.

– Она нужна мне, Андрон. Вернемся в клинику и проверим записи того больного про которого я тебе говорил.

Лимонов кивнул, прожег Киру недовольным взглядом и пошел к своей машине.

– Что я пропустила? – спросила Кира, когда машина выехала на шоссе.

– Ничего существенного.

– Значит, мы сейчас едем в клинику?

– Нет, отвезем тебя домой, выспись и приведи себя в порядок.

– Я в порядке, – неуверенно парировала Кира.

Бирк жестом дал понять, что не намерен это обсуждать, хотел надеть наушники, но Сото протянул ему айпад.

– Доктор Соболева ответила на ваше письмо.

Бирк прочитал сообщение, по лицу пробежала серия гримас из чего Кира поняла, что новости были из разряда сенсационных.

– Что там?

– Я установил имя и местопребывание своего «маленького» пациента.

У Киры вопросительно изогнулась бровь.

– Это Артур Чингаров. Он лежит под фамилией матери в рязанском хосписе.

– Почему не под своей? Зачем такая таинственность? Это тот, про которого говорил Громов? Он ведь лежит сейчас на месте Довлатова? Я запуталась. Значит, это не наш убийца? – засыпала его вопросами майор.

Проигнорировав ее активность, Расмус позвонил полковнику и рассказал последние новости и предложил установить круглосуточную слежку за больным. Лимонов заверил, что немедленно пошлет туда Токарева, его персонал не видел и у него лучшие навыки работы под прикрытием из всей группы. С этим Кира была полностью согласна. Токарев имел способность сливаться с толпой и располагать к себе, чего у нее никогда не получалось. Зачастую свидетели без видимых причин воспринимали ее в штыки.

– Нет-нет, – тут же запротестовал Бирк, – я читал доклад Громова, там есть особа по имени Виктория, которая ухаживает за родственником. Токарев примется за старое и развалит дело. Посылай человека из другого подразделения. Твои и так перегружены.

Бирк говорил о том, о чем Кире знать не положено. Она почувствовала себя лишней. Доктор читал личные дела всех оперативников группы, ей же доступ к ним был закрыт. Из слов Расмуса выходит, что ее коллега любил утешать ослабленных горем дамочек. Кира усмехнулась, у каждого в группе была своя ахиллесова пята.

Закончив разговор, Бирк взглянул на рядом сидящую спутницу и поймал себя на мысли, что его внезапные вспышки беспечности могут ему дорого обойтись. В присутствии посторонних, Бирк не мог контролировать свои гримасы, но слова подбирал тщательно. Он слишком привязался к Кире, стал расслабляться, это нужно было срочно исправить. Обычно он использовал старый проверенный способ – уезжал из страны. Языковой барьер, иные законы и традиции действовали на него как холодный отрезвляющий душ, но сейчас расследование шло в полном разгаре и он не может покинуть Россию.

Проснулась Кира от звука открывающихся ворот – Бирк вернулся из клиники, где должен был встретиться с психиатром Артура Чингарова. Кира потянулась и поднялась с постели. Трехчасовой сон придал ей бодрости. Есть время и желание поразмыслить над делом. После прохладного душа сон окончательно отступил. Она облачилась в длинный сарафан и с ноутбуком села на любимый пуф в виде груши на границе между гостиной и патио. Предзакатные солнечные лучи насквозь пронизывали хвойные ветви. Кира вдохнула аромат летнего вечера и прикрыла от удовольствия глаза. Ей будет не хватать этого вида.

Зазвонил мобильный телефон, она взглянула на определившийся номер и улыбнулась.

– Привет, – поздоровалась сестра, когда она ответила на звонок.

– Привет. Как племяши?

– Растут и балуются твои племяши. А еще ленятся. Сил моих нет, – Ася начала перечислять причины своих недовольств, а в конце резюмировала, – с ностальгией вспоминаю дни, когда они были малюсенькие и не умели ходить.

–Тогда ты тоже жаловалась... постоянные недосыпы и что Медведь тебе не помогает...

– Ой, не напоминай, – добродушно пресекла ее сестра.

– Слушай, хорошо, что ты позвонила, я хотела у тебя попросить телефон твоей подруги риэлтора. Помнишь той, что подыскала нам с Романом квартиру.

– Маши? Вышлю позже смс. А зачем тебе нужен риэлтор? Вы что поругались?

От неловкости Кира зажмурила глаза. По контракту она не должна раскрываться даже перед сестрой.

– Ася, ты же знаешь, у нас все произошло быстро, иногда мне кажется, что нужно попридержать коней.

– Ого-го, видимо, Бирк на тебя насаждает... узнаю свою сестренку, – засмеялась Ася, – бежит каждый раз, когда становится горячо.

– Сейчас все по-другому.

Несколько секунд они молчали.

– Ну, а вообще, как у тебя дела? – спросила Ася после паузы.

– Норма, – тяжелый вздох сообщил, что это не так.

– Ты не забыла, что обещала отвезти детей на выходные к маме?

Конечно, Кира забыла и очередная нависшая пауза красноречиво об этом возвестила сестре.

– Кира... – с укором произнесла Ася, – ты что передумала?

– Нет, я замоталась, прости. Я отвезу.

– У тебя новое дело? Голос у тебя невеселый.

– Да. Очень масштабное и сложное.

– Ладно, удачи тебе и не пропадай.

Попрощавшись с сестрой, Кира нырнула в холодильник и с радостью обнаружила питьевой йогурт. Ужинать не хотелось, а вот подкрепиться чем-то легким и молочным в самый раз.

Она откинула крышку ноутбука и забила в строке поискового браузера «картины Караваджо». Открыла первые три ссылки и начала рассматривать сюжеты знаменитых полотен. Особое внимание она уделила картине «Давид с головой Голиафа». Ее упомянул убийца в своем аудиопослании. Он сказал, что этот сюжет будет последним. Молодой юноша с обнаженным на половину торсом в образе Давида в одной руке держит отрубленную голову Голиафа, в другой

острый меч. Почему убийца выбрал именно ее как кульминацию своей миссии? Над кем должен одержать победу убийца? Над Караваджо? Но он ведь считает себя самим Караваджо... Не идет ли речь о самоубийстве?

Кира ничего не понимала в живописи, оценивала как обычный обыватель на уровне «нравится – не нравится». Картины Караваджо вызывали в ней неоднозначные чувства. Она готова была признать, что он великий художник и наверняка в свое время совершил революцию в живописи, но в некоторых картинах было что-то отталкивающее. «Больной Вахх» писался с явно умирающего человека. Моделью для «Экстаза Магдалины», по мнению Киры, была мертвая женщина. В памяти проскользнула фраза, которую сказал Отверженный или тот, кто себя за него выдает: «Голос рассказывает мне о своем прошлом, как он стал одержимым грехом и отвергающим святость, потому, что ее нет в человеческом мире». Так вот что бросилось в глаза Кире – даже на полотнах с евангельскими сюжетами в лицах отсутствовала святость, чистота, целомудренность. Эти понятия были недоступны для художника, словно он не понимал, что это такое, поэтому и не смог их передать своим героям.

Она пролистывала картину за картиной. Множество мужских тел. Обнаженные, полуобнаженные, немного кокетливые, взгляд с вызовом, художник словно воспевал красоту мужского тела и оставался равнодушным к женскому. Кира намерено искала в сюжетах женщин, они попадались изредка, да и то в одежде. В профиле на Отверженного, который составил Бирк было указано, что убийца гомосексуалист. Может поэтому он выбрал Караваджо?

Скрип ворот заставил Киру поднять глаза. На территорию въехал черный «Субару». Похоже, у Бирка снова гости.

Кира вернулась к работе. Открыв фотографии с мест преступлений, она начала сопоставлять их с оригиналами и вспомнила слова Бирка: «Он берет сюжет Караваджо, но вносит свой собственный смысл. Ему важно воссоздать сюжет не качеством, а количеством. Такое впечатление, что он больше тратит сил на выбор жертвы, чем на создание сцены». Что же убийца хочет этим сказать? Почему воссоздает эти сюжеты? Он жил с этой идеей давно, лелеял ее, возможно, даже фантазировал. И вот, что-то или кто-то дал ему толчок и он начал убивать.

Все началось с отрезанной головы Власюк. Как только он узнал об этом случае, началась вереница «живых картин».

Когда солнце закатилось за горизонт, Бирк в сопровождении двух охранников и Сото вышел из дома и намеревался сесть в машину, но услышав птичью трель мобильного телефона, взглянул на дисплей. Первыми цифрами определившегося номера значились «49» – код Германии. Бирк нахмурился и ответил на звонок.

– Rasmus? Guten abend¹⁵, – услышал он низкий женский голос.

Он узнал ее по специфическому баварскому акценту. Это была Эрика – детектив берлинского специального отдела особо тяжких преступлений. Несколько раз Бирк консультировал берлинскую полицию по серийным убийствам, так они и познакомились. Полноватая блондинка невысокого роста с заостренными чертами лица работала в столичной полиции недавно, но быстро снискала уважение коллег.

– Hallo¹⁶, Erica!

Их разговор длился всего три минуты, но Бирку казалось, что прошла вечность. За время разговора он краснел, бледнел, заикался. Руки так тряслись, что казалось еще мгновение и он выронит телефон. Таким взволнованным и обескураженным Сото его еще никогда не видел.

– Кто это был? – спросил он, когда Бирк попрощался и убрал телефон в карман пиджака.

– Мне нужно срочно вылететь в Берлин.

– Что случилось?

– Звонили из берлинской полиции. Они нашли труп в заброшенном бункере. Рядом с замурованной дверью лежал нож, на котором нашли ДНК, не принадлежащую жертве. Это ДНК... – Бирк нервно сглотнул, – прогнали по базе. Полного соответствия нет, но совпадает с моей ДНК на тридцать семь процентов, а это значит, что убийца мой родственник.

¹⁵ Guten abend (нем.) – Добрый вечер!

¹⁶ Hallo (нем.) – Привет.

– Откуда у них ваша ДНК? – удивился Сото.

– Я проходил несколько процедур по идентификации, перед тем как меня допустили к преподаванию в школе ФБР.

– Понятно. Думаете, это Михкель?

– Не знаю, что думать, – признался Бирк и развел руками. – Если это Михкель... нож нашли рядом с жертвой, выходит он...

– Совсем не обязательно, – резко парировал Сото, – уж вам-то не знать. Его могли подставить или использовать. Никто не знает, через что ему пришлось пройти.

Подняв глаза на Сото, Бирк с потрясенным видом сказал:

– Почти год как я поставил жирную точку в безнадежных поисках брата. Три месяца назад появилась Кира, и я узнал в ней девочку с фотографии, теперь этот звонок. У меня такое чувство... что это все подстроено... что это не может быть простым совпадением.

В глазах Сото промелькнул страх, уж он-то знал, какие у Бирка могущественные враги. Некоторые из них вполне могли затеять игру в кошки-мышки.

– Отмени все встречи. Закажи мне билет на ближайший рейс.

Сото кивнул и выбрался из машины. К горлу подкатил комок, у него тоже появилось предчувствие, что надвигается шторм.

Бирк решил пройтись вокруг дома, проветриться, все обдумать. Его мысли занимал пресловутый анализ ДНК. Последние двадцать лет он фанатично искал брата всеми возможными способами. Чтобы приблизиться к правоохранительным органам разных стран, он бесплатно консультировал, вызывался читать лекции на различных полицейских курсах и семинарах. Он так был поглощен поиском, что совершенно не считался с личными потребностями. Но уход матери все изменил, на смертном одре она взяла с него обещание закончить поиски и жить своей жизнью, создать семью, завести детей. Мать хотела, чтобы ее сын был счастлив, а Расмус хотел только одного – найти брата. Каждый раз, закрывая глаза, он представлял испуганного маленького мальчика в темном подвале, голодного, измученного жаждой, который плачет и просит о помощи. Это видение придавало

ему силы, и если найти Михкеля живым не удастся, то он хотя бы будет знать, кто и почему его похитил.

Проходя мимо гостевого домика, Бирк заметил Киру, она словно «Аленушка» Васнецова сидела на пороге гостиной в длинном сарафане, склонив голову на согнутые ноги. Взгляд у нее был грустный и задумчивый, словно ее фатальные мысли подталкивают броситься в омут.

«Вот еще одна жертва того же похитителя – девочка, которая никак не может забыть друга детства», – подумал Расмус.

Вдруг внимание Киры привлек какой-то звук, она посмотрела на экран ноутбука, рука потянулась к клавиатуре. Лицо тут же переменялось, она вскочила на ноги.

– Кира? – Расмус вышел из темноты.

– Иди сюда! – возбужденно скомандовала она, показывая на ноутбук.

– Что там? – обеспокоенно спросил Бирк и поспешил в гостиную.

– Тебе послание... пришло на мою личную почту, – в ее голосе послышался страх.

Бирк взял ноутбук и опустился с ним в кресло. На экран была выведена аудиозапись, он нажал на воспроизведение и из динамиков послышался уже знакомый голос:

«Приветствую вас доктор Бирк! – помпезно произнес неизвестный, на этот раз на его голос были наложены звуковые эффекты, после приветствия послышался шум аплодисментов. – Я приветствую и вашу леди, которую имел честь потревожить и привлечь к нашей беседе, а так же вашего экзотического помощника, сегодня он, впрочем, как и всегда, будет шарить, словно слепец по просторам всемирной паутины».

Небольшая пауза и послышался нарастающий звук арии, Кира ее где-то уже слышала, но не помнила из какой она оперы. А вот голос сразу узнала – Пласидо Доминго.

«Вы, наверное, спрашиваете себя, доктор, почему я выбрал именно *Вас?*»

Кира хмыкнула, она точно знала, что Бирк себе таких вопросов не задает.

«Искусство созидания всегда приходит из трагедии, ваша душа должна пережить драму и тогда духовный мир распахивает перед вами объятия, но не

потому, что хочет, чтобы вы страдали, а потому что только в этот момент вы способны впитать сущность бытия. Горе оторвало вас от унылой обволакивающей повседневности, от быта, от рутинной работы. Вы словно пустой сосуд... внутри такая тишина, только в этот момент вы способны услышать шепот вселенной. Она говорит с нами непрерывно, но мы глухи... и только в момент горя...».

Звук арии начал нарастать.

«...мы чутки и восприимчивы».

На фоне баритона незнакомца послышался хор из мужских и женских голосов.

«Я знаю о вас все, доктор Бирк. Знаю, что вы едите, где вы спите. Знаю, что вам пришлось пережить и почему стали таким затворником и параноиком. У вас много секретов, но кто я такой чтобы их раскрывать... О! Вот сейчас будет мой любимый момент, – звук стал еще громче, пение знаменитого итальянского тенора заполнило уютную гостиную, незнакомец тоже запел, но на русском языке, – Пускай никто не спит! Никто не спит! Ты тоже, о, принцесса».

Незнакомец залился поддельным смехом.

– Это последний акт оперы «Турандот» Пуччини, – пояснил Бирк.

«Давайте заключим сделку, доктор Бирк. Птичка нашептала мне сегодня, что вы любите заключать сделки... у меня припрятано много сюжетов, но даю вам слово, что если вы последуете моей просьбе, то я сейчас смотрю на последнюю героиню живой картины. Ее мертвые уже остекленелые глаза будут последними... решать вам, доктор Бирк. Признаюсь вам как на духу, я хочу только одного – покоя. Я хочу покинуть это брренное тело, эту пропитанную ложью страну, эту отравленную землю. Хочу вознестись в космос, раствориться и стать частью космической пыли. Обожаю космос! Могу смотреть на него бесконечно! Он завораживает, манит...»

Музыка зазвучала тише и через минуту совсем стихла. Незнакомец еле слышно затыкнул:

Сияли звезды...

Земля благоухала...

Скрипнула калитка в саду...

*По тропинке ее шаги.
Она пришла прекрасная,
И упала в мои объятия...*

Услышав слова песни, Бирк напрягся, наклонился корпусом вперед, готовый в любой момент прервать запись.

«Я знаю, что с недавнего времени вы стали слушать и другую арию. О чем вы в этот момент думаете, доктор Бирк? О ней? Это понятно, невозможно быть все время одному. Недавно у вас появилась надежда... мизерная... зыбкая... вы боитесь, что доставите ей боль...»

Кира взглянула на Расмуса, его мысли были далеки отсюда, он словно отсутствовал.

«...так, скорее всего, и случится. Но если всего бояться, зачем жить? Зачем вам жизнь, доктор Бирк? Посвятить себя поискам того, кто никогда к вам не вернется? Ведь *он никогда* к вам не вернется!».

Побледневший Бирк вскочил с кресла и стал расхаживать с ноутбуком по комнате взад-вперед. Кира давно потеряла нить повествования, голос незнакомца словно проник внутрь и заблокировал ее мозг. С отстраненным видом она наблюдала за пружинистой походкой Бирка и никак не могла понять, о чем толкует убийца, но доктор точно понимал.

«Я чувствую, что задел вас за живое. Вы мечитесь как пойманный и посаженный в клетку лев...»

Бирк остановился и замер.

«...эта тема для вас слишком болезненна. Если я прав, тогда вам будет легко меня понять. У меня тоже есть кровные узлы. Правда, другого толка. Наш путь скоро подойдет к концу, я хочу, чтобы вы отступили, знаю, это трудно будет сделать. Взамен я оставлю вам шанс... на другую жизнь. Она не пострадает. В ее жилах по-прежнему будет течь кровь. Ее прекрасная грудь будет вздыматься под вашим пристальным взглядом, а пульс учащаться. В ее глазах с каждым днем будет зреть желание, вскоре оно поглотит вас обоих, как засасывает в свою смертельную воронку ураган все, что попадает к нему на пути».

– О ком он говорит? – успела вставить в паузу Кира.

Бирк красноречиво взглянул на нее и тут же отвел глаза. Осознание пришло медленно, словно тихо подкрадывалось в боязни ее напугать. Но она испугалась и не на шутку, выпучила глаза и затаила дыхание. Убийца говорил о ней! Он шантажировал Бирка! В горле моментом пересохло. В комнате было душно и жарко, но Кира чувствовала как от пробегающего по телу мороза, волоски встают дыбом.

«Я мог сделать это сегодня, так близко она стояла от меня. Я чувствовал аромат ее волос, видел блеск ее зеленых глаз. Момент был таким подходящим, что мне невыносимо было им *не* воспользоваться. И тогда я подумал о вас. О том, как вы будете жить после этого. Да... я тоже могу сострадать. Это чуждое для меня чувство иногда стучится в мои двери».

Незнакомец снова негромко запел, мелодия, словно журчащий ручей полилась из динамика мягким пиано.

О, какие сладкие поцелуи, медленные и нежные ласки,

Я, дрожа, освободил

Любимое лицо от этого покрывала!

Ушли навеки

мои мечты о любви...

Час истекает,

И я умираю от отчаяния!

Никогда в жизни

Я не любил так сильно!

Опустошенный и не в силах противостоять Бирк отшвырнул от себя ноутбук и повалился на диван. Его глаза увлажнились, челюсть была так сильно сжата, что губы превратились в сплошную тонкую нить.

«Ее жизнь за мой спокойный отход, доктор Бирк. Думаю, вы поняли, что я не шучу. А чтобы ваши коллеги восприняли нашу договоренность всерьез, пришлю вам посылку».

Запись закончилась, Кира подошла к дивану и закрыла крышку ноутбука. Бирк поднял на нее глаза.

– Он что был сегодня рядом со мной?

Дрожал не только ее голос, но и все тело. Бирк потянул ее на себя и Кира села рядом. Рука скользнула по кожаному ремню брюк, за поясом была прикреплена рация. Отрывистым голосом он передал сообщение службе безопасности:

– Желтый уровень! Вызовите всех кто в отгуле или отпуске, – Бирк взглянул на часы. – Собрать всех в столовой в полночь и проинструктировать. Пересчитайте весь численный состав и убедитесь, что все сотрудники в порядке. Тщательно проверьте и подготовьте к изоляции рабочее крыло и убежище.

По всей территории сновали возбужденные охранники. Кира сидела в объятиях Бирка и не могла пошевелиться. Еще никогда она не ощущала смерть так близко, ей казалось, что она до сих пор чувствует ее костлявое прикосновение. Сегодня находясь в двух шагах от коллег, она была в смертельной опасности, а ее судьбу решал свихнувшийся псих. Она всегда старалась быть начеку, тем более с приходом в новый отдел, Кира прекрасно осознавала опасность подобной работы. Но сегодня она могла умереть стоя в тридцати шагах от коллег следователей-профайлеров, один из которых считается гением и никто бы даже этого не заметил – все были заняты осмотром места преступления. Ощущение собственной беспомощности наваливалось на нее как глыба и не давало дышать.

– Я не могу рисковать, – хриплым голосом произнес Бирк, прижал ее к себе еще сильнее и заглянул в глаза, – Кира, ты не выйдешь из рабочего крыла, пока мы его не поймает.

– Что?! – Кира хотела вскочить, но стальная хватка Бирка вдавила ее в мягкие подушки дивана. – Это уже слишком! Бирк! Пусти! Я следователь, а не примадонна! Ты знаешь, сколько раз моя жизнь была в опасности? Если я каждый раз буду, как страус прятать голову в песок, то не раскрою ни одного дела.

– Мы не будем это обсуждать – дело решенное.

От возмущения она хватала ртом воздух и пыталась подобрать слова, которые, в конце концов, образумят Бирка, но все тщетно...

В гостиную влетел Сото, вид у него был как у побитой собаки.

– Расмус! У нас проблема!

Бирк вскочил с дивана и вышел с ним на улицу, Кира не слышала, что они обсуждают, но видела их встревоженные лица. Через минуту Бирк вернулся и скомандовал:

– В рабочее крыло! Быстро!

– Нет! – гневно выпалила Кира. – Я поеду в офис!

Бирк покраснел от злости и закричал:

– Кира, сейчас не до тебя! Только что из клиники похищена Нина! Я хочу быть уверен, что пока мы будем ее искать, ты будешь в полной безопасности!

– Что?! Нина? – Кира попяtilась назад, на глаза хлынули слезы.

– Собери свои вещи и поднимайся в рабочее крыло, там уже готова для тебя комната, – сказал Бирк уже мягче и тише.

Через полчаса Кира в сопровождении двух охранников груженых ее вещами вошла в главный дом. Три месяца назад ее привезли сюда эти же люди на «Скорой помощи» с двумя спортивными сумками, а сейчас несколько чемоданов еле вместили ее гардероб.

Взгляд Киры скользнул по оранжерее – детище Нины, за которым она так бережно и скрупулезно ухаживала. Сердце сжалось в комок. Атмосфера в оранжерее была унылой, даже птицы не издавали ни звука, казалось, все обитатели зимнего сада уже знали, что их покровительница попала в беду.

В столовой вдоль стен в несколько рядов расставляли стулья, сотрудники готовились к инструктажу. Все были встревожены и напряжены. Появление Киры с вещами никого не удивило. Сото встретил ее у входа в рабочее крыло и жестом показал следовать за ним. Он провел ее до конца коридора и открыл дверь электронным ключом.

Кира застыла. Однажды она уже была в этой комнате.

– Я что буду спать в спальне Расмуса?

– Да, – сухо ответил Сото и жестом показал охранникам поставить чемоданы в гардеробной.

Когда охранники покинули комнату, Сото повернулся к ней и сказал:

– Я пришлю кого-нибудь разобрать вещи. Доктор ждет нас в кабинете.

– Почему я здесь? В этом огромном крыле нет ни одной гостевой спальни?

– Расмус утром улетает в Берлин.

– В Берлин? Утром? – удивленно уточнила Кира.

– Да. Он хочет, чтобы вы пока пожили здесь. Когда отменят желтый уровень, вернетесь в гостевой домик.

Кира фыркнула, давая понять, что этого не будет. Помощник доктора прищурился, хотел прокомментировать, но в итоге промолчал. Кира зашла в гардеробную, разобрал один чемодан, она надела джинсы, свою любимую красную футболку с изображением Че Гевары и покинула самую загадочную и странную комнату во всем доме.

Бирк сидел за рабочим столом и говорил с кем-то по телефону. Во время разговора он постукивал карандашом по столу в такт звучащей музыке. Кира впервые услышала, как Расмус говорит на немецком языке и поняла, что владеет он им не хуже русского.

– Эту арию я слушал сегодня утром здесь в кабинете, – сказал Бирк, вставая из-за стола; он потянулся к пульту и сделал громче, это была та же мелодия, что звучала в конце аудио-сообщения, – в это же время Нина ухаживала за «живой стеной».

Кира повернулась и увидела в кабинете новшество: вся стена между библиотекой и кабинетом была покрыта вьющимися комнатными растениями.

– Накануне мы с ней решили, что оснастим весь дом вертикальным озеленением. Она была этим очень воодушевлена. Без конца тараторила о том, куда и какие растения она разместит. Разумеется, я ее не слушал. Думал... о своем. Она сказала, что вечером собирается в клинику, – последняя фраза прозвучала как вопрос, Бирк не сводил взгляда с Сото.

Кира пересекла кабинет и устроилась на диване. Ее все еще била дрожь.

– Она приехала в клинику, охранник проверил все помещения и дежурил в фойе, – начал докладывать Сото. – Кто-то из соседей позвонил ему на мобильный и сказал, что дочь и жену отвезли в больницу в критическом состоянии на «Скорой» – пищевое отравление.

– В такой ситуации Нина должна была запереться в подсобке и ждать приезда другого охранника, мы обсуждали это не раз, – повысил голос Бирк, на лбу выступила испарина.

– Она так и сделала, – Сото жестом показал, чтобы Бирк остыл и понизил тон, – закрылась в подсобке и позвонила мне. Я запретил ей выходить из комнаты. Но когда приехал сменщик, ее в клинике уже не было. Я скачал с сервера записи с камер наблюдения. На них ничего. Никто не входил и не выходил в клинику.

– Но как такое может быть? Все комнаты осмотрели в клинике?

Сото кивнул.

– Подсобки, кабинеты, архив – ее нигде нет. Сотовый вне зоны доступа. Последняя точка выхода в эфир в клинике за пять минут до приезда охранника.

– Коммуникации? – на тон тише спросил Бирк и сам содрогнулся от этого вопроса.

Сото не ответил, Бирк резко повернулся и вопросительно взглянул на помощника.

– Вы проверили коммуникации? Воздуховоды? Шахту старого лифта?

– Охрана проверила все, – сухо отозвался Сото.

Помощник стоял перед Бирком навтыжку и спокойно сносил его выпады. Глядя на Сото, Кира позавидовала его выдержке и стойкости. Казалось, его никто и ничто не может вывезти из равновесия.

– Проверь сам, раз никто не выходил, значит, она еще там. Живая или мертвая, но она еще там. Возьми планы застройки, убедись лично, что клинику обыскали вдоль и поперек.

Сото кивнул и быстро вышел из кабинета. На его лице так и не отразилось ни одной эмоции.

Когда они с Кирой остались одни, Бирк открыл крышку ноутбука и тихо произнес:

– Давай прослушаем запись еще раз.

С каменным выражением на лице Бирк снова и снова прослушивал присланную на электронную почту Киры аудиозапись. От надменного голоса убийцы Киру выворачивало наизнанку. Пока доктор искал зацепки, она не переставала думать о том, что могла быть в эту самую минуту мертва. Эта мысль так глубоко засела в голове, что думать о чем-то другом она уже не могла.

Блуждающий взгляд остановился на Расмусе, его губы двигаются, но она не слышит, что он говорит. Нина. Где сейчас Нина? Жива ли она? Если так то, что ей приходится переживать? Где-то там убийца-психопат удерживает ни в чем неповинное создание. Кира вспомнила ее улыбку, заговорщический тон, хитроватые глаза.

– Кира! Ты меня слушаешь?

Окрик доктора вывел ее из забытья.

– Я спросил тебя, есть ли у тебя какие-нибудь идеи. Мне нужно чтобы ты говорила, все равно что. Просто говори первое, что приходит в голову.

Кира разлепила пересохшие губы и невнятно залепетала:

– Запись... послал... почему...

– Уточни, – Бирк нахмурился.

– Почему он послал запись *мне*? – осмелела Кира. – В клинику понятно... почему мне? На личную почту...

– Так он показывает, что знает обо мне все. Дает понять, что я при всей своей видимой защищенности уязвим. Он похищает мою сотрудницу и признается, что мог еще утром убить тебя.

Кира подняла на него глаза и спросила:

– Как ты можешь быть таким спокойным? Сидишь, рассуждаешь об Отверженном, в тот момент, когда в его поганных лапах Нина. Возможно, она уже мертва...

Бирк замотал головой.

– Я не спокоен, я собран.

– Думаешь, Нина еще жива?

– Уверен, что да. Сото найдет ее, вот увидишь.

– Как ты можешь быть в этом уверен?

– Он не тронет ее. Он хорошо меня изучил и не пойдет на такой риск.

Кира минуту обдумывала его слова.

– Прокрутим запись еще раз. Не могу отделаться от мысли, что я что-то упускаю.

На самом деле Бирк не мог найти зацепку из-за того, что не в силах был сконцентрироваться, его мысли занимала найденная в Германии ДНК. Неужели

это кровь Михкеля? Он жив? Как он там оказался? Причастен ли к убийству? И кто был жертвой?

Стряхнув насаждающие его мысли Бирк заставил себя сосредоточиться. Указательный палец нажал на клавишу воспроизведения аудиозаписи и в динамиках в очередной раз зазвучал голос Отверженного.

«Я знаю о вас все, доктор Бирк. Знаю, что вы едите, где вы спите. Знаю, что вам пришлось пережить и почему стали таким затворником и параноиком».

Бирк нажал на паузу и прокомментировал:

– Общие фразы, ничего конкретного, говорит то, что знают обо мне все.

«Давайте заключим сделку, доктор Бирк. Птичка нашептала мне сегодня, что вы любите заключать сделки...».

– Вот это вполне могла сказать Нина, – палец Бирка указал на вертикальную композицию, словно за ней стояла она сама.

«...у меня припрятано много сюжетов, но даю вам слово, что если вы последуете моей просьбе, то я смотрю на последнюю героиню «живой картины». Ее мертвые, уже остекленелые глаза будут последними... решать вам, доктор Бирк».

– Он говорит не о Нине, – как заклинание повторил Бирк, – много сюжетов. Как-то не вяжется с нашим убийцей. Он бы так не сказал...

– Выключи Расмус, – взмолилась Кира, – прошу тебя, не могу слышать его голос.

Бирк нажал на паузу. С минуту они сидели молча, а потом Киру словно замкнуло. Она начала раскачиваться и повторять как заведенная:

– Она в порядке. Он ее не тронет. Тогда сделке конец. Конец. С ней все будет в порядке.

Медленно повернув голову, Бирк нахмурился и изучающе уставился на майора.

– ... он ее не тронет. Сделки тогда не будет. Нина предмет торга, она не может быть мертва.

Оценив в считанные секунды ситуацию, он налил в стакан воду и подошел к дивану. Кира продолжала раскачиваться и повторяла очередной круг, будто

заученных наизусть фраз. Бирк набрал воду в рот и прыснул ей в лицо. Тут же схватил ее за плечи и притянул к себе.

Словно очнувшись от сна, Кира вздрогнула и с испугом посмотрела на доктора. Расмус достал из кармана платок и с неприсущей ему нежностью начал вытирать ей лицо. С каждым его движением внутри нее все закипало и с последним взмахом, словно прорвало плотину. Слезы ручьем покатались из глаз. Она начала всхлипывать, а потом разрыдалась так громко, что Бирк растерялся, но только на несколько секунд. Его цепкие руки притянули ее к груди и начали поглаживать по спине.

– Чш-ш-шь... тише... тише... все образуется, мы найдем ее, – голос звучал осторожно, словно его обладатель ступал по минному полю.

Через минуту Кира начала смолкать.

– Пойдем, тебе нужно отдохнуть. Я дам тебе успокоительное.

Кира не в силах была противостоять и дала себя увезти. Идя по коридору, она громко всхлипывала, утирая платком покрасневший нос. Через несколько минут она вышла из ванной в пижаме. Бирк уложил ее в постель, чудо-матрас затрепетал под ней и принял форму ее тела.

– На, выпей, – Бирк протянул ей снотворное и стакан с водой.

Запив таблетку, Кира откинулась на подушку и с тяжестью выдохнула. Бирк хотел подняться и уйти, но она схватила его за руку и попросила посидеть с ней пока она не заснет. Он нажал на пульте несколько клавиш, зажглась панорама. На этот раз это был горный пейзаж. Бирк поставил на ночной режим, псевдо-небо осветило сияние звезд.

– Знаешь, что не дает мне покоя? – спросила она, зевая.

– М-м?

Она все еще держала его руку, словно это был буй, который не позволяет ей утонуть.

– Все было так логично, пока не появилась первая запись.

Свободная рука начала нежно поглаживать ее спину.

– Наши выводы после осмотра «Нарцисса» и «Вакха», твой профиль, все говорило о том, что убийца молодой человек. У него проблемы с психикой. Он брошен, отвержен. Скитается на своем фургоне из города в город с навязчивой

идеей создавать «живые картины». Это его послание вечности. Мы в итоге пришли к выводу, что он необразован, необеспечен материально, ворует. И понятно как выстроить схему задержания и расставить ловушку Отверженному. Но потом приходит аудиозапись и спутывает все карты.

Бирк нахмурился, слова Киры поразили как молния. Он уже понял, что конкретно она хочет сказать, и мысли понеслись со скоростью реактивного самолета. Почему он сам до этого не догадался, ведь это лежало на поверхности! Михкель! Вот что выбивает его из рабочего настроения.

– Перед нами предстает умудренный опытом человек. Умный, образованный, начитанный. Он смотрит на всех свысока, как бог. Эй, вы там, людишки, – Кира хохотнула, но тут же осеклась, – я позволю вам со мной поговорить. Он любит все контролировать, в нем чувствуется деловитость и хватка. Иногда проскакивает нарциссизм. Расмус, тот, кто отправляет тебе аудиопослания... – она потерла глаза и повернулась на правый бок, – знает тебя давно. Чуть ли не с детских лет. Ему не надо было ни у кого спрашивать, почему и как ты стал таким, какой есть. Он знает тебя, был рядом с тобой все эти годы. А сейчас затеял какую-то игру. Он добрался до Отверженного раньше тебя. Как-то он понял, что ты будешь заниматься этим расследованием. Кто-то отравил семью охранника и отвлек его от службы, а потом похитил Нину. Кто-то стоял рядом со мной на огороженной территории от посторонних. Это заранее просчитанные ходы. Он впереди нас на два шага и мы не знаем его следующий ход.

Пока она давала характеристику похитителю Нины, Бирк все больше бледнел и не сводил с нее глаз. Кира была права, незнакомец не случайный человек в его жизни и его любопытство проснулось не сейчас, а гораздо раньше. Теперь новость о ДНК, пришедшей так внезапно, казалась ему частью одного плана. А что если он имеет отношение к похищению Михкеля? Рука замерла в воздухе над ее головой. Он смотрел на Киру с нескрываемым недоверием и думал, ведь она тоже пришла в его жизнь три месяца назад и сразу попросила найти друга детства.

– Кто тебя направил в отдел? Ты ведь не подавала заявления? Значит, кто-то тебя туда направил. Кто?

– Мой бывший шеф, – ответила Кира сонным голосом. – Мы не ладили. Лимон сказал, что он специально это сделал, думал, так поставит на моей карьере большую жирную точку. В управлении ходили слухи, что отдел профайлинга продержится недолго.

Бирк буркнул что-то невнятное. Несколько минут он смотрел на нее затравленным взглядом, словно по переживаемым ею эмоциям пытался понять истинную ее сущность. А когда она размерено засопела, тихо поднялся и бесшумно вышел из спальни.

Глава пятая

5 июля 2012г.

г.Москва, отдел профайлинга

Кондиционер гудел как трансформаторная будка. Из вентиляционных решеток в потолке вырывался теплый раскаленный воздух, из-за чего в конференц-зале стояла такая духота, что по спине Киры струйкой катился пот. Собрание длилось уже второй час, она чувствовала необычайное раздражение от того, что вся группа занимается рутинной работой вместо того чтобы искать Нину. Откинувшись на спинку кресла, Кира бросила украдкой недовольный взгляд в фойе, где сидел ее телохранитель приставленный Бирком. Лишь с этим условием она смогла покинуть рабочее крыло. Сото сидел в конце стола, намеренно держась от нее подальше. После утренней стычки в офис они приехали на разных машинах. Спустившись к завтраку, от охраны Кира узнала, что Бирк все-таки уехал по неотложному делу в Берлин. Почему-то она думала, что доктор непременно отменит поездку, ведь поиски его сотрудницы пока ни к чему не привели. Известие об его отъезде так выбило ее из колеи, что она готова была вцепиться Сото в горло. Разве могли быть дела важнее Нины?

Только что Свиридов закончил зачитывать длинный и скучный отчет патологоанатома, который пестрел медицинскими терминами. Все что говорил ранее Бирк, подтвердило вскрытие. Новыми сведениями были лишь то, что смерть Поликарпова Евгения наступила от прокола сердца тонким длинным предметом, похожим на спицу и все манипуляции с телом проводились

посмертно. Глазные яблоки были удалены заостренным предметом, под веки убийца поместил несколько ватных валиков.

Полковник сообщил, что ни в Туле, ни в Твери на местах преступлений не было найдено остатков крови и тканей. Это было, по меньшей мере, странно, учитывая какую работу убийца проделывал с жертвами. Кира задумалась. Перевозить тела в тех позах, которые придал им убийца, было сложно, а значит, вывод напрашивался сам собой. Она тут же поделилась с коллегами своей догадкой.

– Все манипуляции с телами жертв он проводил на пленке, а потом забирал ее с собой.

– Зачем? – удивился полковник.

– Это трофей. Глядя на нее, он переживает убийства заново. Думаю, сама пленка для него не простой предмет, а имеющий какой-то смысл.

Впервые Сото оторвал свои раскосые глаза от монитора и бросил выразительный взгляд на полковника, Кира поняла, что так он подтверждает догадки Бирка.

– Хорошо. Всем известно, что вчера Бирк получил вторую запись, – начал подводить итоги Лимонов, – судя по тому, что я услышал, мы имеем дело либо с психом, который возомнил себя наставником Отверженного, либо с преследователем Бирка, который дразнит его, используя громкое дело. Одно ясно точно: это совершенно другой человек и к нашим убийствам не имеет никакого отношения. Расмус сам им займется, а на поиск его сотрудницы управление выделило целый отдел.

Кира чуть не подпрыгнула.

– Как это не имеет? Он явно напутствует убийцу, я бы даже сказала, манипулирует. Найдем одного, найдем и другого.

– Так мы и сделаем. Зайдем с двух сторон. Наш отдел сосредоточится на убийствах Отверженного, как на непосредственном исполнителе убийств. Бирк займется незнакомцем с аудиозаписи, а отдел Козырева сосредоточится на пропавшей Нине Бердяевой.

– А как быть с двумя пропавшими стариками? – уточнил Свиридов.

– Это наша головная боль.

Полковник встал с кресла и стал прохаживаться вокруг стола.

– Рязанские коллеги еще раз опросили вдову эксперта и показали ей черную картину. Она вспомнила, что муж рассказывал об инциденте, который произошел примерно за месяц до его исчезновения. Молодой художник, имени она не знает, появился в кабинете эксперта с новой работой. По словам вдовы, ее муж забраковал картину и посоветовал горе-художнику сменить профессию. Тот в процессе обсуждения так расчувствовался, что упал в обморок, а когда очнулся, понял, что при падении повредил свой «шедевр». Глаза его полыхали яростью. Он изменился в лице, словно сам дьявол в него вселился. Эксперт описывал жене эту встречу в красках, так он был взволнован. Следователи заглянули в еженедельник эксперта и нашли запись.

Полковник сделал знак Ивану и тот вывел копию разлинованного желтого листа, на котором аккуратным почерком было выведено время встреч и имена. Некоторые были сокращены до инициалов, напротив первой стояла запись – «А.Ч.».

– Артур Чингаров, – расшифровала запись Кира, – тот, кто занял место Довлатова в хосписе.

– Возможно. Вадим, тебе не звонили с хосписа? – все понимали, кого полковник имеет в виду.

Громов покачал головой.

– Не думаю, что она будет звонить. Она была напугана, не хотела проблем.

– Держи с ней связь, хотя бы за тем, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Мы установили за Чингаровым наблюдение, – поведал полковник, – если двинется, мы это зафиксируем. Сам он уже еле передвигается, а вот если его кто-то будет навещать, мы узнаем.

– Почему нельзя просто с ним поговорить? – возмутился Громов.

– Потому что мы не знаем, в каких он отношениях с Отверженным, – начал объяснять Лимонов. – Медперсоналу он сказал, что парень в бейсболке это его младший брат, но по документам он в семье был один. Он может быть сообщником Отверженного...

– А может любовник, – добавила Кира и жестом показала на профиль Бирка, который все еще красовался на мониторе.

Полковник бросил на Киру такой взгляд, будто рядом с ним сидит инопланетное существо.

– Может. Кстати адрес в его анкете липовый, а на случай его смерти он оставил телефон московского похоронного бюро. Мы связались с бюро, там нам поведали, что похороны были оплачены Чингаровым заранее. По его словам родственников у него нет, на панихиду никто не придет. Нестыковочка получается. Кому-то он явно врет.

– У меня голова скоро взорвется от избытка информации, – признался Токарев.

– Бирк говорит, что на это он и рассчитывает, – парировала Кира, – ему на руку, чтобы мы запутались в уликах и не смогли заметить среди всего этого вороха ту самую нужную зацепку. А тем временем он и дальше будет свои делишки проворачивать.

– Думаешь, он убьет сегодня снова? – спросил Киру Иван.

– Если убьет, то Отверженный действует сам по себе. Если убийства прекратятся, то незнакомец с аудиозаписи держит Отверженного под контролем, а значит, они не просто знакомы, они как-то связаны.

– А какое отношение к этому имеет Бирк? Почему он посылает ему эти записи? – спросил Токарев у Сото.

Сото даже не собирался отвечать, его глаза неотрывно следили за экраном айпада. Полковник нарочито громко прочистил горло, все знали, что это признак большого раздражения. Кира скривилась в ухмылке, видимо, Бирк и на этот раз не собирался делиться своими соображениями с группой. Это уже не просто раздражало, а бесило!

– Бирк – практикующий профайлер, услугами которого пользуются во многих странах. В узких кругах он легенда. Ничего удивительного, что какой-то псих заметил его на телеэкране и возомнил, что сможет с ним потягаться.

– Но раз он это сделал, значит, чувствует в себе уверенность, – не унимался Токарев. – Значит, считает себя ровней. Он же как-то подобрался к Отверженному. Как?

– Кинуть вызов такому спецу нужно иметь нехилую смелость, – поддержал напарника Громов. – Это как перед быком красной тряпкой махать.

Зазвонил офисный телефон и Свиридов поднял трубку. Придвинув к себе блокнот, Иван что-то быстро записал. Разговор продлился не больше минуты. Затем он положил трубку и поведал коллегам:

– Следователи из Твери выяснили имена жертв, это Газиза Дзасохова и ее сын Дастан.

– Мыть и сын? – удивился полковник.

– Это уже вторая родственная связь, – встала Кира, – после Поликарпова Евгения и его бабушки.

– Дзасохова проживала в Твери последние семь лет, – продолжил Свиридов, – уроженка Северной Осетии. Занималась целительством и экстрасенсорикой под псевдонимом Тамилы.

– Гадалка, – весомо заметил Токарев, – вот почему он ее выбрал.

– Мы это уже поняли, – осадил коллегу Иван, его раздражало, что доклад постоянно прерывают. – У сына диагноз врожденная олигофрения, семь лет назад был переведен из детской психиатрической больницы во взрослый частный пансион под Тверью. Коллеги сообщили, что есть свидетель похищения, охранник Дзасоховой, который ночью был в доме. Есть записи с камер, установленных в приемной. Обещали выслать копию. По словам охранника у Дзасоховой была крупная сумма наличных и драгоценности, при обыске ничего не нашли. Сейчас охранник дает показания в убойном. Если мы поторопимся... – Иван взглянул на шефа, – они его придержат.

Лимонов взглянул на Блинецов искомандовал:

– Езжайте! Осмотрите дом, опросите свидетеля. Потом доложите, а после доклада, – полковник взглянул на Токарева. – Саня, поедешь во Владимир, в отелях не святись, сними на пару дней квартиру. Никакого контакта с нашим братом. Сиди тихо и не высывайся.

– Зачем? – удивился такому поручению Токарев.

– Мы внедрили своего человечка в ИК-1. У нее уже есть информация.

– Но я же должен был курировать хоспис, – возмутился Токарев.

– Я перепоручу это группе Козырева. Связь с информатором во Владимире в десять вечера. Свой телефон оставишь здесь, Иван даст тебе новый, – полковник

перевел взгляд на Громова. – После Твери поедешь в Тулу, посети квартиру деда Поликарпова. Опроси соседей, знакомых.

– Шеф, есть еще одна зацепка – постовая медсестра хосписа Валентина. Я бы хотел проскочить в Рязань и навестить ее дома. Сейчас она на больничном. Она единственная кто близко общалась с парнем в бейсболке.

– Не надо, – парировал полковник. – Я поручу это местным. Сделают все тихо.

Когда Близнецы покинули конференц-зал, полковник повернулся в сторону оставшихся сотрудников и приказал:

– Оставьте меня с Сото.

Кира вскочила как ужаленная, она чувствовала, что за последние восемь часов Бирк и Лимонов развернули масштабную работу, группу по какой-то причине в детали не посвящали, а ей непременно нужно было знать, что предпринимается по поиску ее подруги.

В оперативной комнате было прохладно, из ее груди вырвался стон облегчения. Кира подставила спину под поток охлажденного воздуха, струившегося из кондиционера, и подняла с запотевшей шеи пряди волос. Через стеклянную перегородку она видела напряженное лицо шефа. Немного остыв, Кира заметила на стене карты трех областей, на которых были размещены несколько десятков флажков разных цветов.

В комнату вошел Иван с двумя кружками дымящегося кофе и заговорщически подмигнул.

– Кофе как раз то, что нужно, – улыбнулась Кира в ответ и взяла протянутую кружку.

– Как ты? – спросил Иван, садясь за свой стол. – Бирк позвонил нам вчера после полуночи, пришлось возвращаться в офис. Он тебя оберегает как старушка икону Николая Угодника.

Кира усмехнулась такому сравнению, но говорить о Бирке с коллегой было небезопасно, поэтому она решила перевести тему в другое русло и кивком показала на карты.

– Что это?

Иван бросил мимолетный взгляд на плоды своего многочасового труда и тяжело вздохнул.

– Пытался найти точки пересечения всех жертв. Но пока ноль.

– Ничего себе... – протянула Кира, – титаническая работа.

– Красные флажки – Довлатов, желтые – Поликарпов, а белые – Власюк.

Кира подошла к картам ближе и несколько минут всматривалась в маршруты передвижений жертв перед смертью.

– Значит, никаких мест пересечений?

– Неа. Никаких.

Кира отвернулась от карт и, попивая кофе, стала наблюдать через стеклянную дверь за шефом.

– Что у них за секреты?

– Будешь себя хорошо вести, посвящу в тайну.

Иван был единственным сотрудником в отделе, с которым у Киры с первых дней работы в отделе сложились дружеские отношения. Они часто перезванивались и делились новостями вне работы, говорили о политике и профессиональной литературе. Не касались лишь одной темы – личной жизни.

– Какую еще тайну? – прищурилась Кира и сделала большой глоток кофе.

– Садись ближе, положи какие-нибудь бумажки между нами, типа мы работаем.

С заинтригованным видом Кира подчинилась. Иван дал ей один наушник, открыл программу по управлению системами офиса и включил встроенный микрофон. Кира тут же услышала голос полковника и округлила глаза от удивления.

– У нас весь офис нашпигован прослушкой?

– Ага... тс-с... – скрываясь от шефа за монитором Иван приложил палец к губам.

– С этим все понятно, – послышался в наушнике голос полковника, – группа Козырева отработает все зацепки к вечеру. Ты мне скажи, как дело движется с расширением отдела?

– Оборудование все еще стоит на таможне, – Сото говорил тише полковника, Кира не все слова могла разобрать, – у нас возникли проблемы...

сами знаете с кем. Не подписывает разрядку. Бирк... нашел к нему другой подход... стал сговорчивей, но все равно требует передать треть оборудования на нужды области.

– Да отдайте к чертям собачим, и дело сдвинется с мертвой точки. Будем работать с тем, что останется. Сидим как глухие и немые. Зависим от каждого пука, а тут уж как ветер дунет.

– Вы же знаете Расмуса, если он что в голову вобьет не переубедить. Есть еще один способ решить проблему, у нас есть на чиновника компромат.

Полковник нервно кашлянул.

– Что еще за компромат?

– Видео. В последнее посещение клуба «Элегия» нам удалось его снять в действии. Вот только сложность в том, что в кадр попали еще три человека.

Кира сразу догадалась, о каком видео идет речь, она невольно повернулась и увидела, что оба смотрят на нее.

– Выключи, – скомандовала она Ивану.

Тот отключил микрофон и спрятал наушники в выдвижной ящик.

– Расширение отдела? Разве наш отдел не укомплектован?

– Как я понял, шеф в ближайшие дни должен избавиться от двух новичков, по его словам они обуза для отдела.

– О каком оборудовании они ведут речь?

Свиридов пожал плечами.

– Я спрашивал у шефа, он сказал, что не хочет сглазить.

В этот момент беседа в конференц-зале закончилась, полковник вышел в коридор и крикнул:

– Митяева! Ко мне в кабинет!

Все тело Киры сжалось в комок, тон шефа не сулил ничего хорошего. Неужели он понял, что она подслушивала его разговор?

Самолет совершил посадку в Берлин-Тегель, одном из красивейших аэропортов Европы, и величаво, словно белый лебедь, подплыл к терминалу. Бирк посмотрел в иллюминатор. Респектабельный Берлин встречал гостей

тридцатиградусной жарой. Пассажиры первого класса первыми покинули самолет. Пройдя таможенный терминал, Расмус вышел в зону прилета и сразу заметил кургузую фигуру детектива, на которой летний белый пиджак висел как на вешалке. Коротко стриженная блондинка среднего роста с округлым лицом была полной противоположностью Киры – не терпела недомолвок Бирка, дотошно и скрупулезно докапывалась до мелочей и никому и никогда не доверяла. Чтобы достучаться до сознания Эрики, нужно было изложить не только факты, но и неоспоримые доказательства. В ее руке Бирк заметил табличку с его именем. Приближаясь к ней, он улыбнулся и, показывая на табличку, спросил на немецком языке:

– Думала, я забыл, как ты выглядишь?

– Привет, Расмус. Тебя должен был встречать другой детектив, но я освободилась раньше и подумала, что это лучше сделать мне лично.

Эрика была немного напряжена и Бирк почувал неладное.

– Что-то случилось?

– Мы идентифицировали жертву, – начала объяснять она, но потом запнулась и добавила: – Поговорим в машине.

– Э-э... – Бирк глазами пробежался по толпе, из потока встречающих сразу вышли двое телохранителей, которых он нанимал для деловых поездок по Европе, – только багаж передам своим людям.

– Как же я могла забыть? – съехидничала блондинка. – Расмус Бирк никогда не появляется на людях без охраны.

Бирк вручил багаж встречающим телохранителям и приказал ехать за машиной Эрики. Все вместе они вышли из здания аэропорта. Вместо машины детектива, которую ожидал увидеть Расмус, они направились к черному фургону без опознавательных знаков. Открыв дверь, она ловко запрыгнула на подножку и примостилась на ближайшем сиденье. Это был передвижной штаб и доктор понял, что группа собирается вести на кого-то охоту. Эрика представила прилетевшему эксперту своих коллег и предложила сесть на скамью, обшитую пластиком.

– Мы идентифицировали жертву, им оказался Ганс Мюллер, осужденный ранее за педофилию. Когда его осудили дали выбор: выйти досрочно, пройдя химическую кастрацию или досидеть весь тюремный срок.

– И он выбрал тюремный срок, – догадался Бирк.

– Да, вышел год назад. Пропал девятого апреля вместе с машиной. Соседи думали, что он в отпуске, он оставлял им на передержку свою кошку. Когда через неделю не вернулся, соседи заявили в полицию.

– Думаешь, с ним расправился кто-то из родителей пострадавших детей?

– Нет, – ответила, как отрезала Эрика, – нашли его случайно в заброшенном бункере. Местные жители решили его реставрировать и обнаружили разложившееся тело.

Она протянула снимки с места преступления. Пока Бирк внимательно рассматривал их, в фургоне стояла тишина.

– Мы обыскали все окрестности, недалеко от бункера два озера, в одном из них нашли затопленную машину Мюллера, – продолжила она, когда Бирк вернул ей фотографии, – и вот что странно, багажник его Вольво был заварен.

– Хм... – глаза Бирка блеснули от догадки, – видимо, так он перевозил своих жертв.

– В машине тела мы не обнаружили, но ты прав, так он перевозил похищенных жертв, багажник был оснащен дополнительной звукоизоляцией и мы нашли кислородный баллон с маской.

– Значит, после выхода из тюрьмы, он взялся за старое. Похитил ребенка и поместил его в багажник. Кто-то узнал об этом, извлек жертву из багажника, утопил машину и убил педофила, – резюмировал Бирк. – И раз я здесь, значит, ты опросила всех родственников пострадавших...

– За неделю до исчезновения Мюллера в полицию анонимно прислали вот эти снимки, – прервала его повествование Эрика и протянула Бирку пачку фотографий, на которой была запечатлена девочка лет восьми, на одном снимке было отчетливо видно, как Мюллер следит за девочкой в парке. – Кто-то вел наблюдение за Мюллером и знал, что он вышел на охоту. Мы установили, что на снимке Марта Шульц. Связались с ее родителями, те, конечно, сразу все отрицали, но мы нажали и отец рассказал, что как только похитили его дочь, ему

на мобильный был сделан странный звонок. Некто, кто назвался Линчевателем, сказал, что знает, кто похитил девочку и готов вернуть ее родителям, но взамен он потребовал согласия отца на экзекуцию.

– То есть он признался, что хочет его убить? – уточнил Бирк.

– Да. В тот момент родители были в такой панике и отчаянии, что, не задумываясь, согласились, лишь бы увидеть свою малышку. Они просили только об одном, чтобы их дочь не пострадала.

– Интересно, – задумчиво пробормотал Бирк, поставил перед собой трость и положил руки на серебряный набалдашник в виде черепа, – с таким я еще никогда не сталкивался. Линчеватель, значит...

– О нем мы слышали не раз. Его подвиги освещает пресса уже больше пяти лет. Его почерк – сотни порезов по всему телу. Оставляет жертв в местах, где грызуны или хищники легко заканчивают за него дело. Многие умерли от обезвоживания.

– О каком количестве жертв идет речь?

– Десятки... в разных странах... – послышался голос, из темноты на свет вынырнуло худощавое лицо рыжеволосого мужчины примерно сорока лет, – такой масштаб невозможно осилить одному. Мы думаем, Линчеватель не одиночка, у него есть сообщники.

Бирк потер подбородок, вспоминая отрывки статей криминальной хроники. До сих пор он полагал, что полиция сама скармливает газетам подобную чушь, лишь бы не расписываться в собственном бессилии.

– Итак, мы медленно подошли к вопросу: при чем тут мое ДНК?

– ДНК обнаружили на ноже, который лежал при входе в бункер. Нож был запакован в целлофановый пакет.

– А раньше Линчеватель оставлял оружие убийства с ДНК на месте преступления? – уточнил Бирк, глядя на Эрику.

– Нет, – выпалил за нее худощавый мужчина.

Эрика показала фото, на котором был заснят нож в пакете.

«Как в подарочной упаковке», – подумал Бирк.

– Странное отступление от правил. Зачем ему оставлять нож?

Эрика хотела ответить, но ее снова прервал коллега.

– Мы думаем, что он хочет, чтобы мы знали кто он. Хочет заявить о себе. Ему, как и другим серийным убийцам нужна слава.

– Возможно, если это один человек, но вы только что сказали, что это группа. Для группы такое поведение несвойственно. Если все это время они действовали инкогнито, то зачем сейчас заявлять о себе таким хитроумным способом? Они не могли знать заранее то, что вскроют бункер. Да и то, что ДНК сохранилось это чудо. Скорее Линчеватель, как и всегда, выбрал идеальное место, чтобы скрыть свою жертву навечно от людских глаз. Вы не отработывали версию, что кто-то намеренно подкинул вам улику? Кому-то нужно чтобы вы его нашли.

Эрика бросила красноречивый взгляд на коллег, Бирк понял, что она тоже высказывала такое предположение, но, видимо, оно кануло в пустоту.

– Вы так говорите, потому что ДНК вашего родственника была найдена на месте преступления? – съехидничал худощавый детектив.

Вместо ответа Бирк полез во внутренний карман пиджака и протянул Эрике свернутый лист.

– Я составил список всех родственников мужского пола, как вы просили.

Эрика раскрыла аккуратно сложенный листок и пробежалась глазами по немногочисленным именам и фамилиям семейства Бирк. Она подняла на Расмуса удивленные глаза.

– Здесь все о ком я знаю, – развел он руками.

– Трое мужчин? Всего трое мужчин? – ее лицо стало жестким и взгляд как буравчик сверлил доктора. – А как же твой брат, который пропал больше двадцати лет назад? Я не вижу его в списке.

О брате он рассказал ей в личной беседе после полицейского симпозиума и не ожидал, что она так бесцеремонно выложит его тайну коллегам. На лицо Бирка прилепилась зловещая гримаса.

– Не думаю, что он жив, – ответил он после паузы и опустил глаза.

– И все-таки... – настаивала Эрика, – ты говорил, что вы родные только по матери.

– Да, – сухо ответил Расмус, сама мысль, что Михкель может быть замешан в подобном деле претила ему.

– У тебя есть образец его ДНК?

Бирк помотал головой.

– До его похищения мы жили отдельно. Михкель жил в Эстонии с отцом, а мы с мамой в Калининграде.

С минуту в фургоне стояла тишина, детективы размышляли над показаниями доктора. Первой заговорила Эрика.

– Мы просмотрели записи с камер наблюдения в день похищения Мюллера. Нашли его преследователя. Вел с Якобсдорфа. Заставил его свернуть на Лассо, там камер дорожного наблюдения нет, но мы уже и сами знаем их дальнейший маршрут.

– Вы нашли машину и ведете за ней наблюдение, поэтому я здесь? – Бирк обвел присутствующих пытливым взглядом. – Вы готовы сегодня его взять?

Эрика кивнула. На Бирка с недоверием смотрели четыре пары глаз.

– Когда мы его возьмем, мы хотим сверить еще раз его кровь с твоей, проверить, не произошло ли ошибки, – пояснила Эрика и, метнув предостерегающий взгляд на коллегу, который ее прерывал, добавила: – Мы бы хотели, чтобы ты с ним поговорил.

Только сейчас Бирк понял истинное положение дел – его подозревают в причастности к группе Линчевателя. Винить в излишней придирчивости немецких коллег он не мог – ДНК с места преступления соединяла его с убийцей. Теперь его активность в сотрудничестве с полицией разных стран могли истолковать не иначе как выуживание информации, а это предвещало конец его карьеры. Этого Бирк допустить не мог.

– Хорошо, я поговорю с ним, – кивнул Бирк и выбрался из фургона.

Хлопнув массивной металлической дверью пенсионного фонда, Екатерина Шульгина с раскрасневшимся от многочасового ожидания лицом вышла на улицу и двинулась вдоль проспекта Ленина в сторону дома. Молодую женщину распирало от гнева – уже два месяца ей не выплачивали пенсию по потере кормильца. Пенсия была единственным источником дохода для нее и двухлетней дочери. Дрожащей рукой она набрала телефон отца и, услышав его голос, начала возбужденно излагать:

– Папа, ты не поверишь, но дело так и не наши, теперь придется подавать документы заново! Я поверить в это не могу! Как в наш век компьютерных технологий можно потерять целое дело? Мы снова без пенсии... – от обиды голос сорвался, к горлу подступил комок, – мне так неудобно просить у тебя займы уже в третий раз... спасибо папа, что бы я без тебя делала... хорошо, я постараюсь взять себя в руки... да-да... обещаю...

Закончив разговор, Екатерина смахнула ладонью накатившиеся слезы и убрала мобильный телефон в сумочку. После гибели мужа она так и не вышла из депрессии и при любых возникающих сложностях слезы буквально душили ее изнутри.

Броская красота молодой вдовы никого не оставляла равнодушным, на нее то и дело кидали красноречивые взгляды мимо проходящие мужчины, но Шульгина оставалась к этим взглядам совершенно равнодушна. Чеканя шаг, она думала о том, что пока дочь у отца можно съездить на кладбище и посидеть часок у могилы мужа. Эти поездки были частью ее новой жизни – жизни после смерти самого дорогого ей человека. Глядя на портрет мужа на могильном памятнике, она подолгу рассказывала новости, делилась своими чувствами и как тяжело ей приходится в этой новой жизни, такой пресной и бесцветной, что если бы не дочь, так и не жила бы вовсе.

Женщина была занята своими мыслями, поэтому не заметила, что из здания пенсионного фонда она вышла не одна. Вслед за ней бесшумно двигался высокий худощавый парень, держа безопасную дистанцию. После того как женщина преодолела перекресток, он поднес телефон к уху и нарочито громко заговорил:

– Я все понимаю, сейчас иду к фургону, там есть часть дел, возможно, дело Шульгиной найдется среди них. Проверю и перезвоню вам.

Услышав свою фамилию, Екатерина вздрогнула и замедлила ход. Она пропустила молодого человека вперед и придирчиво его осмотрела, затем остановилась, наблюдая, как он открывает дверцы темно-синего фургона и копается в папках.

– Извините, – подошла она к нему, когда увидела крупным шрифтом свою фамилию на папке, – меня зовут Екатерина Шульгина, вы держите папку с документами назначенной мне пенсии.

Парень сжал папку и запрыгнул в фургон.

– Что вам нужно? – немного грубо спросил он и бросил на взволнованную женщину опасливый взгляд.

– Понимаете, – начала Шульгина, тщательно подбирая слова, главное не спугнуть парнишку. Возможно, она уладит свою проблему прямо сейчас, – мне перестали выплачивать пенсию, сказали, что мое дело потеряли и мне предстоит собирать документы заново. Я случайно услышала ваш разговор, вас попросили поискать мое дело? Вы вообще кто?

– Я программист. Занимаюсь вводом данных в систему и совершенствую интерфейс.

– Что совершенствуете? Ах, впрочем, это совершенно не важно. Не могли бы вы мне отдать дело, я сама отнесу его в пенсионный фонд и отдам лично инспектору в руки.

– Без вопросов, только предъявите свой паспорт и распишитесь у меня в бланке, – тут же согласился паренек, – мне еще лучше – не придется возвращаться в этот удушливый склеп.

Пальцы Шульгиной проворно потянули за молнию сумки и выудили на свет паспорт. Паренек деловито сверил данные с делом, взглянул на фото и вернул паспорт женщине.

– Я сейчас принесу бланк, – сказал он и скрылся в фургоне, до слуха женщины донеслась череда открываний бардачка и кейса, лежавшего на пассажирском сиденье, – в деле сказано, что вы вдова...

– Да, мой муж погиб при исполнении.

– Был полицейским?

– Нет, пожарным.

– Благородная профессия, мне очень жаль, примите мои соболезнования.

– Спасибо, вы очень любезны, – вежливо, но холодно ответила вдова.

– Нашел! – воскликнул паренек с водительского сиденья и показал бланк. –

Подпишите?

– Да, – быстро отозвалась Шульгина.

У нее было два пути: обойти машину и взять бланк, но подписать было не на чем или подняться вслед за программистом в фургон и подписать бланк на подставке, привинченной к полу. В любой другой день она ни за что бы ни села к незнакомцу в машину, но мысли о так удачно найденных документах напрочь отключили инстинкт самосохранения. Поднимаясь в фургон, она думала только об одном: нужно отблагодарить паренька за услугу.

Поставив подпись напротив своей фамилии и, получив папку, она хотела развернуться и выйти из фургона, но мощный разряд электрошокера сотряс ее тело и бросил на металлический пол пропитанный запахом хлорки. Через считанные секунды двери закрылись, фургон выехал на проспект и вклинился в поток машин.

Водитель, насвистывая и улыбаясь, с осторожностью посматривал по сторонам. И на этот раз удалось нейтрализовать жертву без свидетелей. Караваджо знает все наперед, он сверхсознание, он Бог. Пока он слушается своего покровителя ничего не случится, он в полной безопасности. Он посмотрел на свое отражение в зеркале, впервые оно не было отталкивающим, тонкие пальцы провели по шелковистым волосам и коже. Прыщей больше нет. Он гладко выбрит. Сегодня все было по-иному: на нем приличная одежда, не вызывающая подозрений. От него исходит запах дорогого парфюма. В каком-то веке начищенные зубы – одно удовольствие.

Для сюжета ему нужна была еще старуха, но кажется, он видел подходящий экземпляр у помойки за городом. Последний штрих, последняя картина. Он дождетя смерти брата и уедет – начнет все сначала. Пожалуй, сегодня он может немного расслабиться и получить удовольствие. Привычный комфорт от одиночества в последнее время стал тягостным.

В кабинете полковника царил привычный полумрак. Кира опустилась в кресло и взглянула на шефа, лицо его было пунцово-красным. Лимонов скривился от неприязни и заорал:

– Ты спятила?! Совсем, что ли перестала соображать?!

От резкого тона Кира отпрянула, выпучила глаза и непонимающе заморгала.

– Бирк может рисковать своей шкурой сколько угодно, но ты! Какого черта тебя понесло в приватные комнаты садистского клуба? Ты в своем уме? – полковник вскочил с кресла и навис над ее вжавшимся в кресло телом. – Хочешь, чтобы тебя нашли мертвой на помойке? Ты хоть понимаешь, во что ввязалась и какие за этим субъектом люди стоят?

Кира решила промолчать, пусть шеф выпустит пар. Она опустила глаза и с виноватым видом уставилась в пол. Ее реакция немного остудила полковника, тот вернулся в кресло. Глядя на подчиненную, он уже думал, что был излишне груб, но до конца унять ярость ему никак не удавалось. Сделав ставку на Киру, он ожидал от нее осторожности, вдумчивости и демонстрации дипломатических и аналитических способностей, но попав под влияние Бирка, по мнению полковника, она свернула не в ту сторону.

– Отныне будет так: чтобы Расмус тебе не предложил, ты советуешься со мной. И раз он такой ушлый, съезжай к едрени фени из его дома, – полковник стукнул наотмашь кулаком по столу, от чего Кира вздрогнула, и прожег ее гневным взглядом. – Я не потерплю такого обращения со своим следователем! Я сказал это Сото, говорю и тебе, если Расмусу нужна женщина-следователь для спецопераций, есть целый отдел, но профайлеров я больше не дам и точка.

– Я тоже обучена, – мягко вставила Кира и зажмурилась.

– Обучена она! – тут же прикрикнул на нее шеф. – Глупа та птица, которой гнездо свое не мило – это о тебе. Профайлер должен анализировать улики, составлять профиль убийцы, на зубок знать психологию, быть внимательным к мелочам, обладать хорошей памятью, уметь сохранять беспристрастность, в конце концов, быть честным Митяева. Почему я – твой начальник – узнаю про твой визит в клуб от Интерпола?

– Я была уверена, что Бирк с вами согласовывает свои действия, – попытка была слабой, но Кире больше нечем было парировать.

– Нет! – ехидно ответил Лимонов. – Как видишь, что касается тебя, ничего он не согласовывает!

Полковник с шумом выдохнул, потер грудь в области сердца и, немного успокоившись, продолжил:

– Мне кажется, он сам не отдает отчета в том, что зачислил тебя в свою команду и ведет себя соответствующе. Я из тебя готовлю приемника, а он сыскаря-ящайку, будто завтра тебе предстоит в одиночку схватиться с маньяком. Я ему обязан... он чуть не погиб из-за меня... но это уже слишком.

Впервые полковник высказался вслух о будущем Киры, это поразило ее до глубины души. Оказывается его излишняя придирчивость не что иное, как подготовка специалиста к повышению. Обычно Кира умела скрывать свои эмоции, но на этот раз ей пришлось приложить максимум усилий, чтобы не расплыться в улыбке и не заверещать от радости. Как-то полковник уже вскользь бросал ей намек о том, что когда-нибудь отдел профайлинга вполне сможет возглавить женщина. Тогда она не придавала этому значения, но сейчас...

– Я еще вчера дала задание риэлтору подобрать квартиру, – соврала Кира с намерением тут же напомнить сестре про телефон риэлтора, – а пока я живу у Бирка, буду лично вам докладывать о своих передвижениях.

Полковнику ее ответ понравился, от чего он заметно поостыл.

– Не буду скрывать Андрон Маркович, что живя у Бирка, я чувствую себя как в раю. Я успокоилась, перестала раздражаться по пустякам. Не помню такого со времен замужества. У сестры было хорошо, но я привыкла дома к тишине, а маленькие дети и тишина, понятие несовместимые. Бирк меня редко беспокоит, да и то сугубо по делу. Я совершенно не заморачиваюсь о быте, меня обслуживают десятки человек, стирают, убирают, моют, готовят. Поэтому все свое свободное время я трачу на тесты, которые составляет для меня Бирк и просмотр его лекций. У него богатая библиотека, вход для меня открыт двадцать четыре часа в сутки. Поэтому я не планировала съезжать до окончания обучения.

Хмыкнув, полковник покрутил кончики усов и откинулся на спинку кресла с задумчивым видом.

– Взамен я должна лишь выполнять условия контракта.

– Девушка для прессы, – пробубнил Лимонов и чертыхнулся.

– Я уже пару раз его подвела. Чтобы не вдаваться в подробности, я ему задолжала. Он спросил: услуга или деньги? Я хочу купить квартиру, поэтому

вариант с деньгами мною не рассматривался, – голос Киры стал жестким и отрывистым, полковник понял, что майор сама не в восторге от своих действий. – И опять же Бирк заранее подготовился, дал мне буклет для ознакомления, но я сочла его рекламой и не удосужилась прочитать. В итоге поехала с ним напомаженная и разодетая, но совершенно не готовая к тому, что увидела и чуть не завалила дело. Бирк был в гневе. Ему нужен был компромат на чиновника. Я понимаю его логику, но не одобряю методов.

– Методов... – буркнул полковник, – что мы только не делали... все коту под хвост.

– А в чем дело? Для чего ему был нужен компромат?

Полковник прожег сотрудницу испытывающим взглядом и сказал:

– Расширяем отдел.

По его виду, Кира поняла, что большего от нее не скажет. Она учтиво кивнула и хотела выйти, но шеф грубо ее остановил:

– Куда направилась?! Есть для тебя задание!

Вернувшись, она снова села в кресло и вопросительно посмотрела на шефа. Внешне она выглядела спокойной и собранной, но внутри бушевали эмоции.

– Решил ввести тебя в курс дела. После того как поймаем Отверженного Марусевич и Глушко отправятся назад в убойный. Марусевич сам попросился назад, а Глушко особой ценности для нас не представляет.

Кира не ответила, так как для нее это была уже не новость и полковник продолжил.

– В отделе будут две вакансии, я бы хотел, чтобы ты после возвращения с курсов добрала команду.

В прошлом Кире уже приходилось заниматься кадровыми вопросами, и она уже знала, как подступить к этому поручению.

– Повторюсь, силовики нам не нужны, нужны мозги. У Расмуса масштабные планы: закупил оборудование для собственного морга и лаборатории. Поэтому в ближайшее время я займусь переоборудованием подвала и расширением отдела, а на тебе останутся два профайлера. Если я и этим займусь, Расмус сразу узнает и начнет ворчать. Моя задача взрастить кадры и

оставить после себя полноценный отдел, способный существовать и без его участия. Его отношение к этому вопросу ты, наверное, уже поняла – мозг Расмуса способен справиться со многими делами одновременно, поэтому он не заинтересован в новых профайлерах. Ему нужны эксперты и оборудование.

После того как полковник разложил по полочкам всю ситуацию Кире стало легче дышать, она словно скинула тяжкий груз и воспарила.

– С «Розовой пантерой» у новичков как ты догадалась, вышел полный провал, никто с ними не захотел там говорить, даже факт этикетки не признали. Сказали, что некая фирма поставляла им костюмы несколько лет назад, а вкладывали они бирку или нет, сказать не могут. Думаю, есть смысл капнуть глубже. Займись этим.

– Хорошо.

– Бирк сказал, что Отверженный передвигается из города в город, словно призрак. Скорее всего, он имеет непостоянную работу. Перебивается случайными заработками.

– Или работает по скользящему графику. Не исключены ночные дежурства. Андрон Маркович, я тоже бы хотела этим заняться.

Полковник почесал подбородок и откинулся на спинку кресла. С минуту он не сводил с нее пристального взгляда, затем кивнул.

– Работай в паре с Иваном. Он все это время собирал и систематизировал данные, пусть сконцентрирует внимание на спец.учреждениях, а ты пока езжай в ателье.

Кира хотела выйти из кабинета, но взявшись за хромированную ручку двери, увидела своего телохранителя и замерла.

– Андрон Маркович, вы можете избавить меня от охраны?

Полковник шумно выдохнул.

– Нет, тут я с Расмусом полностью согласен.

Мучительное ожидание переросло в паническую атаку. Чем больше Бирк ждал, когда его пригласят к задержанному водителю черной «Ауди», тем сильнее нарастало беспокойство. Он знал свою ахиллесову пяту – Михкель – поэтому не

был удивлен накрывшему его волнению. Ладони взмокли, по лбу то и дело стекали капельки пота. Он держался только на кофе и энергетиках. Не в силах совладать с собой, он то и дело выходил на улицу, бродил по скверу, стараясь насладиться зеленой кроной деревьев и птичьим щебетом.

Допрос шел уже два часа, за это время Эрика лишь раз прерывалась на кофе и сообщила Бирку имя задержанного – Гоззо Хофманн – доктору это имя ничего не говорило. Задержание провели стремительно, немецкие коллеги сработали четко, без заминки. Сидя в просторной переговорной комнате со стеклянными перегородками, Бирк наслаждался слаженной работой специального отдела, расследующего серийные преступления. Группа вела сразу несколько дел и имела самый высокий показатель по раскрываемости в Европе. Бирк давно поставил перед собой цель создать клон этого отдела в Москве, а если получится, то и в других городах России. А когда он с большим энтузиазмом бросился на реализацию этой идеи, то столкнулся с чиновничьим аппаратом, который словно задался целью воспрепятствовать его участию в работе нового отдела. На него смотрели с нескрываемым высокомерием, грубили, отменяли по нескольку раз встречи, футболили из кабинета в кабинет, где ему приходилось часами дожидаться очереди, а когда она подходила встречу могли внезапно перенести на другой день. Последним камнем преткновения стало растаможивание лабораторного оборудования. За каждый день задержки Бирк платил пени, но в министерстве дали понять, если Бирк хочет получить все документы на руки без проволочек необходимо поделиться оборудованием. Поэтому он пошел на крайние меры, привлек Киру к съемке компромата, чтобы добиться нужной подписи. Судя по полученному сообщению от Сото, полковник Лимонов запретил использовать видео и потребовал немедленного уничтожения записи.

Дверь допросной комнаты наконец-то распахнулась, в коридор вышла вспотевшая и разгоряченная Эрика. На лице отпечаток разочарования. У Бирка затеплилась надежда, что водитель может оказаться не его братом. Она прошла мимо него, даже не удостоив взгляда, и поспешила к коллегам. Прошло добрых полчаса, прежде чем она заглянула к нему в переговорную.

– Он все отрицает. Говорит, что в тот день его вообще не было в стране. Машину могли взять, а затем вернуть в гараж, он бы не заметил. Похоже, работал профи. В ближайшие часы будем проверять его показания. Ты можешь с ним поговорить, руководство не возражает.

Эрика протянула Бирку папку с собранным материалом на водителя. Доктор увидел фотографию молодого мужчины. Голубые глаза, прямой нос, резко выступающий подбородок. Несмотря на свой довольно молодой возраст парень заметно лысел. Бирк с облегчением выдохнул.

– Это не Михкель.

– Как ты это понял? – насторожилась Эрика, она все еще не теряла надежды прижать Бирка.

– У него нет ямочки на подбородке, и у Михкеля был тонкий шрам над левой губой – упал с велосипеда в шесть лет.

Эрика тут же записала приметы в блокнот.

– Здесь сказано, что он студент.

– Да. Скоро защита диплома, – ответила следователь и присела на рядом стоящий стул.

– Он из полной семьи, его не усыновляли?

– Нет, но мы, конечно, проверим.

– Думаю, мне здесь больше нечего делать, – резко бросил Бирк и вскочил с места, – мне нужно вылететь в Москву, я бросил расследование на полпути.

– Мы бы хотели, чтобы ты остался до подтверждения ДНК, – тон Эрики не терпел возражения.

– Я арестован? – надменно спросил Бирк и вздернул подбородок.

– Нет, – уже мягче ответила Эрика и бросила через стеклянную перегородку на коллег настороженный взгляд, – но...

– Мое ДНК у вас есть. Это не мой брат. Я возвращаюсь в Москву.

Бирк сухо попрощался и, не дав опомниться своей визави, быстро покинул здание из стекла и бетона.

После полуденной жары в морге ощущалась леденящая душу прохлада. Стоя перед двумя последними жертвами в прозекторской, Лимонов чувствовал, как на лбу и спине застывают капельки пота. Ему пришлось облачиться в хирургический халат и надеть бахилы, прежде чем его допустили к вскрытию. Взгляд сосредоточился на размеренных действиях судмедэксперта, но мысли были только о Расмусе. Им предстоял серьезный разговор. Полковник знал, что Бирк выкрутится из любой ситуации, при желании сможет логично и доходчиво объяснить любой свой поступок. Он уже прокручивал в голове ход их будущей беседы и понимал, что Расмус не допустит отъезда Киры. Особой симпатии к его сотруднице Бирк не проявлял, этот факт еще больше распалял любопытство полковника. Зачем она ему нужна?

– Приступим? – по-деловому спросил Смирнов.

Это был высокий плечистый мужчина лет сорока с карими глазами – судмедэксперт высшей квалификационной категории, из-за которого Лимонов лично приехал в Тверь. Его фамилия значилась первой в списке кандидатур на аналогичную должность в его будущем экспертном отделе.

Лимонов стоял в двух шагах от тела Газизы Дзасоховой, с которой началась стандартная процедура вскрытия.

– Приступим, – эхом разнесся приглушенный голос полковника.

Его взгляд остановился на красноречивой табличке, висевшей на противоположной стене «Оставь надежду всяк сюда входящий». Лимонов тут же вспомнил, что это последняя строчка из надписи, размещенной над воротами ада из «Божественной комедии» Данте Алигьери. О специфическом чувстве юмора работников морга ходят легенды, сейчас он в этом лично убедился.

Вскрытие началось с детального осмотра обнаженного трупа.

– Жертва долгое время находилась со связанными руками и ногами, судя по ширине четких отметин, предположу, что это могли быть кабельные нейлоновые стяжки. Вокруг рта видны следы от клейкой ленты. На теле множественные синяки и кровоподтеки, по окрасу могу сказать, что нанесли их за несколько часов до смерти, минимум за шесть, – констатировал патологоанатом, взял ножницы и начал осторожно снимать швы с длинного срединного разреза, который как кривая дорожка пролегал от подбородка до лобка.

Взяв в руки костотом¹⁷ Смирнов приступил к вскрытию грудной клетки.

– На мое место метит, – усмехнулся патологоанатом и жестом показал полковнику на срезанный шовный материал, – если дело так пойдет, к следующей жертве он приколет протокол вскрытия.

– Зачем он наложил швы? – задал вопрос полковник и отер платком лицо.

Смирнов заметил, как дрожат у полковника руки.

– Не хотел портить картину. Я читал протоколы вскрытий предыдущих жертв, видел снимки, для убийцы, как я понимаю, дело архиважное – составить подобие картины Караваджо.

Полковник не ответил. Его взгляд застыл на растерзанном теле женщины, которая комплекцией походила на его покойную жену и воспоминания захлестнули сознание. Прошло уже пять лет, но он до мелочей помнил тот день, когда увидел ее безжизненное тело, накрытое белой простыней до подбородка, скрывающей следы удушья. Это был день, когда судьба показала ему насколько хрупко и уязвимо человеческое тело. Любовь всей жизни, его веселая и никогда неунывающая жена, нежнейшее создание, лежала на холодном металлическом столе с распахнутыми от ужаса глазами. Он, поймавший свыше четырех десятков особо опасных преступников, не смог защитить от монстра собственную жену.

Тем временем Смирнов раздвинул кожу и мышцы по обе стороны грудной клетки и брюшной полости. Распахнутые ребра выпирали наружу, как остов корабля.

Полковник знал, что перед препарированием обычно судмедэксперт приступает к эвисцерации¹⁸, а затем проводит взвешивание органокомплекса, но в данном случае убийца уже извлек органы из тела, поэтому ассистент патологоанатома двинулся к контейнеру со встроенной охлаждающей системой, которые обычно используют для переноски донорских органов. Он начал распаковывать пакетики с уликами, отложив в сторону улики с пометкой «Дастан Дзасохов». Затем размеренными движениями стал взвешивать их поочередно на анатомических весах с острым крючком.

Полковника качнуло вперед, Смирнов поднял на него опасливый взгляд.

¹⁷ Костотом – реберные ножницы.

¹⁸ Эвисцерация – извлечение внутренних органов трупа с целью изучения.

– Хм... Надеюсь, вы не клюкните носом в труп? Я-то думал, что вы тертый калач...

– Я тоже так думал, – буркнул полковник и сел на стул у стены, – видать, возраст свое берет.

– Тут батенька не возраст, а ваше отношение к собственному здоровью. Вы когда последний раз спали? Я имею в виду полноценный восьмичасовой сон.

Лимонов фыркнул и отмахнулся, давая понять, что не помнит такого.

– Ну и кому вы делаете лучше? Себе уж точно нет. Им? – Смирнов показал на тела жертв. – Тоже нет. Пропустите важную улику и убийца уйдет. Сон, батенька, самое важное в нашем деле.

Полковник не сводил глаз от тела жертвы. Сейчас ему казалось, что сама смерть вступила с ним в свой безапелляционный разговор. Она словно эксперт показывала ему ссадины, синяки и кровоподтеки, будто рассказывала историю своим ледяным черствым языком.

– Он изъял все органы кроме матки и придатков.

Голос Смирнова прогремел словно гром, рассекающим тучи. Полковник поднял на него вопросительный взгляд.

– Этот труп – Клондайк улик, – Смирнов кинул на полковника оценивающий взгляд, подметил неестественную белизну лица и предложил: – Вы посидите в приемной, я к вам выйду, когда закончу.

Долго уговаривать полковника не пришлось, он поспешно поднялся со стула и покинул прозекторскую.

На свое удивление Кира быстро нашла общий язык с владелицей салона-ателье и ознакомилась с договорами цехов, которые обслуживали предприятие последние десять лет. Правда, чтобы получить заветные адреса, ей пришлось выслушать без малого полчаса стенания по поводу тяжелого положения дел в стране и в этом конкретном бизнесе. Из какого именно цеха пришел жилет, который использовал убийца, выяснить не удалось и Кире предстояло проехать по трем адресам. Два адреса оказались бесполезными, предприятия базировались на

изделиях другого типа и, перекусив в кафе с новым «напарником», майор направилась по последнему адресу.

«БМВ» подъехала к заброшенному зданию, в котором когда-то находился пошивочный цех. Ныне мрачное бетонное двухэтажное здание с выбитыми стеклами служило притоном для наркоманов и бомжей. Ехать в богом забытый район было плохой идеей, но Кира не могла отделаться от ощущения, что бирка была оставлена убийцей в жилете не просто так, это было послание, он хотел, чтобы это место нашли. От Киры только требовалось понять почему? Что здесь происходило? Что-то знаковое для убийцы?

Пока она ехала на северо-восток Москвы, Иван пробил адрес и сообщил, что здесь частенько находили неопознанные трупы с раздробленными костями и изуродованными лицами. Он попросил на месте присоединиться к Митяевой местных следователей убойного отдела, чтобы обменяться информацией и решить стоит ли продолжать поиски в этом направлении. Подъехав к зданию, Кира увидела полицейскую машину, из которой выбрался худощавый мужчина лет тридцати пяти с орлиный носом и резкими чертами лица. Его острый взгляд придирчиво осмотрел майора, потом машину и на несколько секунд остановился на идеально скроенном костюме телохранителя. Следователь протянул ей руку и представился:

– Сухоруков Андрей Павлович, – рукопожатие было излишне сильным, но Кира не поддала виду. – Меня ввел в курс дела ваш коллега. Так с чего вы взяли, что наши дела связаны? Почерк совершенно другой.

Кира объяснила, что убийства, инсценированные под картины Караваджо, начались недавно, но они были не первыми для Отверженного. Где-то и на ком-то он уже практиковался.

– Все равно я не согласен, ваш убийца не душитель, в его действиях нет агрессии. Наш агрессивен и не может себя контролировать. Он кромсает тела, душит, забивает на смерть битой.

Кире не хотелось спорить и тем более убеждать следователя, ей нужно было отработать версию и приниматься за другую, поэтому она показала на полицейскую машину и спросила:

– Вы привезли дела? Мне бы хотелось на них взглянуть.

– Пожалуйста, если вам больше нечем заняться, – съязвил Сухоруков.

После просмотра фотографий и протоколов вскрытий Кира поняла, почему следователь занял такую позицию. Почерк убийц был настолько разным, что никому и в голову бы не пришло что это один и тот же человек. Отверженный не только сохранял лица, но и придавал им особый взгляд, мимику. Его жертвами становились люди социально защищенные, а вот жертвы убийцы, которых сейчас рассматривала Кира, были за чертой бедности, бомжи, наркоманы и все как один мужчины. Лица отсутствовали, тела растерзаны, их словно рвали на куски. Но кое-что, что подсказывало верное направление, Кире все-таки бросилось в глаза.

– Обратите внимание, что убийства прекратились с двадцатого июня, – подметила Кира, – после этой даты вы не обнаружили ни одного трупа.

– Ну и что? – с безразличием в голосе парировал Сухоруков.

– А то, что наши начались с тридцатого июня, – весомо ответила Кира, – так что отработать эту версию нужно тщательно.

– Он и раньше делал перерывы, – тем же тоном отозвался следователь и отмахнулся.

Вынув из багажника фонарик, перчатки и медицинскую маску, Кира двинулась в сторону здания и на ходу бросила следователю:

– Мы оглядимся здесь, если хотите, присоединяйтесь.

Эта идея Сухорукова явно не радовала, но делать нечего, а вдруг девчонка что-то найдет и припишет себе все заслуги. Он годами бьется над нераскрытыми делами и пока ни одной стоящей зацепки. Следователь вытащил фонарик из бардачка и, ворча себе под нос, двинулся за странной парочкой. Особенно его раздражал щеголь в синем костюме.

– Когда вы опрашивали очевидцев, никто из них фургон не упоминал? – спросила Кира, заходя в здание.

– Нет, – недовольно буркнул Сухоруков. – Когда мы находили трупы, здесь не было ни души. А все обитатели этого притона шли в отказ, как три мудрые обезьянки: ничего не видели, ничего не слышали, ничего не скажем.

Следователи вошли в здание и отправились блуждать по длинным лабиринтам коридоров, похожим на муравейник.

– А как вы вообще узнавали про трупы? Здесь ведь ни души.

– Это вам так кажется, людей тут много, сейчас сами убедитесь. А про трупы в основном сообщали мусорщики, забирали контейнеры вблизи от складов, а к ним подъехать можно только через эту улицу. Остальных нашли случайные свидетели – телефонисты, геодезисты, были даже из благотворительной клиники.

– Не «Новая жизнь» случайно, – встрепелась Кира.

– Нет... – следователь задумался, – кажется... «Спасение» – клиника для наркоманов. Их волонтеры тут частые гости, раздают одноразовые шприцы, брошюры, ведут беседы... – он ехидно усмехнулся, – будто им это поможет. От наркомании лечит только одно: тюрьма, да и то не всех.

Майор кинула на Сухорукова осуждающий взгляд, за восемь лет работы в полиции, она не раз встречала людей, кто смог победить зеленого змея и начать полноценную жизнь.

Преодолевая просторное помещение с большими окнами, Кира поняла, что пошивочный цех находился именно здесь. С потолка свисали проржавевшие лампы, на кусках потертого линолеума все еще виднелись следы демонтажа швейного оборудования. Оголенные трубы воздуховодов, бетонные колонны и местами разбитая керамическая плитка на стенах – вот все что осталось от прежнего интерьера когда-то преуспевающего швейного производства.

– Вы бывали здесь, когда цех еще работал?

– Да, приходилось, – звучно отозвался следователь.

– По какому поводу?

– Здесь был несчастный случай. Погиб мужчина шестидесяти лет.

– Как погиб? – спросила Кира, заглядывая в подсобку.

– Поскользнулся. Чтобы удержаться схватился за стеллаж и всей своей массой потянул на себя. На стеллаже лежали емкости с опасными растворителями, крышка на бочке с диметилформамидом была плохо закручена, раствор вылился прямо на него. На складе никого не было и нашли его только через пару часов... естественно мертвого...

– Какой ужас, – Кира повернулась к Сухорукову, – там точно не было злого умысла?

– Нет, погибший был душой коллектива, его все уважали и любили.

– А кем он тут работал?

– Ночью сторожем, днем заведовал складом.

– Хм... так выходит он плохо закрыл крышку бочки с растворителем и сам за это поплатился?

– Работники цеха утверждали что так. Бочки были под его опекой.

Вдалеке слышались чьи-то быстрые шаги, переходящие в бег, затем шаги переместились на лестницу, через минуту все стихло. Следователи продолжили путь.

– Часовые, – пробурчал недовольно Сухоруков, – побежали докладывать. Сейчас все крысы разбегутся.

В подтверждении его слов, на втором этаже слышался топот, Кира насчитала не менее десяти человек.

– Пойдемте к лестнице, возьмем тепленькими и допросим.

– Я здесь не за этим, – резко парировала ему Кира.

Она остановилась перед лестницей и посмотрела вниз.

– Что в подвале?

– Наркоманский притон, – Сухоруков показал на маску в руке Киры и с издевкой добавил: – Масочка вашему красивому личику точно не помешает.

Не обращая внимания на его тон, Кира надела маску, перчатки и первой двинулась вниз. Телохранитель, словно тень двинулся следом. Преодолевая лестничный пролет, Кира поймала его обеспокоенный взгляд.

«Да, работенка ему подвалила что надо, – подумала она и мысленно усмехнулась. – Это тебе не жен олигархов охранять».

Приемная судмедэкспертизы была небольшим безликим помещением, в котором еле умещались два кресла кричащей расцветки и журнальный столик. Люминесцентные лампы, словно в насмешку над полковником периодически моргали, как только он хватал со столика очередной журнал, желая отвлечь себя чтением от мрачных мыслей. Куда бы он теперь ни шел, за ним следовал запах смерти. Этот гнусный сладковатый запах разложения преследовал его повсюду: в кофейне, где он выпил две порции кофе Американо, в маленьком скверике, где он, сидя на недавно выкрашенной скамейке выкурил пару сигарет, а теперь и

здесь – в приемной. Запах смерти источали подошвы кожаных туфель, складки широких льняных брюк и белоснежная рубашка.

Зазвонил его мобильник, полковник посмотрел на экран, где высветился номер Громова.

– Докладывай, – выпалил Лимонов без предисловий.

– Шеф, мне сказали, что вы на вскрытии в Твери, – удивился Громов и спросил: – Почему нас не послали?

– Что-то не припомню, чтобы тебя моим начальником назначали, – недовольно пробурчал Лимонов. – Допросили охранника Дзасоховой?

– Э... да, – с тяжелым вздохом выдал Вадим, – сказал, что знает убийцу, говорит это парнишка, который последним приходил за день до смерти гадалки. Вел себя очень странно. Охранник проводил его до стоянки и клянется, что дождался, пока фургон не покинет улицу. Убийца пробрался в дом, когда охранник уединился в сауне. По его словам Дзасохова часто плакала по ночам, поэтому он не удивился, когда во время обхода услышал ее всхлипы. Убийца вырубил его электрошокером, когда телох входил в свою спальню, она на первом этаже. Телох предоставил нам запись из приемной, но она нам ничего конкретного не дала. Все та же бейсболка полностью прикрывает лицо. Так же у нас есть аудиозапись сеанса. По словам охранника, он вроде клиента запомнил, а когда начал работать над фотороботом совсем размяк. Единственное что сказал с уверенностью: он высокий, худой, волосы светлые, скулы резко очерчены, нос прямой. Охранник сказал, что он приехал на фургоне синего цвета «Рено Трафик», даже записал номерной знак. Мы дали на него ориентировку.

– Отлично! – с горячностью выпалил полковник. – Номер пробил? На кого фургон зарегистрирован?

– Сейчас на липовую фирму, а ранее фургон принадлежал ныне покойной Лидии Кузнецовой, как выяснилось, она была бабушкой Артура Чингарова.

– Епсиль мопсиль, – пробурчал Лимонов и потер разболевшуюся левую руку.

Полковник скривился то ли от боли, то ли от того что Бирк снова оказался прав: все дело в трех старухах, которые приводили маленького Артура на прием к психологу в детстве.

– Мы попросили Ивана поднять всю недвижимость Кузнецовой и ближайших родственников.

– Хорошо, займитесь этим семейством вплотную, – приободряющее отозвался полковник и, почувствовав головокружение, откинулся на спинку кресла.

– Я сейчас в Туле на полпути к квартире Поликарпова.

– Не забудь сделать запись осмотра, – напомнил Лимонов.

Закончив разговор, полковник отбросил телефон и со стоном согнулся. Самочувствие стремительно ухудшалось, появилась отдышка, болела теперь не только рука, но и шея. Лимонов встал, приоткрыл окно и стал с жадностью глотать раскаленный за день воздух. С минуту он стоял, высунув раскрасневшееся лицо наружу, но когда сдавило грудь, так ослаб, что плюхнулся в кресло и схватился за сердце. Звон в ушах перекрывал все звуки, пот градом стекал со лба. Полковник завалился на бок, опасливо взглянул на дверь и оценил расстояние. Нет, самому ему никак не добраться, а значит, и помочь никто не сможет. Смирнов начнет его искать только после второго вскрытия. Страх и паника сковали тело. Он попытался закричать, но смог издать только приглушенные звуки, боль в сердце усилилась.

В этот момент снова ожил его телефон. Дрожащей рукой полковник попытался дотянуться до трубки. Отыграл целый куплет из фильма «Семнадцать мгновений весны» прежде чем полковник ответил сдавленным «Алло».

– Андрон, это ты? – послышался неуверенный голос Бирка.

– Да, – еле слышно ответил Лимонов.

– Я вылетаю в Москву. Ты где? Связь плохая, тебя еле слышно.

– Расмус... мне что-то хреново...

– Ты где?! Что случилось?! – взволнованным голосом повторил Бирк.

– Тула... морг... мотор забарахлил...

Рука выпустила телефон. Полковник собрался с силами и попытался встать, но сделав шаг, упал на пол. Его ослепило ярким светом. Больше он не чувствовал тела, мягкая и теплая атмосфера окутала со всех сторон. Сквозь белоснежную дымку стал вырисовываться женский силуэт. Сначала он был еле различим, но постепенно стали видны ее формы, а затем и лицо. Эта была она...

его единственная... так рано от него ушедшая. Все внутри возрадовалось, затрепетало, потянулось к ней навстречу. Ее улыбка завораживала. Он парил над ней в невесомости. Теперь они снова вместе, он больше не одинок...

Сильный удар встряхнул его тело и заставил вернуться из забытья. Нет-нет, зачем? Ему здесь так хорошо. Лимонов застонал. От обиды на глаза навернулись слезы. Она снова покинула его. Открыв глаза, полковник увидел перед собой волевое лицо Смирнова.

– Ну что, полковник, допрыгался? Еще бы минута и прощай Земля. Кто такой Расмус Бирк? Именно ему вы обязаны своим возвращением с того света.

Полковник разлепил пересохшие и посиневшие губы и еле слышно произнес:

– Не в первый раз...

– Живые – не наш профиль, так что мы вызвали «Скорую». Не вставайте, – Смирнов поднялся на ноги, его ассистент отлепил от посевшей груди полковника электроды дефибриллятора, – вас отвезут в больницу. Необходимо провести обследование.

Судмедэксперт протянул полковнику пакет со льдом и сказал:

– Приложите выше правого уха. Ощущения будут неприятные, но боль уйдет.

– Приложу в машине, – настырно буркнул Лимонов и поднялся с пола.

Он испытывал чувство стыда, от того что перепугал персонал морга и теперь о его приступе пойдут слухи.

– Вы не исправимы, – усмехнулся Смирнов, – я так и знал, что вы откажетесь от госпитализации.

– Чтоб меня там иголками истыкали? Еще чего не хватало!

– А если снова будет приступ, а рядом никого не будет? – возмутился ассистент Смирнова.

– У меня со смертью свои счеты... что-то мне подсказывает, что в ближайшие дни она не вернется, – проворчал полковник, отряхнулся и, ступая, словно по минному полю медленно поплелся к машине.

– Крутой чувак, – восторженно заметил ассистент.

– А по мне так просто глупец, – резко бросил Смирнов и пошел следом за полковником.

Как только следователи спустились в подвал, в нос ударила стойкая смесь запахов испражнений, пота и едких химикатов. Кира хоть и была в маске, но тут же закашлялась и потянулась к платку пропитанным экстрактом гвоздики.

«Да тут не маску, а противогаз нужно было брать» – подумала она, оглянулась и убедилась, что телохранитель и следователь идут следом.

Вокруг господствовала тьма, Кира включила фонарик и двинулась за бледным лучом. Под ногами хрустел мусор и разбитое стекло. Свет запрыгал по стенам узкого коридора и поочередно освещал просторные комнаты, в которых вповалку лежали десятки людей. Многие стонали и ворочались, словно в предсмертной агонии.

Позади Кира слышала тяжелое дыхание телохранителя. На лбу проступили капельки пота, адреналин, словно топка начал разгонять кровь. С первой минуты Кира почувствовала, что попала в адское подземелье, узниками которого были существа ни внешне, ни внутренне уже не похожие на людей. Ее луч выхватывал из темноты их опухшие искореженные лица. На многих были синяки и кровоподтеки.

«Добровольные узники царства Аида с каждой инъекцией приближающие собственную смерть».

Комнаты все были похожи одна на другую: люди, лежащие на горах тряпья, черные от грязи матрасы, вещевые мешки. В центре некоторых комнат стояли бочки, в которых еще тлел огонек, видимо, около них грелись, а иногда и разогревали пищу. Впереди промелькнул женский силуэт и утонул в темноте угла. Луч фонарика последовал за ней, Кира увидела, что она испражняется прямо рядом с чьим-то потрепанным матрасом и содрогнулась от брезгливости. Телохранитель зажал нос рукавом пиджака и немного подтолкнул Киру вперед. Майор ускорила.

Дойдя до конца коридора, Кира посветила на стену и увидела металлическую дверь.

– Я приходил сюда не один раз, это дверь была заперта на два навесных замка, – сказал Сухоруков и провел пальцами по навесным петлям.

Это была единственная дверь в этом подвале. Кира потянула за ручку. Дверь со скрипом открылась и в этот момент, словно фокусник рядом с ними возник невысокого роста щуплый бомж с заживающим синяком под глазом.

– Не входите туда, – прошипел он словно змея, оголяя гнилые зубы. От него разило перегаром, – это место проклято... *он* не любит, чтобы туда входили...

Его глаза горели, словно языки пламени, включенные волосы измазаны чем-то маслянистым и едким.

– Кто *он*? – спросила Кира, отстраняясь от надвигающегося на нее бомжа.

В руках телохранителя мелькнула складная телескопическая дубинка, вид которой красноречиво говорил о намерениях пришельцев.

– В сторону! – пробасил телохранитель.

Кира поймала себя на мысли, что впервые слышит его голос.

Открыв дверь, телохранитель освятил помещение фонарем и только после этого пропустил Киру вперед. Она вошла и замерла в центре комнаты. Без сомнений это было логово Отверженного! Зброшенная, но все еще таившая в себе его дух. У дальней стены алтарь с оплавленными до середины свечами, на котором треугольником разложены три человеческих черепа, а за ними надпись «Караваджо – ты Бог!». На стенах оборванные куски обоев, на полу потрескавшийся линолеум. В углу лежал одинокий матрас. С первого взгляда Кире стало понятно, какой жизнью жил убийца, прежде чем приступил к своей миссии. Но что же его толкнуло выйти из подземелья? Что или кто?

Кира взглянула на экран телефона, сигнала не было.

– Мы вернемся к машине, мне нужно вызвать бригаду криминалистов и своих коллег, – обратилась она к Сухорукову, – а вы оставайтесь здесь и никого не впускайте, пока мы не вернемся.

– Зачем? Тут, наверное, уже все затоптали...

– Оружие при вас? – прервала его Кира.

– Нет, – замотал головой следователь, в его глазах промелькнул страх.

– Отдайте ему свою дубинку, – приказала телохранителю Кира и вынула из кобуры свой табельный «Макаров», – я пойду вперед, вы прикрывайте мне спину.

Назад возвращаться было сложнее, скрип запретной двери, словно гонг предвещающий наводнение, привел черную еле соображающую массу в движение. Кто-то, схватив вещички, старался покинуть ставшее небезопасным место. Кто-то вышел в узкий коридор и одурманенным взглядом тарасился на непрошенных гостей. Миазмы усилились, все вокруг заурчало и затрепетало, словно потревоженное мутное болото. Все эти действия сопровождалось отборными ругательствами, потасовкой и выяснением где чье тряпье.

Кира ускорила шаг. Ее окатило новой адреналиновой волной. По спине струйками стекал пот. Приставив к пистолету фонарь, майор упорно двигалась к лестнице. Из темноты то и дело выныривали бомжи в лохмотьях, щурились от фонарного света и, окатив ее новой порцией ругательств, прикрывали лица.

Когда Кира увидела долгожданный дневной свет, то с облегчением вздохнула и поспешила к машине. До полковника дозвонится не удалось и она позвонила в офис. Доложила Свиридову о находке, тот заверил, что подмога прибудет в ближайшие двадцать минут. Затем Кира хлебнула минеральной воды из нагревшейся от жары пластиковой бутылки и смочила лицо. Нужно было возвращаться, но прежде она решила позвонить Бирку.

Услышав голос доктора, она вкратце рассказала о находках, заострив внимание на алтаре Отверженного. Бирк внимательно выслушал, но прокомментировать не успел. Характерный сигнал возвестил, что ему пришло сообщение. Через считанные секунды в трубке послышался его взволнованный голос.

– Кира, я только что получил фото, на котором Нина лежит на грязном матрасе в каком-то подвальном помещении. Судя по тому, что ты мне рассказала, она может быть именно в том подвале. Тот, кто присылал фото, не будет ее убивать, для него это просто игра, но это не значит, что Нина в безопасности, – Бирк перешел на крик. – Найти ее! Она там, я это чувствую!

Кира уже не шла, а летела назад в этот смрад и царство зловония. Следом за ней бежал охранник. Забежав в здание, она увидела у лестницы мелькнувший мужской силуэт в черной футболке и синих джинсах. Нутром она чувствовала, что нужно последовать за ним, но Нина была важнее.

За их отсутствие ничего не изменилось, потревоженная толпа шныряла по подвалу только лишь с одной целью: найти дозу и снова забыться в своих грезах. Кире казалось, что она попала на съемки фильма про зомби. Они вернулись к Сухорукову. Убедившись, что он в порядке, Кира убрала в кобуру пистолет, вооружилась дубинкой и начала осмотр первой комнаты. Проходя мимо спящих бомжей, она одергивала дубинкой одеяла и одежду, убеждалась, что это не Нина и шла дальше. Была просмотрена комната за комнатой. От увиденного Киру тошнило, она совсем отчаялась, но, подавляя рвотные позывы, упрямо исследовала подвал. За ней, сжав кулаки и готовый к любым сюрпризам, следовала тень – ее телохранитель. Сейчас она была безумно рада тому, что Бирк настоял на ее охране.

Осталась последняя комната. Помимо застоялого смрада, пропитавшего весь подвал, здесь сразу чувствовался запах разложения. В комнате были десятки матрасов, но только три не пустовали. Кира подошла к первому же обездвиженному телу. Одернув грязный плед, она увидела страшное зрелище – полуразложившееся мужское скрюченное тело. Рой потревоженных мух взметнулся вверх и разлетелся во все стороны.

– Черт! – взревела Кира и отскочила в сторону, чтобы не задеть телохранителя.

Ее вырвало, а затем скрутило от боли. Казалось, что наружу вышел не только завтрак, но и часть желудка. Рядом с ней послышался женский стон. Она бы никогда ее не узнала, если бы не услышала собственное имя. Наклонившись над неподвижным женским телом, она посветила фонариком в лицо и воскликнула:

– О Господи! Нина! Это ты?

Пустые, ничего не выражающие глаза Нины смотрели через туман забвения. Грязные слипшиеся волосы местами прикрывали серое потное лицо. На обнаженном теле, еле покрытым потрепанным шерстяным одеялом, множественные ссадины. Ногти забиты слоем грязи.

– Кира, – еле слышно пролепетала Нина и протянула подруге руку.

В области сгиба Кира увидела следы от инъекций. Мгновенно оценив обстановку, она стащила с телохранителя пиджак, приподняла Нину и накинула на плечи.

– Ты встать сможешь?

Голова Нины завалилась на бок, она снова была в отключке.

– Сухоруков! – закричала майор, и когда тот отозвался, добавила: – Беги наружу, вызывай «Скорую»! Быстро!

Солнце, прижимаясь к горизонту, окрасило небо в розовато-красные оттенки. В девять часов вечера столбик термометра показывал двадцать пять градусов. От нагретого за день асфальта исходил жар и удушливый запах. Вымотанный и опустошенный Смирнов вышел из здания судмедэкспертизы, поставил пакет с одеждой, снятой с жертв на крышу автомобиля полковника и сел рядом с Лимоновым на деревянную скамью. Все еще бледный полковник держал в дрожащей руке зажженную сигарету, его взгляд блуждал по жилым высотным домам, выстроившимся в ряд, как домино.

– Ты еще и куришь, – недовольно пробурчал Смирнов и, выхватив из руки полковника сигарету, выбросил в недавно политую цветочную клумбу. Сигарета зашипела, выдавила прощальный дымок и потухла.

– Если мне понадобится нянька, я знаю, куда теперь звонить, – злобно выпалил полковник и метнул гневный взгляд в сторону судмедэксперта.

– Не ерничай, полковник, – в том же тоне напористо выдал Смирнов. – Не один ты через ад проходишь. У меня на столе ежедневно по три-четыре трупа оказываются: дети, молодые матери, подростки. Я как никто другой посвящен в несправедливость судьбы. Но это не дает мне никакого права раскисать и тем более сокращать отведенный для жизни срок.

– Мой отец курил до самой смерти, а помер, между прочим, на восемьдесят седьмом году жизни.

– Да? А у него тоже был сердечный приступ в пятьдесят пять лет или сколько там тебе?

Чтобы перевести разговор на рабочую тему полковник спросил:

– Так что там со вскрытием?

Смирнов понял, что служебные обязанности служат для Лимонова в качестве брони и усмехнулся.

– Не видать мне Москвы и работы в отделе бихевиоризма.

Полковник нахмурился.

– Да расслабься, полковник, увидел в твоих бумагах список судмедэкспертов. Когда знакомились, ты сказал, что недавно возглавил новый отдел профайлинга. Сложив дважды два, я понял, что ты приехал лично оценить мою работу. Я прав?

Лимонов фыркнул и вынул пачку сигарет из кармана брюк.

– Так мы будем друг другу выкать или тыкать? – лицо полковника немного смягчилось.

– М-м-м... – глаза Смирнова хитро прищурились, – думаю, будем тыкать, когда говорим о твоём сердце и выкать, если обсуждаем рабочие вопросы.

– Лады, – буркнул Лимонов и протянул руку, словно встретил судмедэксперта только что.

Смирнов пожал руку полковника и уже деловым тоном начал докладывать:

– Отчет я распечатал, а на словах скажу, что...

– Только без заумств, мне своих умников хватает, – проворчал полковник.

– ...смерть наступила между тремя и четырьмя часами утра. После эвисцерации... – Смирнов кинул на Лимонова беглый взгляд и поправился: – После извлечения органов трупы тщательно вымыли. Сына убили первым, какое-то время он лежал на спине. Смерть матери наступила от прокола в сердце, сына – два удара по затылку предметом похожим на молоток с круглым бойком.

Полковник сразу прикинул: рабочие пришедшие на стройку нашли трупы в восемь часов утра, а убил жертв убийца в четыре. Убрался он оттуда не позже шести, когда рабочие просыпаются и выходят из своих вагончиков. Значит, уложился в два часа – быстро действует.

– На лицах жертв есть следы тонального крема. У матери за щеками ватные тампоны. Да! Самое главное! – судмедэксперт заметно оживился. – Вдоль грудных позвонков сына была помещена крыса.

– Крыса? – вскинул удивленные глаза полковник.

– Мы получили медицинскую карту Дзасохова. В ней указан диагноз – микроцефалия. Достаточно редкое заболевание. Дефект развития возникает у детей в грудничковом возрасте – это недоразвитие черепа, сопровождаемое умственной отсталостью. Происходит из-за раннего смыкания черепных швов и закрытием родничка. Я покопался в справочниках, у меня возникла своя гипотеза. Одной из причин возникновения микроцефалии является токсоплазмоз – это паразитарное заболевание человека и животных, вызываемое токсоплазмами. Источник инвазии – различные виды домашних и диких млекопитающих, в том числе и крысы. Возможно, мать рассказала убийце про заболевание сына и упомянула способ заражения во время ее беременности и ему пришла мысль вынуть мозг и поместить внутрь трупа крысу.

– Час от часу не легче. Как на счет его работы в морге? Мы думаем, что он работает в таком заведении как ваше.

– Убийца явно незнаком с работой патологоанатома, такое складывается ощущение, что просто подражает. Но он точно не имеет медицинского образования. Действовал неумело, использовал подручный инструмент. Органы все повреждены, следы насечек, многочисленные порезы. Работал хуже мясника. Так что нет, я вашу теорию категорически отвергаю. Если он и работник органов судмедэкспертизы, то самого низкого ранга – санитар или уборщик.

– Как говорится, слышит звон, да не знает где он, – резюмировал полковник.

– Именно.

Смирнов встал и показал на пакет.

– Я вам собрал вещи Дзасоховых. Только учтите, брюки, носки и туфли сына пропитаны мочой.

Полковник смачно выругался и поплелся к машине. Положил в багажник пакет с уликами и сухо попрощался. Глядя, как Лимонов размещается на водительском сиденье, Смирнов в недоумении спросил:

– Вы что собираетесь сесть за руль?

– Ну да.

– Нет, так дело не пойдет.

Смирнов резко выдернул ключи из замка зажигания и спрятал в карман халата.

– Детский сад! – взревел полковник. – Сейчас же верните ключи, и я сделаю вид, что этого не было.

– Выходите из машины, и я сделаю вид, что вы туда не сели, – настырно парировал Смирнов и упер руки в бока.

Вид у него был такой решительный, что полковник понял: такой не отступит. К центральному входу подъехала «Скорая помощь».

– А вот и ваша карета, – съехидничал судмедэксперт.

– Я же сказал, что никуда не поеду! – гневно выкрикнул полковник и вынул из бардачка запасные ключи.

– Как только вы покинете территорию, я позвоню вашему другу – Расмусу Бирку. Кто-то должен на вас управу найти. Судя по всему, он может. А если не подействует, сообщу вашему начальству, и вас отстранят от работы принудительно.

Устроившись на съемной квартире-студии, Токарев распахнул занавески и выглянул в окно. Через дорогу многоэтажный каркас строящегося здания закрывал панораму города. Следователь взглянул на часы, до встречи с информатором оставалось меньше часа. Приготовив скромный холостяцкий ужин из сосисок и спагетти, он расположился за круглым столом и принялся за еду. Его цепкий взгляд блуждал по квартире и мгновенно давал оценку современному контрастному интерьеру. Замысловатые формы подвесного потолка, почти черные обои на стенах. Взгляд остановился на магнитиках, выстроенных в ряд на дверце холодильника, красноречиво говоривших о страсти хозяина к Египту.

После ужина Александр перебрался в гостиную, включил телевизор, плюхнулся в кресло и вытянул ноги. Наружу вырвался вздох облегчения. Хлопотный день подходил к концу. Нажимая кнопки на телевизионном пульте, он просмотрел несколько каналов и оставил фоном вечерние новости.

Токарев размышлял о горюющей Анфисе, о родственниках жертвы и загадочной смерти самой Антонины. Пальцы выстукивали по коленям ритм. Губы

то и дело распаивались и на несколько секунд застывали, затем снова смыкались, пока очередная догадка не начинала бороздить мысленное пространство.

Стук в дверь прервал его размышления. Он поднялся, бесшумно подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Доставка пиццы, – приглушенно отозвался не то мужской, не то женский голос.

– Ошиблись адресом. Я не заказывал, – резко выпалил Токарев.

Курьер повторил адрес и настойчиво попросил принять заказ. Следователь расстегнул кобуру и положил левую руку на рукоятку пистолета. Не успел он открыть замок, как в квартиру буквально ввалилась женщина грузного телосложения. Крепко выругавшись, она панибратски стукнула его в плечо, от чего у следователя от боли посыпались искры из глаз, и вразвалочку прошла на кухню.

– Ну че, кореш, накрывай поляну! В животе революция!

Токарев понял, что это его информатор. В женщине было килограмм сто двадцать, ее басистый голос, словно гром раскатом разнесся по квартире. От упаковки с красочной наклейкой повеял дразнящий мясной аромат. Гостя скинула форменную куртку курьера и жестом пригласила Токарева за стол.

– Слышь? Короче времени в обрез, так что буду говорить и есть одновременно, – небрежно бросила она и, заметив, что Токарев не собирается к ней присоединиться, спросила: – Ты не будешь?

Громов мотнул головой.

– Только поел.

– Мне больше достанется, – обрадовалась информатор и приступила к поглощению первого куска.

Пока она ела, ее взгляд скользил по квартире и остановился на столичном следователе. Прикончив первый кусок, женщина с облегчением выдохнула и призналась:

– Не обедала сегодня.

– Какая трагедия, – съязвил Токарев, – ты сказала, что есть информация...

– Зовут-то как? – прервала его пышка и одарила кокетливым взглядом. – А то мне сказали, твой связной Токарев из отдела профайлинга, а имени не назвали.

– Александр, – сухо выпалил следователь, сел на стул верхом, и испепелил ее нетерпеливым взглядом.

– Сашок, значит! А мое имя тебе знать не положено, но в отделе меня все Нюрой кличут.

Она накинулась на второй кусок и с причмокиванием прикончила его за несколько секунд. Затем вытерла салфеткой рот и пригубила из банки кока-колы. Токарев сморщился, пицца и кока-кола – термоядерная смесь.

– Базара нет как там дерьмово, – начала она излагать с философским видом, – не дай бог никому туда попасть. Я во многих местах бывала, но такое... уррр... – Нюра передернула плечами и нахмурилась, – бабы там хуже мужиков: дерзкие, злые, ушлые, хитрые. Чуть что без разбору в ход кулаки идут. Глаз да глаз короче.

– Что о Власюк говорят? – напомнил интересующую его тему следователь.

– За Власюк там все тише воды, ниже травы. Только намек дашь, уже на тебя тарачатся, будто с уголовкой базарят. Все на стреме короче. Но подружница этой Власюк помогла. Кому надо маляву накатала и сказала к кому подступиться. Слесхнулась я там с одной зэчкой, она мне весь расклад и дала. Власюк в день смерти уволилась, после смены переделась, прихватила все свои вещички из шкафчика в служебной раздевалке и поплелась на остановку. А после полуночи на обходе обнаружили ее тело в пустом мусорном баке, – Нюра сморщилась и добавила: – Расчлененка короче. Новое начальство сдрейфило, там и так проблем по гланды, а тут еще трупак. Короче, подключили крышу, прислали разводящего, тот решил, что скрывать от ее семейства напрасный номер. Позвонили папику, ну ты же знаешь кто он...

– Нет, – удивленно ответил Токарев.

– Ты че, братан? Ау! С чердаком совсем не дружишь? С этого и надо было начинать... ее папик в авторитете.

Токарев отпрянул и матюгнулся. Его раздирало от гнева. Никто из следователей с кем он контактировал во Владимире, ни разу не обронил хотя бы

намека, что отец Власюк криминальный авторитет. Теперь ему были понятны «гостеприимство» коллег и нападение на перекрестке.

– Еще в девяностых весь город прибрал к рукам. Все зоны в области под ним. Сам понимаешь, такому дочь-лесбиянка поперек горла была. Говорят, он ее частенько поколачивал и в подвале закрывал, а она все свое талдычила. А когда взрослая стала, тут уж совсем скрываться перестала. В день смерти она всем растрепала, что переезжает к подруге жить. Типа больше скрываться не будут.

Следователь поскреб подбородок и задумался. Впервые в деле Власюк появилась стоящая зацепка. В памяти всплыл момент, как его машину зажали с двух сторон два джипа и «по-братски» поприветствовали дымовой шашкой.

– Как кличут отца-то?

– Петр Власюк, погоняла Слон. Только не трогал он дочь и не его это люди.

Токарев нахмурился. Нюра одолела последний кусок пиццы и отрыгнула.

– Это с другой группировки. Прислали ему намек на следующий день после убийства, что типа сам ты бы не смог, рука не поднялась, а мы очистили твое имя. Два дня Слон рыскал по городу, концы с концами сводил, а когда разобрался, говорят, кладбище не одним холмиком пополнилось.

– Понятно, для меня дело глухо. Ничего полезного, – вставая со стула, произнес Токарев и с разочарованным лицом посмотрел на часы, если он прямо сейчас выедет, то ночевать будет в своей постели.

– Не скажи, красава... – Нюра ехидно ухмыльнулась и подмигнула следователю, – есть одна зацепочка для тебя. Тело забирала из тюрьмы не машина из морга, как значится по документам, а фургон синего цвета. За рулем сидел водила Слона, а в помощниках у него был парнишка лет двадцати по кличке Гримёр.

– Гримёр?

– Ага, – Нюра вынула из кармана зубочистку и начала ковыряться в зубах, – погоняло ему такое вlepили, от того что он мертвяков малюет.

– На кого работает, не знаешь?

– Да кто заплатит на того и работает. Вольный.

Токарев зашагал взад-вперед по кухне. По словам информатора, выходило, что водитель Слона знает убийцу.

- А как к Слону подобраться?
- Не знаю чувак, это не мой профиль.
- Ты хоть знаешь, где его люди собираются?
- Нет, но могу узнать.
- Не надо, я сам. Ты больше сюда не приходи.

Тяжело вздохнув, Нюра поднялась и поплелась к двери. Взялась за ручку и перед тем как выйти предостерегла:

– У Слона везде свои люди, сидят на своих местах, словно мышки невидимые, так что не доверяй никому. По мне так иди к нему один и дай расклад, так, мол, и так. Тихо, не поднимая волны. Он это оценит.

Через распахнутые больничные окна Кира наблюдала, как заманчиво мерцают звезды на черном небе. Несмотря на ночь, коридоры больницы были многолюдны, словно полнолуние было повинно во всех человеческих бедах. За последние два часа Кира насчитала у приемного покоя пять карет «Скорой помощи». Снующие туда-сюда медработники не давали никакой информации. Внутри ее не пускали, от неведения у Киры разрывалось сердце. Какой вред нанес Нине убийца? Что с ней сделал? От этих мыслей у Киры начинала кружиться голова.

Телохранитель, лишившийся своего пиджака, как всегда держался в стороне и цепким взглядом осматривал периметр. Состояние Киры его тоже беспокоило, бледное как фарфор лицо, заламывание рук, из груди его подопечной то и дело вырывался мучительный стон. Каждые полчаса он докладывал о происходящем лично Бирку, а в ответ получал инструкции. Доктора интересовало все до мелочей, которым бы в обычной ситуации бодигард не придал бы значения. Внутри разгоралось профессиональное любопытство, какие выводы делает его клиент, получая ту или иную информацию? Поэтому он очень сильно удивился, когда доктор Бирк предстал перед ним собственной персоной, ведь только пару минут назад он получил от него очередной инструктаж.

– Здравствуйте, доктор Бирк, – быстро отчеканил телохранитель и встал на вытяжку перед работодателем.

Услышав его приветствие, Кира резко обернулась и встретила взглядом с Расмусом. Он сдержанно ей кивнул и нажал на кнопку вызова. Дверь реанимационного отделения открылась, на пороге появился медбрат крупного телосложения.

– Добрый день, мне нужен Валерий Сергеевич, – официальным тоном и немного заносчиво произнес Бирк, – он ждет меня.

– Представьтесь, пожалуйста, – недоверчиво предложил медбрат.

– Доктор Расмус Бирк.

Дверь мгновенно распахнулась, Бирка запустили в реанимацию, а Кира так и осталась стоять в коридоре с растерянным выражением на лице. После очередной разлуки Бирк снова надел броню и держался отстраненно. От обиды у нее чуть не брызнули слезы. Даже сейчас в день, когда она нашла Нину, он вновь отгораживается.

Кира позвонила сестре и напомнила про телефон риэлтора. Ася извинилась и тут же скинула смс с контактом. Отойдя в сторону от телохранителя, майор набрала номер риэлтора, представилась и объяснила причину звонка. Риэлтор стала задавать кучу вопросов, на которые Кира сейчас ответить была не в состоянии, поэтому она пообещала все обдумать и перезвонить утром.

Дальнейшее ожидание было для нее еще более мучительным. Она чеканила шаг по длинному коридору, словно солдат в карауле. Через десять минут такой ходьбы силы окончательно ее покинули. С тяжелым вздохом майор плюхнулась в кресло и вытянула ноги. Но отдышаться не успела, как двери реанимационного отделения распахнулись, в коридор вышел озадаченный Бирк. Кира резко вскочила и со словами: «Ну что там?» бросилась к нему. Вместо ответа, Бирк повернулся к телохранителю и сказал:

– Алан, здесь вы больше не понадобится, свяжитесь с Сото для дальнейших инструкций. Не забудьте ему сказать, про новый костюм. Спасибо, – Бирк пожал руку обескураженному телохранителю.

Кира впервые услышала имя человека, прикрывавшего ей сегодня спину. Он кинул на Киру прощальный взгляд и удалился. Более дисциплинированного человека Кира не встречала даже среди профессионалов.

Бирк повернулся к Кире.

– Признаков изнасилования нет, но она истощена и обезвожена. Проводится детоксикация. Был приступ тахикардии. Сейчас состояние стабильное. До утра она под снотворным. Если все будет без осложнений, мы завтра ее заберем.

– Я хочу ее увидеть, – недоверчивый взгляд Киры скользнул по дверям реанимационного отделения.

– Тебя к ней не пустят, я прошел как лечащий врач, – ответил Бирк и тоном, не терпящим возражений, добавил: – Едем домой. Тебе нужно отдохнуть.

Кире хотелось высказать ему все обиды. За каким чертом он улетел в Берлин в разгар расследования и поиска Нины. Приставил к ней охрану. До сих пор перед ней стояли глаза Близнецов, когда они увидели в холле Алана. Но она была без сил, поэтому лишь кивнула и послушно двинулась за доктором к лифту. Сев в машину, она откинула голову на кожаный подголовник, закрыла глаза и скрупулезно восстановила в памяти события прошедших дней. Все началось тридцатого мая в среду, прошла всего лишь неделя, но ей казалось, что целая вечность. Через день группа выезжала на новое место преступления, а значит, сейчас где-то там за жизнь борется очередная жертва и они ничем не могут ей помочь. Какое же это мерзкое чувство – беспомощность!

– Если бы ты не поехала сегодня в то заброшенное здание, Нина была бы уже мертва, – сказал Бирк.

Ему хотелось поддержать Киру, дать понять, как он ей благодарен. Но Кира, не открывая глаз, сухо произнесла:

– Нет. Не умерла бы. Он принес ее туда, когда мы с Аланом выходили наружу, чтобы позвонить.

Бирк повернулся вполоборота и уставился на нее удивленными глазами. Эту информацию ему не докладывали.

– Я видела его сегодня... он поднялся по лестнице на второй этаж, когда мы спускались в подвал. У меня был выбор: побежать за ним или спасти Нину.

– Ты сделала правильный выбор, – успокоил он и стиснул ее руку.

– Не знаю, – с горечью выпалила майор и одернула руку, – теперь кто-то другой борется за жизнь. Завтра узнаем кто...

Бирк скривился в мучительной гримасе.

– Даже если бы ты задержала того кто принес Нину в тот подвал, ты не смогла бы предотвратить убийства. Мы гоняемся за двумя разными людьми.

– Минус один злоумышленник тоже неплохо. Зато он больше никого бы не похитил, – сонным голосом произнесла Кира.

Бирк скрыл от нее, что Нина на несколько секунд приходила в сознание и успела передать послание, которое оставил ее похититель: следующей будет Кира и впредь таким добрым он уже не будет. Ближайшие дни Бирк планировал держать Киру при себе, но через десять дней ей предстояло вылететь в Будапешт для прохождения курсов, и этот факт вызывал в нем опасения.

Ловким движением он выудил телефон из кармана пиджака и послал сообщение Сото, в котором запросил список утвержденных кандидатур для курсов.

– Ты мне так и не рассказал, что тебе поведала психиатр Чингарова, – напомнила Кира, не открывая глаз.

Бирк заскрежетал зубами. Это говорило о том, что она наступила на большую мозоль. Глаза майора тут же распахнулись.

– Она сказала, что у Чингарова несколько лет подряд наблюдалась «Триада Макдональда», – сквозь зубы процедил Бирк.

– Что это за хрень? – грубо выпалила Кира.

– Набор из трех поведенческих характеристик: зоосадизм, пиромания и энурез. Напрямую они, конечно, не говорят о том, что такой ребенок обязательно будет серийным убийцей, но у большинства серийников «Триада Макдональда» присутствует в анамнезе.

Это означало одно: Бирк все-таки ошибся в оценке маленького пациента.

– Я продолжаю настаивать, что ребенок, представший передо мной, таким не был, – упрямо повторил свой вывод Бирк, словно прочитал мысли коллеги.

Кира хмыкнула и отвернулась, дальнейшую часть пути они проехали молча. Когда «БМВ» остановилась перед парадным входом в коттедж, Кира

устало выбралась из машины и невольно залюбовалась спорт-купе «Субару» черного цвета, которую накануне поставили в гараж. Сначала Кира подумала, что это приехал кто-то из гостей, но теперь понимала, что Бирк приобрел себе очередную игрушку.

– Нравится? – спросил Расмус, выбираясь из «БМВ».

Кира кивнула.

– Я сомневался из-за низкого кузова.

– В данном случае, низкий центр тяжести дает машине преимущество, она испытывает меньшие перегрузки на крутых поворотах, – высказала свое мнение Кира и встала перед капотом. – Мощные передние арки, хороший воздухозаборник... жабры на крыльях... она прелестна.

– Не знал, что ты разбираешься в машинах, тем более спортивных.

– Хоть чем-то тебя удивила, – с грустью произнесла Кира, попрощалась и двинулась в сторону гостевого домика.

Но Бирк не дал ей далеко уйти. Он окрикнул майора, а когда она обернулась, нервно откашлялся и с осторожностью произнес:

– Я дал распоряжение подготовить гостевой коттедж для Нины. Пару дней за ней будет приглядывать медперсонал. Ты не забыла? Твои вещи в рабочем крыле.

Из-за перенесенных стрессов и избытка информации по текущему делу, Кира совершенно выпала из реальности. Она оторопело смотрела на Расмуса и не могла понять, куда ей идти. Бирк словно понял ее состояние, осторожно взял ее под руку и повел в дом.

– Как только Нина оклемается, вернешься назад, – глаза Бирка блеснули в темноте, – если захочешь.

– Не поняла... ты хочешь, чтобы я осталась в рабочем крыле?

– Пока не поймем того, кто присылает нам послания.

Кира остановилась и со страхом спросила:

– А если не поймем?

– Поймаем. Даже не сомневайся, – голос доктора потеплел. – Пойдем, ты совершенно вымоталась. Тебе необходимо хорошенько выспаться.

И на этот раз Бирк снова уступил ей свою спальню. Общение на этом закончилось, до утра он так и не вышел из своего кабинета.

Опираясь на трость, Бирк расхаживал по кабинету и злился на себя. Нерв под коленной чашечкой так сильно дергал, что, не выдержав, доктор упал в кресло и взвыл. Неужели ему снова придется подсесть на обезболивающее? Пока идет расследование ему нужно быть максимально сосредоточенным, а он не может даже сконцентрироваться и разобраться в своих чувствах к Кире.

«Если захочешь», – в голове пронеслись его собственные слова.

Хорошо, что Кира не поняла его намека. А ведь он предлагал ей обосноваться в его спальне на полном серьезе, пусть и в порыве нежности, которая вдруг на него накатила. С каждым днем, проведенным рядом с ней, ему все труднее контролировать свои чувства. Это был факт, который Бирк даже не пытался оспаривать. Если бы к такому выводу доктор пришел до встречи с Кирой, то разорвал бы контракт немедленно и уехал из страны на неопределенный срок. Он так поступал, даже тогда, когда отношения становились некомфортными. Но о разрыве с Кирой он даже думать боялся. Не потому, что она была связующим мостиком между ним и Михкелем. Это он тоже прекрасно понимал. Она проникла в его сердце еще до того как он нашел ее обнаженную и до смерти напуганную под шифером во дворе строящегося дома. За несколько часов до этого момента, он уже болезненно реагировал на вожделенные взгляды ее нового напарника. А тогда он даже предположить не мог, что она могла быть той самой девочкой со «свадебной» фотографии.

Эту фотографию с шуточной подписью «Поздравь! Сегодня я женился. Я и Руся. 15.07.1988г. г.Ялта. Крым» Михкель вложил в единственное присланное письмо из лагеря.

Расмус вынул фотографию из сейфа и положил перед собой. На ней брат выглядел счастливым и широко улыбался. Похоже, что Кира была для него не менее важна, чем он для нее. Сердце защемило. Промелькнувшая мысль о том, что его собственный брат может, в конце концов, встать между ним и Кирой, заставила Бирка вздрогнуть. Как он поступит, если такая ситуация все еже

возникнет? Бирк знал наперед, он не будет стоять на пути у брата. Так было с самого детства: все лучшее Михкелю. Эти размышления заставили его снова вернуться к событиям в Германии. Неужели Михкель жив? Неужели причастен к убийствам, про которые ему толковала немецкая коллега? Линчеватель... Страшно подумать, что два брата окажутся по разные стороны правосудия.

Расмус вызвал Сото, а когда тот появился на пороге кабинета, сказал:

– Знаю, ты сейчас занят, но у меня есть личная просьба и она не терпит отлагательств. Найди всю информацию о группе, которая называет себя «Линчеватель». Действуют на территории Европы и Штатов.

Глава шестая

6 июля 2012 года.

г.Москва, отдел профайлинга

Восемь утра все сотрудники отдела присутствовали на совещании. Напряжение было физически ощутимо. Терпение и выдержка таяли на глазах. Понимая, что новость о следующем убийстве может прийти в ближайшую минуту все нервно посматривали на часы.

Через стеклянную перегородку Кире был виден Алан – ее телохранитель. Сегодня Кира сама была за рулем «Субару» и по дороге на работу не раз ощущала на себе пристальный взгляд его карих глаз. В этих взглядах не было ничего личного, скорее профессиональный интерес. Но это не снижало градус любопытства. О чем он думал, когда вот так на нее смотрел?

Проснувшись утром, Кира узнала, что Бирк еще до рассвета уехал в сопровождении охраны и Сото. Она могла ему позвонить, узнать новости, но не стала этого делать. Вчерашняя обида переросла во что-то большее. Впервые она почувствовала к нему отчуждение. Переезд как никогда казался ей логичным окончанием текущего этапа их отношений. После того как она покинет его гостевой домик Кира планировала внести несколько поправок в договор, по которым она смогла бы спокойно обсуждать свою жизнь с семьей, иначе социальная изоляция доведет ее до психического срыва.

Выслушав доклад Близнецов, полковник с непривычно бледным и потным лицом встал напротив карты московской и смежных с ней областей.

– Значит, его погоняла Гримёр, – пробурчал Лимонов и в задумчивости потер подбородок. – Как его нанимают? По объявлению? По рекомендации? Как нам его выследить?

Кира вспомнила посещение рязанского морга.

– В моргах при входе стоят рекламные стойки. Может, наш убийца тоже оставлял там свою рекламу?

– Нет, – помотал головой Токарев, – Не его уровень. Скорее всего, у него налажена связь с похоронными бюро. Это они решают, нужен им спец со стороны или смогут справиться своими силами.

– Мне кажется, что его не к каждому покойнику вызовут, – подметил Громов. – Он, видимо, завязан на криминалитете. Недаром же его к расчлененному трупу подпустили. Значит, доверяли... знали, что не проболтается.

– Ладушки-бабушки, зайдем с этой стороны. Саня, бери Вадима, дуйте во Владимир. Местным о своем визите ни слова. Нам и прошлого цирка хватило. Как установите местонахождения авторитета и его водилы, вызывайте группу захвата и тащите их сюда. Трясите этого Слона за хобот, пока не даст нам номер мобилы убийцы и не поработает с художником над фотороботом. А потом заставим его сделать один звоночек, пусть скажет, что, мол, заказ есть. Вот только к тому моменту нам нужен реальный покойник, чтобы уж осечек не было. Ваня, – полковник ткнул пальцем в сторону Свиридова, – займись этим, найди подходящий труп.

Свиридов кивнул.

– Ну, а вы двое...

Лимонов перевел гневный взгляд на Марусевича и Глушко. Новички сразу заерзали, Марусевич покраснел и потупил взгляд.

– Раз уж оба заговорили о переводе, перебирайте пока бумажки. Ищите пропавших – оценщика музея и Поликарпова. Где-то же они должны быть. Может в больницу попали или в морге давно лежат как неопознанные. Поликарпова шерстите по его маршруту передвижений. Отправная точка – Тула.

Полковник обвел всех придирчивым взглядом и стукнул кулаком по столу.

– Работаем!

Все повскакивали с мест и покинули конференц-зал.

Подойдя к карте, Кира флажками отметила все города, в которых произошли убийства. Мысленно она соединила линии между городами в порядке обнаружения в них «живых картин» и получила спираль. Идея пришла к ней ранним утром, когда она чистила зубы в ванной Расмуса и смотрела на картину морской перламутровой ракушки. От озарившей ее идеи она чуть не подпрыгнула, но потом вспомнила, что накануне там висела другая картина – анатомический рисунок человеческой кисти Леонардо да Винчи. Догадка пришла уже через считанные секунды: Бирк повесил новую картину специально, напоминая ей о единственном предмете, который оставлял Отверженный на всех местах преступлений.

– Ничего не замечаете? – спросила Кира шефа, кивком головы показывая на карту.

– К чему клонишь? – почти угрожающе произнес Лимонов, его раздражала таинственная улыбка майора.

Кира взяла со стола маркер, свела по окружности все выделенные точки – на карте образовалась спираль – и закончила жирной точкой в центре Москвы. С минуту полковник разглядывал карту, а Кира молча улыбалась.

– Я знаю, где все закончиться, – Кира ткнула маркером в карту, – в Москве.

– А я знаю когда, – послышался голос входящего в конференц-зал Бирка. На нем был серый костюм-тройка и темно-синяя рубашка, – восемнадцатого июля. Это дата очень важна для убийцы. В этот день он непременно сделает очередной подарок своему божеству, возможно последний...

– Почему? – встрепенулся полковник.

– Это день смерти Караваджо.

Бирк устало опустил на стул, Кира сразу подметила покрасневшие от недосыпа глаза и утомленный вид.

– Итак, мы знаем, где и когда. Как нам вычислить место? – спросил полковник, переминаясь с пятки на носок.

– Сото уже ищет все намеченные выставочные мероприятия на этот день. Понятно, что оно будет в рамках искусства, точно что-то масштабное и грандиозное. Это ведь финал, а значит, последний сюжет будет отработан до мелочей.

– А что потом? – спросила Кира, глядя Бирку в глаза. – Каковы его планы?
– Скорее всего, побег. Уедет куда-то в отдаленное место с красивым пейзажем и займется тем, что привлекало его всю жизнь.

Кира изогнула бровь.

– И чем же?

– Поиском себя, истины и его новой миссии.

– То есть ты хочешь сказать, что он больше не убьет? – удивился полковник.

– А разве я *это* сейчас сказал? – Бирк сверкнул глазами, и Кира почувствовала между друзьями возникшее напряжение. – Конечно, он продолжит убийства, но не сразу. Произойдет какая-то трансформация. Возможно, он полностью изменит Modus Operandi. Он уже попробовал кровь на вкус, и не сможет остановиться.

Полковник начал постукивать пальцами по деревянной столешнице. Между ним и Бирком явно что-то происходило помимо обсуждения дела. Колющие взгляды, резкие движения.

Бирк дал Сото знак и тот повернул ноутбук к Кире.

– Мы тщательно просмотрели запись с последнего места преступления. Только один человек дважды подходил к Кире.

Взглянув на экран, майор увидела себя у входа в здание склонившейся от приступа тошноты. Рядом проходит коренастый мужчина в форме санитара медслужбы. На какое-то мгновение он замедляет шаг, рука тянется к карману куртки. Даже с экрана смотреть на своего возможного убийцу Кире было невыносимо. Она вся съежилась, по коже пробежал холодок. Несколько секунд мужчина сомневался, это было видно по его движениям, он, то подходил ближе, то отходил и снова возвращался. Потом тряхнул сильно ногой, будто к его ботинку что-то прилипло, и вернулся в реставрируемое здание.

Сото придвинул ноутбук полковнику и еще раз прокрутил видеозапись.

После просмотра видео Кира почувствовала себя опустошенной и обессиленной. Как же ей несказанно повезло... и как повезло Нине. Ведь они обе могли оказаться на «живой картине», если бы в воображении убийцы подходили к сюжету.

– Думаешь, он санитар на труповозке? – осведомился полковник. – Это бы многое объяснило.

– Нет-нет, – тут же отмахнулся Бирк. – Он эстет, отличный психолог и хорошо разбирается в искусстве. На место преступления он пришел по двум причинам: нанести мне удар и посмотреть на плоды труда своего ученика. Он лично хотел убедиться в том, что его время потрачено не зря.

– Но как-то же он пробрался на место...

– Форма новенькая, – не дал договорить другу Бирк. – документы поддельные. Все просто. Сото уточнил. За трупами транспорт приехал только через два часа, и забирали жертв совсем другие люди.

– Черт! Мельтешит и с пути сбивает, – недовольно буркнул Лимонов.

– Сам он по каким-то причинам убить не может или не хочет из-за принципов. Для него важно место занять в первом ряду и наблюдать. Он себя чувствует режиссером. Ему приятна мысль, что именно он решает, кому жить, а кому умереть. Думаю, что Кира ему кого-то напомнила, возможно, дочь или девушку, которую он когда-то любил. Только поэтому он ее пощадил.

– На записи он говорит о сострадании... – подала голос Кира.

– Нет-нет, он сам запутался. Сострадание ему не ведомо, но он еще помнит счастливые моменты из своей прошлой жизни, и ты напомнила ему о них. Это и спасло тебе жизнь, – Бирк сжал набалдашник трости и побледнел.

Кира видела, какое мучение ему приносит мысль о ее потере. Но, если она ему дорога, почему он так холоден с ней?

– Охранник гадалки сказал, что Тамила во время сеанса упоминала о брате-близнеце, – Кира заглянула Бирку в глаза. – Я подумала, а что если ты был прав с самого начала? К тебе приводили не того брата. Дебоширил один, а вместо него к врачу поехал другой. У меня были одноклассники братья-близнецы, они все время друг друга выручали на экзаменах и зачетах по физкультуре.

Полковник оживился, но заметив нервозность Бирка, опешил и, потрясая руками перед головой друга, озвучил догадку:

– Ты знал! Сукин сын! – лицо полковника приняло пунцовый оттенок. – И молчал все это время! Ты получил подтверждение, что это Чингаровы? Да?

Бирк выставил руку, как бы останавливая его. Затем вскочил с кресла и зашагал взад-вперед вдоль стеклянной стены.

– Я дам вам всю информацию на убийцу, Андрон. Но у меня есть условие.

– Какого черта, Расмус?! Ты сдурел?

– Мне нужна встреча с Чингаровым. Сегодня!

– Нет! – взревел Лимонов. – Мы не знаем, как он поддерживает связь с братом. Не знаем, замешан ли Артур в убийствах.

– Даже если он и замешан... – Бирк развел руками, – он умирает. К суду ты его не привлечешь, даже допросить толком не сможешь. Его показания ни один суд не примет, он же под морфием!

– Мы изолируем его в отдельную палату, приставим своих людей. Рано или поздно Отверженный туда придет.

– Как только твои люди переступят порог хосписа, убийца заляжет на дно, и ты его никогда уже не поймаешь!

– Черт! Расмус! Ты не поедешь в хоспис!

Кира переводила взгляд с шефа на доктора и не понимала причину перепалки. Что плохого в том, что Бирк поговорит с Артуром? Она хотела уже вмешаться, но Бирк ее опередил.

– Только так я смогу остановить идейного вдохновителя. Иначе он не успокоится. Артур должен знать, кто промывает мозги его брату.

Испепелив гневным взглядом доктора, Лимонов потер ладонями покрасневшее от возбуждения лицо.

– Если ты что-то и сделаешь, Расмус, то я об этом не знал, – грубо выпалил Лимонов. – А когда узнаю, буду в бешенстве и на какое-то время прерву с тобой все контакты.

Бирк еле заметно кивнул, дал знак Сото следовать за ним и покинул офис. В конференц-зал заглянул Свиридов, смущенным и испуганным голосом сказал:

– Андрон Маркович, только что звонил какой-то Смирнов и сказал, что, если вы не вернетесь в больницу, он пришлет за вами санитаров и они вас пристегнут наручниками к койке. У вас, что реально вчера был сердечный приступ?

– Что? – Кира побледнела. – У вас был приступ?

Полковник отмахнулся, мол, ничего серьезного и ушел в свой кабинет.

Лениво развалившись на водительском сиденье, Громов осматривал горизонт. Плотное движение машин не давало набрать скорость. Уже час как они покинули офис подразделения, а в итоге смогли добраться только до МКАД. Говорить напарникам не хотелось. Сначала Токарев задумчиво рассматривал соседние машины, затем загрузил новую стратегическую игру на мобильник и погрузился в нее с головой. Последнее на чем сошлись Близнецы во мнении, садясь в машину, это то, что выходки Бирка достали всех до печенки. Оба следователя понимали, что Бирк снова утаивает информацию и действует только в своих интересах.

Заиграл рингтон когда-то популярной песни «Гангста-рэп». Номер не определился и Вадим нахмурился.

– Громов, – пробасил он.

– Здравствуйте, – послышался робкий женский голос, – это Вика из хосписа. Помните меня?

– Привет, Вика. Есть новости? – Вадим ткнул напарника в плечо и жестом попросил убрать звук игры.

– Есть. Вы можете подъехать?

– Э-э, нет, – почесал затылок следователь, – еду в другой город по важному делу. Могу подъехать завтра.

– Если вам это удобно я могу все рассказать сейчас по телефону.

– Валяй, – бросил Громов и перевел разговор на громкую связь.

Токарев сразу подобрался, убрал телефон в карман брюк и сел к напарнику вполоборота.

– Сегодня утром к Артуру приходил опять тот парень. Сама я его не видела, он дождался, когда я ушла к врачу обсудить состояние дяди, только тогда зашел в палату. То, что это он приходил, я поняла по пакету, который появился у кровати Артура. Я спросила у медбрата, что крутился по близости, и он подтвердил. Оказалось, что это родной брат Артура. Медбрат сказал, что они

похожи как две капли воды. Что он сразу и не понял, кто это и подумал, что Артуру стало лучше, и он разгуливает по коридору.

– Он уже ушел?

Громов стрельнул в напарника вопросительный взгляд и Токарев понял, что наружка опять оплошала. Ведь от них не поступал доклад о том, что у Чингарова был посетитель.

– Да. Был не больше пяти минут. Оставил книги Артуру и какие-то сильные обезболивающие лекарства, не наши, американские. Вел себя тихо, не так как в прошлый раз. Артур после его прихода воспрял духом. Даже поел. Видимо, лекарства действуют, потому что он сегодня не так громко стонет и даже несколько часов лежал на спине, а обычно отворачивался к стенке, плакал или делала вид, что спал.

– Что-то еще было подозрительное?

– В отделении нет, но когда я говорила с врачом, то обратила внимание, что на его столе лежит ходатайство о переводе Артура в московский хоспис.

– Что? – следователи переглянулись.

– Я спросила врача, а он ответил, что объявились родственники и хотят перевести Артура в более комфортабельное заведение, но он дал отказ.

– Почему?

– Говорит, что Артур не выдержит такой дальней поездки.

– Спасибо за информацию, Вика, звони, если будут еще новости.

– А вы больше не приедете?

Напарник жеманно закусил губу и изобразил томный девичий взгляд. Громов нахмурился. Только сейчас до него дошло, что понравился девушке еще в первую их встречу и теперь нашел объяснение ее странному поведению.

– Если в этом возникнет необходимость, то приеду, но пока я решаю более важные вопросы.

– Конечно, извините.

Громов хотел ей сказать, что она молодец, несмотря на риск, помогает следствию, но девушка поспешно попрощалась и разъединила связь.

– Решаю важные вопросы, – с издевкой выдал Токарев.

– Заткнись, сатана! – еле сдерживая улыбку, Вадим кинул в напарника пустой пластиковый стаканчик.

– Приезжайте, я буду вас ждать и обеспечу важной информацией, – продолжил в том же духе Токарев и жеманно повел плечами. – Вы раскроете дело и получите повышение по службе.

– Понеслась коза по ипподрому, – проворчал Громов, нарочито грозно прорычал, делая вид, что злится.

Следующие пять минут напарник отпускал скабрзные шуточки, а Вадим ворчал, что тому заняться нечем. Перепалка длилась, пока Токареву не позвонила Кира и не рассказала Близнецам о спирали и дате смерти Караваджо.

– Выходит Отверженный реально перемещается в Москву, если даже братца пытается перевезти.

– Вопрос, зачем? Он ведь на ногах даже не держится, по оценке врачей ему осталось не больше двух недель.

– А до восемнадцатого июля как раз две недели, – подсчитал Токарев. – Идея с восемнадцатым числом мне по душе. Если Отверженный так помешан на Караваджо, то дату смерти игнорировать не будет, отпразднует с размахом. Вот только будут ли новые убийства в эти две недели или он заляжет на дно?

– А я делаю ставку, что до восемнадцатого числа еще не один музей будет находить у себя «живые картины», – весомо выдал Громов и ткнул пальцем в торпеду.

– Почему вы их так называете? – возмутился Токарев. – Они же мертвые...

Приятная истома наполняла натруженное тело. Через распахнутое окно лицо прогревало полуденное солнце. Несколько птиц, громко щебеча, прыгали по жестяному подоконнику, явно что-то друг другу доказывая. Еще до конца не проснувшись, он вспомнил минувшую ночь и улыбнулся. После очередной ночной эскапады он чувствовал такой драйв, что решил наконец-то выйти из тени собственных страхов и подавлений. Больше ему некого бояться и стыдиться. Он сам себе бог и хозяин. Как только он закончил с очередным «полотном», и его

отпустила возбужденная дрожь, направил свой фургон в место, где можно было познакомиться с парнем и договориться о сходной цене.

Он не стыдился своих намерений, но решил, что не будет проявлять инициативу. Пусть в первый раз выберут его. Сейчас бы он не простил отказ. Даже если к нему никто не подойдет, ночь прошла не зря. Он уже сделал смелый шаг и приехал. Раньше он даже в мыслях себе такого не мог представить. Все его тайные желания выплескивались в яркие фантазии только в моменты мастурбации.

Из фургона он не выходил. Попивал холодное баночное пиво, наблюдал издалека и собирался с мыслями. На нем новенькие фирменные джинсы, модные кроссовки и яркая футболка с изображением скелета. Лицо гладко выбрито, а салон фургона еще с вечера пропитался его новой туалетной водой «Dolce&Cabbana».

Он заметил движение слева и сразу же напрягся. К нему подошел высокий симпатичный парень. Представился Арманом и завел разговор. Скрывать он ничего не стал и выложил сразу, что это его первый раз, что просто хочет попробовать, как он выразился: «Торкнет его или нет». Арман оказался отличным парнем, понимающим, дружелюбным и компанейским. С ним было легко, будто он знал его уже не один год.

Сначала выпили, благо он прихватил переносной холодильник и набил его первоклассной выпивкой и деликатесами. Потом Арман пригласил его поехать к нему в квартиру, которая была в двух кварталах. Конечно, его звали не так, при первой же возможности он проверил его паспорт и вздрогнул. Сергей Афанасьев, так звали парня, в которого он был влюблен в школе. Это была судьба! Ему словно дали второй шанс. После этого он заметно осмелел, а от выпитого спиртного расслабился и уже не так резко реагировал на настойчивые прикосновения парня. Даже если это была всего одна ночь, он запомнит ее на всю жизнь. Но к утру оба уже понимали, что чувствует нечто большее, чем просто влечение друг к другу. По обоюдной договоренности они не собирались выходить из квартиры в ближайшие сутки. Поэтому он сильно удивился, услышав хлопок входной двери и размеренные шаги. Кто-то прошел на кухню. Кто это? Может его

любовник живет с кем-то, а его даже не удосужился предупредить? Как ему вести себя, если их застукают вместе в одной постели?

Перевернувшись на другой бок, он потряс Армана за плечо и ужаснулся. Парень был холодным как лед. Его бездыханное тело застыло в неестественном положении. И вот что было странным, когда он сам лишал кого-то жизни, чувствовал драйв и прилив адреналина. Но сейчас рядом с ним мертвым лежит тот, кто еще несколько часов назад дарил ему любовь и нежность.

Он вскочил с кровати, похватал свои вещи и бросился в прихожую. От навалившегося на него липкого ужаса, он совсем забыл, что в квартиру только что кто-то зашел.

– Уже проснулся? – послышался из кухни знакомый голос.

Затормозив у двери, он несколько минут пялился на нежданного гостя. Его-то он уж точно не ожидал здесь увидеть. Насвистывая и напевая себе под нос какую-то веселую песенку, его добровольный наставник беззаботно колдовал над плитой.

– Не знал, что ты любишь, поэтому взял телячий стейк и овощи. Кто же откажется от куска мяса после такой урожайной ночи? – усмехнулся наставник. – Прими душ, позавтракаем, поговорим, а потом тебе придется пройтись по всей квартире и стереть свои отпечатки.

– Зачем?

– Негоже оставлять следы, ты забыл, чему я тебя учил?

– Скоро все закончиться, так чего париться?

– Закончиться только восемнадцатого, ты же не хочешь, чтобы все это время за тобой гонялась полиция и земля горела под ногами? У тебя миссия, незачем рисковать перед финальным выходом.

Нерадивый ученик скрылся в ванной и встал под душ. Хоть внешне он страха не выказал, но когда уединился, ощутил, как дрожат колени. Наставник убил его любовника! Убил так незаметно и бесшумно, что тот даже не проснулся. Как он его отыскал? Следил за ним? Другого варианта нет. Почему? Не доверяет? Но и черт с ним! Зачем он вообще ему нужен? Чего прилепился как банный лист? У него миссия, а наставник-то тут при чем? Научил и вали подальше, так нет же... преследует... А раз так, значит, хочет быть не просто наставником. Но кем?

Партнером? Или он его ревнует и хочет стать любовником? Нет. Последнюю мысль он сразу отмел. Наставник явно не по мальчишкам, это он определил в первую же их встречу.

Вернувшись на кухню, он придвинул тарелку и принялся. Затем отодвинул в сторону овощи и быстро разделался со стейком.

– Почему вы здесь? – спросил он напрямую и впилил в наставника пронзительный взгляд. Он всегда чуял ложь и видел, как иногда хитрит и изворачивается этот проныра. Какую сказочку придумает на этот раз?

На самом деле он не сомневался, что у его наставника есть другая натура: жестокая, безжалостная, не терпящая возражений. С ним он ласков и заботлив, но он всегда чувствовал, что этому когда-то настанет конец.

– Чтобы в очередной раз уберечь тебя от ошибок. Ты уже, небось, вознамерился забрать этого... – наставник небрежно махнул в сторону спальни, – ВИЧ-инфицированного в Москву?

– О чем вы говорите? – с раздражением выпалил он.

– Надеюсь, ты предохранялся? – наставник одарил ученика вопросительным взглядом и по реакции понял, что нет. – Ох-хо-хо. Я знал, что ты небрежен и неосторожен, но что б до такой степени...

В комнате повисла звенящая тишина.

– У него СПИД. Разве он тебе не сказал?

Ученик молчал, красноречиво подтверждая опасения.

– Я так и подумал. Эта публика очень лжива. Им бы лишь денег срубить, на чужие судьбы наплевать. Раз их потрепала судьба, так пусть и другим достанется.

– Можно подумать бабы не лгут, – пробурчал злобно ученик.

– Я говорил не о половой принадлежности, а о проститутках. Ты же видел, что он этим на жизнь зарабатывает, а ему еще нужны дорогостоящие препараты. Думаешь, он хоть на минуту задумался о твоём здоровье?

– А вам-то что?

– Да, собственно, ничего, просто решил тебе глаза открыть.

– Вы следили за мной?

– Приглядывал, – уточнил наставник, но от этого было не легче.

Ученик сверлил наставника буравящим взглядом, его правая нога под столом нервно подрагивала.

– В машине у меня есть мешок для трупов. Держу на всякий случай. Перевезем тело в лабораторию после полуночи.

Покончив с завтраком, наставник прошел в гостиную и потянулся к пульту от видеомэгнитофона.

– Я взял из дома парочку твоих любимых фильмов. Не хочешь посмотреть?

Через несколько минут ученик плюхнулся рядом с наставником на диван. Визит покровителя явно был запланирован, поэтому он задал логичный для него вопрос:

– Что вы на самом деле хотите?

– Нужно обсудить финал. Я обдумал твой план и нашел в нем массу слабых мест. Готов выслушать?

Ученик кивнул, между бровей залегла глубокая складка, он не любил, когда его планы подвергались жесткому анализу. Но нужно было честно признать, что наставник всегда оказывался прав.

Пока наставник говорил, он думал только об одном: неужели он заразился СПИДом? Нужно как можно быстрее сдать анализы. Умирать молодым ему совсем не хотелось. Когда на первом месте его работы с ним произошла трагедия, он слетел с катушек. Убежал из дома, жил и побирался на улице. Потом освоился в уже знакомом ему подвале, месте, где все произошло. Там, спустя два года его и нашел наставник. Он привлек его внимание необузданной яростью, с которой лишал жизни всех, кто вторгался в его убежище.

Ничего о СПИДе он не знал. Не знал, как и когда проявиться эта болезнь. Слышал только то, что она смертельна. Что теперь с ним будет? Сможет ли он довести свой план до конца? Выходит, наставник ему нужен, и незачем так остро реагировать на то, что тот в очередной раз за ним прибирает.

Кира заметила движение в коридоре и резко обернулась, в офис широким шагом входил Яковлев. Увидев ее через стеклянную перегородку, он жестом показал ей на входную дверь, давая понять, что хочет поговорить на улице. От

волнения мгновенно пересохло во рту. Держа бывшего напарника в неведении об истинных отношениях с Бирком, Кира чувствовала себя виноватой. Майор взяла себя в руки и приготовилась к неприятному разговору. Быстрой пружинистой походкой она преодолела коридор и вышла в вестибюль. Глеб маячил перед дверью. Вид у него был как у побитой собаки.

– Прости, что отрываю от дел, но я хотел извиниться за свое вторжение к Бирку в коттедж. Я немного перебрал в тот день, – затараторил бывший напарник, когда Кира вышла из офиса.

– Я сейчас занята, – сконфуженным тоном произнесла она и отвела взгляд.

– Понимаю... но не могла бы ты со мной поговорить? Всего две минуты...

Вид у него был такой жалобный, что сердце Киры сжалось и заныло, она кивнула и вышла с ним на улицу. На стоянке перед зданием она заметила его красный спортивный автомобиль. На пассажирском сиденье сидел брюнет лет тридцати пяти в синем костюме.

– Ты не один, – почти шепотом произнесла Кира, понимая, что в машине они поговорить не смогут, а посади она его в «Субару», Глеб начнет задавать вопросы, которых Кире хотелось сейчас избежать.

– Это мой напарник, я тоже спешу.

– Ну? – Кира заглянула Глебу в глаза. – Что ты хотел сказать?

– Хочу, чтобы ты знала, то, что я писал в смс это правда, – Глеб сжал ее плечи. – Мне не хватало уверенности, сказать тебе в глаза.

– Тебе? – с ехидцей спросила Кира. – Трудно в это поверить...

– Да, я знаю, – усмехнулся он с горечью, – но так уж вышло. Потерял дар речи. Можно сказать, впервые...

Кира поняла, о чем пойдет дальнейший разговор и переменялась в лице. Что сказать Глебу? Он ведь ей нравится. Но Кира точно не сможет сделать его счастливым. После измены мужа она так и не научилась доверять мужчинам, поэтому и сконцентрировалась на работе. А после подписания договора с Бирком отношения с Глебом перешли в разряд невозможных.

Продолжить разговор им не дали, входная дверь распахнулась, и на лестницу выбежали Лимонов и Свиридов. Лицо у полковника было пунцово

красным, жилы на шее вздулись. В руках Ивана побрякивали ключи от машины шефа.

Увидев Митяеву, Лимонов воскликнул:

– По коням! Серпухов!

– Я скинул тебе адрес, – крикнул на ходу Кире Иван. – Привет, Глеб!

Яковлев махнул ему рукой.

– Глеб, – произнесла она жестко, – мне нужно ехать...

Сзади послышался мужской сдержанный кашель, Кира резко обернулась.

Это был Алан.

– Я буду в машине, – Алан двинулся в сторону «Субару».

– Твой новый напарник?

– Нет, у меня пока нет напарника. Это мой телохранитель. Бирк приставил после... – Кира осеклась, – не важно, мне пора.

Глеб нахмурился, разглядывая внушительную фигуру Алана.

– Кира, тебе угрожает опасность? Бирк просто так охрану не приставит!

Высвободившись из хватки бывшего напарника, Кира кинула на ходу: «Прости, я не могу сказать тебе больше» и побежала к машине.

– Кира! Позвони мне как освободишься!

Он так и не понял, услышала она его или нет. Мотор «Субару» заурчал, машина резко рванула со стоянки, выехала на шоссе и вклинилась в поток машин.

г. Серпухов. Историко-художественный музей

Чудом, но все же Алан умудрился припарковать «Субару» на подъездной дорожке перед двухэтажным зданием музея, окрашенного в розовый цвет. Кира вышла из машины и огляделась. Вереница полицейских машин выстроилась в хаотичном порядке, на некоторых из них все еще были включены проблесковые маячки. Толпа зевак и пресса были оттеснены за красно-белую оградительную ленту. Возбужденные полицейские в форме и в штатском сновали туда-сюда как оголтелые. Кира смотрела на происходящее с удивлением, ни в одном из предыдущих случаев полицейские не проявляли такой приткности. Видимо,

каким-то образом на этот раз Отверженный привлек своим творением максимальное внимание.

Вслед за ней к входу в сопровождении Свиридова торопливо-семенящим шагом спешил Лимонов. Вид у него был еще более взвинченный. Постоянный кашель и теребление пуговиц на кителе красноречиво говорили о том, что полковник только что получил нагоняй от начальства.

Пролетев мимо майора, Лимонов еле слышно буркнул:

– Иди за мной, телуха за периметр и пусть на глаза никому не попадается.

Кира дала знак Алану вернуться в машину, а сама поспешила за шефом.

Перед входом вся группа подверглась тщательному осмотру и проверке документов. Пока их личности не подтвердили через базу МВД, внутрь их не выпускали.

Они поднялась на второй этаж по ступеням, устланным красной ковровой дорожкой и вошла в небольшой зал с зелеными стенами. В центре зала перед ними предстала очередная экспозиция «живой картины» с тремя участниками. Средний рост не позволял Кире увидеть место преступления целиком, поэтому ей пришлось несколько минут стоять на цыпочках и выглядывать из-за голов коллег. Соединив все детали в единое целое, стало понятно, что на этот раз Отверженный повторил сюжет картины «Юдифь и Олоферн».

Полицейские между собой говорили в полголоса, некоторые снимали на камеры мобильных телефонов. У окна Кира заметила нескольких экспертов запакованных в белые комбинезоны и по очкам и телосложениям узнала среди них Сото и Бирка.

– В зале остаются только сотрудники отдела профилирования и эксперты. Остальных попрошу выйти на лестницу, а еще лучше на улицу, – командным тоном изрек Лимонов. – Через час мы освободим помещение, и вы сможете продолжить свою работу.

Толпа недовольно загудела, но послушно потянулась к лестнице. Бирк тут же приступил к работе, в руках Сото появилась камера.

Кира подошла ближе к Бирку и перевела взгляд на экспозицию, стараясь хорошенько ее рассмотреть с этого ракурса. На паркетном полу была расстелена все та же черная пленка, на которой возвышался помост – импровизированное

ложе, накрытое белой простыней с брызгами крови. На нем Кира увидела тело мужчины лет тридцати пяти восточной внешности, лежащего на боку. Рядом с помостом в положении стоя были закреплены два женских тела. У молодой женщины стоявшей ближе к помосту в руках был меч, им она как бы отсекала мужчине голову. Вид у нее был величественный, даже победоносный. Вторая женщина была пожилой, в руках она держала мешок. По сюжету она должна была принять отрезанную голову. Ее сморщенное в брезгливой гримасе лицо обращено в сторону помоста.

Когда в зале остались лишь члены рабочей группы, Бирк прочистил горло и начал поспешно излагать:

– Сегодня шестое июля 2012 года, я стою на пятом месте преступления в серпуховском историко-художественном музее. Убийца демонстрирует очередную картину Караваджо под названием «Юдифь и Олоферн». Юдифь убила Олоферна за то, что тот напал на ее народ и пытался заставить евреев поклоняться ассирийскому царю Навуходоносору вместо Иеговы. Он был язычником, и Юдифь совершила убийство во славу своего бога. Караваджо, питал слабость к изображению обезглавливания. Обычно это уже отрезанная голова в руках победителя, но в этом сюжете он изображает сам процесс.

– Расмус, – одернул эксперта Лимонов, – давай опустим экскурс в историю. Сконцентрируйся на телах и уликах.

Возражать доктор не стал. Подойдя вплотную к подиуму, он продолжил:

– Юдифь – это, несомненно, центр композиции, она героиня, поэтому эта жертва тут главная. За ней Отверженный охотился не один день. Ради нее он создал этот сюжет. Как я уже говорил, Отверженный трус, поэтому в тайне завидует отважности жертвы. Она поразила его мгновенно своим напором и красотой.

На телефон Свиридова пришла смс, он прочитал сообщение и посмотрел на полковника. Лимонов перевел взгляд на Ивана и приподнял кустистые брови.

– Опознали молодую женщину – Екатерина Шульгина, двадцать восемь лет, вдова, имеет... вернее имела двухлетнюю дочь.

– Вдова? – переспросил Бирк.

– Да, – кивнул Иван, – муж был пожарным, погиб под завалами торгового центра. Шульгина не работала, сидела в декрете с дочкой, получала пенсию по потере кормильца.

– Юдифь была вдовой... – прошептал Бирк, но Кира его услышала.

– Родственники есть?

– Отец... он уже выехал в Серпухов.

– Продолжим? – Лимонов постукал указательным пальцем по стеклянному корпусу наручных часов.

Через полчаса ему предстоял доклад о результатах расследования, но уже сейчас полковник осознавал, что особых улик очередное убийство не даст. Скорее, больше вопросов. С каждым убийством Отверженный становится более аккуратен и дерзок. В прошлый раз была пара, теперь сразу три жертвы.

Бирк обошел экспозицию. Кира двигалась за ним.

– На этот раз тела совершенно не тронуты, видны лишь места соединения с деревянной конструкцией, которая удерживает их в нужных позах. Никакого грима и это странно. Раньше Отверженный уделял этому вопросу очень много внимания. Костюмы детально проработаны, но больше похоже на наряд крепостных крестьянок, чем на одежду времен Навуходоносора.

– Одежду он взял здесь, – поспешил вставить Иван. – Ее опознали работники музея. Здесь проходят разные фестивали, и репетирует театральный кружок, поэтому в подсобке были несколько костюмов.

Бирк приподнял простынь, которая прикрывала нижнюю часть тела жертвы-мужчины и сказал:

– Мужчина полностью обнажен, – взгляд заскользил по крепкому жилистому торсу и остановился на шее. – Горло перерезано от левого до правого уха. Меч утоплен в засохшей крови, судя по металлу дамасская сталь. Антиквариат. Жертва не сопротивлялась, но была еще жива, когда перерезали горло. Татуировка на предплечье. Надпись на... я не эксперт, но скорее всего, это турецкий. Многочисленные застарелые ожоги лица и катаракта на начальной стадии в одном глазу. Думаю, жертва была сварщиком, ищите среди пропавших турецких строителей.

Иван вышел на лестницу и стал переговариваться с местными следователями из убойного отдела.

– По состоянию зубов, ногтей и кожи могу с уверенностью сказать, что третья жертва бездомная. В сюжете ей отведена второстепенная роль служанки, которая должна принять отрубленную голову от госпожи. Скорее всего, убийца схватил первую попавшуюся бездомную и включил в экспозицию. Думаю, вскрытие подтвердит, что смерть была от прокола в сердце – традиционный способ нашего Отверженного. Исходя из увиденного, я делаю вывод, что двух жертв – вдову и турка – убийца привез в музей живыми, но в бессознательном состоянии, а бездомную убил сразу же, как похитил.

– Ты уверен? Это очень смелый шаг! – воскликнул полковник.

Бирк не ответил. Вернулся к первой жертве и продолжил осмотр.

– Над Юдифь он работал долго, придавал ей особый решительный взгляд и поворот головы. Несомненно, что для этого ему нужно было вынуть глазные яблоки и снова вставить под нужным ему углом. Он изучил жизнь вдовы вдоль и поперек. Знал, где и когда она будет особо уязвима. Не думаю, что он убил ее своим излюбленным способом. Тут будет что-то еще... более гуманное. Возможно, передозировка снотворного. Он смотрел, как жизнь медленно покидает ее, скорее всего, неоднократно мерил пульс, – Бирк повернулся к криминалисту, стоявшему у стены, который с интересом слушал его выводы. – Пройдитесь по всему ее телу дактилоскопическим порошком, возможно, он оставил на ней отпечатки.

Когда сотрудники отдела профайлинга закончили свою работу и вышли из здания музея на улице уже стемнело. Лимонов предложил подвести итоги прямо у служебных машин.

– Итак, что мы имеем? – спросил он, покручивая кончики усов, поочередно оглядел группу, и остановил, наконец, взгляд на Бирке.

– С первого взгляда понятно, что убийца выделил Шульгину из всех.

– Почему? – спросил полковник.

– Восхищался. Считал ее идеалом.

– Ну, тогда мог бы и пощадить, – буркнула недовольно Кира.

– Не-е-ет, – протяжно произнес Бирк, – убийство вдовы доставило ему необычайное удовольствие. Жертва и ее поведение способствует развитию *modus operandi*. Теперь у него есть деньги, а с ними придет свобода. Убийца изменится. Станет еще более дерзким.

– Куда уж хуже! – воскликнул Иван.

– Его сигнатура, – продолжил развивать свою мысль Бирк, – это музеи в зданиях конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века. Обратите внимание, что в Твери он использовал императорский дворец, находящийся на ремонте. Ему все равно, в каком состоянии здание, главное, что он оставляет свое творение в памятнике архитектуры. Кстати, именно этот фактор привел меня к мысли, что Тверь была для него комфортна. Поэтому риск сведен к нулю. Реставрируемое здание практически не охранялось ночью, что дало ему прекрасное поле для деятельности. Здесь, – Бирк указал в сторону музея, – Отверженному было очень некомфортно. Усиленные меры безопасности, кругом камеры. Ему явно кто-то помогал. Думаю, на этот раз наставник не просто наставлял. На это раз он страховал, а может даже помогал. Возможно, из-за постоянного давления на этот раз Отверженный отказался от грима. По моему мнению, убийца по роду своей деятельности отлично знал не только места, в которых совершил преступления, но и сами города. Он на финишной прямой. Уже нет прежней ярости. Проглядывается некое эстетство. Созерцание. Наверняка он сделал несколько снимков, и теперь будет вновь и вновь переживать момент триумфа, сопряженного с сексуальным возбуждением.

– Думаешь, он до годовщины смерти Караваджо заляжет на дно? – уточнил полковник и почесал затылок.

– Хороший вопрос, но, к сожалению, ответа на него я не знаю. Молодые, не оформившиеся убийцы опасны своей непредсказуемостью. В любой момент все может измениться. Тем более на него влияет покровитель. А у того фантазия куда богаче, чем у Отверженного.

– Но кто он, этот вдохновитель? – Кира не скрывала, что больше заинтересуется закулисным манипулятором.

– Да черт его знает, псих какой-то! Охочий до славы. Хвостом виляет да зубы скалит. Притерся с боку как пиявка и нервы треплет! – полковник потер шею и закурил.

– Зато теперь мы точно знаем, что он никак не влияет на убийства, – вставила Кира, глядя на шефа. – Ближайшие сутки Расмуса не было в Москве. С натяжкой, но можно сказать, что он не занимался делом Отверженного с момента похищения Нины, а в итоге мы имеем новое убийство.

– Я думаю, наставник все же имеет на своего ученика влияние, – тут же парировал Бирк, глядя на полковника. – Угрозы в мой адрес носят разведывательный характер, он как бы примиряется к моим навыкам и возможностям. Играет и дразнит. Сложность в том, что это убийство было давно спланировано, так просто Отверженный от него не отказался бы. С наставником или без, но он бы сделал это.

Полковник затаился и выпустил бесформенный клубок дыма. Он не сводил взгляд с Митяевой, которая с каждой репликой Бирка морщилась и раздражалась как при уколе кинжала.

– Андрон... – еле слышно позвал Лимонова Расмус.

– Что? – полковник нахмурился.

Бирк неотрывно следил за сигаретой.

– Черт! Что б тебя! – полковник выкинул горящую сигарету в урну и промахнулся.

Кира и Иван обменялись многозначительными взглядами.

– Я идентифицировал голос на записи...

Все обернулись и взглянули на молчавшего до этого момента Сото. Поправив очки и нервно откашлявшись от всеобщего внимания, помощник доктора продолжил:

– Это диктор радио и телевидения Александр Кононов. Сейчас временно безработный. Я скидываю вам все его данные и контакты.

Мобильные телефоны всех присутствующих ожили и завибрировали.

– Вот с каких новостей нужно начинать доклады! – злобно буркнул Лимонов. – Ваня, посылай к этому диктору новеньких. Пусть ногами напоследок подвигают.

Свиридов потянулся к телефону.

– Митяева, оставайся здесь и проведи с местным убойным тщательный опрос свидетелей. Сейчас тут безопасность как в Кремле, чужак не проскочит.

Кира кивнула.

– Иван, – полковник ткнул пальцем в сторону здания, – тут много народу крутилось ночью, в музее праздновала день рождения дочь мэра, может, кто-то из гостей что-то видел. Народ разошелся только к утру. Поэтому уборку в этот раз начали не как обычно с выставочных залов, а с парадной гостиной, где были накрыты столы. Одна разгулявшаяся парочка спьяну поднялась наверх, видимо, желала уединения и обнаружила сюрприз их трех трупов. Вопль стоял на всю округу.

Теперь Кире стало понятно, почему на месте преступления был такой ажиотаж. Мэр присутствовал на мероприятии, а этажом выше серийный убийца разворачивал свою масштабную деятельность.

– Как он пронес трупы? – спросил Токарев. – Для того чтобы поднять три тела на второй этаж нужно было пройти через сто пятьдесят человек. Кто-нибудь мог его заметить. Это очень рискованно.

– Вот Митяева это и выяснит, – огрызнулся Лимонов, затем снова повернулся к Свиридову. – Иван! Оформи изъятие видеоматериала с вечеринки. Наверняка там был профессиональный оператор.

– Нужно просмотреть телефоны гостей, они могли отснять свой материал, – предложил Сото.

– Остайся, помоги Ивану, – попросил его Бирк.

– Даже после очередного убийства у нас новые вопросы, а ответов с гулькин нос. Сейчас меня интересует не то, как он все это делает, а как нам его поймать. Эх... – полковник махнул рукой, но продолжить не смог – зазвонил его мобильный.

Ответив на звонок, Лимонов отошел в сторону и стал докладывать первые результаты расследования очередного убийства.

Бирк взял Киру под локоть и подвел к своей машине. Затем навис над ней и впялил изучающий взгляд. Внутри майор бурлила от гнева, ей хотелось высказать

ему все, что она о нем думает, но присутствие других членов группы заставило ее взять себя в руки.

– Ты не против, если мы втроем – ты, я и Сото – слетаем в Крым перед тем, как ты уедешь на учебу?

– Зачем? – опешила Кира и ощутила, как Бирк вновь выбивает почву у нее из-под ног.

– Я хочу провести сеанс гипноза на месте похищения твоего друга.

– Вот оно что... – Кира пришла в смятение. – Если это сдвинет дело с мертвой точки, то я согласна.

– Хорошо, вылетим, как только закончим дело.

– А если мы не закончим дело до моего отъезда?

– Закончим.

– Откуда такая уверенность? – вскипела Кира.

Ответом Бирк себя не обременил.

– Мы с полковником поедем в одной машине, а ты после допросов поезжай с Аланом. До утра меня не будет, так что пока все без изменений.

Бирк намекал на то, чтобы она и сегодня ночевала в его спальне. Но Киру взбесило не это, а надменный и приказной тон Бирка. Она готова была взорваться от негодования, но в этот момент полковник закончил разговор и двинулся в их сторону. Бирк отпустил ее локоть и сел в «БМВ».

г.Рязань, хоспис

В конце рабочего дня процедурный кабинет хосписа пустовал. Бирк разместился у окна и поглядывал на монастырские купола. Его мысли то и дело возвращались к Кире. Сегодня она была с ним необычно холодна. Когда он дотронулся до ее локтя и повел к своей машине, она так напряглась, что он не смог скрыть своего раздражения. Раньше она так не реагировала. Еще этот Яковлев не дает ей прохода. Услышав доклад Алана о приходе в офис бывшего напарника майора, Бирк расвирепел. Ведь в личном разговоре он предельно ясно дал сопернику понять, что у них с Кирой серьезные отношения. Но тот будто нарочно испытывает его терпение.

Дверь открылась, и в кабинет на медицинской каталке ввезли Артура Чингарова.

– Он согласился с вами поговорить, но у вас не больше получаса, потом поставим капельницу, – проинструктировал врач-паллиатолог, приводя в вертикальное положение изголовье каталки.

От этого действия Чингаров сморщился, закрыл глаза и застонал.

Бирк кивнул, незаметно включил диктофон и изучающе уставился на истощенного и измученного болями свидетеля. Обесцвеченные волосы вклочены. Потрескавшиеся губы. На сером лице испарина.

Когда за врачом закрылась дверь, Чингаров открыл глаза.

– Я помню вас, но тогда вы были без очков, – скрипучим голосом еле слышно произнес Чингаров и облизал губы. – Сколько мне тогда было? Десять?

– Одиннадцать, – уточнил Бирк и придвинул стул ближе к изголовью каталки. – Я так понимаю, все тетушки уже умерли.

– Все до одной, – с горечью усмехнулся Артур. – Но они так отравили мое тело и душу, что мне до сих пор кажется, что они все еще здесь. Вот откроется эта дверь, – Чингаров поднял немощную руку и показал в сторону двери, в глазах пробежал страх и Бирк напрягся, – и впрхнет какая-то из них с носом в виде птичьего клюва и начнет причитать: «Артурчик, не лежи в кровати после того как проснулся. Беги, умойся снегом и садись за стол».

«Снегом?», – Бирк опустил на стул и пристально разглядывал свидетеля.

– Помните их носы? Эти ужасные крючки... – он закашлялся и протер платком губы.

– В тот день произошла подмена? – Бирк не сводил взгляда с Чингарова. – Вы поехали вместо брата, как вы тогда выразились к психо-доктору.

– Да, – Чингаров улыбнулся, оголяя желтые зубы. – Вальдемар всегда был пуглив и постоянно просил о помощи.

– Когда у него появились проблемы с психикой?

Чингаров пожал плечами.

– Он всегда был непредсказуем и непослушен, поэтому ему больше всего доставалось от деда.

– Деда? Вы не говорили, что у вас был дед.

Глаза Чингарова злобно блеснули.

– Мне запрещали. Про него и секту, наставником которой он был, нам говорить категорически запрещали.

– Секту? – Бирк откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

Конечно! Как он сам не догадался? В памяти снова всплыли образы трех сестер. Одинаковая черная одежда, массивная, лишаящая всякой женственности обувь и один и тот же взгляд: блуждающий, немного рассеянный, затравленный.

– Дед был последователем «Скакунов». Слышали о такой секте?

Бирк кивнул. Когда-то ему приходилось изучать деятельность всех существующих и канувших в Лету религиозных организаций, и он отлично помнил, что «Скакуны» возникли в Европе как результат неприятия лютеранства.

– Наша мать была немкой. Она сбежала из семьи в двадцать один год. В этом возрасте каждый прихожанин проходит особый ритуал посвящения. Ты должен сознательно выбрать «Скакунов». Испытуемого помещают в лесной домик на три дня. Там он молится и принимает решение. Для тех, кто хочет сбежать, это единственный способ вырваться в большой мир. Мой брат тоже им воспользовался.

– Но не вы... – подметил Бирк.

– Я не хотел убегать, – с напускным воодушевлением ответил Артур. – В секте было интересно. Никаких жен. Бери любую. По воскресеньям праздничная служба. Ох, как же я ждал эти воскресенья. После пения псалмов начиналось основное веселье. Пляски до упаду, а потом секс. Много секса. Кто от такого откажется? Когда сбежал брат, все девчонки были мои, – он помрачнел. – Шутка. Он сторонился девчонок как чумы. Только на днях признался почему. Я был шокирован. Мой брат – гомосексуалист!

– А вы не догадывались?

– Нет, боже, никогда. Он это тщательно скрывал. Понятно почему, если бы дед узнал, то Вальдемар не отделался обрядом перекрещения.

– Перекрещения?

Чингаров отмахнулся.

– Когда мы не слушались, дед закрывал нас в бочке наполненной ключевой водой и держал до тех пор, пока мы не начинали визжать от холода. Брат всегда

сдавался первым. Я мог бы многое вам тогда рассказать док, но что мои слова против трех свихнувшихся старух. Ради деда они бы убедили кого угодно, что у меня не все дома.

Бирка осенила догадка и он ее тут же озвучил:

– У ваших тетушек был один муж – ваш дед.

– В десятку, – усмехнулся Артур. – Браво, док. Ей богу, вы молодец. Уж вы бы разогнали всю их вакханалию в три счета. Я это видел в вас. Хотел даже уже признаться, ведь вы так старались вникнуть в суть проблемы, но потом передумал. Ведь у деда был мой брат. Да и мать тогда была еще жива. Вас бы дед называл «Огненным серафимом» – человеком, который способен сжечь чужие сердца.

Бирк прищурился, ему не понравилось такое сравнение.

– Каждую ночь он стучался то к одной сестре, то к другой. Людям он говорил, что не связан ни с одной женщиной, но на деле имел всех, даже моих подружек. Объяснял это как процесс очищения, что, мол, через него на них сойдет Дух Святой и очистит грязные помыслы. Вот только грязными они были лишь у него.

– Как же получилось так, что вы с братом попали к деду и его сестрам? Ведь ваша мать сбежала.

– Когда мать сбежала, то в первую очередь решила наверстать учебу. Окончила вечернюю школу и поступила в медицинское училище. Устроилась работать в больницу. Там познакомилась с моим отцом. Он лежал с воспалением легких. Влюбились, поженились и родились мы с Вальдемаром. Отец был архитектором, из состоятельной семьи. А когда он погиб, мать осталась богатой вдовой и по дурацости написала теткам, – голос Артура совсем ослабел и Бирк подумал, что у свидетеля не хватит сил на отведенное время. – Вот тогда-то дед и добрался до нее. Забрал все. Дом, деньги, драгоценности. Денег было так много, что половина паствы переехало из тьмы тараканьей в Москву. Над нами с братом тряслись тетки, дед редко вмешивался в процесс воспитания, только когда мы совсем распоясывались... По сравнению с другими детьми в секте, мы были избалованы. По завещанию отца мать была лишь опекуной, мы были истинными наследниками. Это и спасло нам жизнь. А то разделили бы участь своей сестры.

– У вас была сестра?

– Была... одна, – Чингаров скорчился и повернулся на бок, лицом к Бирку. Его голос опустился на октаву ниже. – Больных детей в секте не держали. Сам дед руки не марал, заставлял под особые песнопения умерщвлять матерей собственных детей. А так как в секте в основном были родственники, то от кровосмешения каждый второй ребенок был с отклонением.

Бирк побледнел.

– Умерщвляли публично?

– Говорю же, под особые песнопения всей паствы. Они все орали и скакали как орангутанги, – теперь лицо Артура было каменным, взгляд стал жестким. – Мать родила от деда девочку. Она оказалась глухой. После умерщвления ребенка она сошла с ума. Однажды ее нашли в кровати мертвую с проколотым спицей сердцем. Дед сказал, что мать сама себя убила. Но я-то знал, что ей помог брат. Он избавил ее от мучений.

– Почему вы так решили?

– Я слышал их... ночью... они шептались. Мать спала с нами в одной комнате. Он говорил ей, что отправит ее на небеса, где ее будут окружать ангелы и наша маленькая сестренка. Мать плакала, она понимала, что он хочет сделать и сама направила его руку. У него был прокол на руке от спицы, рана долго не заживала.

Хоть Бирк, в силу своей профессии, был к таким рассказам уже привыкший, но слушать откровения Чингарова все равно было тяжело. Даже примерно он не сможет подсчитать, сколько за годы практики пациентов рассказали ему свои трагические переживания, которые повлекли за собой психические отклонения.

– Так почему вы все-таки не сбежали, – объяснение, которое ранее дал свидетель Бирка не устроило.

– Я был влюблен... в двоюродную сестру, – признался Артур. – Ее звали Елена. Белокурый ангел. Хрупкая, нежная. Она тоже меня любила.

– И почему вы не вместе?

– Она умерла при родах. Дед запрещал переливания крови... и она умерла от кровопотери.

– Это был ваш ребенок?

– Да.

– И где он сейчас?

– Умерщвлен, – еле слышно ответил Чингаров.

– Кем? Ведь мать умерла.

– Дед заставил меня... но...

– Вы снова поменялись местами с братом, – догадался Бирк.

Теперь сложилась общая картина, Бирку недоставало лишь пару фрагментов, которые он намеревался заполнить к концу разговора.

– Так зачем вы, док, пришли? Из-за Вальдемара?

Бирк кивнул.

– Я так и понял. Он снова убивает...

– Снова?

– Когда он сбежал из дома, то устроился работать рабочим на какой-то склад. Там что-то произошло. Брат не сказал, что конкретно, но дал понять, что с обидчиком он разобрался. По его тону я понял, что он кого-то убил. Я просил рассказать подробности, но брат только отмахивался. После его побега он сильно переменялся, отношения между нами были уже не такими близкими. Можно сказать, что я потерял брата в тот день, когда он убежал.

– Расскажите мне о Караваджо, – попросил Бирк и поправил очки на переносице.

– О боже, вы даже это знаете, – усмехнулся Артур. – Брат был помешан на этом художнике. Только о нем и говорил. Это началось когда мы забрели в школьную библиотеку, и он нашел там альбом с картинами Караваджо. Вальдемара словно молнией поразило. Он показал мне дату рождения художника – двадцать девятое сентября, это и наш с братом день рождения и после этого ему совсем крышу снесло. Стал читать о реинкарнации, переселении душ. А когда мы встретились после того трагического случая на складе, он уже говорил о том, что постоянно слышит голос Караваджо. Что у него как бы с ним прямая связь. Я тогда еще подумал, что у брата после всех потрясений сформировалось психическое расстройство. Это ведь шизофрения, так?

Бирк не хотел углубляться в этот вопрос, слишком все субъективно. Чтобы поставить точный диагноз, ему нужен был подробный анамнез, а его можно собрать только при личном общении с пациентом.

– Насколько я знаю, помимо Караваджо у него есть еще один наставник.

– Вы о Химике? – Артур застонал и снова перевернулся на спину.

Бирк напрягся и поддался корпусом вперед.

– Расскажите о нем. Как они познакомились?

– Я не знаю. Он мало о нем говорит. Будто стыдится их связи.

– Они любовники?

– Не думаю, скорее, там взаимовыгодный интерес.

– Какой?

Чингаров пожал плечами.

– А что вы еще о нем знаете? Как он выглядит? Кем и где работает? Где живет? Где они встречаются? Что их объединяет? – сыпал вопросами Бирк.

– Знаю только то, что Химик сам его нашел... как-то... не знаю где. Брат говорил, что после общения с ним он понял, в чем его миссия и зачем он пришел в этот мир.

– И в чем же его миссия?

– Увековечить тех, о ком забыл создатель. Кого выбросил на обочину жизни. Кого не слышал во время молитв и стенаний. Кому не повезло с самого рождения, и как бы человек ни старался, все зря.

Заглянув в глаза свидетеля, Бирк ужаснулся от новой догадки. Артур знал, что брат собирается его «увековечить».

– Вы уже знаете, какой приготовлен для вас сюжет?

Чингаров бросил на него осторожный взгляд и облизал губы.

– Пообещайте мне, что дадите довести его миссию до конца. Я хочу быть частью его миссии. Это логично завершит мой путь.

– Я не могу дать вам такое обещание. Если его не остановить, он будет убивать снова и снова.

– Нет. Даю вам слово. Больше никто не пострадает. Из недавно почивших на его картине буду только я.

Бирк нахмурился. Что это значило? Может ли быть так, что Артур будет убит еще до восемнадцатого числа? А «Давид и Голиаф» никакого отношения к нему иметь не будут? Но Артур, будто поняв его ход мысли, поспешил заверить:

– По сюжету я – Давид, а Голиаф наш дед. Брату удалось выкопать его труп и сохранить голову. Пусть в жизни у меня не получилось, но на картине я буду победителем. Понимаете? Мне это нужно. Там, на небесах меня будет встречать мать, сестренка и моя любимая. Я должен прийти к ним победителем. Обещайте!

На глаза Чингарова навернулись слезы, лицо переменялось, теперь Бирку казалось, что на него смотрит тот самый одиннадцатилетний мальчик и просит о помощи, которую он ему тогда так и не оказал.

– Обещаю, – выдал из себя Бирк, – но с одним условием...

Его рука потянулась в карман брюк, и нажатием одной клавишей диктофона остановил запись. После этого они проговорили еще несколько минут, затем дверь открылась, и в процедурный кабинет вошел медбрат.

– Я как волшебница из сказки «Золушка» говорю вам: «Ваше время истекло», – медбрат что-то напевал и явно пребывал в отличном настроении. – Какие планы, Артур?

Больной смахнул слезы. На лице отразилось подобие улыбки.

– Открыть завтра утром глаза и встретить еще один день.

«Дожить до восемнадцатого числа», – мысленно выдал свою версию Бирк и, опираясь на трость, медленно двинулся в сторону выхода.

«БМВ» еще не отъехало от хосписа, а Лимонов уже прожигал друга нетерпеливым взглядом. Бирк молчал и полковник с раздражением воскликнул:

– Едрён батон! Чего там?!

– Слова не скажу, пока ты не объяснишь мне, что происходит.

– О чем это ты?!

– Какого лешего ты ошетинился на меня? – набросился на него Бирк.

Полковник отпрянул.

– Подумаешь, попросил побеседовать со свидетелем, будто я раньше этого никогда не делал. Между прочим, я единолично разгребал дерьмо в Руанде и никто мне не помогал кроме Сото. Ни деньгами, ни содействием. Хоть бы поблагодарил!

Бирк отвернулся и уставился на унылый и еле освещенный придорожными фонарями ландшафт.

– А ты чего такой чувствительный стал? – тут же поддел его Лимонов. – Когда это тебя волновал мой тон или сказанное в запале? Ты отмахивался и делал, что считал нужным. А тут обидки пошли...

В машине воцарилась тишина, Лимонов понял, что Бирк первым не заговорит и решил сам навести мосты.

– Так что там с Чингаровым? Он свидетель или соучастник?

– Сам решай.

Вместо ответа, Бирк сунул ему диктофон. Еще в коридоре он стер фразу «...только с одним условием». Полковник прослушал запись и покрутил кончики усов.

– Вот значит, откуда спица взялась. Он так мать убил.

– Смерть сестренки, матери и ребенка брата способствовали прогрессу шизофрении. Удивительно, что он вообще получил хоть какую-то профессию.

– Ты про гримера? Так он ее не получал. Смотрел, как один старикашка работает, тот уже не мог носить с собой чемоданчик с оборудованием и брал Чингарова с собой.

– Твои ребята привезли из Владимира тех двоих свидетелей, – догадался Бирк.

– В оборот взяли еще там, на месте. А теперь муштруют в допросной у нас в подразделении. Поедешь со мной?

– Нет, – помотал головой Бирк, – я доброшу тебя до офиса. У меня дела.

После минутной паузы Бирк поскреб двухдневную щетину и с задумчивым видом выдал:

– Мне не дает покоя ощущение, что я что-то упустил.

Лимонов повернулся и обдал Бирка изучающим взглядом.

– Ты о чем?

– А что если смерть Артура Чингарова будет не восемнадцатого, а раньше? Ведь Давид и Голиаф символ борьбы Артура с дедом, в первую очередь за смерть возлюбленной и ребенка. Но Отверженного там не будет. Вот если бы брат держал голову Вальдемара, или наоборот, тогда бы я сказал, что это конец. Чую, что на восемнадцатое у них с наставников намечено что-то более грандиозное, чем «живая картина». По крайней мере, я бы этому не удивился. Вальдемар отдает последнюю дань брату и освобождается от всех семейных уз. Что дальше? Интуиция мне подсказывает, что на счет его будущего у них с наставником разные мнения.

– Думаешь, что наставник переиграет и убьет Отверженного?

Бирк кивнул. На телефон полковника пришло сообщение от Ивана с докладом о допросе диктора.

– Марусевич и Глушко допросили Кононова. Заказ диктор принял по почте и сначала хотел отказать, уж очень подозрительный текст ему показался. Тогда гонорар удвоили и заверили, что это для молодежной театральной постановки. Обмен произошел в метро. Высокий парнишка с прыщавым лицом забрал диск с записью и отдал ему конверт с наличными. И вот что главное, – полковник дождался, когда Бирк повернется и добавил: – Всего записей было три.

– Хм. Мы получим еще одну. Говорю же это не конец, Андрон.

– Но наставник сказал тебе, что все закончится с Давидом и Голиафом, – возразил полковник, как же ему не хотелось докладывать начальству о следующем убийстве Отверженного.

– Да, но для кого все закончится? Для Отверженного? Возможно, как раз на этом заканчивается его миссия. Но это точно не конец для наставника. Он запудрил нам мозги, намеренно пустил по ложному следу. Путает нам карты. В первой записи он говорил от имени Отверженного. «Я воссоздаю говорящие картины Караваджо, а Гюнтер фон Хагенс выставляет напоказ человеческое тело для познания анатомии». «Мой создатель поставил передо мной скромную задачу – подарить плоти вечность». Во второй записи он пытался заключить со мной сделку. Говорил о том, что хочет уйти на покой и растворится в космосе. Чушь! Такие как Химик сами никогда не остановятся. Его монолог был полон издевок в мой адрес. Он буквально упивался своей осведомленностью о моей жизни.

– Думаешь, он следит за тобой?

– А черт его знает, я уже ничему не удивлюсь. Мы-то с тобой знаем, Андрон, при желании можно добраться до любого из нас. Ни охрана, ни оружие, ни оборудованное убежище не поможет. Все это полумеры для успокоения собственного страха. Похитив Нину, Химик полностью меня деморализовал.

– Ну-ну, дружище, тебя нельзя деморализовать, – Лимонов ободряюще похлопал по плечу Бирка. – Не на того напали.

– И все же...

Доктор отвернулся и пребывал в задумчивости несколько минут.

– В Серпухове чувствовалась рука наставника. А что если восемнадцатого будет их совместный выход? Тогда...

– Что? – в нетерпении подгонял с выводами друга полковник.

– Тогда это уже будет не «живая картина», а что-то видоизмененное.

– Есть предположения? – полковник нервно откашлялся.

– В первой записи Химик намекнул на сохранения плоти. Возможно, он выставит свой самостоятельный проект, не лишенный пафоса и величия.

– Пока я не понял мотивацию Химика. Чего он добивается? – полковник сверлил доктора взглядом. – Зачем ему вообще нужен Отверженный? Ведь он явно умнее и куда опаснее своего нерадивого ученичка. Это же, как с младенцем возиться, все ему рассказывай и показывай, а тот неблагодарный еще норовит с поводка сорваться и вести свою игру.

– Раньше я думал, что Химик не убивает, что действует через посредника. Сейчас уже сомневаюсь. Пока он мне кажется неким хамелеоном. Вживается в шкуру ученика. Говорит от его имени. Примеряет на себя его жизнь, образ мышления и эрудицию. Так ему легче понять и манипулировать. Он выбрал себе миссию наставничества и следует за ней. Это как бы реализация себя через менее опытного помощника. Мы с тобой тоже своего рода наставники. Что нам это дает?

– Передача опыта.

– Это само собой, – отмахнулся Бирк. – Что еще? Это же власть над другим человеком. Контроль. У любого маньяка тотальная потребность в контроле. Происходит это из-за желания защитить себя от внутренней уязвимости и

отчаяния, испытанного однажды в прошлом. Химик подталкивает ученика в нужном направлении. Вспомни убитых мать и сына-олигофрена. Отверженный устроил вскрытие с демонстрацией всех внутренних органов. Каждое его действие было для нас понятным. Почему вынул мозг у сына, почему засунул крысу. Но потом все прекратилось. Следующее убийство совершенно другое. Будет так поступать молодой убийца? Нет, он продолжит исследования. На такую путаницу способен опытный манипулятор.

Полковник внимательно слушал доктора и не мог отделаться от мысли, что Бирк своим монологом расписывается в собственной беспомощности. Это означало, что если группа не поймает Химику и его ученика до восемнадцатого июля на Бирка надеется уже нет смысла. Из прошлого опыта Лимонов знал, что такая неудача может вышибить Расмуса из колеи. Он снова надолго уедет из Москвы.

– Истинная цель Химику запутать и сбить с пути, – продолжал свои размышления Бирк. – Дать новые улики, чтобы мы сбились с ног, притягивая один конец к другому, но ничего не сойдется. Потому что и не должно сойтись. В этом деле не будет стройной системы обычного поведения убийцы. Не будет амплитуды нарастания и зверств. На первый взгляд Отверженный действует неумело и стихийно. Но это не так, – Бирк замолк, потом уставился в одну точку и через минуту добавил: – Все гораздо проще. Мы имеем дело с тремя убийцами: Отверженный, Химик и Караваджо – голос, что слышит Отверженный. Нельзя этого третьего снимать со счетов. По словам брата, Вальдемар с художником эпохи Возрождения на постоянной связи. Отсюда и диссонанс в поведении. Сдается мне, что Караваджо не подчиняется Химику. Этим Отверженный и интересен наставнику. Этим ученик выторговывает себе с каждым убийством еще время. А время у Химику нет. Его миссия требует срочного завершения дела. Предстоит борьба между наставником и учеником. С одной стороны Химик хочет перевернуть страницу и идти дальше, к другому ученику, с другой стороны, ему интересно, что еще предложит Отверженный. Ведь он, несомненно, оказался лучшим учеником. Поэтому Химик в раздумьях. Поэтому говорит о милосердии, что иногда стучится в его сердце. Но это игра. Игра в милосердие. Он примеряет на себя роль бога и вершителя судеб. Процесс захватывающий и интригующий.

– Начальство мне сегодня открытым текстом дало понять, что убийство в Серпухове последнее, иначе...

Бирк отмахнулся.

– А что им еще тебе говорить? Дергают их, они тебя. Ничего они тебе не сделают.

– Так что с новичками? Думаешь, нужно отпустить? Кадров не хватает.

– В нашем деле поговорка «На безрыбье и рак рыба» не работает. Я, например, сейчас сижу и думаю, что могли упустить Марусевич и Глушко, опрашивая диктора. Я наблюдал за ними в работе и скажу одно, не перетруждают они себя. Глушко каждую минуту мечтает о высоких волнах. Марусевич думая, что его никто не видит, то звонит жене, справляясь как там сын, то смотрит на семейное фото. А уж если жареным запахнет... сам знаешь, что будет. Они не плохие ребята, но... не наши. Гони их в шею. Пусть с ними твой «дружок» Ткаченко разбирается.

– А остальные? «Наши»?

– Однозначно...

– Я нашел судмедэксперта. Смирнов Петр Алексеевич. Ты уже с ним общался. Толковый мужик, а главное... – полковник скривился в усмешке, – со стальными яйцами!

Бирк кивнул и тут же отвернулся, давая понять, что не заинтересован развивать эту тему. Он вспомнил про оборудование, застрявшее на таможне, и сжал кулаки. Сейчас он не должен отвлекаться, на первом месте Химик и его дальнейшие планы.

7 июля 2012 г.

г.Серпухов. Историко-художественный музей

Допросам не было конца. Только Кира с облегчением закрывала блокнот, как местные следователи приводили нового свидетеля. Уставшая и обессиленная она снова вслушивалась в показания и буквально силком заставляла себя работать. Сопоставив свидетельства двух секьюрити, нанятых для порядка на мероприятии, Кира пришла к выводу, что Отверженный при транспортировке

жертв на второй этаж воспользовался служебной лестницей, куда были подняты три сколоченных для перевозки произведений искусств ящика из листов ОСП и деревянной обшивки.

По словам охранников о доставке их предупредили заранее, а на груз еще с утра была выписана разрядка. Перед подъемом ящики были вскрыты, а содержимое тщательно проверено. Когда Кира услышала эти слова, подняла глаза на двух нервно переминающихся с ноги на ногу охранников и прищурилась. Она живо себе представила, какая была атмосфера в тот момент. Рация постоянно оживает, слышатся доклады с разных постов. Вечеринка уже началась, гремит музыка, туда-сюда снуют подвыпившие гости. Охрана музея еле справляется с их натиском. Ведь наверняка многим после употребления горячительного захотелось «приобщиться» к искусству и побродить по залам.

Кира решила зайти с другой стороны. После первых же вопросов о содержимом, которое якобы тщательно проверили, охранники «поплыли» и покраснелись как ее удостоверение. В итоге признались, что груз не проверяли, так как ящики были затянуты шурупами, а инструмента под рукой ни у кого не оказалось. После допроса они не раз подходили к Кире и интересовались попадет ли эта информация к их работодателю, на что майор пожимала плечами и отвечала:

– Я расследую убийство, остальное меня не касается.

Несколько свидетелей слышали стук со стороны лестницы примерно после полуночи. Груз, по словам охранников, привезли в восемь вечера. Грузчики после доставки сразу вернулись к двум «Газелям» и уехали. Из этого факта Кира сделала вывод, что Отверженный пробрался на вечеринку заранее и под видом работника музея сам принял груз. А как только убедился, что к его действиям и грузу никто не проявляет интерес, начал распаковку ящиков и монтаж подиума.

Сото и Иван изъяли огромное количество видеоматериала и еще до полуночи уехали в офис, где сейчас просматривали записи и присылали Кире комментарии. Отношения с Сото не изменились. Он ее игнорировал, Кира делала вид, что ее это совершенно не заботит. Пару раз она замечала его у себя за спиной в каком-нибудь отражении стеклянных или зеркальных предметов, но делала вид,

что занята работой, и справляться у помощника доктора о причине такого интереса не собиралась.

Бирк несколько раз звонил Сото. Из докладов его помощника Кира поняла, что он спрашивал о ней, но саму ее звонком не осчастливил. Допросы немного остудили пыл Киры, сейчас ей самой уже было трудно понять, за что она злилась на доктора. Надменный тон и высокомерие, что так ее раздражали, Бирк демонстрировал с первых дней их знакомства, так что она знала, на что шла, когда подписывала договор. Сейчас, размышляя об их отношениях, Кира сама себе призналась, что больше всего ее задевало, что Бирк не делится с ней добытой информацией. Наверняка он обсуждает все с шефом, но ведь она связная, он должен держать ее в курсе событий, а в итоге Кира получает информацию из служебных сводок Ивана.

Из здания музея Кира вышла под утро и не чувствовала ног. К ее удивлению Алан не спал, а стоял у «Субару», разложив какие-то инструменты на капоте. Увидев Киру, он быстро побросал инструменты в ящик, убрал его в багажник и сел за руль.

Кира решила отправить Ивану краткий доклад и свои выводы. Ее пальцы лихо постукивали по кнопкам телефона, когда Алан спросил:

– Куда едем?

– Домой, – устало отозвалась Кира и с усмешкой подумала, что убежище Бирка уже стала считать своим домом.

В этом вопросе она сама себе противоречила. Потому как только Бирк и ее шеф отъехали от музея, она подробно изложила по телефону риэлтору все критерии своего будущего арендованного жилья. Сначала у нее в голове мелькнула мысль вернуться в свою квартиру, в которой проживала с мужем. Роман не раз в смс давал понять, что от продажи совместной недвижимости их отделяет только наличие ее вещей в квартире. Но потом решила, что это плохая идея. В сущности ей бы пришлось просить бывшего мужа о паузе в продаже на год, пока не закончится договор с Бирком. А унижаться перед Романом, особенно после их последнего разговора ей не хотелось. Тем более эта квартира навевала бы на нее тоску. В ней она была счастлива, пусть и недолго. А теперь ее сердце разбито. Каждый предмет в доме напоминал бы ей о семейной драме.

В планы Киры входили душ и плотный завтрак, а если Нина не спит, то уделить ей время и поговорить. Майор не сомневалась, что Бирк уже выудил из нее всю информацию, но Кире хотелось и самой задать подруге вопросы.

В дороге Кира снова ловила на себе изучающие взгляды Алана, ей бы спросить, почему он так на нее смотрит, но из-за версий, которые промелькнули в голове, она решила не искушать судьбу. Сейчас она так вымотана, что слышать фразу типа «Ты мне нравишься» или «А у тебя есть парень?» она не в силах.

«Субару» уже приближалась к МКАД, когда телефон Киры ожил. На дисплее определился номер следователя Сухорукова, с которым она обследовала заброшенный подвал, где нашли Нину.

– Андрей Павлович, здравствуйте, – Кира кинула взгляд на ручные электронные часы. Почти шесть утра.

– Извините, ради бога, Кира Владимировна, я вас не разбудил?

– Нет, – усмехнулась Кира, – еду с места преступления.

– У меня если честно ночка не слаще, – Сухоруков прочистил горло и сразу приступил к делу. – Я вот по какому вопросу. Поднял дело о гибели того завсклада, о котором вам рассказывал. Еще тогда у нас было много не стыковок в показаниях свидетелей, но начальство давило, а улики не было. Короче, был там один свидетель, который явно знал больше, чем говорил, но как мы его не крутили, на разговор так и не вывели. Напарнику моему показалось, что он из тех, кто про всех все знает. Может то, что он скрывал, и не по делу вовсе. А в свете того что вы мне рассказали, думаю, вам нужно поговорить с этим типчиком. Тот еще штурдель, честно скажу.

– Диктуйте адрес, – Кира потянулась к блокноту и ручке.

Сухоруков продиктовал адрес проживания, фамилию и имя.

– С ним надо жестче. Он поболтать любит на всякие отвлеченные темы, так что вы не давайте ему спуска, иначе заболтает так, что вы забудете, зачем приезжали.

– Спасибо, Андрей Павлович, я сейчас же к нему проскочу.

– Не спешите, он сова, любит поспать. В прошлый раз мы его еле-еле с напарником разбудили в десять утра. Так он на нас такого Полкана спустил, что мы уже не рады были, что так рано пришли.

– Ничего, у меня он как миленький запоет, – уверенно произнесла Кира и ухмыльнулась, она уже знала, как подступиться к соне-говоруну.

Закончив разговор, Кира повернулась к Алану и дала указание:

– Едем в Воскресенск, – продиктовала адрес и похлопала по карману летнего пиджака, где наручники ждали своего звездного часа.

Только что закончился телефонный разговор Лимонова с судмедэкспертом Смирновым, который дал согласие на перевод в их подразделение из Твери. В шуточной форме Смирнов поставил условие: Полковник должен пройти полное обследование в кардиологии до монтажа оборудования для морга. Он объяснял это тем, что Лимонов непременно окажется его первым пациентом, а начинать карьеру в таком качестве в новом отделе он не хочет. Полковник невнятно пробуктел: «Обойдешься». На что коллега отпустил скабрзную шуточку и посоветовал заранее заказать себе похороны, а он со своей стороны сейчас же приступит к написанию некролога и даже выдал несколько версий первых двух предложений. Лимонов еле сдерживал улыбку, Смирнов ему нравился, и полковник поймал себя на мысли, что ему приятно будет с ним поработать.

– Кстати о похоронах. Анекдот в темку. Только сегодня рассказали. Как понимаешь, это животрепещущая тема среди нашего брата. Похороны друга... Мойша громко стонет: «Изя, дорогой, я не верю-таки, что ты нас покинул». Кто-то толкает его в бок: «Товарищ, отойдите от гроба, дайте подойти тем, кто уже верит или хочет убедиться, – закончил свой монолог Смирнов и на этой ноте распрощался с будущим шефом.

Лимонов выпил очередную кружку кофе и потер грудь в области сердца. Врачи строго-настрого запретили ему кофеин и переутомляться, но когда расследование в самом разгаре, разве может он принять во внимание их советы? Сейчас на кону его репутация, его отдел. Вопрос с пополнением нового оборудования тоже не решен. Бирк предложил свой метод, но полковник счел его неприемлемым. Никогда он не решал рабочие вопросы с помощью шантажа и к завершению своей карьеры ничего менять не собирался.

Полковник взял со стола фото жены в рамке и тяжело вздохнул. Он так и не примирился с ее смертью. Психологи утверждают, что человек проживает потерю за пять стадий: отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие. Лимонов готов был признать, что застрел на последней стадии и никак не мог отпустить от себя жену. Первые четыре стадии он кое-как прошел за два года, а на последней застрел. Жена была повсюду: в их спальне, где в шкафах все еще хранилась ее одежда, в машине, где на переднем сиденье был аккуратно сложен ее любимый плед, а рядом с иконками ее фотографии, на которой она беззаботно смеялась. Теперь она с ним в новом офисе, три ее фотографии украшают его рабочий стол. Под рукой ее часы, которые он теребит в минуты особого раздражения, только так он может справиться с эмоциями и вернуться к рабочим обязанностям. Лимонов с горечью подумал, что он не вспоминал о ней столько при жизни, сколько после ее смерти.

Заметив движение в коридоре, полковник отставил фото жены и откинулся на спинку кресла. В кабинет зашли Иван и Сото.

– Ну? – раздраженно выпалил Лимонов, когда парни разместились напротив его стола.

Через дистанционное управление на айпаде Иван вывел на монитор полковника видеозапись. Лимонов возрился на экран. Это была нарезка кадров из съемок, которые сделали гости на вечеринке, и на всех был один и тот же высокий молодой шатен.

– У нас два неопознанных объекта, – начал доклад Свиридов. – Мы согласны с выводами Митяевой, Чингаров нацепил бейджик и расхаживал по всему второму этажу как экскурсовод. Одной пожилой паре он даже прочитал лекцию о живописи эпохи Возрождения, после чего они восторженно ему хлопали. Лицо не прятал, даже тогда, когда его снимали крупным планом.

– Прыщи подлечил, – съязвил полковник и хмыкнул. – Деньги Дзасоховой помогли изменить имидж. Как говорится, личиком беленок, да душой черненек. Ты глянь, расхаживает по паркету как гусь.

– Теперь мы точно можем сказать, что к работе он приступил после полуночи. До этого времени он мелькал на записях, а потом пропал.

– И второй объект, – вставил Сото.

Глядя на него, полковник сделал вывод, что для Бирка Чингаров не был уже проблемой. Им он больше не интересовался, а вот наставником, напротив. Иван вывел на экран вторую запись, и взгляд Лимонова устремился к мужчине лет сорока. Высокий, с непропорционально развитой верхней частью тела. Гладко уложенные волосы. Лимонов даже подумал, что это работа профессионала. Неужто готовился к убийству как к вечеринке. Мужчина покрутился среди гостей и двинулся по лестнице на второй этаж.

– Мы нашли его только на одной записи. В отличие от Отверженного он был очень осторожен.

– Значит, он прошел как гость?

– Не обязательно, – парировал Сото. – Он мог зарегистрироваться на входе как работник музея, а потом снять бейджик и слиться с гостями. Бирк думает, что наставник и ученик прикрывали и страховали друг друга. А это легче сделать, если легенда идентичная.

– По данным журнала регистрации ночью всего в музее было пять сотрудников. Вот их фамилии, – Иван показал отсканированный лист из журнала, – Матюшин и Нефедоров в тот день точно отсутствовали. Но они работники музея...

– Отверженный и Химик воспользовались реальными фамилиями? – удивился полковник. – А как же паспорта? Их же наверняка проверили на входе.

– В рапорте Кира указала, что охранники пытались ее обмануть, мол, сначала они заверили, что проверили все ящики, а после того как она нажала, пошли в отказ, – продолжил доклад Иван и ткнул в отсканированную копию журнала. – Вот я и подумал, а что если и этих не проверили на входе.

– Нет, – запротестовал Сото и поправил очки на переносице, – скорее всего, Химик применил отвлекающий маневр. Он мастак на такие дела. Выбрал самый подходящий момент и прошел. Например, мог дожждаться пересменки охраны и сказать, что его уже проверяли, что он выходил подышать, а вещи в музее.

– Лицо его в камеру не попало, но Сото обнаружил один фрагмент, в котором он попал в отражение зеркала.

– Я поработаю с ним в Нахабино. У меня там специальная программка есть, – Сото встал, жестом дал понять, что уходит. Из чего полковник сделал вывод, что Бирк в ближайшие часы в офис не приедет.

Когда дверь за помощником доктора закрылась, полковник дал Ивану задание распространить фоторобот Вальдемара Чингарова и объявить его в розыск.

– Обобщи всю информацию об убийце. Фоторобот. Видеозаписи. Отпечатки с мест преступления. Опись улик. Протоколы вскрытий. Свидетельские показания. Завтра Бирк даст нам последние ниточки, и мы его возьмем тепленьким, еще до его финального выхода.

г.Рязань, хоспис

Артур Чингаров выглядел растерянным и немного взволнованным. Его провожали не только медперсонал, с которым у него сложились доверительные и теплые отношения, но и черная кошка, что обитала в хосписе последние полгода. Среди больных было поверье, что она – вестница смерти. С кем проведет ночь, тот в течение суток умирал. Эту ночь она не отходила от Артура, лежала в ногах и громко мурлыкала, убаюкивая его и рядом спящего соседа. Так крепко Артур не спал с первого дня обнаружения болезни.

Его вывезли на каталке в холл, где переложили на носилки и поместили вместе со скромными пожитками в «Газель» переоборудованную для перевозки тяжелых больных. Артур знал, что транспорт предоставил столичный хоспис. Врач его не отпускал, но пациент настоял. Брат сказал, что так будет легче осуществить задуманное. Ведь с каждым днем Артуру будет все сложнее переносить транспортировку.

– Вам музыка не мешает? – спросил водитель и закрыл двери машины.

– Смотря какая, – тихо отозвался Артур, когда водитель сел за руль.

– Арии из лучших мировых опер, – немного с пафосом произнес водитель и Артур понял, что он не только гордился своим выбором, но и хотел таким ответом произвести впечатление.

– Я люблю рок. В основном восьмидесятых... но сегодня такой день... так что включайте свои арии.

– А какой сегодня день? – с непониманием уставился на него водитель.

– Я в последний раз путешествую.

– А-а-а. Тогда я буду ехать медленней, чтобы вы насладились поездкой.

Раз уж она у вас последняя.

Больше водитель не проронил ни слова. Всю дорогу от Рязани до Москвы он подпевал лучшим тенорам мира и издавал восторженные вздохи. Его поведение показалось Артуру странным и даже немного театральным. От него исходил странный запах, смесь сероводорода, рыбы и чего-то химического. Сначала Артур подумал, что запах идет от самой машины. Но запах усиливался, когда водитель двигался и потел.

Водитель возвестил о прибытии. Машина остановилась, он выключил музыку и, насвистывая последнюю арию, покинул «Газель». Несколько минут вокруг стояла пронзительная тишина. Артур поднял голову и увидел, что «Газель» припаркована у серой бетонной стены. У него даже возникла мысль, а не потратить ли последние силы, чтобы самому подняться и выйти из машины. Но наконец-то двери распахнулись, и перед ним предстал Вальдемар. Конечно! Как же Артур сразу не догадался, не было никакого хосписа. Просто он не хотел его лишней раз волновать и говорить о дате смерти. Значит, у Вальдемара и его наставника уже все готово. А готов ли сам Артур?

Взглянув на брата, Вальдемар ругнулся и злобно сплюнул.

– Я тоже рад тебя видеть, – сдержано улыбнулся Артур.

– Теперь я знаю, как буду выглядеть на смертном одре, – раздраженно процедил Вальдемар, глядя на исхудавшее тело своего близнеца.

– Болезнь тебя не свалит. Если ты умрешь, то только по своей неосторожности, – выдал Артур и по гневному взгляду брата уже пожалел, что вообще поддержал разговор.

– Вчера я переспал с больным СПИДом. Так что все может быть.

– Что ты сделал? – глаза Артура округлились.

Вальдемар отмахнулся и подтащил носилки к краю.

– Видимо братишка, о нашем существовании бог даже и не слышал. Так что шанса нет. Конец будет таким же, как и у тебя. Болезнь накинется на меня и сожрет заживо, как оголодавшая собака случайно найденную кость.

– Как я и сказал, ты неосторожен, – проворчал Артур.

– Тебе нужно опередить смерть и самому назначить день, – послышался голос водителя.

Что это за человек? Артуру он все больше не нравился. Уж не сам ли это Химик? Водитель помог брату вынести его из машины. Артура внесли в здание, похожее на заброшенный завод. Петляющие коридоры. Лестница в подвал. Сводчатые потолки. Он даже не пытался запомнить дорогу, интуиция подсказала, что назад ему живым не выбраться. Но он же сам этого хотел. Почему же так сильно трепещет сердце? Страшно. Ему так страшно, что зуб на зуб не попадает. По телу Артура пробежал ледяной холод. Во рту пересохло, и он потянулся к сумке с вещами. Вынул бутылку воды и сделал несколько глотков. На глаза попала пластиковая баночка из-под лекарства, в которой хранился предмет, оставленный Расмусом Бирком. Он непременно выполнит обещание данное психо-доктору.

– Тебе плохо? – участливо спросил брат.

– Это адреналин, – ответил за Артура водитель.

Когда первая волна паники прошла, Артур набрался смелости и спросил Вальдемара:

– Куда ты несешь меня, bruder¹⁹?

– Туда где творится волшебство, – таинственно ответил брат и подмигнул.

– Сегодня ты сыграешь роль моего напарника, – уведомила Кира телохранителя, когда «Субару» остановилась перед кирпичной пятиэтажкой. – Наручниками умеешь пользоваться?

– Обижаешь, – изучающим взглядом Алан сканировал периметр, на Киру он даже не взглянул.

¹⁹ Bruder (нем.) – брат.

– Тогда подыграешь мне при случае. Сухоруков сказал, свидетель потрепаться любит, как хоровод вокруг да около водит. А правду замалчивает. Возьму его нахрапом. Типа арест, допрос по форме и все такое.

– Круто, – вслед за Кирой Алан вышел из машины. – Иди вперед.

Кира набрала номер квартиры и нажала на кнопку домофона. После пятого гудка послышался хриплый немощный голос. Кира представилась и сказала:

– Мне нужен Цапакин Вениамин Петрович.

Раздался характерный писк разблокировки замка. Они поднялись на третий этаж и увидели приоткрытую дверь. Вокруг не единой души. Кира невольно потянулась к кобуре. Из глубины квартиры послышался мужской старческий голос:

– Входите.

Алан придержал майора за руку, давая понять, что хочет первым проверить квартиру. Кира кивнула и отступила в сторону. Телохранитель скрылся в темноте коридора. Внутри квартиры послышались голоса. Прошло не меньше двух минут, пока он снова появился на пороге и дал Кире знак, что все чисто.

В квартире был полумрак. Все окна зашторены. С порога Киру накрыл запах плесени и затхлости. Мебель старая, полированная. Вместо люстр лампочки. На стене в гостиной фотообои с красивым закатом. Кира усмехнулась, точно такие же были у ее родителей в спальне. Кругом кучками валялось старое тряпье. Будто его кто-то постоянно перебирал. Единственный кого Кира обнаружила в квартире, был пожилой мужчина лет восьмидесяти. Он еле держался на ногах.

Алан одарил Киру насмешливым взглядом. Майор вспомнила о своем желании взять свидетеля нахрапом и покраснела.

– Вы кто? – встретил ее старик возмущенным тоном. – Зачем вам нужен Веня?

Кира представилась еще раз, показала удостоверение. Затем попросила его предъявить документ удостоверяющий личность и поняла, что перед ней отец свидетеля Петр Иванович Цапакин.

– Это ваша квартира?

– Моя! И что с того?

– А сын с вами живет?

– Нет! – со злостью выпалил старик и метнул в непрошенных гостей злобный взгляд.

– А где мы можем его найти?

– А черт его знает! Он давно у меня не был. Звонит иногда. Спрашивает, есть ли у меня деньги. У меня всегда есть деньги и он это знает, но все равно спрашивает!

Хозяин квартиры разволновался и раскраснелся. Кира уже всерьез забеспокоилась о его здоровье.

– Зачем он вам?

– У вас есть его телефон?

– Конечно, есть. Он же мой сын! Ты что совсем глупая?

Кира закатила глаза и попросила продиктовать номер. Старик, еле передвигая ногами, поплелся к ночному столику за телефоном. Несколько минут пытался разглядеть что-то на экране. Потом всучил телефон Алану и сказал:

– До сих пор не пойму как им пользоваться. Создали сатанинское устройство. Теперь если на звонок не ответишь, так к подъезду «Скорую» сразу вызывают.

Алан продиктовал номер и вернул телефон владельцу.

Недолго думая, Кира набрала номер и, услышав приятный мужской голос, представилась, сказала, что она находится в квартире его отца и попросила о встрече. На фоне голоса Вениамина Цапакина послышался чей-то плач, и Кира сразу напряглась. Плакал мужчина, да так жалобно и отчаянно, что у майора чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

– Кто это там так жалостно плачет? – не выдержала она.

– О! Это сын моего друга, мы привели его к стоматологу. Терпеть не может врачей. Канючит и брыкается уже целый час.

– Так мы можем с вами встретиться?

– Боюсь, что это в ближайшее время невозможно, а по какому вы вопросу?

– Цапакин усмехнулся. – Вроде я закон не нарушал.

– Вы помните смерть Быкова Сергея Игнатьевича, завсклада пошивочного цеха?

– Да, – тяжело вздохнул свидетель, – припоминаю такого. Жуткий был случай. А что? По делу появились новые улики? Это ж ведь когда было?

– Нас интересует грузчик, что работал на складе Быкова. Вы его помните?

– Чингаров? Помню, но смутно.

Плач резко прекратился. По звукам Кира поняла, что свидетель идет по длинному коридору. От его шагов разносится эхо.

– Можете что-нибудь рассказать о нем?

– Высокий, худой, с прыщавым лицом. Он наркотики какие-то употреблял. Соль для ванны нюхал. Псих был. Чуть что в драку лез. Руки постоянно разбиты были. Ему тоже от обидчиков доставалось.

– А кто его обижал?

– Шантрапа местная. Там райончик был довольно криминальный. Через два здания химики какое-то зелье варили. Поэтому вокруг постоянно нарики крутились. А что вас конкретно интересует?

– Этот грузчик. Говорят, с ним там какая-то история приключилась еще до смерти завсклада.

В этот момент Кира заметила, как отец свидетеля помрачнел и с глухим стоном опустился на кровать. Старик точно понимал, о ком шла речь. Поэтому-то Киру так удивил ответ его сына.

– Слушайте, я с ним очень редко пересекался, – свидетель вышел на открытое пространство, и Кира услышала в трубке шум от дорожно-строительных работ. Тарахтение отбойного молотка, металлический звон и мужские голоса. – Ничего такого я не помню.

Кира решила пойти другим путем.

– Хорошо, Вениамин Петрович, позвоните мне, когда сможете со мной встретиться. Мне все же нужно задать вам несколько вопросов не по телефону.

– Ей богу я не понимаю, чем могу вам быть еще полезным, ничего нового вы от меня не услышите.

– И все же, – настаивала Кира. – Позвоните как можно скорее.

Закончив разговор, Кира быстро набрала сообщение Ивану и попросила установить местоположение по телефону. Передала данные по Цапакину и

изложила суть дела. Затем повернулась к хозяину квартиры и впилила в него изучающий взгляд.

– Петр Иванович, а вы мне не хотите ничего рассказать?

– Сказали бы сразу, что интересуетесь Володей, не надо было бы сына беспокоить. Все равно он вам ничего не скажет. Будет защищать его до последнего.

– Почему?

– Опекает. Досталось пареньку.

С кряхтением старик лег на спину и вытянул ноги. Немощные старческие руки легли поверх одеяла. В квартире была духота, дышать было нечем, а Цапакин лежал под зимним толстым одеялом.

«Старость – не радость», – подумала она, включила диктофон и пододвинула стул ближе к кровати.

– Так что там произошло?

– Что произошло? Так изнасиловал его... тот самый Бык. Его все так кликали. Никто до того случая не знал, что Бык из этих... как их... тьфу! У него же три дочери, жена. А уж когда все случилось, люди от него отвернулись. Он что-то там лепетал, что бес попутал, но никто его уже не слушал. Хитрый он был. Двуличный. Как по мне так он всегда таким был, просто скрывал вторую личину. Тогда времена были другие.

– А вы тоже там работали?

– Я-то? Нет. Я все это слышал от сына. Это уже потом Веня привел его ко мне домой и попросил обучить своему мастерству.

– Какому мастерству? – встрепенулась майор.

– Так гримером я был всю жизнь, – старик показал наверх, и только сейчас Кира заметила на стене три почти выцветшие театральные афиши. Буквы уже невозможно разглядеть, но по изображению Кира догадалась, что это оперетта «Принцесса цирка».

Кира похолодела. Гример! Ее мозг лихорадочно перебирал в памяти протокол допроса двух свидетелей из Владимира, которые утверждали, что Чингаров учился у какого-то старика-гримера.

– Тридцать лет работы в театре, – с гордостью провозгласил Петр Иванович и тут же сник. – Это уж к концу жизни меня отбросило на обочину, всем нужны молодые и здоровые. Пришлось перебиваться случайными заработками. Даже покойниками не брезговал.

– А зачем Володе нужно было учиться на гримера?

– Так он же себя художником мнил, – слышался тихий смешок, – говорил, что потомок Караваджо. Я крутил ему у виска или подзатыльник давал, чтобы не умничал, а дело делал. Он вроде сначала обижался, но я ведь не со зла, так что парень быстро отходил. Попутно я ему многое рассказывал о гриме, о цвете, о композиции. Я ведь на художника учился, это уже потом меня жизнь занесла в театр, где я за копейки сначала декорации рисовал, а потом уже гримером стал, но я не жалею. Меня судьба баловала, сталкивала с великими людьми. Есть что вспомнить.

– А что было после изнасилования? – не отступала Кира от темы.

– Веня посоветовал Володе подать на Быка заявку, а тот в отказ. Мол, если подам, то меня найдет какой-то родственник со связями, с которым у Володи был имущественный спор.

Старик потер подбородок и прищурился.

– Что? – майор тут же заметила перемену его настроения.

– После того случая, Веня однажды застал Володю с Быком. Они его не видели. Говорили о чем-то увлеченно. Сын сказал, что у него создалось впечатление, что Володя сам дал повод так с собой поступить.

– Это как это? – нахмурилась Кира.

– Когда Бык до него дотрагивался, тот краснел и робел, даже в ступор впадал, но руку его не одергивал.

– А как узнали об изнасиловании?

– Так их уборщица застала. Она всем и рассказала, что Володя громко кричал, мол, просил его отпустить, – старик снова издал смешок, – вот только я думаю, что про просьбу отпустить она сама додумала. Не каждый день ведь такое увидишь.

– И что было потом?

– Две недели Володя жил как аду. При виде его все шептались, отворачивались и брезгливо морщились. Работать он уже не мог. Жил в подвале, в подсобке Быка. Он ему туда еду носил. Парень одичал совсем. Психовал. А потом Веня сказал, что его выследила жена Быка и устроила головомойку. Он ей ни слова не сказал, а она оскорбляла его так, что весь квартал слышал. Бык ее оттащил и увел домой. А на следующий день погиб. Никто не знает, что там на самом деле случилось. Может Володя к его смерти руку приложил, а может это действительно был несчастный случай. Ведь Бык последние две недели был сам не в себе. Ходил растерянный, документы терял, к тому же пить начал. Может он сам плохо закрутил те бочки. Еще через месяц на бандитских разборках подстрелили владельца цеха. Его жена быстренько все распродала за бесценок и свалила за кордон. Новые владельцы оказались нерадивые в бизнесе и все прошляпили. Контора пришла в упадок. Здание переходило из рук в руки, пока им не завладел город.

– А Володя? Что с ним потом было?

– Да жив и здоров ваш Володя. Веня сказал, что он занялся всерьез каким-то проектом, вроде скульптурной инсталляцией. Я сути не понял, но оно мне и не надо. Мне бы суп сварить, да до туалета дойти, не расшибиться.

– А что же ваш сын не наймет вам сиделку. Одному, наверное, тяжело.

Старик отмахнулся и сдвинул брови.

– Ну их! Копшатся в моих вещах, потом добро пропадает. Приходится каждый день все перепроверять.

Кира кинула изучающий взгляд на груды тряпья. Такое «добро» точно никому не нужно. Скорее, сиделки потихоньку выбрасывали старье, чтобы очистить квартиру.

– У Вениамина своя квартира?

– Нет. Купил что-то типа заброшенного цеха. Там у него и квартира и мастерская.

– А кем он работает?

– По образованию он химик-технолог. Работал в разных лабораториях. Даже в больницах. Сейчас работает над собственным проектом. Говорит, что он на премию заграничную тянет. Ох, – Петр Иванович вздохнул и накрыл тыльной

стороной ладони лоб, – не знаю, что там за премия, по мне так он опять работу потерял, а мне не говорит, чтобы не расстраивать.

– Часто он менял места работы? – Кира старалась не спугнуть Цапакина, задавала вопросы с напускным безразличием, но внутри полыхал огонь.

Она напала на след! Она нашла Химика!

– Часто. Бывало, только устроится, восторгается коллективом и самой работой. Проходит пару месяцев, восторга все меньше. Злится. Постоянно хмурый.

– Причину не объяснял?

– Когда он Володю привел, я его напрямую спросил, – голос старика дрогнул, – мол, ты что тоже такой же, как он. Но сын пошел в отказ. Нет, мол, не такой. Обиделся. А что мне было думать? Не женат. Детей нет. Женщины у него имелись, даже в гости приходили, когда он со мной жил. Только отношения у них были скорее платонические, чем интимные. Вот я и спросил.

Цапакин всхлипнул. Все это время Алан стоял как вкопанный и не шевелился, но как услышал, что старик всплакнул, рванул на кухню и набрал из крана холодной воды. Из чего Кира сделал вывод, что ему приходилось ухаживать либо за родителями, либо за пожилыми близкими родственниками.

– Так в чем причина частой смены работы? – не поняла Кира.

– Он был очень влюбчивым. Только взглянет и уже сердце трепещет. Вот только дамочки не спешили впускать его в свою жизнь. Я так и не понял почему. Может с ним, что не так? Пока жена была жива, сильно переживала. Все хотела сына с кем-то свести. Невест полный дом. Вот только встречались они с ним пару раз, а потом их как ветер сдувал. А главное, они ничего не объясняли. Мать уж с Веней и так и эдак, а тот молчит и плечами пожимает. Знал бы, мол, так сам все исправил. Вот такие дела...

– У вас есть фотографии сына?

Петр Иванович привстал на локтях и показал в сторону гостиной.

– Альбомы в комодке под телевизором. Только больше ничего не трогайте, я сам все проверю и если чего-то не досчитаюсь, позвоню вашему начальству.

Кира усмехнулась и двинулась в гостиную, взяла в руки первую фотографию. Вот он – Химик! Фигура непропорциональная. Ноги кажутся

слишком худыми и короткими. Крупный нос, близко посаженные карие глаза. Но главное, на что майор обратила внимание это взгляд. Режущий. От такого мороз пробирает.

Кира незаметно спрятала фотографии в карман брюк и решила еще раз попытать счастья с местоположением Отверженного и Химика.

– Вы знаете адрес того цеха, где живет ваш сын? – спросила Кира хозяина квартиры, возвращаясь в спальню.

– Нет, – помотал головой Петр Иванович, – знаю только что где-то на Воробьевых горах.

– А Володя где живет?

– Вот этого я не знаю.

– А ваш сын еще с ним общается?

– Наверняка, – старик покряхтел и запричитал, давая понять, что устал и непрошеным гостям уже пора освободить квартиру.

Через десять минут Кира уже сидела в «Субару», сжимала три фотографии Вениамина Цапакина и не могла поверить, что смотрит в лицо наставника Отверженного. Когда, наконец, этот факт ею был принят, в памяти возник тот плач, что разрывал ей сердце. Кто это плакал? Его новая жертва? Кира побледнела и потянулась к телефону.

После облачения в импровизированную тогу и возведения на помост, Артур совсем расклеился. Слезы хлынули из глаз. Подбородок задрожал. Видя его реакцию, брат нахмурился и со злостью спросил в очередной раз:

– Ты точно готов? Ведешь себя как девчонка!

У Артура не было сил на пререкания. Он и так еле стоял, а тут еще брат вложил в его руку тяжелый меч.

– Можешь его пока отложить, – снизошел Вальдемар и снова обдал гневным взглядом брата. – Я потом закреплю руку и поставлю под нее подпорку.

– Сколько раз ты это уже делал?

– Много, – буркнул Вальдемар.

– И тебе было их не жалко?

– Я им помогал! Как ты не понимаешь?! Теперь они ангелы! А здесь они были в аду! Никто о них не заботился. Никто слова доброго не сказал.

Артур вглядывался в сосредоточенное лицо брата, похоже, он свято верил в то, что говорил.

– Я все думаю, что с нами было бы, не напиши мать тогда теткам?

– Была бы другая жизнь, но итог тот же.

– Ты уверен?

– Так сказал Караваджо, – глубокомысленно выдал Вальдемар. – А ему я доверяю больше чем себе.

Из этих слов брат сделал вывод, что Вальдемар тоже думал о другом исходе их судьбы.

– А Химику ты доверяешь?

– Конечно, – с легкостью согласился Вальдемар.

– Будь осторожен, bruder. Он ведет свою игру. Использует в своих интересах.

– Ты думаешь, я полный идиот?

– Я этого не говорил...

– Так зачем треплешься? Я знаю все, о чем он думает. Мне Караваджо все о нем рассказал. Знаю, что он задумал и знаю, как будет меня обрабатывать. Но я в отличие от тебя плакать не буду.

– Ты тоже станешь картиной? – Артур схватил брата за руку. – Зачем это тебе? Я обречен, но ты...

– Миссия закончена. Я все еще здесь только из-за тебя. Мое тело будет сохранено не на одно десятилетие. Я уйду в образе чернокрылого ангела. Но прежде чем умереть...

– А вот и ваш дед-скаун! – послышался голос Химики.

Артур вздрогнул и увидел в его руках голову деда. Рот деда был распахнут, виднелись оголенные зубы, Химик зачем-то ему их отточил, наверное, таким образом, желая показать хищность натуры. Срез был выполнен небрежно и в области шеи торчали ошметки кожи и рванные куски плоти. Зрелище было не для слабонервных. Артур никогда не считал себя трусом, но сейчас, осознав, что будет стоять с этой частью тела на «картине», окончательно потерял над собой

контроль. Да, на деле все оказалось не так красиво и героически, как он себе это представлял.

– Мы долго придавали ему нужное выражение... – Химик надменно и вызывающе хохотнул, – Это моя лучшая работа!

Вальдемар осмотрел голову и с видом знатока кивнул, он был явно под впечатлением и подметил:

– Тебе удалось воссоздать даже неровный срез. Очень реалистично!

– Предлагаю для создания атмосферы только что совершенного убийства вылить прямо перед фотосессией под голову небольшое количество крови.

– Отличная идея! – воскликнул Вальдемар. Повернувшись к брату, он потер руки от предвкушения и спросил: – Готов?

Потеряв равновесие, Артур закатил глаза и начал заваливаться назад.

– О-о! – успел подхватить его Химик. – Похоже, времени у нас совсем нет. Он слабеет с каждой минутой.

– Не понимаю, его врач сказал, что у него еще минимум пару недель, – Вальдемар помог Химику уложить брата на подиум.

– Я оставляю вас. Прощайтесь. Но помни, что я тебе говорил...

– Да, – кивнул ученик, – помню и уже чувствую его сомнения.

– Реши все за него. Он ведь принял правильное решение, просто страх и слабость толкают его на отказ. Это нормально, мы все испытываем страх смерти. До последнего торгуемся. Еще денек... еще часок... Человек так устроен.

С этими словами наставник вышел из полутемной комнаты и проследовал в свою лабораторию. Времени у него было мало. Ему предстоит в последний раз размешать и применить пластификатор. Вальдемар еще не знает, что переживет своего брата только на сорок восемь часов. Запах будет стоять на всю округу. Занятие рискованное, особенно с учетом того, что их только что объявили в розыск.

Наставник вошел в свою лабораторию, где на полную мощь работал телевизор. Снова его портрет показывают по всем каналам. Теперь он даже за продуктами не выйдет. Как Митяева добралась до его отца? Уму непостижимо. Она явно не знала кто он, когда говорила с ним по телефону. Тон был ровный, хотя она была немного взвинчена, но это понятно, ведь майору пришлось всю

ночь выслушивать в музее бляение гостей и obsługi. Видимо, после их телефонного разговора его старик не смог оставить рот закрытым. Разоткровенничался. Придется пускать в ход последнюю запись. Пора выводить из строя доктора Бирка. Он хотел это сделать немного позже, но раз их объявили в розыск, тогда нужно ускориться, вариантов нет.

– Каков будет ваш ответный ход, доктор Бирк?

Химик посмотрел в зеркало, поправил свою новую прическу и истерически захохотал. Но его настроение резко изменилось, когда взгляд упал на пластиковые канистры, в которых хранились ингредиенты для разработанного им пластификатора. Он нацепил респиратор с двойным фильтром и приступил к работе.

Совещание подходило к концу. Группа прослушала записи бесед с Петром Цапакиным и Артуром Чингаровым. Конференц-зал гудел от непрерывных разговоров. Все были возбуждены до предела. В любой момент могла прийти информация о поимке двоих преступников, которых несколько часов назад объявили в розыск. Особое внимание поисковых групп было уделено цехам и заброшенным заводам в районе Воробьевых гор.

По настоянию шефа Кира позвонила Сухорукову и попросила приехать его с напарником к ним в офис.

– Неужто я вам, Кира Владимировна, дал зацепку на миллион? – усмехнулся следователь.

– Мыслите шире, вы дали нам одного из подозреваемых.

– Охо! Надеюсь ваш отдел при случае не откажет в содействии, а ответит тем же?

– Чем сможем, тем поможем, – тут же отозвалась Кира.

– Ждите к концу дня. Раньше напарник не появится. У него сегодня выходной. Уехал на шашлыки с семьей.

Как и обещали следователи подъехали к офису, когда уже стемнело. Кира провела коллег из убойного в конференц-зал и представила:

– Сухоруков Андрей Павлович и его напарник – Анатолий Сергеевич Чижов.

Когда рукопожатия закончились, все расселись вокруг стола. Первым подал голос Громов:

– Как вы вышли на Цапакина?

Следователи хмыкнули и переглянулись. Жестом Чижов дал понять напарнику, чтобы ответил сам.

– Он нам проходу не давал, – начал излагать Сухоруков, – все время крутился рядом и вынюхивал, а когда привлекал к себе внимание, то просто забалтывал и не давал нам с места сдвинуться. Мы ему уже потом откровенно на выход показывали.

– Улик против него никаких не было, – развел руками Чижов. – Так что мы его не подозревали. И алиби у него прочное.

– Какое у него было алиби? – встрепенулась Кира.

– Его в день смерти даже в Москве не было, – Чижов сплел пальцы в замок.

– Он брал уроки у какого-то скульптора в Туле, – поведал Сухоруков.

Вся группа невольно взглянула на фото пропавшего Поликарпова.

– Мы проверили, он действительно там был. Урок длился три часа. Это подтвердил сам скульптор и его внук, – добавил Чижов. – Хотя внука мы не смогли особо допросить, лежал пьяный вдрызг. Дед все грозился, что расскажет дочери, что внук пьет, а потом у него отсыпается. А тот как трезвел, клялся, что это в последний раз. Он работал барменом, вот и сетовал на место работы, обещал уволиться.

В этот момент Сухоруков проследил за красноречивыми взглядами Киры и ее коллег и увидел фото того самого скульптора из Тулы. Он пихнул локтем напарника в бок и кивком указал на доску, на которой висели фотографии всех жертв Отверженного. Чижов надел очки, увидел Поликарповых и побледнел.

– Нда, карусель еще та, – буркнул полковник.

В этот момент в конференц-зал залетел возбужденный Свиридов и на одном дыхании выпалил:

– Группа сопровождения потеряла Артура Чингарова!

– Что?! – взревели в один голос Близнецы.

– Каким это образом? – полковник мотал головой, не веря в то, что слышит.

– Была машина дублер! – объяснил Иван. – Появилась сразу, как только машина из хосписа выехала на ТТК.

Глава седьмая

8 июля 2012г.

г.Москва, улица Пречистенка д.13

Рано утром Кира подъехала к углу дома с полукруглым эркером, который венчала башенка с часами, барельефом и скульптурами. Взглянув с недоумением на дом, она сверила адрес, присланный в смс риэлтором. Все верно. Она была в этом доме несколько лет назад со школьной экскурсией и еще помнила его историю. Построенный в 1911 году доходный дом Рекка не раз упоминался в произведениях Михаила Булгакова. Дом был знаменит еще и тем, что до революции в нем проживал близкий родственник Карла Фаберже. Кира припарковалась и набрала номер мобильного телефона риэлтора, но заметив Машу у парадного подъезда, отбила звонок, схватила сумочку и поспешила ей навстречу. Деловито поздоровавшись с ней за руку, майор с усмешкой спросила:

– Маша, вы ничего не перепутали? В этом доме мне не осилить даже аренду подсобки.

Риэлтор сдержано улыбнулась, по оценке Киры она заметно нервничала и держалась скованно. Когда Маша показывала квартиры Кире и ее мужу, то тараторила без остановки. В ее непрерывный словесный поток молодожены даже не могли вставить ни одного вопроса.

– Расслабьтесь, это необычное предложение, но думаю, вам стоит его рассмотреть.

– Вы меня заинтриговали. И в чем же его необычность?

– Сначала посмотрите квартиру, а потом я вам изложу условия аренды, – Маша нервно теребила пряди тщательно уложенных волос и покусывала губы.

«Что здесь происходит? – Кира уже изнывала от любопытства. – Что за условия у владельца этой квартиры?».

Они вошли в парадный подъезд и поднялись на четвертый этаж. Риэлтор открыла дверь своими ключами. Уже с порога Кира поняла, что ее явно дурачат. Вот только в чем смысл? Она ведь все равно откажется. Но она уже здесь, почему не пройтись по квартире? Хоть посмотрит, как обставлена элитная недвижимость.

Первое, что бросилось майору в глаза – это обилие лепного декора на стенах и потолке. Осмотр квартиры она начала с просторного холла с мраморным панно на полу и крашенными в белый цвет дверями, а затем прошла на кухню. Снова мраморный пол. Двухуровневые потолки. Угловая кухонная композиция. У окна стоял стол, рассчитанный на шесть персон. Над ним современная люстра из хрома замысловатой формы. Кира подметила, как мастерски архитектор сочетал классические элементы и предметы современности. Она жила бы здесь с превеликим удовольствием. Но...

Хоть гостиная оказалась огромного размера с высокими потолками, две мебельные группы буквально заполнили все пространство. У камина два дивана друг против друга. Между ними антикварный журнальный столик, на котором Кира разглядела толстые альбомы по архитектуре и живописи. Над ним огромная хрустальная люстра на цепи. Ширмой была отделена вторая мебельная группа – красивая по форме кушетка с яркими подушками и два кресла. По периметру гостиной были расставлены антикварные комоды в разных стилях, бар и сервировочные столики. Стены были обиты деревянными стеновыми панелями и выкрашены в два светлых серо-бежевых оттенка. Эта комната была более эклектичная, чем кухня и просторный прямоугольный холл.

Две спальни были разными по стилю, но выдержаны в той же спокойной цветовой гамме, что и гостиная. Кабинет от пола до потолка был забит книжными стеллажами. На полках преимущественно была художественная литература, но встречались и медицинские справочники на разных языках. Хозяин квартиры врач или преподаватель?

Самая дальняя комната оказалась заперта. Кира уже развернулась и пошла в гостиную, как кто-то провернул ключ в замке и приоткрыл дверь. Майор резко обернулась и машинально потянулась к кобуре. После случая с Ниной она уже не расставалась с оружием. Отверженный и Химик еще на свободе. Только сейчас она осознала, что Машу обманом могли заставить привезти ее в эту квартиру.

Какая же она неосторожная! Поддалась на уговоры и пошла за риэлтором как ослик за морковкой.

Кира толкнула дверь и огляделась. Эта была светлая уютная спальня, не загроможденная мебелью. В комнате чувствовалась особая атмосфера. Стена, что напротив кровати, была стеклянной, а за ней виднелся небольшой зимний сад. В центре комнаты стоял стол с выдвижными ящичками. Видимо он служил для хранения садовых инструментов и удобрений.

У окна она увидела знакомую фигуру и ухмыльнулась. Ну, конечно! Как же такой вопрос как аренда квартиры мог обойти его внимание. Бирк стоял к ней спиной и наблюдал за дорогой. Спрятав пистолет в кобуру, Кира вошла в спальню и закрыла за собой дверь. Маше слышать их разговор точно не нужно.

– Хотела бы я сказать, что удивлена, но не могу...

– Ты думала, я не узнаю? – раздраженно процедил Бирк.

Кира бросила на доктора оценивающий взгляд. Спина согнута, плечи напряжены. Даже не двигаясь, он опирается на трость. Костяшки пальцев почти белые. Он не просто опирается на трость, он сжимает ее как оружие.

– Хотела тебе сказать, после того как определюсь с выбором.

– Я разочарован... – Бирк вышел из зимнего сада, из его груди вырвался протяжный стон.

– Не сомневаюсь, – Кира закатила глаза, отдышалась и продолжила: – Расмус послушай, мой мир не крутится вокруг тебя. У нас деловые отношения.

– Мы заключили сделку! – гневно выпалил Бирк.

Глаза искрились ненавистью, лицо перекосилось в брезгливой гримасе.

– Да, – как можно тише ответила Кира. – И я намерена и дальше исполнять свои обязанности.

– Как?! Уйдя от меня?! – почти завопил Бирк.

Кира выпучила глаза и отступила на пару шагов. Дала ему минуту на осмысление и примирительно заговорила.

– Что значит «уйдя от тебя»? Кость срослась. Переехать снова к Асе я не могу, Медведь вернулся с экспедиции. Найти квартиру самое разумное решение.

Кира смотрела ему в глаза без вызова, хотя внутри все кипело. Бирк тяжело вздохнул и немного смягчился.

– Я хотел сказать, что тебе будет гораздо сложнее выполнять свои обязанности, если ты будешь жить в Москве. Мне придется забирать и отвозить тебя до места назначения, а это потеря времени. Это неприемлемо!

– Если проблема только в этом, не надо беспокоиться. Буду подъезжать к назначенному месту, и пересаживаться в твою машину.

С минуту Бирк разглядывал ее лицо, Кира терпеливо ждала.

– Могу я сделать встречное предложение? – напряженным тоном спросил Расмус после паузы.

Кира сразу поняла, что оно ей не понравится.

– Попробуй.

– Ты можешь пожить здесь, – Кира хотела возразить, но Бирк поднял руку, желая договорить, – это квартира пустует два года. Здесь жила моя мама. Я не хочу ее продавать, слишком много воспоминаний, но из-за отсутствия жильцов она быстро приходит в упадок. Если в Нахабино тебе уже ненавистно, можешь пожить здесь.

В Кире боролись смешанные чувства, с одной стороны ей хотелось отгородиться от рабочих контактов и почувствовать свое личное пространство. С другой стороны плата за квартиру будет отнимать львиную долю ее зарплаты. Она все еще боролась с сомнениями, поэтому Бирк решил привести еще один аргумент.

– Квартира просторная, закрыта будет только комната матери, поэтому можешь сюда приглашать сестру и племянников, оставлять их с ночевкой. За цветами в зимнем саду ухаживает Нина. Вам будет о чем поболтать.

– Я подумаю. Можно?

– Конечно! – выпалил Бирк и прошел мимо нее с таким видом, будто она только что оскорбила и растоптала его чувства.

Кире так и хотелось подставить ему подножку, чтобы растянулся в коридоре и если бы не маячащая в холле Маша она непременно бы это сделала.

– У тебя два дня. Потом я выставлю эту квартиру на продажу, а цветы перевезу в оранжерею.

– К чему такая спешка? – Кира двинулась за доктором.

Увидев их, Маша вздохнула с облегчением, видимо, сама была не рада такому сюрпризу.

– Нина еще неделю не сможет работать. А другого работника я в квартиру пускать не хочу. Для меня это особенное место. Если ты согласишься, то она проинструктирует тебя, и уже в ближайшие дни ты сама сможешь ухаживать за зимним садом.

Интуиция подсказывала Кире, что эта не истинная причина. По ее виду Бирк понял, что она склоняется к отрицательному ответу, остановился и сказал:

– Зимним садом занималась моя мать. Перед смертью она просила меня не выбрасывать цветы и нанять человека для их ухода. Говорю же, это место для меня особенное и я не могу доверить его постороннему человеку.

– Если дело в цветах, я могу приезжать и ухаживать за зимним садом, пока Нина не приступит к работе.

– Я так понимаю, твой ответ будет «нет»?

Атмосфера тут же сгустилась. Почувствовав приближение грозы, Маша всучила Бирку ключи, попросила позвонить, когда он освободится и, схватив свою сумочку, выскочила из квартиры.

– Расмус, квартира огромна...

– И что? Ее ведь не нужно днем и ночью драить, сюда приходит два раза в неделю прислуга.

– Почему эта прислуга не может полить цветы? – съехидничала Кира.

Челюсти Бирка заходили ходуном. Кира уже не рада была пущенной в ход шпильке и решила сгладить ситуацию.

– Расмус, – она подошла ближе и заглянула ему в глаза, – я хочу снять маленькую двухкомнатную квартирку. Больше я не потяну. Хочу сама выбирать для нее мебель, покрасить стены в яркие тона. Купить всякие мелочи. Оформить ее на свой вкус. И как ты выразился «драить» я тоже ее хочу сама. Это моя жизнь. В отличие от тебя я небогатый человек и привыкать к иным условиям не хочу. Рано или поздно ты уйдешь из моей жизни, что будет потом?

Бирк вздрогнул и побледнел. Кира готова была поклясться что слово «уйдешь» у него ассоциируется со смертью.

Договорить им не дали, птичья трель звонка мобильного телефона разнеслась по всему холлу. Бирк взглянул на дисплей и сказал:

– Это Андрон. Видимо, есть новости по делу. Иди вниз. Садись в мою машину.

– Я на «Субару».

– Алан уже отогнал ее к офису.

В гневе Кира шлепнула себя по бедрам. Вот так, значит! Бирк развернулся и зашагал в спальню покойной матери. Кира готова была вцепиться в его шею и придушить. Она не хотела ехать с ним в одной машине. Но это условие договора: он имеет право говорить ей, где жить, на чем ездить и с кем общаться. Кира уже ненавидела этот договор и тот день, когда его подписала. Но вспомнив основной пункт их договоренности, мгновенно остыла. Она должна найти Михкеля, со всем остальным разберется потом.

Как только инженерная бригада устранила причину поломки системы кондиционирования, весь отдел перебрался из кабинета Лимонова в конференц-зал и продолжил совещание. При подведении итогов ничего нового Бирк не поведал, лишь повторил с незначительными изменениями то, что указал в профиле Отверженного и свои выводы, что озвучил ранее Лимонову. Поэтому полковника сейчас заботили только способ поимки и доказательная база.

– Если арест состоится, Чингарова, скорее всего, признают недееспособным, – опираясь на трость, Бирк расхаживал вдоль стеклянной стены, – остаток своих дней он проведет в специализированном учреждении. Со следствием будет сотрудничать неохотно, но при правильной технике допроса вы сможете закрыть все убийства в музеях.

Бирк остановился, бросил недовольный взгляд на ногу и тяжело вздохнул. Кира подметила, что нога его беспокоила с самого начала совещания, а значит, доктор ждал плохих новостей.

– А вот с Химиком будет непросто. На данный момент мы не имеем ни одной его жертвы, поэтому не может дать характеристику его почерка и мотив. Что мы знаем о нем?

Бирк остановился и взглянул на Киру. Она тут же оживилась, подалась корпусом вперед и сложила руки в замок.

– Он любит наставничать и примерять на себя чужие личности. В первой аудиозаписи он называл себя Караваджо.

– Как думаешь, почему? – тут же задал ей вопрос Бирк.

Кира поежилась, ответа она не знала и доктор сразу это понял.

– Он же влез в личину Отверженного, а его ученик подвержен влиянию Караваджо, отсюда и параллель. На самом деле он не считает себя реинкарнацией художника, как говорит на записи. Это игра. Помните его слова? «Когда вы увидите картину «Давид с головой Голиафа», знайте, это конец моей миссии. Закройте дело и идите спокойно спать». Он загоняет нас в психологическую ловушку, как и своего ученика. Выставит «картину», а на финал прибережет что-то грандиозное и наплевать ему на Отверженного и дату смерти Караваджо.

– Я заблудился, – проворчал Токарев, – вы же сами сказали, что Отверженный не обойдет вниманием дату смерти Караваджо.

– Сказал, – Бирк закивал и продолжил расхаживать, – исходя из профиля Отверженного, так и есть. Вальдемар будет думать, что Артура выставят восемнадцатого в месте, которое они с Химиком заранее подготовили. Но у его учителя свои планы. По какой-то причине он спешит, а до восемнадцатого еще десять дней. Если учесть, что убийства происходили каждые два дня, то по этой логике им предстоит выставить еще пять «живых картин», но что мы видим?

Бирк остановился напротив полковника и тот поднял на доктора глаза.

– Отверженный выдохся, последняя «картина» выставлялась под тщательным контролем учителя. Она отличалась дерзостью и смелостью, которые не присущи Чингарову. Он трус. Этот выход спланировал Химик. Гордыня – самый нетерпеливый грех дьявола. Какая радость быть дьяволом, если не можешь этим похвастаться? Химик тщеславен. Ему нужно внимание, – Бирк остановился и обвел всех присутствующих взглядом. – Однозначно, что Отверженный часть его миссии. Вопрос только в том, добровольно или путем уловок и хитро расставленных ловушек?

– На первой записи он говорил о сохранении плоти, – напомнила всем Кира, – а на деле мы видели что-то подобное только в первом случае.

Бирк сел на ближайший свободный стул и вытянул больную ногу.

– Да, задумано было именно так, но все пошло не по плану. Видимо, формула дала сбой или состава удалось изготовить не так много, как ему хотелось.

На ноутбук Сото пришло оповещение и он дал Бирку знак.

– Что?

– Удалось запеленговать последний сигнал с мобильного Цапакина. Поиски можно сузить до трех кварталов.

– Отлично! – потер руками Лимонов. – Ваня, передай данные поисковой группе.

– Неужели ты думаешь, что Химик такой тупой и будет держать мобильный под рукой? – осадил его тут же Бирк.

– Черт! Достала меня эта парочка! – полковник отшвырнул от себя еженедельник. – Сидим тут, переливаем из пустого в порожнее.

Бирк одарил его оценивающим взглядом.

– Успокойся. Андрон. *Suis quaeque temporibus!*²⁰. Найдем мы эту парочку не сегодня так завтра.

На несколько минут в конференц-зале воцарилась тишина, периодически все поглядывали то на часы, то в мобильные телефоны. Первой заговорила Кира.

– От одной мысли, что в разговоре с Цапакиным я слышала плач Артура Чингарова, меня прошибает в пот.

Бирк сжал набалдашник трости и отвернулся.

– Как думаешь, где они выставят новую «картину»? – спросил доктора Лимонов.

Ответить Бирк не успел, в офис зашел парень в курьерской униформе и, увидев скопление людей в конференц-зале, открыл стеклянную дверь.

– Здравствуйте, – он заглянул в документы, – мне нужен Расмус Бирк.

– Это я.

– У меня для вас груз.

– От кого? – Бирк мгновенно напрягся.

²⁰ *Suis quaeque temporibus* (лат.) – Всею своё время.

Курьер протянул ему накладную на доставку груза. Взглянув на накладную, Бирк переменялся в лице и вскочил на ноги. Трость с грохотом упала на пол.

– Где груз?

Бирк протянул накладную полковнику. Лимонов только взглянул, выпучил глаза и потянулся к оружию. Все повскакивали с мест, курьер опешил и попятился к двери.

– Это заколоченный ящик... он там... – залепетал он и кивком показал на дверь, – в грузовике...

Через минуту все сотрудники профайлинга наизготове стояли перед открытыми дверьми «Газели». Испуганные грузчики побросали недокуренные сигареты и подняли руки. Побледневший Бирк маячил у борта грузовика с надписью «Экспресс доставка грузов». Сото снимал происходящее на видео.

– Вскрываюте здесь! – приказал Лимонов грузчикам.

Когда развинтили шурупы, передняя стенка ящика упала на пол и перед ними предстала очередная экспозиция Отверженного. Наружу вырвался едкий запах химикатов и гнили. Кира зажала рот рукой и закашлялась.

– Давид и Голиаф! – в два голоса воскликнули Токарев и Громов.

Полковник убрал пистолет в кобуру и скомандовал:

– Иван, вызывай экспертов! Близнецы, хватайте этих архаровцев, – он показал на грузчиков, – и в допросную! Выясните кто, когда и откуда забирал груз. Митяева, на шаг не отходи от экспертов, если выяснится что-то новое, сразу докладывай.

Каким-то чудом Кира выдержала без сна еще один полный рабочий день, да еще такой насыщенный на события и по информационному потоку. Эксперты только час назад закончили свою работу и отправили труп Артура Чингарова в морг, а сколоченный ящик и голову его деда в лабораторию. Эксперты назвали примерное время смерти Чингарова – сутки назад, а значит, Кира реально слышала его мольбу о пощаде. От этой мысли она совсем сникла и разъедала себя упреками.

Приехав в Нахабино, Алан припарковал «Субару» в гараже и спросил:

– Какие планы?

– Спать, – устало произнесла майор и, еле держась на ногах, поплелась к основному дому.

Освещенные окна гостевого домика были зашторены. Наверняка Нину уже привезли из больницы. Но сил дойти до домика и тем более общаться с подругой, не было.

Кира поднялась на второй этаж и вошла в рабочее крыло Расмуса. Его «БМВ» в гараже не было, а значит, он еще не вернулся. Идея позднего ужина была ею сразу отвергнута. Она не в состоянии даже дойти до холодильника. Приняв душ и переодевшись в шелковую пижаму, она нырнула в кровать, и как только матрас принял форму ее тела, мгновенно провалилась в сон.

Проснулась она через несколько часов, когда услышала писк электронного замка. В спальню вошел Бирк. Громкий стук трости красноречиво подсказывал, в каком настроении пребывает хозяин дома. Сначала Кира подумала, что он пришел принять душ и переодеться, но доктор сел на кровать и тяжело вздохнул.

– Ты спишь? – Бирк включил подсветку над прикроватной тумбочкой.

– Спала, пока ты не пришел, – с обидой проворчала Кира, прищурилась и отвернулась на другой бок.

– Нам не удалось сегодня договорить о твоём переезде.

– Расмус, я не спала двое суток. Мы можем обсудить это завтра?

– Если ты согласна переехать, то я прямо сейчас дам распоряжения по подготовке квартиры.

– Ты же дал мне на обдумывание два дня, – напомнила ему Кира и с тяжелым вздохом повернулась к нему лицом.

– Мне кажется, что такой простой вопрос ты в состоянии решить прямо сейчас, – Бирк снял пиджак и отбросил его на диван. Затем ослабил на шее галстук и поставил трость у изголовья кровати.

Кира застонала и потерла глаза.

– Ты сейчас раздражен и специально затеял этот разговор, чтобы сорваться на мне. А я не хочу ругаться, – взмолилась Кира, голос ее дрогнул и Бирк поднял на нее глаза. – Я хочу спать. Расмус, не будь эгоистом. И таким скрытным не

будь. Просто скажи, что ты хочешь на самом деле, и мы все уладим. Не хочу, чтобы ты злился, тем более, сейчас, когда мы на финишной прямой в поимке этой парочки.

Бирк тяжело вздохнул, скинул туфли и лег рядом.

– Прости, сам не знаю, чего я так на тебя насел. Наверное, мне спокойнее, когда ты рядом. Не нужно перепроверять все ли у тебя в порядке. Алан докладывает о ваших передвижениях как часы. Кстати, как тебе с ним работается?

– Отлично. Он профи. Работает как робот. Никаких лишних разговоров. Только по делу и кратко. Когда он рядом я на удивление уравновешена. А это значит, что меня ни капли не раздражает его присутствие, что само по себе редкость, ведь я – одиночка.

– Рад, что угодил. Мы с Сото выбирали его из пятидесяти претендентов.

Кира присвистнула и усмехнулась.

– С ума сойти. Спасибо. У тебя еще много дел?

– Да, – устало отозвался Расмус. – Сосед прохода не дает. Хочет найти свою бывшую. Утверждает, что ее похитили. По мне так она именно от него и сбежала. Он такой надоеда. Сото ждет меня в кабинете. Так что ты решила по поводу пере...

«Приветствую вас, доктор Бирк», – разнесся хорошо знакомый голос из динамиков встроенных в изголовье кровати.

Бирк вскочил на ноги и осмотрелся. Напряженный цепкий взгляд исследовал периметр комнаты. Он дал Кире знак не вставать с постели и приложил палец к губам. В кровь ударил адреналин. Боль мгновенно сковала виски. Он выслал Сото сигнал о блокировке всех систем и попросил срочно прийти в спальню.

«Надеюсь, я не разбудил вашу подругу, и она спокойно спит на шедевре японского матрасного искусства? Пусть спит. Сегодня она нам не понадобится. Передайте ей, когда проснется, что мне понравились ее глаза. Такие проникновенные, смиренные и правдивые. Какая редкость для современной женщины! Мне понятен ваш выбор, доктор Бирк. Ваша ученица не ослепляет красотой, но вызывает доверие, что немало важно для таких мужчин как мы».

Сработал электронный замок, в комнату вбежал Сото. Услышав голос Химики, он застыл на месте. Бирк указал на динамики в кровати. Сото кивнул и тут же стал нажимать на серию клавиш на айпаде, тем самым заблокировав все двери в коттедже. Затем подал сигнал о проникновении. Рация тут же ожила и началась переключка личного состава секьюрити и установление их местонахождения.

«Вообще-то я джентльмен. Всегда был снисходителен к слабому полу, несмотря на их старания сделать мне больно. Интересно, когда ваша ученица создаст свою собственную крепость? После парочки раскрытых дел? Или после первой потери? А вы помните свою первую потерю, доктор Бирк?».

Бирк дернулся и Кира невольно сжалась. На его лице отразилась мучительная гримаса.

«Вы говорили о ней со своей ученицей? Сколько было той малышке лет? Восемнадцать? Семнадцать? А вы знали, что она написала в своем дневнике за день до смерти, что влюблена в вас? Так выходит, доктор Бирк, вы убили свою возлюбленную?».

Глаза Бирка злобно блеснули, заходили желваки. Сото лишь поправил очки на переносице, в остальном же был как всегда спокоен и невозмутим.

«Пусть ваша подруга спит, а вы пока перебирайтесь в свой кабинет. Ха-ха! Говорят, что его оснащению позавидует даже Пентагон».

Доктор жестом показал Сото на дверь, тот разблокировал замок и все трое двинулись в кабинет. Сначала Бирк хотел оставить Киру в спальне, но она так зыркнула на него, что он сделал шаг в сторону и пропустил ее вперед.

Ненавистный голос послышался через минуту после того, как троица вошла в кабинет.

«Я вас уже неплохо изучил, док, и могу предсказать дальнейшие шаги: усиление мер безопасности, возможно, даже бегство. Ведь если вы не защищены в своей крепости, то вообще не защищены. А вам так необходимо это чувство контроля. Ведь без него вы не можете работать. Работа для вас смысл жизни. Почему вы так часто убегаете? Трусом вас не назовешь».

Из динамиков встроенных в потолок послышалась нарастающая музыка.

«Любит же он всякие спецэффекты», – подумала Кира.

«Мы живем в ту эпоху, когда все слова уже сказаны до нас. Нам лишь досталась миссия цитировать самые вкусные и подходящие к месту обрывки чьих-то умных мыслей. Что такое, по-вашему, добро и зло? Я имею в виду в наше время, а не академические постулаты и тем более, боже упаси, библейские заповеди, вот они-то меня точно не интересуют. В современном мире все границы стерты. Каждый сам решает, что для него добро, а что зло. СМИ растирают мозг современника в пюре. Насилие, секс, убийства, извращения тиражируются с невежественной навязчивостью и невероятной частотой. Как выжить в таком засилье зла? Вы не задумывались, кто и зачем вкладывает в телевизионные каналы деньги, а потом навязывает лишь свою точку зрения? Дурной пример заразителен. Вот и я уподобился проверенному способу воздействия путем насаждения собственных мыслей и фантазий. После того как я поработал с избранными шансов на свободу воли у них уже не осталось».

Снова послышалась оперная ария. Бирк судорожно анализировал каждое слово и каждый звук на записи.

«Мне нравится наблюдать трансформацию личности. Как мои подсаженные в чужой мозг мысли и планы дают первые всходы, а потом и плоды. Я управляю макрокосмосом своего воспитанника. Нажимаю на нужные клавиши и слушаю музыку, наслаждаясь конгруэнтностью нового творения. Ничто не ускользает от моего внимания. Как вы уже поняли, а я на это надеюсь, Караваджо не первый мой ученик. Всего их было девять. Девять для меня сакральное число. Мой Абсолют. Я построил в своем музее девять ниш. Девять ангелов моего Апокалипсиса. Это мое творение, мой шедевр. Как только я закончу, вы доктор Бирк и ваша лже-подруга, будете приглашены на вечернику. Вы ведь ее для этого наняли, чтобы вместе посещать мероприятия. О! Мое мероприятие вам очень понравится. А вы, доктор Бирк – самый важный гость на этой вечеринке. Я, было, подумал, а не создать ли мне десятую нишу и поместить в нее вас, но потом решил, что для такой неординарной личности я придумаю персональную игру, в которой вы сможете показать всему миру свой талант».

Хорошо поставленный баритон затянул:

Любит! Она меня любит, я знаю.

На миг лишь только почувствовать,

Как бьется сердце ее!

Слить мои воздыхания

С ее воздыханьем на миг!

«Вы помните эту арию, доктор Бирк? Когда я ее слушал, вы меня спросили: «Почему вы ей не признаетесь в своих чувствах?». На что я тогда отмахнулся, но когда вы уже вышли, подумал, что так бы все испортил».

Бирк вздрогнул, Кира готова была поклясться, что он идентифицировал человека на записи, и по его сосредоточенному лицу поняла, что это не Цапакин. Сев за рабочий стол, доктор откинул крышку ноутбука, вывел экран из спячки и быстро набил фамилию и имя в поисковик браузера. Пока Химик продолжал вещать свой монолог, Бирк пробежался по ссылкам и что-то записывал в блокнот. Затем повернул блокнот помощнику, Сото прочитал и кивнул. После чего его пальцы как у музыканта-виртуоза забарабанили по айпаду.

«Узнав ее ближе, я потерял бы то, что скрашивало мне несколько лет жизни – мои фантазии».

Ария закончилась, послышался тяжелый вздох.

«Почему ваша мать дала вам такое имя? Оно для нее что-то значило?».

Бирк снова вскочил и, опираясь на трость, начал расхаживать по кабинету. Каждый шаг вызывал столько боли, что доктор уже не в силах был сдерживаться. Он боялся, что его преследователь поведаст сейчас что-то такое, что не должны знать ни Сото, ни Кира. А еще больше он боялся, что после матери противник перескочит к теме его брата. Тогда разразится катастрофа и как же все это не во время.

«Хотя ее тяжело было понять. Говорила она одно, а делала совершенно другое. Ее лживые уста могли целовать, признаваться в любви, а потом тут же предавать. Вам ведь от нее тоже досталось? Сколько тайн она унесла в могилу? Именно она настояла на том, чтобы я не подходил к своей возлюбленной, не признавался в своих чувствах и не тешил себя надеждами на будущее. Именно ваша мать разглядела во мне то, что движет мною последние двадцать лет».

Бирк оступися, чуть не упал, но удержался за спинку кресла и чертыхнулся. Кира видела, что он на грани, ей хотелось его как-то поддержать,

успокоить, но взяв себя в руки, она осталась стоять у входа в кабинет и пристально наблюдала за наставником.

«Это мое последнее послание до перерождения. Потом я явлю вам себя уже совершенно в ином облачении. До встречи, доктор Бирк! Не скучайте, я оставляю вас ненадолго».

Сото уже хотел что-то сказать, но голос наставника Отверженного снова разнесся по кабинету:

«Да! И на посошок! Можете не тратить время на поиск жучков в доме и в машине. Мой метод вам не раскусить, доктор Бирк, как и вашему лишенному эмоций помощнику».

Из динамиков послышался демонический смех, переходящий в овации.

– Я – Навуходоносор, царь вавилонский, благочестивый принц, правящий по воле и благословению Мардука! – выкрикивал Бирк, расхаживая по кабинету.

Кира поняла, что у него нервный срыв, с опаской отступила к двери и взглянула на Сото, но его, похоже, происходящее не удивляло.

– Расмус, – тихо окликнул Сото, в его голосе слышались извинительные нотки. – Мы справимся. Бывало и хуже.

Только сейчас Кира поняла, почему Бирк начал говорить о Навуходоносоре. Это ведь его посланника убила Юдифь, героиня «живой картины», в образ которой убийца погрузил несчастную вдову пожарного. Видимо, Расмус ее смерть воспринял по-особенному болезненно и мысленно постоянно муссировал эту тему.

– Высший правитель города, любимый небом, хитроумный и неутомимый... всегда пекущийся о благополучии Вавилона, мудрый первородный сын Набополасара, царя вавилонского...

Лицо Бирка покраснелось, он уже не в состоянии был ходить. Кира чувствовала, что он вот-вот взорвется, и судорожно соображала, как к нему подступится. Рация то и дело оживала, начальник охраны делал короткие доклады и получал инструкции. Распоряжения Бирк давал почти визжащим голосом. Он, то замирал и не реагировал на происходящее, то начинал быстро говорить.

– Как, черт возьми, он добрался до моего дома? Это неприемлемо! – Бирк с вызовом смотрел на Сото. – Единственное, о чем я тебя просил, это моя безопасность. Таков был уговор! Это уже не первый случай, когда ты меня подводишь. В прошлый раз я стерпел, хотя пришлось пожертвовать кое-какими частями тела. Ты же сказал, что никому не одолеть твою новую систему безопасности!

– Расмус, хакеры тоже не дремлют, каждый день придумывают все новые способы пробить броню...

Бирк выставил руку вперед, давая понять, что ничего слушать не хочет.

– Ты подвел меня! Подвел! Маньяк пробрался в мой дом! – голос Бирка снова сорвался на визг. – Мой дом!

В очередной раз ожила рация. Из переговоров секьюрити Кира сделала вывод, что в доме нет посторонних. Бирка это сообщение тоже немного остудило.

– Подготовьте квартиру, мы с Кирой будем там, пока ты не поймешь, как он ко мне подобрался и не устранишь брешь!

Натиск босса Сото выдержал стойко, но каждое слово ранило, от чего он прикрыл глаза и стиснул челюсти. Майор поняла, что медлить нельзя, нужно вмешаться. Бирк уже намеревался покинуть кабинет, но Кира твердым и властным тоном отдала распоряжение:

– Сото, оставь нас наедине.

Бирк резко обернулся и взглянул на Киру. На лице застыл вопрос. Но пока Сото не покинул кабинет, доктор не произнес ни слова. Бирк истолковал ее настойчивость по-своему, подумал, что она снова поднимет тему переезда.

– Кира, сейчас не время для разборок. Ты едешь со мной и точка.

– Присядь, – Кира жестом показала на ближайшее кресло, именно в нем сидел Бирк в их первую встречу.

Тон был безапелляционным, теперь Бирк решил, что это по делу, Кира хочет обсудить очередное послание преследователя. Сильно прихрамывая, он доплелся до кресла, откинул трость и со вздохом облегчения присел.

– Вытяни больную ногу.

Он бросил на нее изумленный взгляд и хотел уже встать, но Кира толкнула его в грудь и подставила к ноге пуф.

– Что ты задумала?

– Молчи, – она стянула с его больной ноги туфлю и носок.

– Кира...

Майор гневно зыркнула на него и доктор тут же осекся.

– Чтобы ты не задумала мне это не поможет. Лучше принеси из спальни упаковку обезболивающего.

Сев перед ним на ковер, Кира закатала штанину брюк, согнула его больную ногу в колене, и умелыми заученными движениями начала растирать мышцы. Этот массаж ей делал медбрат, что приезжал в гостевой домик во время ее реабилитации после перелома. После массажа она так расслаблялась, что сразу засыпала.

– Принесу... позже...

В голове Бирка проносилось очередное послание Химика, он все еще никак не мог осознать тот факт, что серийник подобрался к нему так близко. В прошлый раз после такой встречи его везли в бессознательном состоянии в больницу, а его друг Андрон зажимал мясистую ладонь вокруг его шеи. После того случая Бирк дал себе зарок, что никогда не будет пренебрегать своей безопасностью.

Кира добралась до самой болезненной точки под коленом и Бирк взвыл.

– Прости, но я должна продолжить...

Он кивнул и, откинувшись на спинку кресла, приготовился к очередной болевой вспышке. Когда массаж продолжился, боль стала такой нестерпимой, что Расмус еле сдержался, чтобы не одернуть ногу и не оттолкнуть от себя подопечную. К его удивлению через несколько минут боль отступила, и он стал постепенно расслабляться. Во время массажа Бирк не сводил взгляда с лица Киры. Преследователь выделил ее глаза, но Бирка завораживали ее губы: сочные, изогнутые, с сильно углубленным philtrum²¹. Нижняя губа немного больше верхней, когда Кира сосредоточена, то выпячивает ее, вот как сейчас. После их ссоры волосы растрепаны, сейчас ему хотелось схватить ее за руку и утащить в спальню. Прижать ее к себе и поцеловать. Но что будет потом? Ничего хорошего. С ним она будет в постоянной опасности. Будут новые Химики и Отверженные. Это никогда не закончится!

²¹ Philtrum (лат.) – губной или подносковой желобок.

Руки Киры двинулись вниз и промассировав икроножную и камбаловидную мышцы, уделили внимание ступне. Бирк закрыл глаза, из груди вырвался стон.

– Господи, Кира, у тебя волшебные руки, – ее реакцию Расмус не видел, ему казалось, открой он сейчас глаза и магия, что окутала его, исчезнет.

Когда Кира надела носок и оправила брючину, Бирк все же заставил себя открыть глаза и взглянуть на свою спасительницу. При ходьбе боль все равно бы вернулась, но Кира только что спасла его от нервного срыва. Появись он в таком состоянии перед сотрудниками, и неправильных решений было бы не избежать. Пока досталось только Сото, но он бы непременно прошелся по всем службам и высказал то, что копилось не одну неделю.

– Позвони Сото и извинись. В таком состоянии ты не будешь общаться ни с прислугой, ни с охраной. К тому же Химик мог действовать через любого из твоих сотрудников, они могут даже об этом не знать.

Кира поднялась и сложила руки на груди.

– Расмус Бирк не сбегает. К тому же нет места безопаснее, чем это, – она показала в сторону его спальни. – Химик на это и рассчитывал. Выбить почву из-под ног. Ты сам это постоянно проделываешь. Здесь ты на коне, среди всех гаджетов и технических наворочек. Здесь ты разрабатываешь самые дерзкие планы, – майор набрала в легкие воздух и твердым голосом отчеканила: – Мы никуда не поедем. Вопреки расчетам Химики мы оба ляжем спать, а завтра с новыми силами приступим к поиску.

Бирк кивнул, потянулся к телефону и набрал номер помощника.

– Сото, извини за срыв. Боли достали. Мы остаемся. Дай поручение, чтобы проверили на предмет прослушки и камер все места жительства сотрудников, имеющих доступ к личной информации. Особое внимание удели тому телуху, что оставил Нину в клинике... и ей самой, конечно... До утра меня не для кого нет, даже для соседа, но ты держи меня в курсе всего происходящего.

Пока Кира принимала душ, взгляд скользил по периметру комнаты в поисках скрытых камер. Она не могла отделаться от мысли, что кто-то прямо

сейчас может смотреть на ее обнаженное тело. После сцены в кабинете, Кира дала себе команду не расклеиваться и никому не показывать слабость, тем более Бирку. Был момент, когда она нуждалась в его помощи, и он ее не подвел, теперь помощь нужна ему. Химик нащупал самое уязвленное место доктора – безопасность и тут же нанес удар. Облачаясь в шелковую пижаму, Кира вспоминала монолог вдохновителя Отверженного. Значит, он не бахвалился в прошлый раз. Он знал Расмуса. К тому же не только его, но и его мать. Как она была связана с убийцей?

Бирк, не раздеваясь, упал на кровать.

– Я не буду спать на диване с больной ногой, – пробурчал он раздраженно.

– Тебя никто не гонит, – ответила она ему в том же тоне. – И твоя нога тут ни при чем. Тебе, как и в прошлый раз, нужно чье-то присутствие.

– Ни чье-то... твое...

Кира еле сдержалась, чтобы не хихикнуть. Сейчас он был так напряжен и погружен в свои мысли, что точно не оценил бы ее игривого настроения. От стресса ей хотелось хохотать как одержимой, а такое было с ней впервые.

– Расмус, ты был знаком с Цапакиным Вениамином?

– Нет. Но я знаком с тем, про кого он говорил.

– Так запись прислал не Химик?

– Химик.

– Я запуталась.

– Он на это и рассчитывает.

Кира повернулась и замерла в ожидании. Похоже, что Расмус уже проанализировал монолог маньяка и разобрался в хитросплетениях его ходов.

– Он намекал на того, кого я знал, будучи хирургом. Фамилия его необычная и Родион ею очень гордился – Маэстро. Пациент моей матери и мой бывший коллега.

– А твоя мать была...

– Психиатром. Откуда-то Химик знает Маэстро.

После минутной паузы, Расмус все же сел и начал раздеваться.

– С твоего позволения я приму душ.

– Если найдешь второе одеяло, можешь не надевать пижамные брюки, я знаю, как они тебя раздражают.

– Сегодня ты само великодушие, – съязвил Бирк. – Почаще тебя надо пугать всякими маньяками, может сама будешь прибегать в мою постель.

– Размечтался, – усмехнулась Кира, зевнула и повернулась к нему спиной.

Она уже засыпала, когда Расмус вернулся из душа и с кряхтением устроился рядом. Судя по стонам, что он издавал при ходьбе, нога все еще его беспокоила.

– Лже-подружка, ты спишь? – в голосе Бирка слышались веселые нотки.

– Кто-то уже разработал план действий и теперь пребывает в хорошем расположении духа?

– Кира, ты пугаешь меня! – воскликнул Бирк. – Чего доброго, начнешь читать мои мысли.

– Тогда я окончательно свихнусь и никакая психотерапия мне не поможет.

Бирк усмехнулся.

– Так какой план?

– Не план, а догадка... Я подумал, он же любит примерять на себя другие личности. А что если Маэстро был его учеником?

– Значит, Маэстро был убийцей?

– Я этого не знаю. Мы работали в одной больнице. Он был пациентом матери до ее отъезда в Москву. После смены специалиста наблюдалось обострение психического состояния: припадки, кататонический синдром, помрачение сознания. Он вбил себе в голову, что помочь ему может только моя мать и начал ее искать. Я тут же подключил знакомых специалистов и поспособствовал его госпитализации. Так что можно с уверенностью сказать, что он затаил на меня обиду. Тогда много чего произошло... через несколько месяцев я тоже уехал, а еще через год узнал из разговора с бывшим коллегой, что Родион умер. К утру Сото выяснит все детали. Нужно будет подергать за ниточки и добиться эксгумации его тела. Что-то мне подсказывает, что тела мы не найдем.

– Ты думаешь, что Маэстро в одной из ниш Химики?

– Возможно, иначе, зачем ему бахвалиться? Кстати, Родион очень любил оперу. Химик мог проникнуться его пристрастиями. Это навело меня еще на одну

мысль, а что если Химик создает новую личность? Некий собирательный образ из девяти учеников. Берет от них самые сильные стороны, наделяет себя их талантами.

– Это ж как надо себя не любить...

– Ты сказала, что у него проблемы с женщинами, может, он убедил себя, что, таким образом, достигнет некоего Абсолюта.

В спальне воцарилась тишина. Кира обдумывала полученную информацию и пыталась представить какие таланты Отверженного мог позаимствовать Химик. В памяти всплыл монолог Химика, по телу пробежал холодок, она повернула голову и спросила дрожащим голосом:

– Расмус, откуда он узнал, что я лже-подружка? Иван сказал, что запись Химик сделал до начала убийств в музеях. Выходит, он давно следил за тобой. Но как он мог знать, что ты подключишься к расследованию?

– Я думал об этом, пока был в душе... – Бирк потер глаза и застонал, – у меня сейчас нет всех ответов.

Больше он не издал ни звука, и Кира повернулась, чтобы убедиться, что он в порядке. Расмус лежал на спине, закинув руки за голову. Взгляд направлен в потолок, где в этот момент была выведена картинка ночного звездного неба. Несколько минут они лежали молча, пока Бирк не повернул к ней голову и не спросил:

– Ты действительно хочешь от меня уйти?

Его вопрос застал ее врасплох.

– Вот опять! Что значит уйти?

– Ты ищешь квартиру, – с раздражением напомнил он.

– Я хочу иметь свое пространство. Мне же это не запрещено контрактом.

– Зачем тебе квартира?

Кира подоткнула сложенные ладони под щеку и зевнула.

– Хочу построить новую жизнь. Я развелась. У меня новая работа. Теперь мне нужно свое гнездышко: маленькое, уютное, надежное. Где я могу сама красить стены и покупать всякие пледы и посуду. Куда я могу пригласить друзей.

– Мужчину, – поправил ее с издевкой Бирк и снова перевел взгляд на звездное небо.

– Мне же нельзя, я подписала...

– Забудь про контракт. Скажи, что ты хочешь? Сама... для себя... или кого.

С кем ты будешь встречаться, когда контракт отправится в мусорное ведро?

– Не знаю с кем, но точно буду. Я и так целый год жила как в болоте. Пора начинать новую жизнь.

Бирк снова замолчал. Кира чувствовала, что в его голове бродят недобрые мысли и боялась спросить, что же его беспокоит. Но через минуту он сам дал ей ответ.

– Я решил, что нам нужно разорвать контракт.

– Что? Почему? – Кира вскочила как ужаленная.

– Не беспокойся, я выплачу тебе всю причитающуюся сумму.

– А как же ты?.. Кто теперь будет твоей девушкой для прессы? – Кира сама не ожидала, что ее накроет прилив ревности.

– Никто, – отмахнулся Бирк. – Пора кончать с этим лицедейством. Когда я услышал, как глумиться надо мной этот маньяк, то понял, что иду совершенно не в том направлении. Мне тоже нужно двигаться дальше. Ограждаясь от женщины контрактом, я не даю себе шанса на серьезные отношения. Мне скоро сорок два. Нужно подумать о будущем. Не могу же я всю жизнь оставаться холостяком. К тому же это плохо сказывается на моем психологическом состоянии. Я постоянно раздражен, меня ничто не радует, о любви и говорить не приходится. Я уже забыл, что такое сладко-щемящее чувство радости, когда видишь свою возлюбленную.

Кира упала на спину и сдунула с лица пряди волос. Вот такого поворота событий она точно не ожидала. Чего уж скрывать, ей нравилась эта новая жизнь с Бирком, исключая, конечно, поход в тот злачный клуб, но тогда она сама была виновата.

– Кажется, я знаю, кто будет у тебя первым после годичного перерыва, – она подняла на него глаза, и Бирк выдохнул на одном дыхании: – Яковлев. Тебе он нравится. Ты краснеешь, когда его видишь.

Кира закусила губу. Бирк видел ее насквозь. Но признавать этого не хотелось.

– Глупости, Глеб для меня просто коллега, а теперь уже и бывший коллега.

– Тебе нужно научиться врать.

Приподнявшись на локте, Кира хмыкнула.

– Откуда ты знаешь, что я вру?

– Когда ты врешь, трогаешь крестик на груди, – Бирк изобразил ее жест. –

Пытаешься, как бы свою совесть успокоить.

Кира покраснела, она даже не замечала за собой этого жеста.

– Что еще ты во мне заметил?

Вопрос он воспринял болезненно, повернулся к ней и прожег взглядом, черты лица мгновенно заострились.

– Как только закончим это дело, я скажу адвокату подготовить расторжение договора. Надеюсь, что новая квартира действительно даст тебе толчок для новой жизни. Хочу, чтобы ты была счастлива.

Кира собиралась возразить, но Бирк жестом дал понять, что не хочет продолжать эту тему.

– Спи, Кира. Завтра будет трудный день, как и вся следующая неделя. А потом ты уедешь в Брюссель. Новая жизнь, новый виток в карьере. У тебя все будет хорошо, вот увидишь.

Не дожидаясь ответа, он повернулся к ней спиной, давая понять, что разговор окончен, а Кира еще долго не могла отделаться от мысли, что сделала что-то не так.

9 июля 2012г.

г.Москва, отдел профайлинга

Почти весь день Бирк был занят выяснением подробностей смерти Родиона Маэстро. Выяснилось, что причиной смерти был инфаркт. Смерть наступила в приемном покое больницы, куда его привезли на «Скорой помощи». Бывшие коллеги присутствовали на похоронах и утверждали, что гроб был открытым, а процедура прощания длилась несколько часов. К обеду с помощью замминистра Бирку удалось получить разрешение на эксгумацию. Сейчас, когда солнце уже клонилось к горизонту, он с минуты на минуту ждал вестей из Калининграда.

Возбужденный Лимонов расхаживал по кабинету, то и дело, бросая на Бирка гневные взгляды. Узнав о новом послании Химика, он понял, как недооценивал наставника Отверженного. Девять ниш? Интересно все ли они заполнены?

– Удалось узнать, как этот упырь проник в твою систему безопасности?

Бирк кивнул.

– Не буду тебя грузить техническими терминами, но это произошло в момент обновления системы, которую Сото сделал после внедрения новых функций.

– И когда это было?

– Три дня назад.

Полковник почесал затылок и вернулся в рабочее кресло.

– Кто-то сказал Химику, что ты будешь обновлять систему?

Бирк покачал головой.

– Ночью проверили все средства связи и квартиры моих сотрудников. Он подключился к телефону Нины. В день, когда Сото согласовывал со мной дату, она была рядом, монтировала вертикальное озеленение в моем кабинете.

– Едрён батон! Как давно он за тобой следил?

– Не следил, я бы это заметил, скорее, приглядывал. Думаю, с момента смерти Маэстро... Родион был заиклен на моей матери: преследовал ее, звонил домой, врвался в кабинет, где она вела прием, требовал уделить ему время. Сначала он ее боготворил, потом был период разочарования, а закончилось все ненавистью. Маме предложили в Москве возглавить кафедру, и она решила уехать, он грозился последовать за ней, тогда я вмешался и принял меры. В больнице он пролежал всего год, затем наступила ремиссия, его выписали. С этого момент и до самой смерти его никто не видел. Из чего я сделал вывод, что Химик встретил Маэстро именно в этот период. Либо в стационаре, либо сразу после выписки.

– И промыл ему мозги. Придумал миссию и отправил удить рыбку.

Полковник заметил в коридоре Токарева и Громова, которые только что вернулись с места передачи груза и жестом пригласил их войти в кабинет. Когда оба поздоровались с доктором за руку и сели напротив стола, он спросил:

– Какие новости?

– По описанию курьера груз передал сам Цапакин. Пока ящик грузили, он склабился и шутил, – начал докладывать Громов.

– Белебенит не затыкаясь. Не очень-то Веня обеспокоен, будто не боится вкусить несвободу, – сделал вывод Токарев, закинул руки за голову, но потом понюхал свои подмышки, сморщился и сплел руки на груди.

– Рядом ни одного строения: свалки, заборы с двух сторон. Когда курьер подъехал, ящик уже стоял у дороги.

– В накладной он указал, что груз – стеклотара для лаборатории.

– Особо подметил, что груз хрупкий.

– Но грузчики попались нерадивые, никто там по факту не вникал. Предупредили, что за бой стекла не отвечают, это вроде у них в правилах компании прописано. Погрузились и поехали по адресу, – Токарев поймал на себе брезгливый взгляд Бирка, понял, что тот учуял его запах пота и стусеивался.

– Покажите на карте, – полковник быстро проследовал в конференц-зал и встал напротив карты Москвы.

Следователи поспешили за шефом, а Бирк с задумчивым видом остался сидеть в кресле. Пока Лимонов задавал вопросы о местности, доктор наблюдал за Кирой. Майор сидела в оперативной комнате и не сводила глаз с монитора компьютера, даже когда Свиридов задавал ей вопросы. Лицо сосредоточено, челюсти сомкнуты. О чем она думает? Утром поговорить им не удалось. Бирк покинул спальню еще до восхода солнца, ему не терпелось просмотреть записи матери и освежить в памяти историю болезни Маэстро. Первым делом он связался с Ольгой Краевой – она тоже была его бывшей коллегой. Именно она была первым объектом поклонения и преследования Родиона. Ольга уверила его, что после того как она вышла замуж Маэстро не видела и была поражена его скоропостижной смертью. О его одержимости она не знала и после недолгих размышлений, Бирк оставил ее в неведении.

Проверив почту, Митяева выпрямилась как натянутая струна и бросила короткий предупреждающий взгляд на доктора. Бирк вскочил на ноги, схватил трость и поспешил к ней.

– Что случилось? – спросил он, склоняясь над монитором.

Кира показала на последнее письмо, выделенное жирным шрифтом, и щелкнула мышью по кнопке «открыть». Уже по первым словам было понятно, что письмо прислал Химик.

«Дорогая Кира Владимировна и доктор Бирк, приглашаю Вас на инсталляцию «Девяти ниш» к восьми часам по адресу г.Москва, Воробьевское шоссе, д.2. Убедительно прошу не опаздывать и других гостей с собой не приводить. Во избежание недоразумений и недопонимания спешу Вас заверить, что страховой полис «Нина» все еще в действии».

К письму была приложена видеозапись. Как только Кира запустила файл, ахнула и прикрыла рот рукой. На экране появилась спальня гостевого домика. Нина лежала в кровати, а рядом с ней стоял врач и задавал стандартные вопросы. Тот, кто снимал, стоял позади него и, судя по ракурсу, вел скрытую съемку.

Бирк побледнел и тут же набрал номер мобильного Сото. Дал ему указания и оповестил о приглашении. Затем окрикнул Лимонова и когда тот прильнул к экрану компьютера, Кира еще раз запустила видеозапись.

– Да что б тебя! Явился – не запылится, распрекрасный ты наш!

Полковник тут же начал раздавать приказы, поднялась суматоха. Выяснилось, что по указанному адресу расположен завод. Свиридов затребовал в бюро технической инвентаризации поэтажные планы. Громов вышел на связь с поисковой группой и передал координаты встречи. Кира вывела на экран карту Москвы и проложила маршрут между двумя известными точками – местом передачи груза и адресом встречи. Она подняла глаза на Бирка.

– Их разделяет всего лишь забор...

– Он хорошо ориентируется на местности, знает там каждую лазейку, наверняка приготовил не один путь отхода. Какой это завод?

Кира зашла в информационную базу недвижимости столицы.

– Московский экспериментальный завод душистых веществ.

Она открыла браузер и вбила в поисковую строку название завода.

– До семидесятого года назывался Московский синтетический завод «Сложные эфиры». Завод был обанкрочен директором. В 2010 году его осудили за злоупотребление полномочиями. Он заключил ряд сделок приведших к возникновению кредиторской задолженности на сумму более девятнадцати

миллионов рублей. Также он умышленно не исполнил денежные обязательства по сделкам, что стало основанием для обращения подставных юридических лиц в Арбитражный суд с исками о признании предприятия банкротом. Ему дали условный срок и вменили выплатить штраф. Сейчас завод заброшен.

Майор отодвинула верхний ящик стола и пролиستала несколько страниц блокнота.

– Где-то я уже читала про этот завод... вот... – она ткнула пальцем в свои записи, – Цапакин работал на этом заводе в период с мая 2004-го по февраль 2006-го года.

От одной мысли, что им предстоит встреча с Химиком, у Киры пересохло в горле. Трусихой она никогда не была, но одно дело вести охоту на убийц по страсти или умыслу, другое – серийника. К тому же Химик развернул такую деятельность, что волосы дыбом вставали.

За час до встречи группа быстрого реагирования заняла позицию в автомастерской неподалеку от завода. Лимонов и командир группы склонились над чертежами коммуникаций и обсуждали план проверки территории. Только что техники тепловизорами сканировали все этажи и доложили, что здание пусто.

– Если, как вы говорите, у него там лаборатория, то нужна мощная принудительная вентиляция, а здание обесточено с 2012 года, – командир склонился над инженерными чертежами.

– Он где-то в подвале или в соседних зданиях, – вслух рассуждал Бирк и острым взглядом осматривал территорию.

Зазвонил его мобильный телефон. Несколько минут Бирк молча слушал звонившего, потом поблагодарил и убрал телефон в карман пиджака. Полковник не выдержал и спросил, кто звонил.

– Калининград. Сообщили, что гроб пуст.

Это было ожидаемо, поэтому Лимонов не стал комментировать и просто кивнул.

– Оказалось, что Маэстро завещал свое тело медицинскому вузу в качестве Кадавры²². Родственники этого не знали и устроили обычные похороны. На следующий день приехал катафалк якобы из института, водитель предъявил разрешение на эксгумацию и забрал труп. Так как бумаги были в порядке, никто не чинил ему препятствий.

– Думаешь, это был Цапакин?

– Уверен.

В служебном минивэне Кира получала последние инструкции коллег.

– Эта мини-рация уместится даже в твою ладонь, она имеет радиус действия тысячу метров, – Свиридов протянул ей рацию.

Кира ткнула пальцем в коробки.

– А это что?

– Промышленные противогазы. Бирк думает, что он во время отхода может пустить газ.

– Этот может...

– Вы пойдете вперед, мы будем ждать сигнала, – Громов проверил, заряжен ли ее пистолет и воткнул обратно в кобуру.

Кира усмехнулась, знал бы он, сколько раз она это сделала за последние два часа.

– Как Нина?

– Не переживай, с ней Сото, – Иван похлопал ее по плечу.

Рация затрещала, послышался стальной голос шефа:

– По коням!

Все вышли из минивэна и направились в сторону завода.

Бирк стоял перед зданием и разминал шею. Кира подметила его решительность и сосредоточенность, трудно было поверить, что несколько часов назад этот же человек метался по кабинету и истерически верещал осипшим голосом.

– Готова? – спросил он и протянул ей руку.

Кира поняла, что это не галантный жест, ему нужна опора. Она кивнула и взяла его под локоть. Они вошли в здание и осмотрелись. Тяжелый застоялый

²² Кадавр – подопытный труп в служении науки анатомии.

запах химикатов ударил в нос. У Киры возникло чувство deja vu. Уж больно этот завод был похож на то здание, в котором она нашла Нину. Под ногами хрустели осколки стекла, щепки и сколотый бетон. По этажу гулял сквозняк. Все оборудование было демонтировано, на сохранившихся кое-где оконных стеклах белой краской нанесены кресты. Кира почувствовала, как от напряжения по спине стекает струйка пота.

«Приветствую вас, доктор Бирк. и, конечно же, вашу даму!», – разнесся по пустым комнатам голос Цапакина.

Кира вздрогнула. Бирк показал на потолок, она подняла голову и увидела старый репродуктор.

– Приятно видеть вас на моем мероприятии, надеюсь, не разочарую, и вы получите массу удовольствий.

Лестница, ведущая в подвал, наполнилась дымом.

– Спускайтесь в подвал и идите по расставленным мною знакам.

Кира протянула Бирку противогаз, передала сообщение по радиации и последовала за доктором. Они спустились в подвал и направились по узкому темному коридору по указателям. Бирк шел впереди и освещал путь мощным лучом фонаря. Они попали в настоящий лабиринт: двери, проходы, бесконечные повороты и коммуникационные ниши. Дважды они спускались, а потом поднимались по ржавым лестницам. Периодически доктор сканировал потолок и когда за третьим поворотом заметил электрический кабель, ткнул Киру в бок и указал на находку. Она передала по радиации, что, скорее всего, они на подходе к логову Химика. Громов трижды сообщал, что идет за ними следом, но на втором подъеме группа уткнулась в металлическую запертую дверь. Кира и Расмус переглянулись, когда они проходили этот участок, дверь была распахнута, а это означало, что кто-то, возможно, сам Химик, бесшумно отрезал их от коллег.

Кира съежилась и ухватилась за руку Бирка. Сейчас ее заверения о том, что она не примадонна, а следователь казались ей смешными и безрассудными. Она дословно вспомнила слова шефа в день, когда он сделал ее связным Бирка: «Бамам в нашем отделе не место. Ньюни распускают, вечно всем недовольны, с больничных не вылезают, то понос, то золотуха. Стоит вам только на секунду злу заглянуть в глаза как лапки брык и в кусты. Что с тобой будет, когда ты

встретишься с маньяком с глаза на глаз? Он ведь галантно про погоду говорить не станет. Хрясь по горлу! Расправится с тобой как с овечкой на заклании. Ведь в момент опасности страх парализует сознание и тело. Ты не сможешь ни о чем другом думать, как только о его звериных глазах. А они как под гипнозом свербят и не отпускают».

Бирк в лабиринте только разогрелся, ускорил шаг и почти не опираясь на трость. Впереди показался туннель с кирпичными стенами и сводчатым потолком. Через каждые три метра коридор освещали одиночные тусклые лампочки. Послышался отдаленный шум промышленной вентиляции. Кира поспешила доложить по радиации об изменениях, но ответа не последовало, из чего она сделала вывод, что пресловутая тысяча метров пройдена. Теперь кроме как на себя им надеется не на кого.

Шум вентиляции нарастал. Теперь вместо лампочек туннель освещали люминесцентные лампы, некоторые из них моргали и, проходя этот участок пути, Кира ощущала дезориентацию. Бирк снял противогаз и жестом показал, что воздух чист. Кира последовала его примеру и вдохнула воздух полной грудью. Последний указатель привел их к черной металлической двери с электронным замком и двумя видеокамерами. Бирк немедленно постучал. Щелкнул замок, дверь открылась, перед ними предстало помещение похожее на пропускной пункт, оборудованный как система досмотра в аэропорту.

– Добро пожаловать в мою обитель, доктор Бирк, – прозвучал голос Цапакина. – Перед вами монитор, на котором вы увидите в режиме повтора процедуру досмотра. Здесь все автоматизировано, поэтому придерживайтесь инструкций, иначе система заблокируется, вы не сможете двинуться ни назад, ни вперед.

Расмус и Кира дважды просмотрели демо-ролик и переглянулись. Чтобы пройти через контрольный пункт им придется снять с себя все... буквально все... Майор поднялась на цыпочки, заглянула за микроволновой сканер и увидела два чехла для одежды.

– Он хочет нас переодеть.

Бирк последовал за ее взглядом и нахмурился.

–Ну что ж... выбора нет... придется играть по его правилам.

Расмус нехотя отставил свою трость в сторону. Кира знала, что в его трости был скрыт острый клинок, на это дополнительное орудие она возлагала немалые надежды, так как еще помнила схватку доктора со Стачуком. Он скинул с себя брюки, рубашку и жестом показал, чтобы она его не задерживала. Кира покраснела и отстегнула кобуру. В одних трусах Бирк встал в сканер и поднял руки. Двери почти беззвучно дважды прокатились вокруг сканера, на мониторе появилась схематичная картинка мужской фигуры. Сработала система оповещения и выпустила Бирка из сканера.

– Давай, Кира, не медли.

Сама не зная зачем, Кира сложила их одежду аккуратными стопками, будто не они, а кто-то другой будет забирать их вещи. Затем кинула последний взгляд на дверь, через которую они пришли, и быстрым размашистым почерком написала на листке блокнота: «Если я отсюда не выйду, назначаю своей наследницей сестру Асю». Поставила подпись, дату, время и вложила записку в карман джинсов. Затем в нижнем белье зашла в сканер. Процедура повторилась, на мониторе отразилась женская фигура. Прозвучал сигнал, двери сканера выпустили Киру на другой стороне КПП.

Когда она потянулась за чехлом для одежды с длинным красным платьем, Бирк уже почти оделся. На Киру он старался не смотреть, чтобы не смутить. Нутром он чувствовал, что ему следует ее как-то подбодрить, либо шуткой разрядить атмосферу, но к горлу подкатил комок и сковал связки. Мысль что он рискует не только своей жизнью, но и жизнью молодой женщины, оптимизма не прибавляла.

Оба подметили, что одежда тщательно подобрана под их вкусы и размеры. Руки Киры дрожали, она никак не могла справиться с ремешками на босоножках, и Бирк жестом показал на стул. Кира задрала сначала одну ногу, он застегнул ремешок, потом вторую. Не успела она поправить лямки на платье перед зеркалом, как электронный замок щелкнул, в проеме между двумя арочными нишами открылась дверь.

Сердце гулко забило, в горле пересохло, и Кира с трудом сглотнула. Они вступали на территорию хищника по приглашению, но вот выйдут ли обратно или станут частью его сумасшедшей миссии. Бирк первым шагнул к двери. Перед

ними предстало круглое помещение, стены которого были затянуты черными плотными шторами. В центре стоял сервированный и покрытый белой скатертью круглый стол. Два пустых бокала красноречиво говорили, что других приглашенных на мероприятии не будет.

– Доктор Бирк, налейте же своей даме шампанского! – раздался совсем близко голос Цапакина. Голос звучал сухо и деловито, без высокомерия и театрально-напускного апломба.

Кира сконцентрировалась на запахах и звуках. Несмотря на то, что подвальное помещение хорошо вентилировалось, держался стойкий запах химикатов. Над ними что-то зажужжало и Кира подняла голову. Это была дистанционно-управляемая камера.

– А вы разве не присоединитесь к нам, Вениамин? – нарочито дружественно спросил Бирк, посмотрел в камеру и приподнял бокал. Ему в первую очередь хотелось знать, как далеко от них находится Цапакин. Собирается ли посетить свое мероприятие самолично или так и будет управлять финалом своей миссии удаленно.

– О! Благодарю за внимание.

Зазвучала лирическая музыка, перекрыв шум вентиляции и хриплое дыхание Химики. В динамиках послышалось шипение, потом четко поставленный голос Цапакина начал свой длинный монолог, он явно подражал дикторской манере, но, увы, не преуспел. Эффект был обратным – слушать его голос было настоящей пыткой.

«Итак, приветствую вас, мои дорогие почитатели и аналитики. Сегодня вы станете свидетелем финального акта моей грандиозной миссии длиной в девять лет. Как я уже упоминал число девять для меня сакрально. Девять лет. Девять учеников. Девять ниш».

Пронзительный взгляд майора сканировал помещение, внимание привлекли черные шторы. Не за ними ли кроются обещанные девять ниш? От этой мысли она пришла в ужас. Если так, то они стояли в центре инсталляции. Бирк почувствовал беспокойство Киры и сжал ее руку. Их взгляды встретились: ее встревоженный, его – тяжелый, но чуткий, сочувствующий, будто он точно знал, через что она сейчас проходит.

«Еще с детских лет я знал, что отличаюсь от других сверхмерным чувством справедливости. Меня привлекали сильные и агрессивные личности, но не для подражания, а для изучения и наказания. Вскоре я понял, что зло так же необходимо, как и добро. Кто создал любовь, создал страдания и предательство. То, что на первый взгляд выглядит невысказанно жестоким и бесчеловечным имеет тот же источник происхождения, что и милосердие. Мои склонности предопределили выбор... нет-нет не друзей, ибо в дружбу я не верю, а сообщников. Я, лишенный всякого воображения, вынужден был изучать темные извилистые коридоры разума своих учеников, дабы проникнуться их безумием и наполниться чужими фантазиями. Я заглядывал в их бездну, а затем увековечивал. Признаюсь, что чувствовал невероятное ощущение торжества справедливости над злом. Ты не просто его укрощаешь и манипулируешь, а останавливаешь и консервируешь. Великолепное руководство для будущих поколений. Изучайте! Пользуйтесь моими трудами! Благодарностей не надо. Я работал не за грамоты и медальки. Такие как мы с вами, доктор Бирк, похвалы не ждут».

Кира с ужасом взглянула на Расмуса и подумала, что он и есть новая миссия Цапакина. Хотя нет... не новая, а старая! Он начал вылавливать серийников, подражая Бирку, выискивал подходящий экземпляр для своей коллекции, но не отдавал в руки правоохранительных органов, а вершил самосуд.

Вопреки ожиданиям майора, лицо Бирка осталось непроницаемым. Он отлично себя контролировал, держался уверенно и даже немного надменно.

«Я буду помнить их каждого по именам, психофобиям и склонностям. Их глаза пылающие огнем во время охоты. Так счастливо смеющиеся во хмелю убийства и так надрывно плачущие после... Ведь не всегда, а зачастую они так ни разу и не испытали той волны эмоций, какими бредили в фантазиях. Я принимал их любыми, даже когда они бились в истерике от мысли, что вот-вот будут пойманы и четвертованы Фемидой. Тогда-то я и говорил им о своей миссии. Говорил тихо, осторожно, сладкоголосо, тщательно подбирая слова. Давал понять, что не каждый достоин ниши, ведь это пьедестал их достижений, славы и величия».

Цапакин разразился громогласным жутким смехом.

«Не надо пояснять, что каждый из них проглотил наживку, разница была только во времени и силе желания. Кто-то требовал, кто-то просил, а кто-то умолял. Но все... слышите? Все они хотели свой пьедестал. Когда я за них брался, их пористые тела безоговорочно были готовы впитать ядовитую смесь, порожденную самим Абсолютом. Проблемы возникли только с первыми двумя учениками, последующие уже оценивали инсталляцию по достоинству. Каждый хотел быть ее частью».

Кира почувствовала чье-то присутствие и начала крутить головой, но Бирк сжал ее руку и прошептал: «Спокойно. Не спугни».

«То, что я скажу сейчас, не воспримется вами с должным пониманием. Я на это даже не рассчитываю. Осознание этой догмы к вам придет намного позже. Я мечтаю умереть насильственной смертью от рук себе подобного, и чем страшней будет эта смерть, тем лучше».

Бирк не сдержался, изогнул одну бровь и хмыкнул.

«Теперь можно с уверенностью сказать, что жизнь прожита не зря. Я вкусил тот же сок сладчайшей победы над злом, что и вы. Именно поэтому я задумал привлечь ваше внимание».

Музыка стихла, а на смену ей пришли нарастающие овации.

«Вступительная речь окончена, наше мероприятие считаю открытым!».

Черная ткань, словно театральный занавес, разъехалась в стороны и оголила девять темных ниш. Овации немного стихли. Цапакин, как опытный конференсье поочередно представил главных героев своей инсталляции. Зажигалась подсветка ниши, называлось имя и прозвище, которое дали маньяку СМИ, а далее следовала короткая процедура знакомства, сопровождающая искрометными шутками с толикой импровизации. Перед ними предстали девять мужчин, держащих в руках атрибуты которые они использовали в убийствах: топоры, ножи и даже арбалет. Бирк показал на пятую нишу и прошептал: «Маэстро». Он сидел в кресле, держа в руке пузырек с каким-то препаратом. В одной нише стоял среднего роста мужчина с огромными непропорциональными ручищами, которые сжимали девочку лет шести. Увидев это зрелище, майор вскрикнула и отступила на шаг. В голове мелькнул вопрос: «Это муляж или труп ребенка?».

Когда настала очередь последней ниши, овации стихли, голос Цапакина стал снова прежним: сухим и деловым, будто тот, кого он сейчас покажет, не заслужил громкого представления.

«Вальдемар Чингаров. Отверженный, так назвала его Кира Владимировна. Не правда ли?».

Включилась подсветка и перед ними предстал последний ученик Химика в образе ангела с черными крыльями.

– Amor Vincet Omnia – Любовь побеждает всё, – сильным от волнения голосом произнес Бирк и прочистил горло. – Это картина Караваджо «Амур-победитель». Но в отличие от оригинала, где амур слезает с некоего возвышения, наш герой предстает в величественной позе.

«Перечислять его достоинства нет смысла, в вашей памяти еще свежи действующие лица его «картин». Вы пока осмотритесь, наше мероприятие в самом разгаре, а мне нужно подготовиться к следующей части...».

Голос запнулся, в динамике заскрежетал металл.

– Это запись, – сделал вывод Бирк, – я это понял, как только он начал свой монолог. Слишком резкий переход интонации и настроения. Не удивлюсь, если он уже на полпути к новому убежищу.

Свет хрустальной люстры начал медленно гаснуть. Превозмогая усталость и боль в колене, Бирк двинулся к нишам. Надел очки, любезно предоставленные Цапакиным, и прошелся по всему периметру погруженной в полумрак комнаты. Пока пристальный взгляд подмечал ту или иную деталь экспозиции, мысли Бирка были сосредоточены на дальнейших действиях Химика. Что будет после показа его коллекции? Нутром он понимал, что ни Киру, ни его он не тронет – это часть игры, тогда что еще обсуждать?

Подергав дверную ручку, Кира убедилась, что дверь заперта и двинулась к противоположной от входа нише, рядом с которой было пустое пространство. Как только она заглянула во мрак, пропитанный холодом и специфическим запахом, над головой раздался щелчок и в метре от нее включился свет. Это оказался длинный узкий коридор.

– Расмус, – тихо позвала она доктора, – мне кажется нам сюда...

Майор сделала пару шагов, обернулась, убедилась, что доктор идет следом и пошла уже более уверенно. Сейчас она ненавидела свой страх и всячески старалась подбодрить себя. Мало-помалу к ней возвращалась уверенность и способность объективно оценивать обстановку. Но как только где-то впереди послышался металлический лязг, замерла и ощутила, как от парализующего страха на коже вздыбились волосы.

– Пусти меня вперед, – прошептал ей на ухо Бирк и осторожно отодвинул ее к стене. Прошел несколько шагов и, увидев дверь, открыл и шагнул в комнату.
– Это его кабинет.

Кира огляделась, в коридоре никакого движения и поспешила за ним. Кабинет Химика был заставлен книжными полками, судя по корешкам книг, заполненными профессиональной литературой. Над столом висела огромная школьная доска, исписанная химическими формулами и уравнениями. В этой комнате воздух был более свежим и влажным.

Внимание Бирка привлекла записка, лежащая на книге: «Это мой вам подарок, доктор Бирк. Ваша матушка говорила, что вы питаете к Леонардо Да Винчи восторженную страсть». Он открыл старинный переплет и хмыкнул. Перед ним лежало антикварное итальянское издание книги Да Винчи.

– Какая щедрость, – процедил сквозь зубы доктор и двинулся к металлическому стеллажу, похожему на картотеку.

Пока Кира осторожно рассматривала книгу и читала записку, он бегло перебрал содержимое и присвистнул.

– А вот это действительно подарок.

– Что там? – Кира подскочила к стеллажу.

– Он скрупулезно собирал доказательный материал по всем преступным эпизодам своих учеников. Здесь есть даже улики, – Бирк вынул целлофановый мешочек, в котором лежал нож, на острие которого виднелись красные пятна, – по-видимому, это кровь.

– Он говорил, что мы будем изучать его берлогу не одну неделю, – напомнила Кира и прислушалась к звукам в коридоре. – Мне кажется, что он все еще здесь.

– Маловероятно.

Бирк не стал вдаваться в длительные объяснения, задвинул ящик и жестом показал, что им нужно идти дальше.

То, что следующее помещение будет лабораторией, поняли оба, едва приблизившись к двери. Как только Бирк открыл дверь, стойкий, удушливый запах ударил в нос. Кира заходить не стала, осталась в коридоре и следила за действиями Бирка.

– Лаборатория вычищена до блеска. В одной колбе, по-видимому, остаток пластификатора.

Доктор и здесь не стал задерживаться, обойдя просторную комнату с белоснежной кафельной плиткой на стенах, поспешил к выходу.

Музыка в этой части коридора была не слышна. По мере продвижения менялся состав воздуха, он был будто разряжен, дышать стало тяжелее, во рту появился кислый привкус. Кира почувствовала, как липкий пот пропитывает все тело. Они дошли до конца коридора. Перед ними была единственная металлическая дверь с табличкой «Опасно, ядовитые вещества» и Бирк, не мешкая ни секунды, потянулся к дверной ручке.

Как только он распахнул дверь, на них хлынул поток адского смрада. Оба закашлялись. Бирк чертыхнулся, снял пиджак и прикрыл им нос. На Кире было только платье, и она защитила дыхательные пути, скомкав подол в несколько слоев, при этом ее ноги оголились почти до бедер, но сейчас было не до стеснения. Подавляя рвотные позывы, Бирк дал ей знак остаться в коридоре, а сам бегло осмотрел освещенную красной лампочкой комнату, заставленную металлическими столами, на которых лежали части человеческих тел. В центре он увидел конструкцию, на которой были подвешены вниз головами три трупа. В силу своей профессии Бирку многое пришлось повидать, но даже его эта комната заставила содрогнуться от ужаса.

Он осмотрел тела, заглянул в распухшие лица и сказал искаженным от брезгливости голосом:

– Один из трупов точно Поликарпов старший. Видимо, Цапакин тренировался на подопытных, а когда состав был найден, опробовал на всех девяти учениках.

Кира не отозвалась и он оглянулся. В дверном проеме ее не было. Расмус скрючился и отшатнулся, будто получил удар под дых. Только не это! Он был уверен, что Химик не тронет Киру.

– Кира? – сначала робко, а потом уже громче крикнул Бирк: – Кира!

Приступ тошноты нарастал. Кира решила отойти подальше от зловонной комнаты, обернулась и столкнулась нос к носу с Вальдемаром Чингаровым в образе чернокрылого ангела. Кожа на обнаженном теле поблескивала как ночное небо. Победоносная улыбка озаряла немного припухшее лицо. Отрывистые реплики Бирка все еще доносились из глубины комнаты. Ее рот распахнулся в безмолвном крике, отреагировать она не успела, в следующую секунду через все тело прошел электрический ток и она упала в руки последнего ученика Химика как подкошенная.

Щелчок. В коридоре воцарилась тьма. Нацепив на голову монокуляр, Вальдемар Чингаров шел по коридору в сторону лаборатории и, нарочито беззаботно напевая, нес обездвиженное тело майора. Его мурлыканье заглушал триумфальный марш из оперы «Аида». Он не спешил, пока вопль доктора не застал его на полпути. Раздался металлический лязг, чертыханья, видимо, доктор пытался выбраться из «прозекторской», так называл это помещение наставник, и зацепил лотки с инструментами.

– Кира!

Чингаров толкнул ногой дверь в лабораторию, опустил тело майора на стол и поспешил к потайной двери. Внешне она выглядела как дверца шкафа, а на самом деле служила проходом в скрытое помещение.

Голос доктора нарастал и Вальдемар поспешил. Распахнул дверь и подставил стул, чтобы та не закрылась, пока он будет заносить тело. Ему не нравилось, что в последний момент наставник внес изменения в их отработанный до мелочей план. Хромоногий доктор и следователь из отдела профайлинга должны были стать частью инсталляции «Девять ниш». Наставник планировал поставить два кресла спиной друг к другу, создавая вид, будто они изучают тех, кто навечно увековечен в своем величии. Не понравился Вальдемару и текст

послания, который он запустил, перед тем как взойти в свою нишу. Уж слишком пафосно хвастался наставник на счет протирки мозгов своих учеников. По большому счету, на данном этапе Вальдемара беспокоило только одно: успеет ли он закончить подготовку картины до того как пряткий и неугомонный доктор найдет скрытое от посторонних глаз пристанище.

По какой-то причине голос Караваджо сегодня молчит. Такой тишины он не помнил со дня побега из лесного домика в день очищения и принятия «истинной» веры. Веры, которая внушалась и нагромождалась дедом поверх всех привитых отцом и матерью догм еще в прежние времена, когда вся семья припеваючи жила в районе Чистых Прудов. Почему Караваджо его покинул в такой ответственный день? Такого он не ожидал и чувствовал нарастающую тревогу.

Наконец-то включился свет. Он опустил тело майора на металлический секционный стол и приступил к подготовке последней картины. Раздев молодую женщину, Вальдемар взглянул на ее спортивную фигуру. Почему наставник захотел поместить ее в сюжет «Экстаз Святой Магдалены»? Как, по его мнению, так ей больше подходило полотно «Святая Екатерина Александрийская». Тот же спокойный и вдумчивый взгляд. Ведь наставник не раз восторгался ее глазами. Загадкой оставался и тот факт, с каким энтузиазмом и воодушевлением он подбирал для нее туфли и это платье. Вальдемар принялся к каштановым длинным волосам, изучая ее запах. Затем потрогал ноги и плоский живот, добрался до упругой груди. Красивая. Но констатация этого факта носила для него сугубо формальный характер. Ее холодная и одухотворенная красота не находила отклика в его сердце. Это как смотреть несколько минут в музее на признанное творение мастера, а потом с таким же успехом созерцать что-то другое.

– Кира! – донесся крик Бирка из коридора.

Похоже, доктор до сих пор не верил, что его помощница не просто отошла припудрить носик, а находилась в смертельной ловушке. Наставнику было интересно посмотреть, как отреагирует Бирк на их последний шедевр. Для этого они даже разработали план, как затереться среди полицейских и насладиться созерцанием безутешного горя зазнайки-психодоктора.

– Вениамин! Если ты ее хоть пальцем тронешь, я уничтожу твоих учеников и всю картотеку! Никто и никогда не узнает о твоём упорном труде! Ты ведь герой и все это должны знать! Ты на стороне справедливости! В чем виновна майор Митяева? Она выполняет ту же работу что и ты...

Голос доктора уже слышался через стенку, а значит, он рыщет по лаборатории.

«Долго же этому доктору придется стенать и уговаривать, – усмехнулся Вальдемар. – Зря старается. Веня его не слышит».

Сейчас он закончит свою работу и присоединится к своему учителю. Он взглянул на часы, нужно поторопиться с облачением. Через пять минут свет снова выключится и тогда он упустит свой единственный шанс победоносно пройти мимо доктора со своей жертвой и остаться незамеченным, а ему этого очень хотелось.

В горле застрял комок и не давал сглотнуть. Кира закашлялась, открыла глаза, огляделась и увидела себя лежащей на холодном полу в круглой комнате с девятью нишами. Она покрыта парчовым покрывалом пурпурного цвета. На ней просторная белая сорочка. Волосы распущены. Одно плечо оголено. Майор попыталась пошевелиться, но тело ее не слушалось. Это вызвало приступ паники. Дыхание стало частым и поверхностным, что вызвало боль в диафрагме.

Тихое пение привлекло ее внимание.

«Кто здесь? – подумала она и повернулась на звук голоса. – Он рядом! Отверженный здесь..., со мной в одной комнате!

Вальдемар Чингаров сидел к ней вполборота и натачивал спицу.

Адреналин хлынул в кровь. Стук сердца монотонным ритмом отдавался в ушах. Из глаз хлынули слезы. В памяти всплыли моменты предшествующие ее похищению. Как Отверженному удалось их провести? Ведь она и Бирк глаз с него не сводили несколько минут. Теперь понятно, почему Цапакин представил его так скомкано и быстро, не хотел заострять на нем их внимание.

Где-то вдалеке послышался женский крик и Кира вздрогнула.

– Это Веня водит психо-доктора по лабиринту, – пояснил Чингаров и ухмыльнулся, его искренне забавляла игра в кошки-мышки, которую предложил устроить его наставник. – Туннель здесь не один. Их три. Через первый путь мы провели вас. Во втором лабиринте сейчас блуждает твой дружок, а в третьем мы пересидим пока этот зал не заполнится группой экспертов. Там мы переоденемся и спокойно выйдем наружу. На показ публике мы решили тебя не выставлять. Это только для хромоножки. Веня рассерчал на тебя из-за отца. Здорово ты ему нервишки подпортила. После обыска старику врачей вызывали, еле откачали. Вот он и решил, что психо-доктору придется тренировать другого ученика.

Майор пыталась унять скачущие мысли и судорожно соображала что предпринять. Нужно бороться до последнего. Как расположить к себе Чингарова? Отвлечь разговорами?

Опять послышался крик Бирка, но уже ближе и Кира невольно взглянула в сторону коридора.

– Если закричишь, я снова тебя вырублю. Поняла? – угрожающе прошипел Чингаров и показал на электрошокер.

Кира нервно сглотнула и заверила его, что будет делать все, что он скажет.

Несколько секунд его рука покоилась на любимом инструменте, а глаза неотрывно буравили свою жертву. Настроение резко переменилось, Чингаров опробовал заточенное острие спицы, остался доволен своей работой и отложил вестницу смерти в сторону. Приподнял Киру и подставил под спину сколоченный из ДСП ящик.

– Так выходит я у тебя последняя? – спросила она после паузы.

– Нет, последним будет брат. Сейчас он в прозекторской.

Кира зажмурилась, Бирк снова оказался прав! Цапакин действовал один, в обход Чингарова. Это был ее шанс, вот только разыграть этот козырь нужно с умом, не подрывая авторитета наставника, иначе вызовет на себя волну негодования и ускорит свой конец.

– В прозекторской ты его не найдешь. Вчера его тело доставили вместе с головой твоего деда в наш офис. На моем телефоне есть фото, – Кира кивком показала на входную дверь.

– Заткнись стерва! Ты врешь! – Чингаров отвесил ей пощечину.

Голова Киры дернулась, она закрыла глаза и застонала от боли. Внутри всколыхнулась волна ярости, но невероятным усилием воли она смогла ее сдержать.

– Думаешь, я тупой? Почему следаки такого высокого о себе мнения? Мы тоже книжки читаем и изучаем ваши методы, – он скривился и ослабился. – И знаешь, что я тебе скажу? Ваши книжки – полное дерьмо!

– Проверь прозекторскую... – прошептала Кира. – Артура там нет.

– Еще чего! У меня время на исходе.

Он схватил спицу и приставил к ее груди в область сердца. Кира впялила в него полный боли взгляд. Если ей придется вот так умереть, она не потратит последние секунды на мольбу и плач. Вдруг в сознании мелькнула идея, и она ее тут же озвучила:

– При транспортировке экспозиция развалилась, – с наигранным сочувствием произнесла она. – Артур упал, а руку, что держала меч, оторвало. Когда мы открыли ящик, голова твоего деда выкатилась нам под ноги...

– Нет! Нет! Нет! Он не мог! – Чингаров отполз от Киры, из глаз брызнули слезы. – Вот почему Караваджо молчит. Он знает, что не получит подарка.

– Кира! – послышался голос Бирка совсем близко.

На свой страх и риск она закричала что есть силы:

– Расмус! Я в круглой комнате!

– А-а-а-а! Сука! Ты все врешь! Веня сказал, что ты будешь меня обрабатывать, врать, торговаться до последнего. Не на того напала!

Он схватил ее за подбородок и занес руку для удара. В этот момент включилась вентиляция и Чингаров замер. Решительность его мгновенно улетучилась. На лице отразился страх. Он беспомощно озирался по сторонам и пытался понять, что происходит.

В коридоре уже были слышны быстрые шаги Бирка, она бы их никогда ни с кем не спутала.

Чингаров отскочил в сторону и истошно закричал, все его тело покрылось коркой, которая быстро твердела и придавала коже глянцевоcть.

– Нет! Нет! Нет! Какой же он гад... Гнида поскудная. Нет! – Отверженный застыл в одной позе, лишь лицо кривилось в болезненных гримасах.

В этот момент Бирк выскочил из темноты коридора, мгновенно оценил обстановку и со стоном упал на колени рядом с ней.

– Кира! Как ты себя чувствуешь? – он отшвырнул ящик и опустил ее на пол, начал ощупывать руки и ноги. – Судорог и признаков гипоксии нет?

– Я не могу пошевелиться.

– Знаю, Цапакин сказал, что тебе ввели миорелаксant.

– Что с ним? – спросила Кира, кивком показывая на Чингарова.

Бирк подошел к заочневшему телу и изучил его со всех сторон. Чингаров все еще корчился от жуткой боли, но звуки в горле чем-то блокировались, он захрипел, изо рта вытекла струйка крови.

Раздался глухой взрыв, дверь сорвалась с петель и отлетела к центру комнаты, чуть не задев Киру. Бирк во время среагировал, опрокинул ногой стол и тем самым предотвратил удар. От грохота Кира вскрикнула и зажмурилась, но когда поняла, что Бирк буквально спас ей жизнь выдохнула и тихо заплакала.

В комнату ворвался спецназ, Бирк показал им в сторону коридора.

– Он где-то там, в лабиринте коридоров, – без особого энтузиазма сказал он и подтащил Киру к себе. Хотел взять ее на руки, но кто-то его опередил.

– Я сам!

Кира подняла голову и увидела Алана.

– Ёдрен батон! – воскликнул Лимонов, изучая обитателей ниш. – Кто это?

Не в силах говорить, Бирк жестом показал, что все ответы даст потом, а сейчас ему нужно выйти на воздух.

– Где Цапакин?

– Гонял меня по коридорам полчаса, имитируя расправу над Кирой, но, как выяснилось, это была запись.

– А с этим что? – полковник показал на Чингарова, издающего всхлипывающие звуки.

– Ему мы уже не поможем. Владелец девятой ниши считай труп, – Бирк поспешил за Аланом.

Глава восьмая

10 июля 2012г.

Московская область, Нахабино.

Столбик термометра едва поднимался до пятнадцати градусов тепла. Кира стояла у панорамного окна и смотрела, как к стенам дома липли клочья рыхлого серебристого тумана. Несмотря на пасмурную погоду, птицы в оранжерее вели себя возбужденно, как только Бирк и его адвокат начинали обговаривать нюансы расторжения контракта, поднимался громкий щебет, будто обитатели ее излюбленного места для отдыха не хотели, чтобы в их раю говорили об отступных и форс-мажоре. После очередной шумовой атаки Кира усмехнулась. Ее реакцию Бирк воспринял по-своему, ведь обсуждалась покупка квартиры. Расмус всеми силами упирался, говорил, что сам купит ей квартиру в рамках суммы вознаграждения по контракту. Кира же от денег наотрез отказалась, мотивируя это тем, что попусту их не заработала.

За прошедшую ночь, что она провела в одиночестве – Бирк приехал в коттедж только под утро – она сроднилась с мыслью о том, что ей предстоит вернуться к прежней жизни. Первый день этой внезапно обрушившейся на нее свободы ей, как ни странно, хотелось побыть с семьей. Кира как раз думала о том, что первым делом расскажет Асе о предстоящей учебе, когда Бирк окликнул ее и попросил поставить подпись на расторжении контракта.

– Так что ты решила? Поживешь в квартире моей матери?

– А у меня есть выбор? – резко бросила она и поставила на документе размашистую подпись.

– Не говори глупости, конечно, есть!

Ранее Кира уже прикинула расходы на аренду квартиры и поняла, что испытывать судьбу нужно разумными порциями, поэтому хоть и нехотя, но дала согласие.

– Иногда я буду появляться в комнате матери, в трудные моменты меня это поддерживает, придает сил..., так что не удивляйся, если увидишь полоску света под дверью.

– Почему мне кажется, что ты снова расставил мне ловушку? – Кира подбоченилась.

– Брось, не выдумывай. Я буду приезжать крайне редко и ненадолго, так что никак не помешаю твоей личной жизни. Ты ведь для этого хочешь уединения?

– Расмус, я устала повторять, что мне нужна изолированная от всех квартира – место, где я смогу побыть в одиночестве. Мое личное пространство. Мне нужен отдых, спокойный сон.

– Тебе нужен секс, – злобно выпалил он и состроил такую гримасу, будто речь шла не о человеческих потребностях, а о каком-то экзотическом извращении.

– Черт, Расмус, это тебя не касается! – одернула его Кира и сложила руки на груди.

Адвокат громко откашлялся, привлекая к себе внимание доктора, и когда Бирк перевел на него гневный взгляд, сослался на занятость и потянулся к подписанному Кирой документу. Но Бирк накрыл его ладонью и так зыркнул, что адвокат отпрянул и застыл в недоумении. В комнате повисла давящая тишина. Рука Бирка все еще удерживала документ, поэтому адвокат сложил свои записи в кейс и удалился. Сото последовал за ним.

– Романы могут помешать твоему имиджу и работе над делами, где как ты уже поняла, нужна максимальная концентрация сознания. Это неприемлемо, – жестко парировал Бирк, – все скажут, что не успела остыть наша постель, как ты завела другого мужчину.

– Романы? Хм... то есть их будет много...

– Мне это неприятно, – прошипел грозно Бирк.

Глядя на него, Киру снова посетило видение зебры, на этот раз она повернулась к ней темной стороной. От гнева ее губы распухли, глаза налились кровью, с оголенных зубов стекают слюни. Она разгорячена и готова к нападению. Майор с шумом выдохнула, ей не хотелось спорить, но и его противостояние оставлять без объяснений нельзя. Пора все расставить по местам, придется доктору Расмусу Бирку открыться.

– В чем истинная причина разрыва контракта? – тихо спросила она.

Бирк метнул в нее упреждающий взгляд.

– Расмус, я имею права знать.

Вскочив на ноги, Бирк бросился к выходу, Кира последовала за ним. Оба поднялись по лестнице и скрылись в рабочем крыле. Перед спальней Бирк ускорил шаг и первым забежал в свое убежище. Прямо перед ее носом дверь громко захлопнулась, но Кира не спасовала, приложила к электронному замку ключ-карту и была приятно удивлена тем, что она все еще действует, а ведь Алан еще до завтрака отнес ее вещи в машину.

Бирк уже скинул халат и стоял в одних трусах в гардеробной. Кира подметила, что в области паха тоже есть шрамы и ужаснулась. Ее бесцеремонного вторжения он не ожидал, злобно зыркнул, пробурчал, что он больше не смеет ее задерживать в своем доме и отвернулся. Вид у него был крайне раздраженный. Следующие пять минут он швырял вещи в чемодан. Кира знала, что он никогда сам не собирался в поездку, и поняла что он в преддверии нервного срыва. Она подошла к нему вплотную и заглянула в глаза. На мгновение Расмус запаниковал, но тут же собрался с духом и посмотрел на нее уже без вызова.

– Тебе придется со мной поговорить. Лучше сделать это прямо сейчас.

Он кивнул, надел брюки и опустил на банкетку. Отбросил рубашку на чемодан и прикрыл лицо ладонью.

– Все просто, Кира. Договор нужно было расторгнуть потому, что я больше не могу выполнять свою часть сделки.

Он уже был готов ей все рассказать и отжаться на милость случая, но Кира выдвинула свою версию происходящего.

– Ты встретил женщину, с которой хочешь завязать серьезные отношения?

Бирк нервно сглотнул и нахмурился. О чем это она?

– Так мне сказала та женщина в клубе. Твоя информатор.

– Понятно, – он кивнул, как бы подтверждая ее догадку. В принципе она недалеко от истины, просто смотрит на нее под другим углом.

– Я рада за тебя, – Кира присела рядом, поцеловала его в висок, – мне тоже хочется, чтобы ты был счастлив.

Находиться рядом с ним она уже была не в силах. Хотелось подальше убраться от убежища таинственного и мрачного наставника. Она вышла из спальни и поспешила к лестнице. Сердце ныло от тоски. Кто эта женщина, из-за которой Бирк так резко поменял свои планы?

Расмус упал на кровать и зарылся лицом в подушку. Рация и его телефон разрывались от сообщений, но он на них не реагировал. Через минуту пропищал электронный замок и в спальню заглянул Сото.

– Расмус, я готов к докладу по группе «Vigilante».

– Не сейчас, Сото! Дай мне полчаса!

Кира вышла из коттеджа и поспешила к гаражу, у машины ее ждал Алан.

– Куда сейчас?

– На дачу к матери, – Кира забрала у него ключи от машины. – Я сама сяду за руль.

Сидя в оранжерее Бирка, полковник Лимонов закончил рассказ о найденных на этот момент уликах в убежище Цапакина и откинулся на спинку плетеного кресла.

– Мы прочесали все закоулки, но Цапакина так и не нашли. Митяевой Чингаров бахвалился, что они переоденутся в туннеле, сольются с толпой, которая нагрянет их дерьмо расчищать, после чего приспокойненько выйдут на поверхность. Но по факту мы не нашли никакого временного пристанища, где бы эти двое упырей могли отсидеться, а потом явить себя народу.

Бирк снял очки и потер переносицу. После отъезда Киры на него навалилась такая тяжесть, что хоть волком вой. Голову сковала острая боль. Сейчас ему хотелось побыть одному, но как отказать близкому другу, тем более, что речь идет о завершении дела.

– Я глубоко убежден, что Цапакин скрылся, как только мы с Кирой вошли в зал с девятью нишами. До того момента, он шел по нашему следу и убирал знаки, которые расставил для ориентира. Был риск, что мы поведем свою игру, на этот случай он должен был быть рядом. Но как только началось его мероприятие, он поспешил во второй туннель и покинул свое убежище.

– Как проявила себя Митяева? Кстати, где она?

– Забрала вещи и уехала. Дала согласие на переезд в квартиру моей матери, – Бирк взглянул на часы. – Прошло уже три часа, но она там до сих пор не появилась.

Расмус потер лицо руками и тяжело вздохнул. Лимонов не сводил с него буравящего взгляда. Он никак не мог понять, что на самом деле доктор чувствует к своей ученице. Похоже, что именно ее отъезд выбил его из колеи.

– В туннеле она немного стусевалась, но когда мы прошли через сканер, вид у нее уже был решительный. А потом... – Бирк отмахнулся, – считай это ее первое дело. Стачука мы брали без нее. Так что...

– Что?! – от нетерпения Лимонов был готов взорваться.

– Все нормально, – уклонился от объективной оценки Бирк.

– Мы нашли вот эту записку в ее вещах, – полковник протянул другу клочок бумаги.

Бирк прочитал и от удивления приподнял брови. Выходит, Кира предполагала, что может не выйти из того туннеля. Сердце сжалось в комок. Он ведь даже не успел с ней поделиться своими выводами о том, что Цапакин считал их своими коллегами и никогда не стал бы наносить им вред. Чингарову намеренно заморочил голову, чтобы отвлечь от приготовлений к побегу. Был риск, что Кира все же станет последней героиней «живой картины» Отверженного, но Цапакин оставил этот вопрос на дело случая и проворность доктора.

– Мы установили, что все оборудование, которое он использовал, вплоть до сканера на входе было украдено.

Бирк хмыкнул и начал массировать виски.

– Не мудрено.

– При обыске в доме его папашы мы нашли переписку с теткой по матери, которая настаивала на его приезде в Самару для оформления завещания. Есть вероятность, что он там.

– Нет, – покачал головой Бирк, – ты, конечно, проверь, чтобы совесть была спокойна, но его там не будет. Он хитрый и изворотливый. Если хочешь его найти, капай под учеников. Он наделил себя их сильными сторонами и вступил в некое наследие, не исключено, что заодно прибрал к рукам какую-то часть их недвижимости и сбережений. Документы он справил еще до отъезда, так что считай, что Цапакина Вениамина больше нет. Теперь у него другое имя.

– Кстати, ты говорил, что он по какой-то причине торопился и не мог ждать восемнадцатого. Так и есть. Тетка написала, что ей собираются сделать операцию и просила приехать до того как ей впрыснут наркоз. Видать хотела что-то важное сообщить.

Бирк с задумчивым видом смотрел в окно и никак не прореагировал на сказанное. Уж если и была причина, по которой Цапакин спешил, то к его тетке она не имела никакого отношения. Доктор был в этом уверен.

– Вонючка Цапа, вот как называли его в том пошивочном цеху, где он с Чингаровым познакомился. Говорят, от его тела исходил такой отвратный запах, что через минуту общения всех пробирало на дурноту, – Лимонов чертыхнулся и сложил руки в замок. Взглянул на друга и нахмурился. – Ты чего не весел? Взяли девять маньяков, пусть и залитыми в пластификатор, это уже результат. Васенков доволен, передавал тебе привет, надеется, что мы продолжим в том же духе и на счет растаможки лабораторного оборудования обещал подсобить.

– Это хорошо, – тут же отозвался Бирк, но настроения ему это не прибавило.

– Что с тобой? Что-то случилось?

– Ничего такого, с чем бы я ни справился, – пространно отозвался Бирк, поднялся с кресла и начал расхаживать вдоль стены.

Предчувствие надвигающейся катастрофы мучило его с самого утра. Он хотел поговорить с Кирой за завтраком, но к ним внезапно присоединился Сото, и разговор пришлось отложить. Затем ему снова представился случай в спальне, Кира сама настаивала на откровенном разговоре, но он как последний трус сдрейфил и вместо того чтобы открыться и рассказать о своих чувствах, промолчал и позволил ей уйти. Он оправдывал свой поступок ее безопасностью, рядом с ним она будет под постоянным прицелом. Но вчерашний день показал, с ним или нет, она уже вступила на путь охоты и назад дороги нет. Бирк это понимал, но подпустить ее к себе еще ближе побоялся. Сейчас он корил себя за слабость, за то, что его слова расходились с делом. Накануне он говорил ей, что готов пойти дальше и покончить с одиночеством, а когда представился случай,

ударил по тормозам. Дважды он посылал смс Алану, но тот отвечал сухо, без обычных подробностей и это тоже вызывало раздражение.

– Работы непочатый край. Как же не вовремя ты уезжаешь.

– Я уезжаю по личным вопросам всего на пару дней. К тому же тебе будет, чем заняться в мое отсутствие. Видел я картотеку Цапакина, там доказательной базы на сорок томов по каждому делу. Смотри на это с другой стороны, благодаря Химику ты закроешь кучу висяков.

– Если бы не эта Вонь Подригузная, не было бы всех тех убийств, что совершили его ученички, – огрызнулся Лимонов и потер припухшие от бессонницы глаза.

– Совершили бы, но не в рамках придуманной Цапакиным миссии, а хаотично и, скорее всего, не были бы пойманы.

В оранжерею заглянул Сото и Бирк поспешно вышел к нему в холл.

– К вам просится Нина, я невольно подслушал ее разговор с матерью, думаю, она хочет оповестить вас об увольнении.

Бирк закатил глаза, только этого не хватало.

– А я готов отчитаться по группе «Vigilante», – напомнил Сото и переступил с ноги на ногу.

– Хорошо, провожу Андрона и сразу зайду к Нине в гостевой домик, жди меня в кабинете.

После плотного обеда, воспользовавшись оживленным разговором домочадцев, Кира прошмыгнула мимо Алана, который все это время помогал мужу Аси с компостной ямой, и зашагала в сторону сада. Там, под раскидистой яблоней, подальше от посторонних глаз, она когда-то закопала вещи, что остались в тумбочке пионерского лагеря после пропажи друга.

Туманная дымка прикрывала ее плотной завесой. Земля была рыхлой и поддавалась рывкам лопаты как масло. Металлический лязг напомнил ей день, когда она закопала последнее напоминание о прожитой трагедии. Прошло двадцать четыре года, а ничего не изменилось. Она по-прежнему бережно хранит воспоминания о друге и просыпается от кошмаров, снова и снова переживая

момент, лишивший ее самого близкого друга. Они были знакомы всего лишь три недели, а ощущали такую близость, будто пребывали вместе с самого рождения.

Дрожащими руками она открыла крышку коробки и вынула из целлофанового пакета несколько фотографий, артиллерийский компас на кожаном ремешке, пионерский красный галстук из ацетатного шелка – Михкель носил его в кармане и надевал только на построение – вышитую эмблему его школы и несколько значков, которые он выменял у детей из других отрядов.

На глаза навернулись слезы. Кира плюхнулась на землю и стала перебирать содержимое коробки. В памяти всплывали рассказы друга и моменты, когда они делились чем-то сокровенным, что не доверяли больше никому. Это их сближало и создавало атмосферу взаимовыручки и поддержки. Они всегда говорили друг другу правду, даже когда она была болезненной, даже когда считали, что поступили неправильно и нужно перед кем-то извиниться. Михкель любил повторять: «Истинный друг всегда честен и прямолинеен».

Кира перебирала фотографии, когда взгляд скользнул по знакомому лицу. От осознания того кто запечатлен на снимке двадцатичетырехлетней давности на нее накатила волна горечи, обиды и злости. На обратной стороне фото была надпись «Я и Расмус. В последний день жизни, которой больше не будет». Она вспомнила, как Михкель на ее вопрос о последнем дне разъяснил, что эта фотография была сделана за час до отъезда мамы и старшего брата из Тарту. Неделями ранее его родители официально развелись и приняли решение, что Михкель останется с отцом до окончания школы.

Совсем недавно говорили в кабинете Бирка о дне похищения, Кира видела, что он воспринимал информацию болезненно, но она и предположить не могла, что они говорят о его брате. Теперь ей был понятен его интерес. Он взялся за безнадежное дело не потому, что она его об этом попросила, а потому что он сам его искал. Когда он предъявил ей фотографию той румынки, она подумала, что найти эту женщину через столько лет было невероятной удачей. Оказывается удача здесь была совсем ни при чем, он о ней знал уже несколько лет, а Киру посвятил в детали, чтобы создать видимость реального расследования. Поступок доктора она считала предательством. Майор была глубоко убежденна, что только

на правде можно построить будущее. Видимо, с Расмусом Бирком у нее нет никакого будущего.

Когда злость отступила, а сознание прояснилось, Кира приняла решение перевести отношение с доктором в сугубо профессиональное русло. Время, проведенное рядом с Бирком, несомненно, способствовало их сближению и даже раздвинуло некие границы. Еще утром их нельзя было назвать только коллегами или партнерами по контракту, который так удачно был сегодня расторгнут.

Из туманной дымки вынырнул Алан и, найдя ее на земле, нахмурился и упер руки в бока.

– Что делаешь?

– Чтобы построить будущее, мне нужно разрешить проблемы прошлого.

Кира смахнула слезы и сложила содержимое коробки в пакет.

– Поехали!

– Куда?

– Решим еще одну проблему из моего прошлого.

– А конкретнее, – не отставал Алан, сегодня он был более разговорчив.

– Сделаем то, что я должна была сделать еще год назад, – Кира поднялась с земли и отряхнула джинсы.

Ее ответ не внес ясности, телохранитель навис над ней, не давая прохода.

– Я решила воспользоваться тем, что ты сегодня работаешь последний день. Поедем, заберем мои вещи из старой квартиры.

Бирк устроился в рабочем кресле и поднял на помощника глаза. Только что у него состоялся неприятный разговор с Ниной, которая встала в позу и решительно заявила, что уедет сегодня к матери. Он даже подумал, а не Кира ли ее на это надоумила, но Сото заверил, что женщины между собой не общались со дня обнаружения Нины в подвале заброшенного здания. Вопреки прогнозам помощника, Нина даже словом не обмолвилась об увольнении. Ее больше интересовал вопрос, где теперь Кира будет жить. Все это раздражало и выбивало из рабочего настроя, поэтому доклад Сото он слушал вполуха, постоянно отвлекался и глушил в памяти последние слова Киры:

«Мне тоже хочется, чтобы ты был счастлив».

– Впервые группа «Vigilante» заявила о себе в громком деле Йоханна Грубера, – начал доклад Сото. – В 2007 году он был приговорен окружным судом австрийского города Инсбрук к пожизненному заключению за инцест, незаконное лишение свободы, неоднократное изнасилование, содержание людей в рабстве и убийстве по недосмотру.

– Я помню это дело, – на лице Бирка отразилась череда гримас, – отец-насильник удерживал двух дочерей в подвале заброшенной фермы. Девочки почти каждый год рожали от него детей, но из-за жутких условий содержания и отсутствия медицинской помощи в живых остались только трое.

– Так и есть, – кивнул Сото и продолжил: – Отбывать заключение Грубер должен был в тюремной больнице для душевнобольных. Когда шумиха вокруг его дела спала, его племянник подсуетился и дяде каким-то чудом ослабили режим. Если вы помните, он был в венском городском сенате и после суда над его дядей многие пророчили отставку, но ее так и не последовало.

Бирк жестом дал понять, чтобы Сото не уклонялся от основной темы.

– Какой-то добрый самаритянин выследил Грубера, когда тот «навещал» своих внуков, – Сото показал пальцами кавычки, – и убил. На следствии выяснилось, что как только Грубер оказался под домашним арестом посещения дочерей возобновились и даже соседи и жена не смогли исправить ситуацию. После убийства дочери дали показания, из которых выяснилось, что их отец ловко манипулировал людьми, знал обо всех какие-то секреты и не упускал случая пустить в ход шантаж.

– Что известно об убийце?

– Ничего. Никаких улик. Никаких свидетелей. Может, они и были, но в полицию никто не заявил. Дело числилось нераскрытым, пока местное газетное издание не получило портрет Грубера с пометкой «12-й» и коротенькое послание о взятии на себя ответственности за убийство некоей группой «Vigilante». Из чего газетчики сделали вывод, что они уже убивали и раньше. Журналисты раскопали предыдущие случаи, которым по какой-то причине не дали ход. Вышла серия статей, разразился скандал.

– Ты объединил случаи?

– Да, – Сото вывел на мониторы несколько фотографий, – способы убийств всегда разные из чего я сделал вывод, что...

– Убийц несколько... – закончил мысль Бирк и потер сильно выступающий подбородок.

Он внимательно изучил снимки с мест преступлений, поднялся с кресла и стал расхаживать по комнате. Но боль в колене была такой нестерпимой, что он со стоном плюхнулся на диван, вытянул ногу и стал ее растирать.

– Мне показался интересным еще один факт. Журналисты связывают с этой группой некоего Феликса Илиеску и ведут за ним охоту уже несколько лет.

– Почему?

– Илиеску уроженец Кишинева, ныне гражданин все той же Австрии тридцать лет назад сам стал жертвой маньяка. Его жена и дети погибли, а он, оставшись инвалидом, посвятил свою жизнь поиску убийцы. Привлек к себе внимание газетчиков после того как пропал Франц Пихлер – гражданин Зальцбурга, у которого при обыске нашли видеокартотеку истязаний женщин и детей. В одной из записей следователи обнаружили сцены расправы над семьей Илиеску. Сам Илиеску не скрывал, что ищет убийцу своей семьи. На допросе он утверждал, что ничего не знает о Пихлере, от мести давно отказался, найдя другое призвание в жизни.

– А каким родом деятельности он занимается?

– Теперь у него свой фонд. Помогает в реабилитации жертвам насилия.

– Хм... – Бирк скривился, – да, похоже, это тот, кто нам нужен.

– Кстати, о деле Ганса Мюллера...

– Да? – сразу встрепенулся Бирк.

– Гоззо Хофманна – арестованного водителя черной «Ауди» представлял адвокат, который работает на фонд Илиеску.

– О-хо-хо, какая неаккуратная работа, – посетовал Бирк. – Как же они так прокололись, ведь до этого момента работу выполняли чисто как в аптеке.

– Мне кажется, что тот, кто убил Мюллера, был очень близок Илиеску, отсюда и промахи.

Сото вывел на экраны мониторов две фотографии для сравнения. На одной был запечатлен труп Грубера, на другой Пихлера. Способ убийства был

идентичен – множество тончайших порезов. Бирк закивал, подтверждая догадку помощника.

– Отличная работы, Сото. Начнем с этого Илиеску. Подготовь мне весь материал. Через неделю Кира едет на курсы ФБР, меня давно приглашали в качестве лектора... что ж... дадим группе это дело и посмотрим, куда нас выведет коллективная работа.

– Хороший ход, – сдержано ответил Сото и выключил мониторы.

Доктор уловил его сомнение и добавил:

– Заодно присмотрим за Митяевой, Химик все еще на свободе.

– Вы и на курсах будете ей помогать? – не удержался Сото от ехидного намека, когда дело касалось майора спокойствие и отчужденность отходили в сторону.

– Нет-нет! Никаких преференций! – воскликнул доктор. – Разминка для Митяевой окончена, теперь все будет фундаментально. Хочешь быть охотником – натачивай орудие, – он постучал указательным пальцем по виску.

Эпилог

12 июля 2012г.

Дания. г.Копенгаген. Портовый район

Нудный и залиvistый сигнал будильника на мобильном телефоне заставил его открыть глаза и резко встать с постели. В крошечном круглом оконце, смотрящем на гавань, виднелось ночное небо. Через рваные серебристые тучи пробивался отсвет тусклых звезд. Послышался один длинный гудок – пассажирское судно подходило к причалу. В этой тесной комнатухе он перекаптовывался почти два месяца, но так и не привык к портовым звукам, которые не прекращались ни днем, ни ночью.

Протерев глаза и взлохматив волосы привычным жестом, он прошлепал в ванную, в которой еле умещались раковина и унитаз. Чтобы принять душ ему приходилось опускать стульчак и ставить ноги по обе стороны от фаянсового друга. Форсунки душевой лейки периодически забивались, и вода стекала вопреки всем законам физики куда угодно, но только не ровно по центру. Никакой йог не смог бы повторить те движения, которые он проделывал, чтобы

помыть все части тела. Коллеге из группы, что жил с ним в этой коморке и работал в дневной смене, из-за огромного роста приходилось мыться в соседнем здании, что, конечно, добавляло риска. Ведь их лица не должны остаться ни на камерах видеонаблюдения, ни в памяти местных жителей.

Пока он чистил зубы и смотрел в свое отражение в треснутом ровно посередине зеркале, вспомнил сон, что приснился ему перед самым пробуждением. Темноволосая девчушка в голубой пилотке тянула к нему руки и что-то шептала. По опыту он знал, если она ему приснилась, его подсознание выдает предупреждение об опасности. Что-то он упустил, недопроверил или не учел. Нужно еще раз пересмотреть все данные и проехать по маршруту.

Операция по перехвату груза назначена на два часа ночи, время еще есть, но мешкать нельзя. Пока в микроволновке разогревался готовый ужин, состоящий из говяжьей отбивной и отварного риса, он успел выполнить суточный норматив по отжиманию. Покончив с едой, Линчеватель облачился в водолазку с высоким воротом, джинсы и кроссовки. Нахлобучил на голову бейсболку. Взял со стола ключи от машины, телефон и вышел в узкий переулок.

Приехав в порт, он поставил спорткар в исходной точке и размял шею. Положил руки на рулевое колесо и с минуту смотрел на татуированные пальцы – графическое напоминание о его предназначении. Принял удобную позу. Засек время и километраж. Погнали! Мотор взревел, спорткар, взяв быстрый разбег, вылетел на ночную трассу. Первые три отметки он прошел по плану, а на четвертой встал в пробку из-за аварии, шоссе перегородили полицейские машины и, по всей видимости, к моменту перехвата этот путь будет все еще закрыт. Он чертыхнулся, вот как чувствовал, что нужно все проверить. Случись такое во время погони, пострадали бы люди.

На этот раз они имеют дело не с одним преступником, а с целой группировкой, основной деятельностью которой является торговля «живым товаром», преимущественно детьми от пяти до двенадцати лет. Дело поставлено с размахом. Места перегрузки, куда детей привозят партиями для дальнейшей перепродажи, постоянно меняются. Страшно подумать, в какую жизнь окунаются насильно оторванные от семьи и вчерашней беззаботности дети. Подобные дела вызывают в нем особую ненависть и тягу к отмщению, ведь когда-то он сам стал

жертвой похищения. Никто не знал точно, сколько лет он как собака на привязи переходил от одного владельца к другому. Каждый раз он тешил себя надеждой, что завтра будет лучше, нужно надеяться и верить, но реальность двигалась в противоположном направлении. За годы заточения он одичал, деградировал и перестал разговаривать. Но если события из далекого детства приходили к нему короткими эпизодами только во снах, все что было в день его освобождения, он помнил поминутно. Человек, спасший его из плена, стал ему другом, наставником и даже отцом. Опекал, помогал в учебе и адаптации. Поэтому когда пришло время выбирать профессию, он ни минуты не сомневался и продолжил его дело.

Линчеватель запросил у штаба срочный пересмотр маршрута и, получив схему, дважды проехал по новому пути отступления. Сегодня он выступит в качестве представителя крупного покупателя. Три недели он штудировал сленг и вживался в образ. Если он исполнит свою роль неубедительно и его раскроют, пострадают трое его коллег, внедренных в группировку и дети, что содержаться в нечеловеческих условиях в одном из контейнеров грузового судна, стоящего сейчас в порту на разгрузке.

На второй телефон пришло смс от продавцов «живого товара». Подтвердили встречу и указали грузовой терминал. Теперь ему предстоит принять другой облик и сменить машину. Линчеватель подъехал к парку, поставил спорткар на стоянку и прошел пару кварталов пешком. Навстречу ему попадались редкие прохожие, в каждом из них он видел потенциального убийцу. За годы работы он понял, что зло всегда поблизости. Оно никогда не дремлет. Возможно, сейчас мимо него прошел тот, кто через час приедет, так же как и он под видом грузовой компании и заберет сколоченный ящик с круглыми маленькими отверстиями для вентиляции воздуха и увезет туда, где уже приготовил место для своих сексуальных извращений.

В конце квартала, он замедлил шаг и осмотрелся, вокруг пугающая тишина, даже собаки не лаяли. Подошел к металлической двери рядом с вывеской «Грузовые перевозки» и постучал условным стуком. Дверь сразу распахнулась, он нырнул в темноту гаража. Обошел фургон, переделся в униформу, надел бейсболку со скрытой камерой и сел в трехместную кабину. Коллега выдал оружие – «Walther P99», из которого он почти каждый день стрелял на

стрельбище. Линчеватель спрятал пистолет в тайник под сиденьем. Его напарник сел за руль.

«Mercedes-Benz Vario» подъехал к портовому пропускному пункту. Охранники проверили документы на машину, водительские права и накладную на забор груза. Вся процедура заняла не больше трех минут, затем фургон подъехал к грузовым терминалам и Линчеватель выслал смс с уведомлением о прибытии. Из самого дальнего терминала вышел здоровяк в черной униформе и махнул им рукой. Когда они подъехали к воротам, охранник приказал заехать в ближайший бокс и заглушить мотор.

Линчеватель вышел из кабины, представился по легенде и назвал код груза. Ворота с грохотом закрылись, отрезая путь к отступлению. За считанные секунды фургон окружил отряд из десяти вооруженных бойцов. Он и водитель подверглись тщательному досмотру. Затем настала очередь фургона. Пока его осматривали, Линчеватель сканировал периметр и насчитал не менее тридцати наемников.

После проверки их довели до закрытого контейнера, который стоял в отдалении от остальных и Линчеватель разглядел наклеенный красный ярлык «Live animals», что означало перевозку подопытных животных для лабораторий. Знаком он подозвал Линчевателя и указал на тощего турка с крючковатым носом. Турок проверил документы и жестом позвал его за собой.

Двое охранников открыли двери контейнера, турок пошел вперед, обходя один ящик за другим. Линчеватель кивком показал напарнику идти за турком, а сам замкнул процессию. Внутри контейнера стояла такая тишина, что он подумал, а не проверка ли это. Но оказалось, что контейнер поделен на несколько частей и груз, за которым они прибыли был скрыт пластиковой перегородкой.

В этой части контейнера ящики были идентичны по размеру и материалу, из чего он сделал вывод, что вся эта партия – «живой товар». Турок откинул переднюю стенку одного из ящика и продемонстрировал «груз». От увиденного у Линчевателя чуть сердце не выпрыгнуло из груди. В ящике, скрючившись и постанывая, лежали две девочки: одной было не больше десяти лет, другая постарше. Обе славянской внешности и судя по сходству – сестры.

– Они чем-то больны? – как можно жестче спросил Линчеватель. – Если твой босс продал нам бракованный товар...

– С ними все в порядке, – поспешил заверить его турок. – Час назад их осматривал врач. Перед продажей им дают успокоительное, многие засыпают. Ты новичок, поэтому забираешь последним, остальных забрали еще спящими.

Эта была катастрофа! Так вот в чем был просчет, а он искал его на маршруте. Непростительная ошибка с его стороны. Группа надеялась вывезти как можно больше детей, а выходит, их уже нет в порту.

Он кивнул турку, приказал напарнику развернуть фургон и подогнать для погрузки. Ящик поставили в центре салона и привязали к бортам ремнями, чтобы груз не болтало в дороге. Турок внимательно следил за их действиями и после погрузки отправил боссу сообщение, что новички управились быстро и без накладок. Получив одобрение, он тут же оформил документы и уведомил охрану.

– Вот это протянешь из окна на выезде их порта, тогда тебя досматривать не будут, – уведомил он Линчевателя и всунул в руку красный пропуск все с тем же стикером «Live animals».

Они выехали из терминала и направились к пропускному пункту. Как и говорил турок, на обратном пути их не досматривали. Как только они оказались в безопасности, напарник прошелся по салону и проверил фургон на предмет прослушки, а когда вернулся, показал три жучка. Это было ожидаемо, боссу преступной группировки нужно было прощупать новичков со всех сторон. Обещания давали заоблачные, но хваленые возможности действиями пока не подтверждали.

Когда они внесли девочек во временный штаб, врач и две медсестры тут же занялись их осмотром. Попутно переводчик стал уточнять, откуда они и как их зовут. Выяснилось, что девочки из российского города Санкт-Петербург. Они действительно сестры и были похищены три недели назад в Турции, где были с родителями на отдыхе.

Линчеватель дал знак, группа разместилась через стенку в маленькой комнатухе, похожей на его временное пристанище. Он объяснил причину смены плана и общими усилиями они стали искать выход.

– Через нашего человека мы можем добыть записи с камер наблюдения и установить, кто и когда увез груз, – предложил один из коллег.

– А что если турок соврал? – выдвинул свою версию напарник. – Рядом стояли еще двенадцать ящиков с точно такой же маркировкой.

С минуту Линчеватель расхаживал вокруг стола. Коллеги обсуждение не прекращали, сыпались догадки и варианты исхода событий. Нутром он чуял, что напарник прав, теперь, когда волнение схлынуло и они оказались в безопасном месте, многие мелочи, которым он не придал сразу значения, говорили о том, что турок намеренно сбил их со следа.

– Действуем следующим образом, – сказал он и сложил руки на груди. – Сейчас записи с камер нам уже ничем не помогут. Если кто-то вывез груз, для нас он уже потерян. Передадим весь материал главному штабу, пусть сами разбираются. Наша задача состоит в том, чтобы убедиться есть дети в терминале или нет. Для этого нам нужно организовать пост у контрольно-пропускного пункта, благо он единственный. Если заметим, что кто-то показывает стикер и его не досматривают, даем выехать и перехватываем груз при первом же удобном случае.

– Может, дадим осуществить доставку и тогда возьмем вместе с покупателем? – предложил один из коллег.

Идея всем понравилась, но решили действовать по обстановке, не исключено, что перегруз может быть не единственным.

– Нам нужно как можно больше машин и людей. Один на точке, остальные на старте. Как только нужная нам машина покидает порт, он дает сигнал фарами, двое садятся на хвост, остальному вас учить не надо. Действуем крайне осторожно, водители знают, что за товар везут, будут поглядывать по сторонам. Я остаюсь здесь и буду координировать группу. Как только врачи закончат с сестрами, психолог осторожно поговорит с ними о похитителях и других обитателей контейнера. Может, всплывет новая информация.

Когда вся группа покинула штаб, Линчеватель прошел в основной зал. Засыпал в кружку три ложки растворимого кофе и залил кипятком. Сел в сторонке и стал наблюдать за работой врачей. Вот так и он много лет назад

полностью дезориентированный озирался по сторонам и не мог понять, где он и что от него хотят.

Телефон разрывался от сообщений. Уже с первых донесений стало понятно, что напарник оказался прав, первая машина с «живым» грузом вышла через полчаса после того как они встали на позиции. Следом одна за другой потянулись остальные. Не все машины удалось отследить, были и промахи, не хватало людей, но девять машин, тоже неплохой результат. К семи часам утра комната наполнилась детьми, врачами и членами группы. Контактный человек из полиции уже выехал, дело оставалось за малым – это доставить покупателей в главный штаб. Отдавать их полиции группа не собиралась.

– Что будем делать с боссом турка? – спросил его вернувшийся с задания напарник. – Мы взяли только одну партию, а это крохи по сравнению с их масштабом.

Линчеватель показал ключ от банковской ячейки.

– Передадим все добытые улики нашему контакту в полиции и будем присматривать за расследованием.

Март 2018г.

Продолжение следует...